

ЧЕРНОБЫЛЬ

СНИ ИСПЫТАНИЙ

ПРОСВЕЩЕНИЯ

ЧЕРНОБЫЛЬ

дни испытаний

Книга свидетельств

Киев
«Радянський письменник»
1988

26 апреля 1986 года... Эта дата надолго останется в памяти человечества. Авария на Чернобыльской АЭС стала новой точкой отсчета в истории атомной энергетики, показала, насколько опасна вышедшая из-под контроля сила атома и как невероятно трудно справиться с ней.

В суровые и напряженные дни ликвидации последствий аварии на ЧАЭС ярко высветились грани советского характера — мужество и самоотверженность, верность долгу и стойкость духа, с особой силой проявилось «чувство семьи единой», вновь зримо, как в самые тяжелые времена, обозначилась кровная связь армии с народом, наше монолитное единство.

«Люди действовали и продолжают действовать, прямо скажу, героически, самоотверженно. Думаю, у нас еще будет возможность назвать имена этих отважных людей и оценить их подвиг по достоинству», — сказал М. С. Горбачев, выступая 14 мая 1986 года по советскому телевидению.

В первые же недели непредвиденной беды в особой зоне побывал целый ряд литераторов и журналистов Украины и других республик. В своих взволнованных статьях и очерках, опубликованных на страницах республиканских и центральных газет и журналов, они рассказали о многих наших соотечественниках, которые не колеблясь вступили в борьбу с грозным невидимым противником. И ценою невероятных усилий, а порой и ценою жизни, укротили огненную стихию, бушевавшую над поврежденным энергоблоком, пробрались в самое средоточие зла, чтобы установить там приборы, контролирующие обстановку, ежедневно несли опасные вахты у раскаленного реактора, спасали облученных, очищали от радиации поля, сады и жилье, сердечно принимали у себя переселенцев... Так начиналась летопись всенародного подвига, в итога которого было совершено невозможное, еще не виданное людьми, — надежно захоронен в саркофаге из стали и бетона аварийный реактор, созданы условия для нормального функционирования неповрежденных блоков АЭС, исключена возможность необратимых экологических нарушений в природе, защищены от загрязнения атмосфера, водохранилища, реки и поля.

Вслед за репортажами и очерками, написанными по горячим следам событий, в печати появились первые художественные произведения на эту тему — стихи и поэмы, в которых на высокой гражданской ноте звучат чувства тревоги, скорби и надежды, отображены высокие моральные качества советских людей, проявленные ими чувства взаимовыручки и интернационализма. Были опубликованы рассказы и повести, в которых не только описано происшедшее, но и заметно желание авторов проанализировать причины, приведшие к трагическому исходу, раскрываются социальные и нравственные аспекты этой сложной проблемы, звучат размышления о нашей общей ответственности за судьбу и благополучие мира.

Собранные вместе, эти документальные и художественные произведения составляют содержание сборника «Чернобыль. Дни испытаний». В нем помещены также интервью с видными учеными, освещающие некоторые важные вопросы отношений человека с мирным атомом и отдаленных последствий аварии, представлена подробная

хроника памятных событий, реакция на них международной общественности.

На страницах сборника запечатлены боль наших утрат и гордость за свершения советских людей в невиданной ранее борьбе, в нем обобщен уникальный опыт нашего решительного преодоления беды и звучит предостережение — атом не прощает легкомыслия, авантюризма, безответственности. Об этом нельзя забывать!

Сборник «Чернобыль. Дни испытаний» — наш земной поклон, наша благодарность всем тем, кто, рискуя своим здоровьем и жизнью, принимал участие в ликвидации последствий аварии, возрождал и продолжает возрождать к новой жизни обожженную радиацией землю, это — священная память о всенародном подвиге, который никогда не сотрется в истории человечества, не померкнет в веках.

ВЫСТУПЛЕНИЕ М. С. ГОРБАЧЁВА ПО СОВЕТСКОМУ ТЕЛЕВИДЕНИЮ

Добрый вечер, товарищи!

Все вы знаете, недавно нас постигла беда — авария на Чернобыльской атомной электростанции. Она больно затронула советских людей, взволновала международную общественность. Мы впервые реально столкнулись с такой грозной силой, какой является ядерная энергия, вышедшая из-под контроля.

Учитывая чрезвычайный и опасный характер того, что произошло в Чернобыле, Политбюро взяло в свои руки всю организацию работы по быстрой ликвидации аварии, ограничению ее последствий. Была образована правительственная комиссия, немедленно выехавшая на место происшествия, а в Политбюро для рассмотрения оперативных вопросов создана группа под руководством Николая Ивановича Рыжкова.

Вся работа, по сути, ведется круглосуточно. Задействованы научные, технические, экономические возможности всей страны. В районе аварии действуют организации многих союзных министерств и ведомств под руководством министров, ведущие ученые и специалисты, войсковые части Советской Армии и подразделения Министерства внутренних дел. Огромную долю работы и ответственности взяли на свои плечи партийные, советские и хозяйственные органы Украины и Белоруссии. Самоотверженно и мужественно трудится коллектив эксплуатационников Чернобыльской атомной электростанции.

Что же произошло?

Как докладывают специалисты, в период планового вывода из работы четвертого блока мощности реактора внезапно возросли. Значительное выделение пара и последовавшая затем реакция привели к

образованию водорода, его взрыву, разрушению реактора и связанному с этим радиоактивному выбросу.

Сейчас пока рано выносить окончательное суждение о причинах аварии. Предметом пристального рассмотрения правительственной комиссии являются все аспекты проблемы — конструкторские, проектные, технические, эксплуатационные. Разумеется, по итогам выяснения причин происшедшей аварии будут сделаны все необходимые выводы, приняты меры, исключающие повторение подобного.

Как я уже говорил, мы впервые столкнулись с такого рода чрезвычайным происшествием, когда потребовалось быстро обуздать опасную силу вышедшего из-под контроля атома и предельно ограничить масштабы аварии.

Серьезность обстановки была очевидной. Надо было срочно и компетентно оценить ее. И как только мы получили надежную первоначальную информацию, она стала достоянием советских людей, была направлена по дипломатическим каналам правительствам зарубежных стран.

На основе этой же информации стала разворачиваться и практическая работа по ликвидации аварии, ограничению ее тяжелых последствий.

В сложившейся ситуации мы сочли наипервейшим долгом, долгом особой важности — обеспечение безопасности населения, оказание эффективной помощи пострадавшим. В считанные часы были эвакуированы жители поселка при станции, а затем, когда стало ясно, что имеется потенциальная угроза здоровью людей в прилегающей зоне, они также были перемещены в безопасные районы. Вся эта сложная работа требовала предельной быстроты, организованности и четкости.

И все же принятые меры не смогли уберечь многих людей. В момент аварии погибли два человека: Шашенок Владимир Николаевич — наладчик систем автоматики, Ходемчук Валерий Иванович — оператор АЭС. На сегодня 299 человек госпитализированы с диагнозом лучевой болезни разной степени тяжести. Семеро из них скончались. Остальным оказывается вся возможная помощь. Привлечены лучшие научные и медицинские силы страны, специализированные клиники Москвы и других городов. В их распоряжении — современные средства медицины.

От имени ЦК КПСС и Советского правительства выражаю глубокое сочувствие семьям, родственникам погибших, трудовым коллективам, всем, кто пострадал от этой беды, кого постигло личное горе. Советское правительство позаботится о семьях погибших и пострадавших.

Самой высокой признательности заслуживают жители районов, которые сердечно приняли эвакуированных. Они восприняли несчастье соседей как свое собственное, в лучших традициях нашего народа проявили чуткость, отзывчивость и внимание.

В адрес ЦК КПСС и Советского правительства идут тысячи и тысячи писем, телеграмм советских людей, а также зарубежных граждан, которые выражают сочувствие и поддержку пострадавшим. Многие советские

семьи готовы взять детей на летнее время, предлагают материальную помощь. Имеется немало просьб о направлении для выполнения работ в районе аварии. Эти проявления человечности, подлинного гуманизма, высокой нравственности не могут не волновать каждого из нас. Помощь людям, повторяю, остается нашей первейшей задачей.

Одновременно с этим на самой станции и прилегающей территории проводится энергичная работа по ограничению масштабов аварии. В тяжелейших условиях удалось погасить пожар, предотвратить его распространение на другие энергоблоки. Персонал станции обеспечил остановку трех других реакторов и перевод их в безопасное состояние. Они находятся под постоянным контролем.

Суровый экзамен держали и держат все — пожарные, транспортники, строители, медики, специальные части химзащиты, вертолетчики и другие подразделения Министерства обороны, Министерства внутренних дел.

В этих сложных условиях многое зависело от правильной научной оценки происходящего, так как без этого нельзя было бы выработать и применить эффективные меры по борьбе с аварией и ее последствиями. С этой задачей успешно справляются наши крупные ученые Академии наук, ведущие специалисты союзных министерств и ведомств, Украины и Белоруссии.

Люди действовали и продолжают действовать, прямо скажу, героически, самоотверженно. Думаю, у нас еще будет возможность назвать имена этих отважных людей и оценить их подвиг по достоинству.

С полным основанием могу сказать: при всей тяжести случившегося ущерб оказался ограниченным в решающей мере благодаря мужеству и мастерству наших людей, их верности своему долгу, слаженности действий всех, кто принимает участие в ликвидации последствий аварии.

Эта задача, товарищи, решается не только в районе самой атомной электростанции, но и в научных институтах, на многих предприятиях страны, которые обеспечивают всем необходимым тех, кто непосредственно ведет нелегкую и опасную борьбу с аварией.

Благодаря принятым эффективным мерам сегодня можно сказать: худшее позади. Наиболее серьезные последствия удалось предотвратить. Конечно, под случившимся рано подводить черту. Нельзя успокаиваться. Впереди еще большая, продолжительная работа. Уровень радиации в зоне станции и на прилегающей к ней территории сейчас еще остается опасным для здоровья людей.

Поэтому первоочередной задачей на сегодняшний день являются работы по ликвидации последствий аварии. Разработана и осуществляется широкая программа дезактивации территории электростанции и поселка, зданий и сооружений. Для этого сосредоточены необходимые людские и материально-технические ресурсы. В целях предотвращения радиационного загрязнения водного бассейна проводятся мероприятия как на самой станции, так и на прилегающей территории.

Организации метеослужбы ведут постоянное наблюдение за радиационной обстановкой на земле, на воде и в атмосфере. Они оснащены необходимыми техническими средствами, используют специально оборудованные самолеты, вертолеты и пункты наземного контроля.

Совершенно ясно: вся эта работа займет немало времени, потребует немалых сил. Она должна проводиться планомерно, тщательно и организовано. Надо привести эту землю в состояние, абсолютно безопасное для здоровья и нормальной жизни людей.

Не могу не остановиться еще на одной стороне этого дела. Я имею в виду реакцию за рубежом на то, что произошло в Чернобыле. В мире в целом, и это следует подчеркнуть, с пониманием отнеслись к постигшей нас беде и нашим действиям в этой сложной обстановке.

Мы глубоко благодарны друзьям из социалистических стран, проявившим солидарность с советским народом в трудный момент. Мы признательны политическим и общественным деятелям других государств за искреннее сочувствие и поддержку. Мы выражаем добрые чувства зарубежным ученым и специалистам, которые проявили готовность оказать содействие в преодолении последствий аварии. Хочу отметить участие американских медиков Р. Гейла и П. Тарасаки в лечении больных, а также поблагодарить деловые круги тех стран, которые быстро откликнулись на нашу просьбу о закупке некоторых видов техники, материалов, медикаментов.

Мы должным образом оцениваем объективное отношение к событиям на Чернобыльской атомной электростанции со стороны Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) и его генерального директора Ханса Бликса.

Иными словами, мы высоко ценим сочувствие всех, кто с открытым сердцем отнесся к нашей беде и нашим проблемам.

Но нельзя оставить без внимания и политической оценки и то, как встретили событие в Чернобыле правительства, политические деятели, средства массовой информации некоторых стран НАТО, особенно США. Они развернули разнузданную антисоветскую кампанию. О чем только ни говорилось и ни писалось в эти дни — о «тысячах жертв», «братских могилах погибших», «вымершем Киеве», о том, что «вся земля Украины отравлена» и т. д.

В общем, мы столкнулись с настоящим нагромождением лжи — самой бессовестной и злопыхательской. И хотя неприятно упоминать обо всем этом, но надо. Надо, чтобы международная общественность знала, с чем нам пришлось столкнуться. Надо для того, чтобы ответить на вопрос: чем же на самом деле была продиктована эта в высшей степени аморальная кампания?

Ее организаторов, конечно же, не интересовали ни истинная информация об аварии, ни судьбы людей в Чернобыле, на Украине, в Белоруссии, в любом другом месте, любой другой стране. Им нужен был повод для того, чтобы, уцепившись за него, попытаться опорочить

Советский Союз, его внешнюю политику, ослабить воздействие советских предложений по прекращению ядерных испытаний, по ликвидации ядерного оружия и одновременно смягчить растущую критику поведения США на международной арене, их милитаристского курса. Если говорить начистоту, некоторые западные политики преследовали вполне определенные цели: перекрыть возможности выравнивания международных отношений, посеять новые семена недоверия и подозрительности к социалистическим странам.

Все это отчетливо проявилось и на встрече руководителей «семерки», проходившей недавно в Токио. О чем поведали они миру, о каких опасностях предупредили человечество? О Ливии, бездоказательно обвиненной в терроризме, а еще о том, что Советский Союз, оказывается, «недодал» им информации об аварии в Чернобыле. И ни слова о самом главном: как прекратить гонку вооружений, как избавить мир от ядерной угрозы. Ни слова в ответ на советские инициативы, на наши конкретные предложения о прекращении ядерных испытаний, избавлении человечества от ядерного и химического оружия, сокращения обычных вооружений.

Как все это понимать? Невольно складывается впечатление, что лидеры капиталистических держав, собравшиеся в Токио, хотели использовать Чернобыль как повод для того, чтобы отвлечь внимание мировой общественности от этих неудобных для них, но таких реальных и важных для всего мира проблем.

Авария на Чернобыльской станции, реакция на нее стали своего рода проверкой политической морали. Еще раз обнажились два разных подхода, две разные линии поведения.

Правящие круги США и их наиболее усердные союзники - среди них я бы особо отметил ФРГ - усмотрели в происшествии лишь очередную возможность поставить дополнительные преграды на пути развития и углубления и без того трудно идущего диалога между Востоком и Западом, оправдать гонку ядерных вооружений. Мало того, была сделана попытка вообще доказать миру, что переговоры, а тем более соглашения с СССР, невозможны, и дать тем самым «зеленый свет» дальнейшим военным приготовлениям. Мы восприняли эту трагедию совсем по-другому. Мы понимаем: это еще один удар колокола, еще одно грозное предостережение о том, что ядерная эпоха требует нового политического мышления и новой политики.

Это еще больше укрепило нас в убеждении, что внешнеполитический курс, выработанный XXVII съездом КПСС, верен, что наши предложения о полной ликвидации ядерного оружия, прекращении ядерных взрывов, создании всеобъемлющей системы международной безопасности отвечают тем неумолимо строгим требованиям, которые предъявляет к политическому руководству всех стран ядерный век.

Что же касается «недостатка» информации, вокруг чего развернута специальная кампания, причем политического содержания и характера, то вопрос этот является в данном случае надуманным. И что это так,

подтверждает следующее. У всех в памяти то, что американским властям понадобилось десять дней, чтобы проинформировать собственный конгресс, и месяцы, чтобы поставить в известность мировое общество о том, какая трагедия произошла на АЭС «Тримайл айленд» в 1979 году.

Как поступили мы, я уже сказал.

Все это дает возможность судить о том, кто и как относится к информированию собственного народа и зарубежных стран. Но суть дела - в другом: мы считаем, что авария на Чернобыльской, равно как и аварии на американских, английских и других атомных станциях, ставит перед всеми государствами очень серьезные вопросы, которые требуют ответственного отношения.

Сегодня в различных странах мира работают более 370 атомных реакторов. Это реальность. Будущее мировой экономики трудно представить без развития атомной энергетики. В нашей стране сейчас действуют 40 реакторов общей мощностью свыше 28 миллионов киловатт. Как известно, мирный атом приносит немало пользы человечеству.

Но, разумеется, все мы обязаны действовать с еще большей осмотрительностью, сконцентрировать усилия науки и техники на обеспечении безопасного освоения великих и грозных сил, заключенных в атомном ядре.

Для нас непререкаемый урок Чернобыля состоит в том, что в условиях дальнейшего развертывания научно-технической революции вопросы надежности техники, ее безопасности, вопросы дисциплины, порядка и организованности приобретают первостепенное значение. Нужны самые строгие требования везде и во всем.

Далее. Мы считаем необходимым выступить за серьезное углубление сотрудничества в рамках Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). О чем можно было бы подумать?

Первое. Создать международный режим безопасного развития ядерной энергетики на основе тесного сотрудничества всех государств, занимающихся атомной энергетикой. В рамках такого режима необходимо наладить систему оперативного оповещения и предоставления информации в случае аварии и неполадок на АЭС, в особенности когда это сопровождается выходом радиоактивности. В равной мере требуется отладить международный механизм, как на двусторонней, так и многосторонней основе, в целях быстрее оказания взаимной помощи при возникновении опасных ситуаций.

Второе. Для обсуждения всего этого комплекса вопросов было бы оправданным созвать высокоавторитетную специальную международную конференцию в Вене под эгидой МАГАТЭ.

Третье. Учитывая, что МАГАТЭ было создано еще в 1957 году и его ресурсы и штаты не соответствуют уровню развития современной ядерной энергетики, было бы целесообразным повысить роль и возможности этой уникальной международной организации. Советский Союз готов к этому.

Четвертое. По нашему убеждению, к мерам по обеспечению безопасного развития мирной ядерной деятельности необходимо более

активно подключить ООН и такие ее специализированные учреждения, как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП).

При всем этом нельзя забывать, что в нашем взаимозависимом мире существуют, наряду с проблемами мирного атома, проблемы атома военного. Это сегодня - главное. Авария в Чернобыле еще раз высветила, какая бездна развернется, если на человечество обрушится ядерная война. Ведь накопленные ядерные арсеналы таят в себе тысячи и тысячи катастроф, куда страшнее чернобыльской. В условиях, когда внимание к ядерным вопросам обострилось, Советское правительство, взвесив все обстоятельства, связанные с безопасностью своего народа и всего человечества, приняло решение продлить свой односторонний мораторий на ядерные испытания до 6 августа нынешнего года, то есть до той даты, когда более 40 лет назад на японский город Хиросима была сброшена первая атомная бомба, что повлекло за собой гибель сотен тысяч людей.

Мы вновь призываем Соединенные Штаты со всей ответственностью взвесить меру опасности, нависшей над человечеством, и прислушаться к мнению мирового сообщества. Пусть те, кто стоит во главе США, делом продемонстрируют свою заботу о жизни и здоровье людей.

Я подтверждаю свое предложение президенту Рейгану встретиться безотлагательно в столице любого европейского государства, которое будет готово нас принять, или, скажем, в Хиросиме, и договориться о запрете ядерных испытаний.

Ядерный век властно требует нового подхода к международным отношениям, объединения усилий государств различных социальных систем во имя прекращения губительной гонки вооружений и радикального улучшения мирового политического климата. Тогда расчистятся широкие горизонты плодотворного сотрудничества всех стран и народов. В выигрыше от этого будут все люди Земли!

14 мая 1986 г.

ОТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

На Чернобыльской атомной электростанции произошла авария, поврежден один из атомных реакторов. Принимаются меры по ликвидации последствий аварии. Пострадавшим оказывается помощь. Создана правительственная комиссия.

29 апреля 1986 года.

Борис ОЛЕЙНИК
дорога на чернобыль

I

Честна во всем,
 свободная от пыли,
Она для всех открыта, всем ветрам,—
Для тех, что, срам приимя,
 жизнь купили,
И тех, что имут...
 вечность, а не срам.

...Цветет весна,
 полна надежд мажорных,
Парует ярь, дымится оболонь,
Как будто роботы на плечах пожарных,
Тех — самых первых,
 кто шагнул в огонь.

Весне простите,
 матери и жены,
За то, что выше муки и тоски
Звенит вовсю ее набат зеленый,
Зовет: «Люби!» -
 и души, и ростки.

Простите крик счастливого рожденья
И роженицы долю и юдоль,—
Восходит жизнь!
 И вечного движенья
 Не остановит ни огонь, ни боль.
Ничем не пособить такой утрате —
На свете нет всесильных лекарей.
И только смех наивного дитяти
От скорби пробуждает матерей.

Всем миром мы избудем горе,
 чтобы
Накрыла зло бетонная ладонь!
И будем жить,
 и будем помнить роботы
Сынов земли, низвергнувших огонь.

...Склонись, мой город» веком опаленный,
В кручине отчей к вишне молодой.
Сорвись, мой голос, ветром оперенный,

С высот небесных вешнею водой, -
И вымой все в Чернобыле пороги
До чистоты, как исповедь святой.
И уступи дорогу
 по дороге
Идущим в вечность — как недавно в бой.

II

Запоминай, дорога, их следы.
Они — чисты, да так,
 что детям можно
Мчат босиком вослед им бестревожно,
У спецмашины не прося воды...
Запоминай, дорога, их следы.
По ним на Припять,
 к струям летописным,
Вернутся люди в гнезда утром чистым.
И возвратятся аисты в сады
 ...Не забывай, дорога, их следы.

III

Не спутай только их, дорога, ты
Со следом тех,
 кто с линии форпоста
Так удирал... непринужденно просто,
Забыв и про чины, и про посты.
Ты их и на последнем рубеже
Узнаешь без дозиметра —
 по клеймам
От черного распада ставшей тленом
Души, неприкасаемой уже...
...И на последней не прости меже.

IV

А тем, кто, невзирая на посты,
Кто из глубинки и с высот инстанций
Спешил в Чернобыль под крыло акаций, -
Ты подари бессмертника цветы!
И сбереги навеки их следы:
Они — чисты, да так,
 что детям можно
Мчат босиком вослед им бестревожно,
У спецмашины не прося воды...
Ты поцелуй, дорога, их следы.

Галина КОВТУН

жили, как лебеди

В ту апрельскую ночь начальником дежурного пожарного караула был лейтенант Владимир Правик. Он первым ступил навстречу атомной беде. И стоял, пока хватило сил, пока не потерял сознание. Осталась его мать, жена, дочурка, друзья, товарищи. И письма, много писем. И фотографии.

Вот Владимир Правик с женой Надеждой на снимке из семейного альбома. Районный фотограф в Чернобыле не особенно мудрил, снимая эту юную симпатичную пару сразу же после регистрации брака. И потому поставил их в обычную «свадебную» позу: жених — во весь рост (а он, шутя, еще и прическу с пробором соорудил), невеста, как водится, — на стуле рядом. А вокруг на полу — маленькие светлые цветочки. Володя рассыпал их незаметно и шепнул: «Это чтобы столько детей у нас было — согласна?» А она и не успела ему ответить — вспыхнули софиты. И вот такой получился снимок.

Не знал чернобыльский фотограф, что снимает эту молодую пару для истории. И молодые не знали. Да и не до того им было. Они от радости были просто ошеломлены, ведь это же день их свадьбы. И все в природе было наполнено величавостью и тишиной. Все звучало жаждой жизни: зеленые травы и леса, буйные огороды, пышные сады. Все было за то, чтобы эта красивая молодая пара прожила долгие годы в счастье, радости и добре. А почему бы и нет? Володя, выпускник Черкасского пожарного училища, лейтенант, получил хорошее назначение — в Чернобыль. Сам попросился. Он отсюда родом. Тут живет мама, которую он очень любит. Тут «атомка». Он был рад этому назначению. Дело новое, сколько интересного, какие перспективы. Надя... Она заканчивала Черкасское музыкальное училище и должна была, как только получит диплом, приехать к мужу в Припять. И тогда им дадут квартиру. Все это будет через год. Но что такое год в сравнении с вечностью их любви! Он минет быстро. И потом — они будут писать друг другу письма. И они писали. И написали за четыре года знакомства и супружеской жизни восемьсот писем.

Как-то, когда Володя был на ночном дежурстве, в карауле, а за окном так тревожно шумели ветви деревьев, и вечер терся щекой об окно их квартиры, и Надя думала, о муже (она всегда о нем думала, ведь служба у него такая!), почему-то захотелось перечитать письма. Вот тогда-то и пересчитала их. Сложила все ровненько стопками и

перевязала ленточками. Пусть живут в их доме. Тогда она даже не удивилась тому, что их так много. Она привыкла, что Володя всегда и во всем щедрый — в любви, в службе, в дружбе с товарищами, в нежном отношении к матери, в музыке, в стихах.

А какой огромной была у него жажда говорить, общаться, делиться мыслями и планами! Тонкий, деликатный, сдержанный, он подчас не мог доверить речи то, что было для него уж очень дорогим и сокровенным, и тогда все его нежные признания ложились на лист бумаги.

Теперь Надя часто вспоминает, как они познакомились. И все, каждый их совместный день, и каждое слово, и жест, и взгляд, — все-все приобрело особенный смысл и звучание. А тогда это были лишь мгновения, эпизоды, штрихи их общей биографии. На все лег отблеск огня чернобыльского, от которого холодеет душа. И теперь она идет по тем тропинкам и дорогам, где было так много всего: солнца, радости и любви, осознавая бесценность каждой прожитой вместе минуты.

Разве он знал, разве знала она, что те письма станут его завещанием — как ей жить, как ей быть дальше. Что в минуты наибольшего горя придут и станут перед глазами строки: «Родная моя, любимая моя, навеки единственная — жена моя несравненная, мой маленький зайчонок». И еще много других слов. И оживет его голос. И заполнит собой весь мир. И меньше станет горя в их доме. И она возьмет на руки маленькую дочурку их Наталочку и будет шептать ей нежные слова. Будто это папа их говорит. Отец, переступивший порог вечности, когда малышке исполнился месяц. Именно в ту ночь, через месяц после ее рождения, — в Московской клинике № 6. Весной, когда вся природа звала: жить!

А еще вспоминается ей во вдовьей бессоннице другая ночь — новогодняя. Когда они впервые встретились. На Новый, 1982 год Надя должна была приехать из училища к родителям в Городище. И не поехала. Случайность? А может быть, и нет? Может быть, есть на свете та неуловимая, незримая сила, что прокладывает и сводит дороги двух молодых людей? Ведь почему-то не на автобусную станцию, а в пожарное училище на вечер пошла

Надя с подругой.

Оно тогда все играло огнями, струилось музыкой. Девушки переступили порог и встали в уголке. А бал несся мимо них в вихре серпантина, взрывов конфетти. И отблески курсантских погон лучились веселыми зайчиками на лицах девушек. Было радостно и звонко. И тут вдруг Надя услышала рядом веселый голос, явно рассчитанный на то, чтобы быть услышанным:

— Как ты полагаешь, Саша, вон той маленькой, с родинкой на щеке, — сколько ей лет?

Симпатичный курсант обращался к Деду-Морозу, больше смахивающему на веселого разбойника. Второй голос в тон ему иронично ответил:

— Да так, годиков двенадцать будет. А что, Володя, тебя заинтересовал этот детский сад?

Надя насторожилась. Еще скажут: «Не пора ли вам домой, детвора?» И непроизвольно поднялась на цыпочки. Но эта хитрость мало что прибавила к ее маленькому росту. Конечно, очень обидно слышать такое, когда тебе уже все шестнадцать.

Но когда поплыл волнами медленный танец, тот над голос произнес:

— Разрешите вас пригласить, Дюймовочка!

Мелодии сменяли одна другую. А партнером ее был все тот же курсант, который представился: «Володя». И домой ее проводил: «Чтоб никто маленьких не обидел».

Он покорила «детсад» сразу. Тогда-то и написал ей свое первое письмо. Сразу, в тот же вечер, после бала. Так началась их переписка. В письме он признался ей и в любви. Это было в январе. Предложил руку и сердце — это было в феврале. При встрече Надя просила Володю:

— А ты скажи то, что написал.

Он отделялся шуткой и обещал:

— Я напишу. Еще раз напишу.

И действительно писал. Это было как игра. Очень серьезная игра, за которой стояло большое чувство. Это была как музыка. Его письма были как музыка. Слова — ноты, за которыми вставляли образы их настоящего и будущего счастья. Она, музыкант, понимала: цена его слов так высока. Он их никому не может доверить: ни солнцу, ни ветру — только ей. Своей любимой.

Почтальон приносила сразу и по два и по четыре письма. Бросала прямо в форточку, и они влетали, как белые, чистые голуби, и несли на своих крыльях слова, понятные только двоим.

Володя писал ей о своей работе «на атомке», об учебных тренировках: «трудно в учебе — легко в бою», о своих отношениях с товарищами и начальством, призывал скорее заканчивать курс наук и приезжать навсегда в прекрасный новый город Припять.

Когда Надежда получила диплом об окончании музыкального училища, она приехала. Им дали однокомнатную квартиру на окраине города — за окном начинается лес. И это было прекрасно. Володя сразу издал два «приказа» по их семейному «экипажу»:

Первый. Отныне стиральная машина, пылесос и «авоська» навечно переходят в его собственность — как орудие труда.

Второй. В пожизненное пользование передается ему также и кладовка, которая по проекту должна была служить для домашних банок-склянок, а теперь послужит высшей цели: тут будет твориться светомузыка и разместится фотолаборатория. Приказы отменить никто не может, опротестованию они не подлежат.

В этой кладовке, на специальном стенде, он разместил свое оборудование: пилочка, паяльники... «Диоды-триоды», как шутила Надя. Все в идеальном порядке. Тут он колдовал в свободный от работы и занятий час. «Самая любимая моя книга — «Справочник радиолобителя», — шутил не раз. Он очень любил творить светомузыку. Работал долго, напряженно, часто за счет сна — и потом отдавал друзьям. Он сам нес в себе свет — любви к жизни, к друзьям, к родным. Он нежно любил своего меньшего брата. И в день его рождения — парню исполнялось шестнадцать — обещал подарить ему ту «музыку». Он спешил: до именин осталось совсем немного времени, — и почти закончил работу. Другие события, отмеченные черной датой — 26 апреля, — тенью легли на этот свет. И эта неоконченная «музыка» больше никогда не зазвучит.

Но разве думали они о каких-то черных днях? Никогда. Вообще, этот год дарил им столько праздников. В апреле родилась их доченька. В мае шестнадцатилетие брата.

Дальше — полувековой юбилей отца и серебряная свадьба отца и матери. А кроме того, Володя должен был поступать в академию. Он тщательно готовился, и вместе с Надей они засиживались над учебниками, конспектировали. Жизнь только начиналась.

Надежда работала в детском садике музыкальным руководителем, Володя — начальником караула. Он приносил в дом свои заботы: то никак не удается «выбить» квартиру кому-то из его ребят, то нужно «протянуть» в «Комсомольском прожекторе» кого следует, потому как «хоть он мне и друг, но истина дороже». Или еще перепало от начальства, полный разнос: не так провел тренировочное занятие. «Понимаешь, он меня спрашивает: «Где твое место как командира?» — «Впереди» — отвечаю. «Неправильно, — говорит он мне, — Что ты свою голову всюду суешь? Посылай на огненные точки подчиненного, ты же командир». Я его, конечно, пошлю. И все же туда, где «самое-самое», — пойду сам. А вдруг что-нибудь? Как я потом его жене в глаза смотреть буду? Понимаешь?»

Она, жена Владимира Правика, пожарного, все это, конечно, понимала. Только никогда не спрашивала: «А обо мне ты подумал, когда шел в это самое опасное место?» Как-то не приходило в голову

такое спрашивать. Это было естественно. Это было сущностью его характера — все самое сложное брать на себя.

Такой внимательный, мягкий в поведении с людьми, он становился твердым как гранит, когда речь шла о чем-то главном, существенном. Особенно по работе. Он был противником всяческого принуждения в отношениях с подчиненными. Человек должен понимать, на что он идет. Чувство долга выше силы приказа. Он мог, вопреки собственной выгоде и личным интересам, отстаивать права своих ребят. Это не всегда правилось начальству. Это начальство даже приходило к ней, Наде, жаловаться, что Правик подрывает его авторитет. Как-то в минуту гнева «оно» даже написало на него характеристику, где были слова: «не умеет работать с людьми», «зарабатывает дешевый авторитет» и даже «трус». Правда, само же начальство эту характеристику и порвало.

Разве могла она, как жена, подействовать на Правика? Разве могла ему сказать: молчи, если нужно было отстаивать свою правоту? Зачем тебе это? Что ты с этого будешь иметь? Есть много жалких слов и «полезных советов», после которых потом не сможешь посмотреть человеку в глаза. Как есть много взглядов на жизнь и жизненную позицию. Один обойдет гору, а другой пойдет навстречу неприятностям, опасности, смерти. И будет прав по закону высшей человеческой чести и долга.

Прав. Правик. Да у него и фамилия под стать характеру. И это уже — как судьба. И ее тоже. Она любила, когда он приходил с работы и еще с порога приказывал:

— Полчаса на сборы — и в лес.

Они выводили во двор свой личный транспорт — велосипед. Надя садилась на раму, и Володя по-школярски мчал по улице в сторону леса. Они находили черничные места и возвращались домой «как негры». Варили вареники. Приходили друзья. К ним всегда кто-нибудь приходил: соседи — за инструментом, товарищи — за каким-то советом по технике, фотоделу или просто переброситься несколькими словами, попить чайку на кухне и поговорить о работе, жизни.

Эти разговоры «о жизни» были их отрадой и великой привилегией. Володя часто говорил: давай-ка побродим, поговорим.

Поводом для разговоров было все. Ведь им необходимо было выяснить столько непростых истин. Они же были такие молодые и открывали мир для себя заново. Утверждались в одних позициях, отбрасывали другие. Они искали смысл жизни. Это было для них очень важно. Спорили и соглашались, радовались, когда находили подтверждение своим мыслям и чувствам, огорчались и сердились,

когда приходилось убеждать друг друга в том, что казалось одному из них таким очевидным.

Или просто бродили тихими вечерами, наслаждались жизнью и молодостью, уверенные, что так будет всегда. И читали друг другу стихи. Были в них строки и радостные и печальные. А еще любили они вместе петь, слушать музыку, печатать фотографии. Готовили к праздникам на Володину работу «капустники» — веселые и остроумные.

Были у них и свои сюрпризы. Особенно они удавались Володе. Приходила Надя с работы, а в доме все убрано, обед приготовлен, на столе — цветы. Или такое: каждый занимается своим делом. И вот Володя выходит из своей «лаборатории», как он стал уважительно называть ту кладовку, садится за стол и начинает писать. Надя спрашивает:

- Что ты там пишешь?
- Письмо.
- Кому?
- Тебе.
- Скажи так.
- Так неинтересно.

И весь светится своей необычной улыбкой. Заклеивает письмо в конверт и кладет в карман. Как выйдет из дому — бросит его в почтовый ящик. А через день-два приходит письмо на ее имя. И в нем — те слова, что ни солнцу не увидеть, ни ветру не услышать, потому что принадлежат они одному человеку — Любимой.

Когда тебя так любят — очень трудно оставаться на высоте. Потому что любовь, как и слава, — великое испытание для человека. Когда всего так много — обязательно чего-то не хватает. Чего? Тут женщины очень большие «изобретатели». Обязательно что-нибудь придумают. Надя не была исключением. Как-то вечером, когда у Володи выпало срочное дело, она сказала:

- Правик, пошли в кино.
- Из «лаборатории» послышалось:
- Извини, но... завтра.
 - Нет, только сегодня.
 - Ну никак.
 - Ах, тогда я пойду сама.

И пошла. Начался киножурнал, а настроения смотреть никакого. Началось кино — еще хуже стало. Тихонько пробралась между рядами — и домой. Подходит, а Правик стоит на балконе, как будто специально вышел ее встречать, как будто наперед знал. И такая у него родная улыбка, и так он на нее смотрит, немного иронично и по-доброму.

Это был не единственный семейный инцидент. Надя — натура эмоциональная, взрывная. «Музыкальная», — говорил Володя. Она «взрывалась», казалось, без причин, Особенно когда они ждали своего маленького. Но Володя оставался все таким же доброжелательным и спокойным. И все те «взрывы» разбивались о его рассудительность и спокойствие. Надя сама начинала эти нападения и сама потом мирилась. Как-то она поймала себя на мысли, что создается такое впечатление, будто ссорится и мирится, она сама с собой, и ей стало не по себе. И совсем не интересно.

А еще был у них свой условный пароль, слово-заклинание. Когда Володя шел в караул, она обязательно его произносила:

— Не гори!

Пароль пожарных. Тех, кто имеет дело с огнем, кто идет в огонь и постоянно рискует. Часто — жизнью. Один раз утром Володя тихо собрался на работу: не будил ее. В садике должен был состояться утренник, чтобы его «музыкантша» была в форме — пусть поспит лишний час. Надя услышала только, как тихо затворилась дверь. Пошел! И как будто катапульта тревоги выбросила ее из теплого сна. Пошел — не попрощался. И она, накинув пальто, выскочила следом.

— Правик!

Оглянулся, увидел, по губам прочел:

— Не гори!

А еще, бывало, она ревновала своего Правика. Это когда родилась их Манюня.

Володя так ее называл. Хотя имя ей они наперед дали, еще задолго до рождения, назвали по имени мамы Правика — Натальей. «А вторую дочку назовем Ольгой — в честь твоей мамы. Дальше пойдут мальчишки», — агитировал Володя. А ревность? Это раньше все внимание принадлежало ей одной. А теперь — и Манюне. В записках в больницу — о ней. Все заботы — о «приданом»: «Чтоб забрать из больницы как принцессу». И даже когда цветы покупал — пышные красные тюльпаны, тоже два букета.

Он сам дочурке и кроватку смастерил. И такая получилась красивая кроватка! Цветы вырезал на ней, голубей, да еще и веселыми красками расписал. Как песня!

В тот апрельский вечер Володя, как обычно, был на службе в карауле. Надя выкупала Наталку, накормила и положила спать в расписную кроватку. А сама занялась стиркой. В открытое окно залетали весенние запахи леса и поля, многоголосие города. Был вечер перед выходным днем. Надя думала о том, что завтра утром они с Правиком поедут в Чернобыль, к маме Наталье, помогут ей копать огород и садить картошку.

Шла весна. Все пробуждалось к жизни. Было радостно и покойно на душе. Вдруг забежал Володя.

— Ты чего? — спросила, не отрываясь от стирки.

— Магнитофон возьму. Нужно с хлопцами что-нибудь веселое к Первому мая записать.

Взял магнитофон. И к кровати.

— Еще Манюню поцелую.

И ушел. Спешил. А она, как всегда, сказала ему вслед:

— Не гори, Правик!

Он на миг остановился, понимающе улыбнулся и махнул ей на прощанье рукой.

Разве знала она, разве знал он, что через несколько часов случится на их «томке» беда и Володя первым пойдет в огонь? Лейтенант Владимир Правик первым встретит страшную угрозу атомного огня, преградит ей дорогу, будет там, где наиболее опасно. Будет стоять до конца, как боец, над страшным жерлом реактора... Он получил сотни рентгенов и прожил еще шестнадцать дней. Все эти дни с ним была мама, Наталья Ивановна. Врачи только ей разрешили. А Надя оставалась с ребенком, с Манюней. Володя написал ей письмо, последнее. Увиделись они только еще один раз в Москве, в клинике, Володя держался очень мужественно. И все просил ее:

— Ты уже иди. Там же Манюня. Она плачет. Я очень скоро вернусь. Я тебе обещаю. Я буду жить.

Он буквально выпроваживал ее. Он знал, что и сам уже стал поврежденным реактором, который излучает эти страшные рентгены.

Похоронили его в Москве со всеми воинскими почестями, как героя. И Надя с Манюней положили на могилу два букета тюльпанов. Она сюда часто ездит, ездит мать, Наталья Ивановна, проведать сына. А в Черкассах в училище установлен в честь пожарных-чернобыльцев памятник. И часто можно видеть, как к этому памятнику приходит еще такая юная женщина, повязанная черным платком, с маленькой дочкой на руках. Кладет цветы и долго-долго стоит молча. Это она, Надя, с Правиком о своем говорит. А с белой березы слетает прихваченный осенью лист и тихо ложится на гранит.

О своем сыне Володе и жене его Наде сказала мне Наталья Ивановна:

— Это была такая красивая пара!

Наталья Ивановна маленькая, худенькая, в трауре. Она напоминает тяжело раненную птицу, в которую попала молния.

А про их любовь мне рассказали Володины друзья и тот самый Сашко, Александр Волковский, с которым они в ту памятную ночь вместе познакомились с «детсадом». И потом дружили домами, даже «посватали» шутя детей своих. У Сашки — сын Максим, у Володи — дочка Наталья. Александр проведаль Володю в клинике за три часа до его смерти. Удалось прорваться. Правик был верен себе, держался мужественно, все повторял: «Я буду жить!» Последние его слова были о дочери Наташе, жене

Наде. А рядом тихо плакала мама. Это Александр сказал про Володю и Надю Правиков: «Жили, как лебеди».

А письма... Вот они, их привезла Надя из Припяти, когда ей позволили там побывать. Они как будто еще хранят тепло их дома, а еще на них горячий след последних событий. Надя перебирает конверты, читает то одну, то другую страницу. И слезы все катятся, катятся по ее щекам. Временами по ее лицу пробегают легкая улыбка: вспомнила о чем-то. Оно на мгновение становится просветленным, очень юным и таким прекрасным. И снова — печаль. «В шестнадцать лет — невеста. В двадцать — вдова». Это кто же так посчитал их года? Темный платок на голове: так его и не снимает.

А рядом — Наталочка, Манюня. Она уже бежит — время идет! Дочь — вылитый папа. Сначала жили в Городище на Черкасщине, у родителей Нади. Потом переехали в Киев.

И еще один штрих к этой истории. Друзья Владимира Павловича Правика пишут коллективные письма дочери своего командира и товарища: Наталье Владимировне. О том, каким человеком был ее отец. Пусть будут и они в их доме. В самом конце нашего рассказа поместим несколько писем Владимира Правика своей жене Надежде, несколько из восьмисот.

Здравствуй, Надя!

Ты, наверное, еще не открыв письма, догадалась, кто это пишет. Конечно, я, Володя. Вот решил поделиться с тобой некоторыми мыслями. А если взять во внимание, что с человеком за сутки столько всего происходит, то можно написать целую поэму. А у меня только письмо. Я думаю над тем, что ты говорила о противоречиях своего характера. Так и должно быть. В человеке всегда борются добро и зло. И вся суть — в борьбе, в столкновении наших двух внутренних «я» и рождается истина. И чем ожесточеннее эта борьба, тем будет точнее истина, тем поступок станет обоснованнее. Так происходит становление личности. Старайся, чтобы в этом становлении побеждали свет и добро. А то, что я стал мишенью твоих нападок, меня радует. Штурмуй, круши меня, и эти бомбардировки станут мне хорошим

уроком психологии, ведь я буду в будущем командиром-воспитателем. До свиданья!

Володя.

Январь 1982 года. Черкассы.

Огромный, пламенный тебе привет! Я счастлив, что встретил человека, которому можно сказать о радостях, заботах и печалях, зная, что он все поймет, все оценит. Мне кажется, что я знаю тебя давно, так будет всегда. Потому что не родился еще тот соперник, который мог бы стать на моем пути. Я его сожгу огнем своего чувства. Вот так.

Правик.

Март 1982 года. Черкассы.

Здравствуй, родная!

3 часа 36 минут ночи. До утра совсем мало осталось, до конца смены моей тоже. Дежурство прошло спокойно. Могу тебя обрадовать, чтобы ты не волновалась, милая. Вчера на моем дежурстве обеспечивали порядок на Республиканском стадионе, где проходит праздник 1500-летия Киева. Нет слов, чтобы передать эту красоту. Впечатление громаднейшее: представляешь — сто тысяч зрителей. Люди, люди и люди. Такие радостные, счастливые. Я просто онемел от переполнявшей меня радости и гордости. Как жаль, что не было тебя рядом, обидно, что я все это видел, а ты — нет.

Как я хочу домой, в училище, ведь Черкассы стали для меня вторым моим домом. Сейчас все наши уже, наверное, поприезжали со стажировки. Встретиться бы. Вернуться к тебе, мой цветочек. Я уже наострил уши ехать, но что-то команды нет и нет. Обидно, до слез обидно.

Но скоро мы будем вместе, и, как мы будем жить, покажет самый главный судья, мерило всех и вся — Время.

До скорого свидания!

Твой Володя.

28 мая 1982 года.

Моя милая! Мой розовый нежный цвет! Ты живешь во мне, цветешь цветком любви, и никогда не отцветет этот розовый цвет, не ослабнет яркость красок. Будь нежной, словно голубка, верной, как лебединая верность.

Мои дела идут так себе. Уже исколесил весь район, даже в Белоруссию ездил. Ну, ничего. Понемногу работа налаживается. Еще месяц — и я начну работать по-настоящему, по-пожарному.

Напиши, как ты проводишь каникулы, как работаешь на стройке, как твоя музыка. Будь счастлива!

Твой пожарный.

Июль 1982 г. Чернобыль.

Моя дорогая! Я писал тебе, что осенью уйду в отпуск и приеду. Это, наверное, не получится, хотя я так ждал нашей встречи. По ты меня поймешь и не будешь обижаться. Ведь я и мои товарищи начинают с нуля, и это очень трудно. За этот месяц мы уже немного сколотили скелет нашей «службы», надо, чтобы он оброс чем-то стоящим. Вот сколько это будет длиться? Первое мое дежурство — самое первое во вновь образовавшейся СВПЧ-6, так называется моя часть, и караул у меня самый первый. Ребята попались хорошие, все понимают. Знают, что трудно, и помогают.

Начались дежурства, а с ними немножко появилось больше времени: как раз хватает на письмо.

Прости, что пишу другими чернилами. В этой «напряженке» ручку потерял и вот одолжил у брата Вити и продолжаю свою писанину.

Буду заканчивать, а то пишу его уже три дня. Тебе, милая, привет от мамы.

Крепко обнимаю и целую.

Твой Володя.

16 августа 1982 г. Чернобыль.

Здравствуй, дорогая, милая Наденька!

Я так люблю получать твои письма. Эти весточки твоей души. Ты за меня больше беспокоись, чем за себя. Ну разве так можно? Разве может со мной что-то случиться, тем более, что я сейчас не тушу пожары, а готовлюсь к соревнованиям. И потом, обещаю, я буду послушным мальчиком. Не переживай. А лучше за собой смотри, ведь тебе так поздно возвращаться с занятий, а темнеет так рано.

Наденька, не надо обижаться на паспортный стол, что так долго тянут с паспортом. Ведь это не простая бумажка, а документ. С ним тебя выпускают в жизнь на целый век. Но я надеюсь, ты уже получила этот «серпастый, молоткастый», где в ближайшем будущем появится отметка в графе «семейное положение». Да и вообще придется получать его снова на фамилию мужа. Всего год-то и налюбуйешься им.

А мне утешение твое фото и письма. И каждое несет так много нового. Ведь наши встречи были такими непродолжительными и каждое прощание было как будто навсегда, до следующего увольнения. Так не хватает тебя. Я в природе больше всего люблю

осень. Как хорошо осенью и в саду, и в лесу. Побродить бы нам вместе по нашей родной земле.

До свидания!

Володя.

Сентябрь 1982 г. Чернобыль.

Здравствуй, любимая!

Только вчера разговаривал с тобой, слышал твой голос, а кажется, это было так давно. Так давно не слышал я твоих песен, я так их люблю, они для меня как сказки.

Завтра еду в Киев на соревнование по пожарно-прикладному спорту. Вернусь с победой, и мы встретимся.

Дела мои идут хорошо. Дома тоже все нормально. Отец ходит по грибы, на рыбалку. У меня здесь появилось очень много хороших друзей, ты еще познакомишься с ними и будем вместе дружить.

Какая счастливая жизнь будет у нас! Ты всегда живешь в моем сердце и никогда его не покинешь. Ты его вторая половина. Спасибо за все светлые минуты наших встреч. За то, что я счастлив их ожиданием.

Мама приглашает тебя в гости. Хочет увидеть свою будущую невестку. Готовься. Она, кстати, вяжет в подарок тебе платок и очень хочет, чтобы понравился.

Очень тебя люблю.

Твой Володя.

Осень 1982 г. Чернобыль.

Невеста моя ненаглядная!

После нашего телефонного разговора я прыгал от радости, идя домой, и чуть не угодил в яму. Но радость была такой огромной силы, что перелетел ее и лишь потом понял, что мог же и упасть. Я очень тебя люблю, и если необходимо будет отдать жизнь — отдам, лишь бы ты была счастлива, чтобы твое лицо никогда не застилала тень печали.

Твой Володя.

Без даты.

Здравствуй, дорогая, родная моя Надежда!

С огромным приветом и сердечной благодарностью к тебе твой будущий супруг. Большое спасибо за письмо. В нем частица твоей души, огонек твоего сердца, оно, как и мое, переполнено любовью. Мой милый человек, тем, кто дорожит своими чувствами, разлука не страшна. Там, на вокзале, я еле сдержался, видя твои слезы... Я все

бы отдал, чтобы на твоём лице играла веселая улыбка, чтобы никогда даже тень, даже маленькая грустинка, не тронули его.

Я люблю тебя, моя родная. И еще не одна разлука нас ждет впереди: жизнь — дама капризная. Но где бы ты ни была, куда бы ни занесла нас судьба, мы будем вместе, наши сердца будут рядом и жить мы будем в едином ритме — ритме счастья.

Низкий поклон твоим родителям. Они очень хорошие, ведь я у них как родной сын. И мои родители тоже передают им сердечный привет. Мама все нахваливается отцу, как нас принимали в Городищах у моей дорогой тещи. У моей второй матери.

Ты мое большое счастье, любовь моя вечная.

Твой Володя.

Пиши.

Январь 1983 года. Чернобыль.

Здравствуй, мой любимый Морской Волк!

Сейчас на улице идет дождь. Как из ведра. И как-то тяжело на душе. А вдруг тебя застал дождь на пляже? Смотри, Надежда, с морем не шутят. Не заплывай далеко, не обрастай водорослями. Русалка из тебя все равно не получится, у тебя, солнышко, волосы кучерявые, а у русалки наоборот. Вот так-то.

Скорей бы ты уже приезжала. За это время набралось столько слов, столько надо уладить дел. Одно решено — мы муж и жена.

Навеки твой Володя.

Чернобыль.

Родная женушка!

Вот, наконец нашел я свободное время и пишу тебе письмо. Кроха ты ненаглядная и верный товарищ, сегодня немножко осадил па свое место начальника. А было это так: он подал на товарищеский суд трех человек, из которых одного — ни за что. Человек работает почти десять лет за этот период ни одного замечания. Одни благодарности. И вот он перепутал смену и не вышел на работу. Плохо, конечно, но ведь это неприятная случайность. Он и сам пережил такое потрясение. Начали его судить. Начальник доволен: все вышло по его. Я поднялся и поставил перед «судьями» вопрос: какое имеет моральное и юридическое право суд рассматривать дело этого товарища? По-иному надо, это же люди. И предложил снять этот вопрос из судебной повестки. Меня поддержали все. После суда вызвал он меня в кабинет и говорит: «Почему не поддержал суд, а выступил против?» Тут мы немножко поругались. Но все это ради дела. Все это жизнь. Работы сейчас очень много. Но все будет хорошо.

Не волнуйся, не принимай близко к сердцу неудачи, борись с ними и побеждай. Такой девиз. Привет всем! Целую.

Захлопотанный Правик.

Чернобыль.

Моя дорогая женушка! Вчера копали с батей огород и как раз то место, где стоял наш свадебный шалаш. Сколько пробок я сегодня выкопал от бутылок. Конечно, минеральной воды. Сначала считал, но на 56 сбился со счета и бросил это безнадежное дело. А как напомнило все это хорошие, милые времена! Правда, еще нашел пару сломанных вилок и подумал: кто-то из зависти их потрошил, глядя на наше счастье. Кладу тебе в конверт подснежник, два их выросло у нас под окном. Один оставляю себе, а этот пусть напоминает тебе обо мне. Приезжай. Теперь никто не отнимет тебя у меня. Я буду спешить домой к своей жене. А ты будешь меня встречать, что может быть прекраснее, когда тебя ждут дома и встречают на пороге.

Целую!

Володя.

Апрель 1984 года. Чернобыль.

Здравствуй, любимая!

От всего своего горячего сердца поздравляю с девятнадцатилетием. Ну разве ты могла себе представить, что в восемнадцать лет ты выйдешь замуж, а в девятнадцать будешь хозяйкой нашего дома? Желаю тебе крепкого кавказского здоровья, пусть невзгоды никогда не обрушатся на твою головку, пусть плач и слезы минуют твой дом, забудут о тебе навсегда. Любимая, желаю тебе много Сережек и Наташек в ближайшее время. Со своей стороны я беру обязательство никогда не обижать тебя, моя нежная крохотулька. Буду стараться, чтобы ясно сияли твои голубые, словно небо, глазки. Так получилось, что мы сегодня не вместе — учеба, работа. А сколько было таких весенних, летних, осенних, зимних дней, когда между нами стояла разлука. Теперь ей конец.

Кстати, жена, солнышко мое ясное, ответь мне на один вопрос: ты написала письмо в Нежин, в пединститут? Ведь тебе надо будет ехать поступать учиться дальше. Смотри мне, жена. Никакие уговоры не помогут избежать этого. Но трудности — это временное, и с ними надо бороться. Но зато после окончания я тебе разрешу недельку выспаться. А как на лугу прекрасно сейчас, какой воздух! Какая необыкновенная природа. Там даже плакат вывешен, зовет, на нем написано: «Добро пожаловать к нам! Мы напоим вас ароматом цветов, запахом трав».

До скорого свидания!

Передавай привет родителям, друзьям.

Любящий муж, твой Волошка. Июнь 1984 года. Чернобыль.

Дорогой мой милый человечек!

Мы нашли свою судьбу: так и должно было случиться, и нашим детям мы когда-то расскажем, как в голубой нашей юности встретились мы для счастья и жизни. Ведь все наши дни — это борьба за то, чтобы больше было добра и справедливости, честности, больше порядка. Для нас и детей наших.

Твой Володя.

Декабрь 1984 года. Чернобыль.

Моя несравненная Кнопа!

Ты хоть питайся регулярно, а то выйдешь на улицу, налетит ветер и понесет тебя в тридевятое царство, в тридесятое государство... А если уже и не ешь, то хоть камешки клади в карманы или железяки. Так по килограммов пять в каждый — чтобы увереннее стоять на земле и не падать. Выбирай. И потом — подумай про нашу будущую Наташку. Имей совесть. Еще один экзамен, и ты — мама.

Нежно обнимаю.

Володя.

Ноябрь 1985 года. Припять.

Здравствуйтесь, мои дорогие, хорошие Наденька, Наташка!

С большим приветом к вам ваш курортник и лодырь. Это потому, что отлыниваю от воспитания нашей крошки Наташки. В начале письма прошу извинить за почерк и ошибки. Это, кстати, Надя виновата, что писала за меня планы, конспекты и совсем меня разучила держать ручку. Напишите, как Надя с Наташкой доехали домой, не приболела ли, не прихватила ли ее та болезнь, которая сейчас ходит по городу, что-то типа гриппа. Шиву я хорошо. Поселили нас в институте-клинике для осмотра. Как вы знаете, здесь все, кто был тогда, так что мне весело, ведь мой караул весь при мне. Ходим, гуляем, по вечерам любуемся вечерней Москвой. Одно плохо, что любоваться приходится из окна. И, наверное, на месяца полтора-два. Увы, такие здесь законы. Пока все не обследуют — не выпишут. Пусть Надя живет в Городище. Я приеду прямо к вам, да еще пусть моя дорогая теща присмотрит мне работу, чтобы я мог перевестись.

Надя, ты читаешь это письмо и плачешь. Не надо, утри слезки. Все обошлось хорошо. Мы еще до ста лет доживем. И дочурка наша ненаглядная нас перерастет раза в три. Я за вами очень соскучился.

Закрою глаза и вижу Надю с Натальей Владимировной. То, что произошло, вы уже слышали. Я не буду вдаваться в письменные подробности. Да еще вы меня, пожалуй, и не узнаете, когда приеду. Начал отпускать усы и бороду.

Сейчас у меня здесь мама. Примчалась. Она вам позвонит и скажет, как я себя чувствую. А чувствую я себя хорошо.

На этом буду заканчивать. Не волнуйтесь, ждите с победой.

Надя, береги дорогу нам Наташку.

Крепко обнимаю, целую.

Май 1986 года. Москва.

6 клиническая больница. Твой навеки Володя.

Позже, когда уже по их жизни прошла та чернобыльская черта и когда Надя поняла, как беспредельно может тянуться одиночество, она не смогла смириться с тем, что произошло. И придумала себе сказку: Володя жив. Просто еще не закончилось лечение. Вот ему станет лучше, и он напишет ей письмо. Самое короткое в мире письмо: «Встречай!» И она ждет.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

2 мая член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков и член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев посетили район Чернобыльской АЭС. Они ознакомились с обстановкой в районе атомной станции, рассмотрели с участием правительственной комиссии, руководителей ЦК Компартии Украины и правительства Украинской ССР, партийных и советских органов Киевской области и г. Чернобыля меры, принимаемые для ликвидации очага аварии на четвертом энергоблоке АЭС, нормализации обстановки в прилегающем районе, оказания местному населению помощи.

Было отмечено, что работы по ликвидации аварии и устранению ее последствий проводятся организованно, с привлечением необходимых средств. Приняты решения о дополнительных мерах по ускорению развернувшихся работ.

Товарищи Рыжков Н. И. и Лигачев Е. К. побывали в населенных пунктах, где встретились с трудящимися, временно эвакуированными из района АЭС, интересовались организацией их быта, торгового, медицинского обслуживания, их трудоустройством, работой школ и дошкольных детских учреждений.

В поездке приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкий, председатель правительственной комиссии, заместитель Председателя Совета Министров СССР Б. Е. Щербина, Председатель Совета Министров Украинской ССР О. П. Ляшко, первый секретарь Киевского обкома Компартии Украины Г. И. Ревенко.

(ТАСС).

Виктор ЗАДВОРНЫЙ

ТВЕРЖЕ СМЕРТИ

*Пожарникам Чернобыля!
Николаю Васильевичу Ващуку,
Василию Ивановичу Игнатенко,
Виктору Николаевичу Кибенку,
Владимиру Павловичу Правуку,
Николаю Ивановичу Титенку,
Владимиру Ивановичу Тишуре
посвящается*

Когда с цепи рванула сила,
и в небо молнией впилась,
и ваши лица опалила,
и в пляске бешеной зашлась,
когда и тучи пеплом стали
под обезумевшим огнем,—
вы смерть слепую обуздали
на рубеже последнем том.
Не бросили на поруганье
рассветный сон родных ракии,
когда, вскипая, под ногами
горели битум и графит.
И в небывалой огневерти
вы продержались до конца,
и сила ваша, тверже смерти,
зажгла надеждою сердца.
Как прежде, рожь под ветром дышит.
То, что пребудет на веку,
за вас история допишет
и впишет подвиг ваш — в строку...

Николай БЕЛОВОЛ

Вертолетчики

I

В ПРЕЗИДИУМЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

За мужество и самоотверженный труд, проявленные при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС и устранении ее последствий, Президиум Верховного Совета СССР наградила орденами и медалями СССР большую группу наиболее отличившихся работников.

Звание Героя Советского Союза присвоено генерал-майору авиации Н. Т. Антошкину...

ВЫПИСКА

из протокола заседания правительственной комиссии

«Отметить высокую организацию работы, проведенной вертолетчиками в период с 27 апреля по 2 мая 1986 г. по выполнению заданий, связанных с ликвидацией аварии на Чернобыльской атомной электростанции, самоотверженность, проявленную личным составом, высокие личные качества и инициативу генерал-майора Н. Т. Антошкина.

Председатель правительственной комиссии, заместитель Председателя Совета Министров СССР Б. Щербина».

Из интервью Героя Советского Союза генерал-майора авиации Н. Т. Антошкина газете КВО «Ленинское знамя»

— Вертолетчики заслуживают самой высокой похвалы. Все действовали смело, мужественно, сознательно шли на риск ради решения главной задачи. Никто не хотел уходить с поля боя. Ни один не спасовал перед трудностями...

II

У каждого времени — свои герои.

В особой зоне не требовалось идти в рукопашную, мчаться сквозь град пуль на пулеметной тачанке, бросаться грудью на изрыгающую огонь амбразуру, идти на воздушный таран.

Да, этого не требовалось, но только в прямом смысле. А в переносном — нужно было и то, и другое, и третье, и во много раз сверх того.

Люди столкнулись с врагом страшнее чумы, наводнения, землетрясения и даже вооруженного до зубов агрессора.

Этот враг неощутим, невидим. Но он жесток, коварен, безжалостен и смертельно опасен.

После Чернобыля страшно подумать, что будет, если атомный конфликт выпустит на волю безумие сверхразрушительного ядерного джинна.

Люди и раньше задумывались над этим. Но в чисто теоретическом плане. Хиросима и Нагасаки — дела ушедших в прошлое дней. Наше правительство ведет настойчивую активную борьбу за предотвращение новой войны, ликвидацию средств массового поражения, но это воспринималось зачастую как проблемы мирового масштаба, не касающиеся близко каждого из нас.

Но вот всем нам дохнуло в лицо раскаленное жерло Чернобыльской атомной. И весь земной шар сразу почувствовал, какая это огромная, трагическая беда.

А ведь случившееся — лишь самая малая толика того, что может произойти, если пустить в ход ракетно-ядерные арсеналы.

III

Кто первым из них появился непосредственно над разрушенным реактором?

Если откровенно, то тогда, в ту памятную тревожную ночь, никому и в голову не пришло запомнить имя того самого первого летчика. Где-то в полетной документации оно значилось, как значится фамилия любого авиатора, участвующего в самых рядовых летных буднях.

Может быть, лишь генерал-майор авиации Антошкин Николай Тимофеевич во всей мере понимал, на что посылает экипаж вертолета, но только и он, пробившийся в Припять на легковушке сквозь плотный встречный поток автобусов, эвакуировавших оттуда население, не мог сразу представить во всей полноте степень опасности пребывания над реактором, излучающим радиацию.

Председатель правительственной комиссии Б. Щербина четко сказал ему:

— На вас, вертолетчиков, сейчас вся надежда. Кратер надо запечатать наглухо. Сверху. Ниоткуда больше к нему не подступиться. Начинайте немедленно.

Вот и все. Никаких вариантов. Начинать немедленно. Значит, нужно сверхбыстро провести разведку объекта, определить, что там, в зияющей огнедышащей прорве, как к ней подойти. Как сбрасывать в нее спасительный груз.

Но самое главное — надо найти площадку для вертолетов. Вокруг — болотистые, песчаные, одним словом, зыбкие почвы. Где попало не приткнешься. Площадку за сутки не сделаешь. Л винтокрылые машины позарез нужны сию минуту. И он, генерал, должен оперативно решить эту проблему.

В городе — асфальт. Он подходит. Но где, в каком месте? Николай Тимофеевич уже пустой город объезжает на машине. Ему приглянулась площадь, где расположен горком партии. Правда, мешала клумба. Но при соответственном инструктаже экипажей, их мастерстве — она не препятствие.

Следующий вопрос — откуда осуществлять руководство полетами.

Генерал бросил взгляд па крыши. Вот гостиница «Припять». Пожалуй, подойдет! Вместе с рацией поднимается на чердак, затем на крышу, выбирает удобную позицию, занимает ее, приступает к действиям.

Вообще-то, эта работа не для начальника штаба ВВС Краснознаменного Киевского военного округа. У него иной круг обязанностей. Но в той экстремальной ситуации другого выхода не было.

На рассвете 27 апреля по его вызову прямо перед окнами кабинетов горкома партии приземляется первая пара вызванных в Припять вертолетов. Ими управляли опытейшие летчики-офицеры Б. Нестеров и А. Серебряков.

— Произвести детальную разведку территории станции с воздуха, выбрать наиболее подходящие маршруты для сбрасывания мешков с песком, — получили они приказ.

Боевые машины, проверенные в боях с душманами, впервые поднялись в небо, чтобы подставить свои борта под обстрел всепроникающей радиации. Их кабины еще не были оборудованы свинцовыми листами, а к респираторам еще ни у кого из экипажей не имелось привычки. И никто из них не читал пока ни памяток, ни инструкций по действиям в подобной обстановке, которые появятся потом,

Они ушли па передний край чернобыльского фронта, где не требовались ни патроны, ни реактивные снаряды, где нужно было только не дрогнуть, не спасовать, принять на себя все еще неизвестную дозу облучения и вернуться с крайне необходимыми разведданными. И просто, и опасно, и страшно. Но за штурвалами — коммунисты. Если не они — так кто же?

Их взору открылась источающая сотни рентген огромная рана. Покореженная арматура, обгоревшие куски металлоконструкций, расплавившийся бетон, и подо всем этим — ужасающие черные провалы, преисподняя, откуда вырывается и потом сыплется на наши дома, сады, поля, леса адская пыль, аэрозоль, способные разрушить, погубить все живое вокруг.

Летали без оглядки на запас горючего, внимание — туда, вниз, надо все схватить, учесть, чтобы тем, кто пойдет сюда за ними, ничего не могло сорвать выполнение боевой задачи — «бомбометания» по точечной, сравнительно малоразмерной с высоты цели. Многим вертолетчикам приходилось в горах Афганистана штурмовать различные объекты. Но атомный реактор — еще никогда.

Возвратились экипажи с обилием информации. Может быть, им показалось, а возможно, так и было, — над кратером вроде бы наблюдалось свечение воздуха. Ученые скажут: это от интенсивного излучения, что, разумеется, мало утешило летчиков, но они духом не падали, рвались к новым стартам.

Привезенные ими данные, сопоставленные с еще раньше доставленными военным летчиком I класса капитаном С. Володиным, который раньше всех прошелся над АЭС, когда еще здесь и приземлиться негде было, легли в основу маршрутов для сброса мешков с песком.

Сложность в решение задачи вносили две 150-метровые трубы АЭС. Как с ними быть? Обходить или подниматься выше?

В первом случае — с меньших высот сбрасывание точнее, зато больше риск столкновения. Во втором — трубы не препятствие. Но хуже для прицельности. В конце концов рассудили: выше полет — ниже уровень радиации, а это, безусловно, главное.

В пробной засыпке песка в мешки — совершенно новом Для вертолетчиков деле — принял участие и Николай Тимофеевич. Насыпали. Погрузили на борт. И вертолет, ведомый Борисом Александровичем Нестеровым, ушел к развороченному блоку. Па секунды завис над ним. Бортмеханик открыл дверцу и вместе с летчиком-штурманом начал сбрасывать мешки вниз. Они ударялись о торчащие железные остовы, лопались, их содержимое тут же просыпалось дальше.

— Возить нам не перевозить,— сказал сам себе полковник Нестеров.

Так было положено начало «пломбированию» четвертого большого зуба станции.

Экипажи шли один за другим. Кувыркались, летели па блок песчаные «бомбы». Но к концу дня 27 апреля стало ясно, что пропасть бездонна, таким способом ее не закрыть, даже элементарного — мешков — для этого не хватит. Следовало решить, как быть дальше?

В тот первый день никого не волновала степень облучения. Сколько песка необходимо перебросить и в чем — это заботило всех прежде всего.

И никому не приходило в голову, что они рискуют жизнью, совершают подвиг.

IV

В первый день было произведено 93 сброса.

Во второй — 186. Каким образом?

Мешки — по шесть-семь — с помощью самодельных сеток стали соединять в пакеты. Но как сбросить их сквозь люк? Потребовалось разработать самооткрывающийся замок. Поломали головы армейские умельцы — придумали. И пошло дело веселее, точность попадания возросла, мощность единоразового залета повысилась.

Количество вылетов к реактору, как боевых, проставлено на специальном стенде против фамилий командиров экипажей. Поначалу самые большие цифры были у Л. Войтко, Ю. Яковлева, А. Серебрякова.

Нет такого типа вертолета, на котором не летал бы полковник Серебряков Александр Иванович. У него первый класс. Но он не отражает уровня его подготовки. Она гораздо выше. Чудеса пилотажа над АЭС — лучшее тому свидетельство. Только за один день 28 апреля он совершил 22 вылета, сбросил 30 тонн груза.

Как коммунист, он подавал пример подлинной самоотверженности, мужества и героизма. Точно так же, как и вожак временно созданной партийной организации вертолетного подразделения Леонид Васильевич Войтко, который со своим экипажем за короткий срок сбросил в ненасытную пасть 60 тонн песка.

В этом коллективе был лозунг: «Все силы, энергию, а если потребуется, и жизнь — для выполнения правительственного задания!».

Причем им руководствовались не только крылатые бойцы но и все, кто им помогал на земле. В том числе и корректировщики, чей

наблюдательный пункт располагался на крыше здания, непосредственно у реактора. Ни разу не слышали командиры экипажей, чтобы дрогнул голос, сообщавший: «До объекта пятьдесят, тридцать, двадцать, пять метров... Сброс!»

Одним из тех, кто бесстрашно наводил вертолеты на цель, был и полковник Любомир Владимирович Минка.

От зари до зари гудят винтокрылые машины в небе Чернобыля. А правительственная комиссия недовольна — мало грузов сбрасывают.

Надо повысить интенсивность «бомбометания». Но как, за счет чего?

Генерал нашелся. Вспомнил о старых, уже никому не нужных авиационных емкостях. По вместительности они ни в какое сравнение не идут с мешками и пакетами. Сэкономится время выброски. Надо срочно собрать их, доставить сюда, придумать способ крепления к вертолетам.

Конечно, такая идея для своего воплощения требовала времени. Обошлись. Все было сделано в течение суток. 30 апреля перекрыли цифру сброшенного ранее в несколько раз. И все равно было мало.

В военном деле успех достигается применением новой техники и технологии в сочетании с точной тактикой действий. Об этом здесь пока не думали. Но недаром же Николай Тимофеевич закончил две академии — Военно-Воздушную имени Ю. А. Гагарина и Генерального штаба, служил в Белорусском, Одесском, Туркестанском военных округах, награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени!

Он стал искать тактическое решение вставшей перед ним задачи. Вспомнил прославленного аса Великой Отечественной генерала Ивана Полбина, его знаменитую «вертушку» — замкнутый круг над вражеским объектом, в котором одни самолеты, сбросив бомбы, выходят из пике, а следующие за ними входят в него.

Поистине фронтовой опыт — нестареющее оружие.

Николай Тимофеевич рассчитал вертолетную «вертушку», способы захода и выхода из нее.

1 мая над дышащим радиацией вулканом «вертушка» завертелась. В жерло низвергался с неба непрерывный поток свинца, песка, глины и бора.

В тот день в 19.00 при очередном подведении итогов дня после доклада генерала Антошкина о количестве сброшенного в прожорливое жерло грузочного материала впервые с начала аварии раздалась бурная аплодисменты. Всему личному составу вертолетчиков была объявлена благодарность.

1 мая реактор был заглушен. Для этого потребовалось 5 тысяч тонн грузов.

Но на этом работа вертолетчиков, получившая высокую оценку правительственной комиссии, не закончилась.

V

Измерение температуры и радиации четвертого энергоблока, отбор проб аэрозолей в его расположении, аэрофотосъемка и другие задачи выполнить без использования вертолетов было невозможно.

Вертолетами управляют люди в военных мундирах с голубыми погонами.

Они уже давно взлетают со специальной площадки в Чернобыле, для них были созданы более-менее сносные бытовые условия.

В очередной сводке Совет Министров СССР сообщил:

«В течение 10 мая продолжались работы по ликвидации последствий аварии. В результате принятых мер существенно снизилась температура внутри реактора...»

Но как можно было в то время определить, сколько градусов там, в самом сердце кратера? А сделать это после его засыпки было крайне важно, чтобы узнать, не грозит ли новая беда.

И пришли к выводу, что это под силу только вертолетчикам. Надо на тросе подвесить термомпару и опустить ее в атомную топку. Конечно, придется зависнуть над ним на какое-то время, принять на себя мощный заряд излучения. Но другого выхода нет.

Кто пойдет на такое рискованное дело?

— Каждый готов, — ответил генерал Антошкин.

И действительно, добровольцев на ответственное задание было много. Выбор пал на военного летчика-снайпера, коммуниста, полковника Волкозубова Николая Андреевича.

Тридцать с лишним лет он отдал небу, награжден орденами и медалями. Не раз попадал в критические ситуации и с честью выходил из них.

Правда, приставка «снайпер» к зависанию над реактором отношения не имела — она характеризовала его с точки зрения ведения огня из бортового оружия. Но о выдержке, хладнокровии, хорошем глазомере — свидетельствовала.

— Вы понимаете, на что идете? — спросили его.

— Вполне, — кратко ответил он.

Тут все дело в том, что, кроме радиационного, над кратером стоял столб мощного теплового облучения, которое способно резко ухудшить аэродинамические качества вертолета. Что это значит —

объяснить нетрудно: можно быстро оказаться в том самом песке, который до этого приходилось сбрасывать. А оттуда обратного хода нет. Хотя бы потому, что зависать-то надо на высоте триста метров. Грохнешься — что останется?

Ничто не испугало отважного летчика. Вначале он провел испытание с тросом. Нет, сразу попасть в круг, имеющий диаметр развороченного жерла, ему не удалось. Мешала раскачка троса. Подумали немного — и оснастили его специальными грузами, закрепленными через равные промежутки. Вроде бы стало получаться.

Выделили двух корректировщиков. Провели несколько тренировок. Пришли к выводу, что можно приступать к делу.

И вот необычная операция началась.

Заняли свои места корректировщики: — один на крыше все той же гостиницы «Припять», второй в вертолете, зависшем в определенном месте в стороне.

Волкозуб вышел на четвертый энергоблок в точно рассчитанное время на высоте 400 метров. Термопара висела на тросе длиной 300 метров. Выждал, пока замедлится ее колебание, — и начал спуск, медленный, плавный, спокойный. Внимательно слушал корректировщиков, подправлял снижение так, чтобы прибор оказался над самой серединой кратера. 50 метров — замер. 30 метров — замер, 10 метров — замер, 0 метров — замер.

Шесть долгих, утомительных, самых напряженных за всю свою летную жизнь минут висел буквально над пеклом Николаи Андреевич Волкозуб. Висел, не дрогнув, проявив такое самообладание, которое сродни лишь летчикам-фронтовикам, ходившим в лобовую атаку на врага.

Эти минуты казались ему вечностью, но, как он признается, у него не было времени на переживания — полная сосредоточенность, все усилия на управление машиной. Он выполнял боевую задачу. И подчинял ей всего себя.

Это было 9 мая 1986 года.

VI

Мы летели вручать переходящее Красное знамя Военного совета КВО «За мужество и самоотверженность, проявленные при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС».

Командующий войсками округа генерал-полковник В.В. Осипов, член Военного совета — начальник Политуправления генерал-лейтенант Арапов В. Ф. в районе станции не отрываясь смотрели на землю сквозь иллюминаторы. Внизу заброшенные села

и опустевшие поселки, тихие берега Киевского моря. Они бывали здесь много раз, встречались с участниками ликвидации аварии, вручали им награды, подарки и грамоты, заботились об их быте, питании, здоровье.

Это бывало так часто, что вертолет командующего уже не поддавался дезактивации. Только ни он сам, ни экипаж в составе командира майора В. Жука, летчика-штурмана С.Украинца, бортмеханика А. Славинского не обращали на это внимания.

Всем было не до себя. Общая беда, общее горе — вместе его и переносить.

— Родина никогда не забудет вашего подвига во имя жизни людей! — такими словами закончил тогда свое выступление командующий войсками округа.

И вот Указ Президиума Верховного Совета СССР-

Названы Герои Советского Союза. И погибшие, и ныне здравствующие. Тысячи людей — военных и гражданских — награждены орденами и медалями. И среди них — славные вертолетчики, которые в самые первые шесть дней после аварии приняли на себя весь удар радиации, совершали и продолжают совершать подвиг, равный фронтовому.

Владимир ГУБАРЕВ

Михаил ОДИНЕЦ

райком работает круглые сутки

Раньше такое заседание бюро горкома партии длилось бы, наверное, дольше и говорилось бы на нем, очевидно, больше. Сейчас времени на долгие разговоры нет. Обстановка нелегкая, и дорога каждая минута. Прошло десять дней с того момента, как коллектив Чернобыльского филиала транспортного производственного объединения «Южатомэнергостройтранс» в составе более 200 человек эвакуировался вместе с семьями в Полесский и Иванковский районы. Однако за это время его руководители коммунисты А. Сичкаренко и А. Шаповал, по сути, ничего не сделали для помощи находящимся в их ведении людям, обеспечения их работой. Не была выдана своевременно зарплата, не выделена одежда, игнорировались законные просьбы эвакуированных. Оказавшись в Полесском среди выехавших из Припяти подчиненных, главный инженер филиала А. Шаповал проявил полное равнодушие к судьбам попавших в нелегкое положение людей.

Политическая незрелость, бездеятельность, непонимание сложившейся ситуации со стороны безответственных руководителей дорого обошлись коллективу. Бюро Припятского горкома партии постановило на своем заседании исключить А. Шаповала из членов КПСС за бездушие, самоустранение от выполнения своих обязанностей. А. Сичкаренко объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Бюро сочло нецелесообразным пребывание на занимаемых должностях скомпрометировавших себя руководителей. Взыскание вынесено секретарю партийной организации филиала А. Губскому, который не сумел дать своевременной принципиальной оценки случившемуся.

Необычная, сложная ситуация высветила узкие места. Некоторые руководители оказались психологически не подготовлены к работе в условиях, создавшихся после аварии на АЭС. Правда, то, что произошло с руководителями Чернобыльского филиала «Южатомэнергостройтранса», исключительные случаи. На этом же заседании бюро горкома партии приводились многочисленные факты самоотверженного, мужественного поведения руководителей-коммунистов, сумевших в трудной обстановке проявить высокие организаторские качества, личную смелость. Называли прежде всего имена А. Нагородного и В. Дейграфа из Чернобыльского монтажного управления, Н. Скляреца и В. Абрамова из Припятского управления «Южтеплоэнергомонтаж».

Следуя примеру своих вожakov, решительно действовали и члены их коллективов.

— Из 18 коммунистов Припятского управления сейчас только двое остались в строю, остальные на обследовании в больницах,— рассказывает первый секретарь горкома партии А. Гаманюк.— Но такая обстановка еще более сплачивает, организует людей.

Кстати, самого секретаря горкома весть об аварии застала в больнице. Александр Сергеевич тут же оставил больничную койку и возглавил работу партийного комитета.

— Заседания бюро райкома стали короче, но они проводятся чаще. Этого требует оперативная обстановка,— говорит секретарь.— Сейчас многие коллективы предприятий и организаций Припяти разместились в Полесском районе. Эвакуация проводилась в сжатые сроки, и некоторые подразделения оказались как бы расчлененными, а люди разделенными. За первые десять дней мая хозяйственные руководители уточнили и решают сейчас проблемы, связанные с перемещенным личным составом предприятий и организаций, с временным трудоустройством людей, их очередными отпусками. Секретари партийных организаций наладили связь с коммунистами, разбросанными пока в разных местах. В первые же два дня на новом месте из числа коммунистов было создано 20 временных партийных групп, а также партийные группы в вахтенных сменах на Чернобыльской АЭС. Их усилия направлены на мобилизацию трудящихся по ликвидации последствий аварии.

Припятский горком партии находится временно в помещении Полесского райкома Компартии Украины, и действуют обе партийные организации сейчас в тесном контакте. Самая дружеская деловая связь установилась в работе партийной организации колхоза имени 40-летия Октября и прибывших сюда с АЭС коммунистов. Их оказалось тринадцать. Парторгом они избрали С. Родионова — заместителя секретаря партийной организации управления «Южэнергомонтажвентиляция». На совместном заседании партбюро были намечены меры организационного порядка, связанные с налаживанием быта, организацией трудоустройства прибывших. И вот уже электросварщик В. Новохатский занялся ремонтом колхозной техники, А. Горбунов — рабочий с АЭС — вышел с колхозной бригадой на возведение закрытого сенохранилища. Их здесь сооружают два. «Всем работы хватит», — говорит бригадир строительной бригады колхоза комсомолец Сергей Степанчук.

В Полесском районе тринадцать хозяйств. При каждом из них работают штабы по обеспечению нормальных условий труда и жизни эвакуированных. В состав штабов входят представители партийных

организаций как бригад, прибывших из Припяти, так и местных колхозов.

В эти дни в каждом из хозяйств проходят открытые партийные собрания, на которых обсуждаются задачи коммунистов, партийных организаций по усилению массово-политической работы, организованному проведению подготовки к жатве и заготовки кормов.

В совхозе «Хабне», где проводил собрание первый секретарь Полесского райкома партии Н. Приймаченко, уже начали косить рапс для закладки раннего силоса. Его надо заготовить 800 тонн. Механизаторы заблаговременно отремонтировали здесь агрегаты для приготовления витаминной муки. Животноводы совхоза умело используют зеленый корм, идущий сейчас с угодий хозяйства,— например, на молочнотоварной ферме, возглавляемой делегатом XXVII съезда Компартии Украины Ниной Савченко, увеличили в мае суточные надои молока на каждую корову по сравнению с тем же периодом прошлого года на один килограмм 200 граммов.

Понимая, что ликвидация последствий аварии на АЭС в Чернобыле требует от каждого удвоения, утроения усилий, животноводы совхоза «Владимирский» выступили с предложением пересмотреть ранее взятые обязательства на 1986 год и получить от каждой коровы по три тысячи килограммов молока. Полесский райком партии одобрил патриотический почин, который получил уже на фермах района широкое распространение.

Бывая в эти дни в районных комитетах партии в Киевской области, мы наблюдали сосредоточенную, продуманную работу их инструкторов, заведующих отделами, секретарей. Четко, без спешки, оперативно решаются трудные проблемы. Всюду заметны конкретность и деловитость в каждом шаге партийных работников, отсутствие лишних слов, туманных обещаний.

— В этих условиях,— сказал первый секретарь Припятского горкома партии А. Гаманюк,— мы не имеем права позволить себе никакого расслабления. Время рассчитано буквально по минутам, хотя партийный комитет работает почти круглые сутки. Решения кратки и точны, выполнение их быстрое и аккуратное. Обстановка в течение дня и ночи может меняться неоднократно, и каждый раз надо быть готовым к тому, чтобы успеть мобилизовать коммунистов, горячим словом увлечь людей на преодоление трудностей. И еще для нас очень важно — добиться, чтобы в этих нелегких условиях, когда все переместилось, но еще не осело полностью, не устоялось, коллектив каждого предприятия нашел свое место, определил свою линию действий. Здесь, конечно, многое зависит сейчас от руководителей, их инициативы, распорядительности, умения и

смелости принять самостоятельное, подчас даже рискованное решение, но единственно правильное в данной ситуации. Поэтому на первом месте, впрочем, как и всегда у нас, работа с кадрами...

...Двери в Полесский райком партии не закрываются ни днем, ни ночью. Люди идут и идут сюда за решением самых насущных, самых животрепещущих вопросов.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Белым цветением каштанов, теплыми дружескими улыбками встретил гостеприимный Киев участников 39-й велогонки Мира.

Тридцать восемь раз проходила она дорогами трех братских стран — Польши, ГДР, Чехословакии, неся с собой идеи мира и дружбы, показывая примеры мужества, самоотверженности и взаимовыручки. Теперь равноправным соорганизатором этих соревнований стала и наша страна. В летопись велогонки вписана новая страница — впервые она берет старт в столице Украины, где пройдут пролог и три этапа гонки.

6 мая состоялось торжественное открытие состязаний велосипедистов. На улицах Киева выстроились людские коридоры, которые приветствовали участников 39-й велогонки Мира — команды Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Сирии, Франции, Чехословакии, Финляндии и Советского Союза. Празднично украшена главная площадь города — площадь Октябрьской Революции.

После окончания праздника открытия был дан старт велогонки Мира: состоялся пролог-гонка на 7 километров.

(РАТАУ).

Владимир БРОВЧЕНКО

КИЕВ. весна 1986 года

I

На пасеке в Чернобыле пчела,
когда вокруг цветенье закипело,
к родному улью взяток свой несла,
свершая медосборочное дело.

И мудрый дар, отринув от перги,
вливала в соты, и они грузнели,
и возвращалась снова на круги
рабочей бесконечной карусели.

Кто ткнул жестоко в пасеку перстом?
С чего б на улье клином свет сошелся?
Но молния сверкнула острием —
пулей, полон света, раскололся.

И пасечник оставил медоцвет,
и трутни откупились перепугом...
Пришла година — и сомнений нет,
кто был врагом, а кто остался другом.

Куда пришлось, рассыпались рои,
растерянно несчастным маткам вторя.
А те, кто потерял дома свои,
и вовсе обезумели от горя.

И в северных лесах густела мгла —
на Вышгород тянулась, к Оболони...
И добралась до Киева пчела,
и на моей пристроилась ладони.

И стар и млад не прячет взгляд сырой —
вобрав тревогу трав и муку зверью...
Умрет пчела, родной утратив рой,
но может и ужалить перед смертью.

II

Не в силах позабыть или привыкнуть,
покуда солнце росы пьет с полей,
село глядится, будто прежде, в Припять,
себя не узнавая без людей.

Пса отвязать забыли, и к порогу
прикован он, облезший до костей.
Растерянно, а может, с перепугу
до самой крыши вымахал репей.

Не хватит гуци в ваших кофеварках,
невмочь и электронному уму
представить, как тоскует на задворках
рожь по жнецу родному своему,

Что зарастет протопточка к кринице,
что ялики рассохнутся до дна,
что никому здесь больше не приснится
и так уже забытая война,

Что лавочкам, где далее панорама,
влюбленных не дождаться досветла,
что в пустоту — бессмысленно и прямо
ударникам взирать из-за стекла.

Уходят дни за днями — ни дымочка! —
они моей души не исцелят...
Махнет с веревки рукавом сорочка,
да вдруг из лопухов пробьется квочка
с веселым желтым выводком цыплят.

III

Вновь северный ветер знамена полощет,
в каштанах цветущих вскипает сурово...
Выходим на исповедь, словно на площадь,
народу являя правдивое слово.

Прости, Украины живая пшеница,
прости, Беларуси сторонка лесная,
прости меня, зверь, и прости меня, птица,
за то, что споткнулся я, меры не зная.

Простите, внучата, прости меня, мама,
и вы, земляки, потерявшие корни,
и вы — те, что встали наивно, упрямо,
надежней бетона и стали упорней...

Проселки, простите, и вы, магистрали,
и лад тополиный, и камни, и воды,
могилы отцов, и грядущие дали,
и сущие — ныне и присно — народы.

Не знаю, кто первый в сплошной круговерти
душой не поверил того, что исчислил...
Прости меня, сила любви, а не смерти,
что я — не доделал, что я — не домыслил!

IV

В прозрачном весеннем просторе
недрогнувший Киев стоит.
И наше незримое горе
поболе, чем горе, таит...

Здесь — фронт. Здесь секунда итожит
все то, что тебе суждено!
И, как его боль ни изложет,
но сердце все сдюжит и сможет,
не сможет лишь сдаться оно.

Берем дезертира на мушку,
берем трепача в оборот!..
Но бабка на рынке петрушку
пока еще не продает.

Пусть горечь полынную эту
за день не избыть и за год...
Но наша дорога к рассвету
чернобыльем не зарастет.

Григорий ЛЯШУК

Триптих

Дружба

Донецк, Москва, Киев, Минск, Таллин... И небольшой город Ош. Живет в нем Бектор Шубалиев. Ничем не отличается от москвичей, киевлян, минчан и таллинцев.

Разве настаивал кто-нибудь на его поездке в Чернобыль? Бектор, не задумываясь, сказал:

— Победит тот, кто думает о будущем.

Да, он, Бектор, думал о долге перед земляками и не мешкая приехал в город беды.

— У меня несколько профессий, — сказал тихо, но твердо, — Надо — буду водителем, токарем... А лучше — пойду землекопом. Когда у братьев горе, работу не выбирают.

Всем стало понятно: Шубалиев готов отдать свою жизнь ради спасения других.

— Где труднее — туда и посылайте, — настоял.

Добровольцев распределяли по отрядам: шахтеров — к шахтерам, водителей — к водителям... А приезжали электрики и медики, токари и учителя, строители и поэты, пилоты и войны... Не удивлялись и судостроителям. Они, вероятно, как никто другой, ценят ответственность за дело рук своих перед людьми и стихией.

Один украинский хлебороб во время беседы с руководителями аварийных работ на АЭС сказал:

— Чего мудрить. Принимайте всех. Мы — бессмертны!

В Чернобыль вела дружба. И люди брали с собой не только умение. Они отдавали борьбе с бедой свои пламенные сердца.

Побратимы

Петр Алоян одним из первых сказал:

— Еду в Чернобыль. Там горе...

И почти все эксплуатационники Армянской атомной отозвались:

— Бороться с бедой будем сообща.

«Бороться...» Слово «смерть» никто из них не вымолвил, хотя все знали: их ждет опасность. И все-таки ехали.

Уже в Чернобыле, перед вахтой, Петр сказал ребятам:

— Не за славой и почестями ехали мы сюда. Разве не так?

— Не подведем, — услышал дружные заверения.

Начальник смены до сих пор помнит те слова. И лица армянских ребят стояли перед его глазами. Решительные, задумчивые, добрые... Лица на все готовых людей.

Вспоминаю короткие, хотя, может быть, и необычные диалоги. Опасность тревожила душу. И надо было что-то говорить друг другу, чтобы отвлечься от нее, обрести спокойствие и уверенность.

Ныне, когда разговариваешь с героями Чернобыля, часто слышишь:

— Все испытали, все было. Но никто не жаловался. Да, боялись... Невидимая смерть стояла рядом: реактор словно взбесился. И им, горстке смельчаков, надо было обслуживать АЭС. Часы, дни, месяцы...

Петр Алоян — жизнелюб, человек, который стремится много узнать, а еще больше хочет успеть. Но в тех экстремальных условиях у него было единственное желание: подменить того, кто устал, теряет силы.

Его спросили:

— Почему не щадишь себя?

Он ответил:

— Усталость моих друзей — моя усталость.

Те, кто хоть раз побывал с Петром в одной смене, навсегда запомнили его взгляд. В нем светилась не только любознательность, но и чувство товарищеской заботы, он словно бы спрашивал: «Что тебя волнует?»

О нем говорили: «Алоян своими действиями и поведением утверждает то качество души и характера, которое называется человечностью».

После смены он шел по улице и присматривался к деревьям. Казалось, он и им говорил: «Не горюйте. Гоните ее, радиацию!»

Может быть, они и слышали его своим естеством, воспринимали его совет. Ведь шелестела листва веселей.

А ночью он часто просыпался. Вставал, обходил спальню, наклонялся над койками друзей, осторожно поправляя на них одеяло, чтобы ничто не нарушало их сон.

Вот такие они, герои битвы с атомом. Немногословные, но готовые к взаимовыручке, самоотверженности, добру.

Один из тысяч

Ночи не в силах были сокрыть всю горечь потерь, оставляли часто ее утру, дням. Люди знали об этом и спешили в Чернобыль. Был среди них и Дроздюк. Молодой, хваткий. Имел он в сердце мечту — носить имя коммуниста. Потому четко написал в заявлении: «Прошу принять меня в партию...»

Ветераны войны вспоминают: так делали бойцы на фронте. Писали эти простые слова под свист пуль огрызками химического карандаша. Часто говорили: «Если не вернусь — считайте меня коммунистом».

Фронт... Долгие годы отделяют нас от его пламени. Дают о себе знать бывшим бойцам раны, не прошли и контузии. И снятся атаки, рукопашные...

В Чернобыле не было фронта, но солдатами были все — пожарные и милиционеры, медики и связисты, строители и энергетики, офицеры и рядовые, ученые и дозиметристы. Каждый выполнял свой долг. В эту когорту смелых вошел и водитель киевского АТП 09124 Дроздюк.

Коммунисты... Во время войны они в полный рост шли в атаки, вели бойцов за собой.

Коммунисты... В безвыходной ситуации они оставляли последний патрон для себя.

В один ряд с ними может стать сегодня и Дроздюк. И никто не возразит, не имеет на то права. В те необычные ночи и дни он не щадил себя, делал все возможное и даже невозможное.

Михаил ТАРАКАНОВ

два снимка с натуры

Здравствуй, дом родной!..

Сколько написано книг, сложено стихов и песен, былин и сказок про отцовский дом — не рассказать. У каждого из нас родной дом вызывает светлые воспоминания, он — дорог и близок всем: и старой скамейкой в хозяйски убранном палисаднике, и привычным скрипом калитки, и бархатной зеленью спорыша, и ласточкиным или воробьиным гнездом под крышей, и кукареканьем петухов на заре...

Невыразимая боль и мучительная скорбь пронзали души и сердца людей, которые после аварии на Чернобыльской АЭС вынуждены были покинуть родину — небольшое полесское село на опушке леса. Тамошние края богаты такими селами, а потому его не называем. Оно — типовое. Добротные кирпичные дома со стеклянными просторными верандами ежегодно продолжают и украшают село. Между ними — традиционные избы, утопающие в зарослях садов. Жестяные и шиферные крыши почти совсем вытеснили соломенные.

И вдруг — беда. Последствия аварии на Чернобыльской АЭС, будто шквал, докатились и до того села.

Началась эвакуация.

Родительские дома люди оставляли со жгучей болью, хотя не колеблясь: со временем возвратятся к ним. Возвратятся — непременно!..

Военные — народ мужественный, но и у них заблестели слезы при виде того, как седая старушка, годов этак восьмидесяти-девяноста, справившись с замком на двери и перекрестив хату, опираясь на кленовую палку, подошла к покрытой густым бело-розовым цветом яблоне, обняла ее, долго стояла молча, наконец посмотрела на окна дома, будто в глаза праведного человека, и зарыдала, как на похоронах...

Молодая красивая женщина с младенцем на руках все возвращалась и возвращалась от автобуса к дому с резными наличниками, хотя бы немного постоять возле него, хотя бы насмотреться на родные стены. Каждый раз молодую мать давили слезы...

Мальчик, школьник младшего класса, с большим рюкзаком на спине и новеньким ученическим толстым портфелем в руках печально прощался с любимым другом — лопоухим каштановым песиком, который, жалобно скуля, полз на животе до самого автобуса, выбрасывая наперед лапки так, как научил его ласковый хозяин. Влажные глаза песика кричали немо: «Не оставляйте-е меня!..»

На стенке одного из домов кто-то написал мелом:

РОДНОЙ ДОМ, МЫ ВСКОРЕ ВЕРНЕМСЯ!!!

Радио, телевидение, пресса тогда часто уведомляла: эвакуация прошла организованно. Это было самое короткое и самое точное сообщение о тех печальных событиях. Среди эвакуированных не было ни паники, ни нареканий на испытание этим непредвиденным горем...

Люди, прихватив с собой только необходимое «на всякий случай», не спешили садиться в машины. Даже при таких экстремальных обстоятельствах оставить отчий дом, быстрее уехать от него совсем нелегко!

— Скоро ли мы, товарищ майор, возвратимся в село? — спросил командира подразделения один из сельских пареньков.— Вы проводите эту самую, как там ее, дезактивацию, а мы тотчас будем тут как тут! В гостях ведь хорошо, а дома — лучше...

— Сделаем все от нас зависящее! — спокойно ответил майор.

К разговору присоединился усатый крепыш:

— Если за дело взялась наша армия — значит, вернемся. Она освободила нас от фашистской саранчи в годы Великой Отечественной войны. И сейчас — первой пришла на помощь!..

— Вы уж постарайтесь, дорогие сыночки, приблизьте наше возвращение,— выразила и свое заветное старенькая колхозница,— Возвращение в родной дом станет лучшим днем нашей жизни.

Но вот подали команду:

— Автобусам двигаться!..

Люди, уже с машин, долго смотрели па свои жилища, на воинов, которые оставались на окраине села. У каждого из них сердце сжималось от такой разлуки...

Специалисты вместе с солдатами дезактивировали село: обмывали специальным раствором дома, хозяйственные пристройки, колхозные животноводческие помещения... Уже скошены сорняки и трава, собраны опавшие листья, очищены все колодцы, родники... Наконец уровень радиации доведен до теоретически обоснованной нормы.

Наступило долгожданное возвращение людей в село.

...Колонна автобусов остановилась перед воинами.. Торжественность и волнение переполнили человеческие сердца.

— Здравствуй, дом родной!.. Здравствуйте, спасители!...— произнесла женщина, которая мечтала об этом дне... Смахнув слезу, она низко поклонилась солдатам:

— Спасибо вам, спасибо от всех жителей села!

Галина

Сержант срочной службы Александр Тарасов и старшина милиции Николай Мирошниченко утром еще не знали друг друга, а вечером они стали закадычными друзьями. Знакомство их было коротким: обоим выпало ночное дежурство в селе, из которого они утром помогали эвакуироваться людям, чтобы в обозначенной зоне быстро локализовать последствия аварии на Чернобыльской АЭС.

Мирошниченко был заметно старше Тарасова, а потому считал нужным заинтересовать его рассказами о собственной милицейской работе, ее неожиданностях, героизме... Стройный красавец Александр, очевидно, понравился ему, и старшина представлял себе, как погода доложит начальству об агитации молодого солдата в милицейские ряды.

Александр внимательно слушал старшину, но никак не мог выбросить мысли из головы о той девушке, фотографию которой он увидел всего несколько часов назад... Было это так...

Тогда, утром, Тарасов заметил, как возле одного автобуса женщина, спеша, споткнулась и чуть не упала. Сержант мгновенно подхватил ее, помог стать на ноги. Но чемодан ее удержать не смог. Наспех собранные необходимые вещи рассыпались, и ветер, вырвав из семейного альбома несколько фотографий, швырнул их в разные стороны. Женщина, уложив собранное имущество, испуганно крикнула, но Александр поймал их, будто укрощенных голубей, бережно передал хозяйке. На последней фотографии задержал взгляд:

- Дочь?

- Да. Моя Галинка. Студентка. Учится в Киеве. В педагогическом, успела сказать женщина, благодарно глядя на него будто на родного сына, и, простившись, пошла занимать себе место в автобусе. Машины двинулись...

Девичье лицо, увиденное на фотографии, с того момента и пленило юношу. Все время оно было перед глазами, сияло улыбкой, взглядом приглашало поговорить. Он знал: где-то здесь, в этом селе, стоит дом, в котором жила девушка и в котором счастливая мать встречала свою студентку. Ему вдруг страшно захотелось отыскать ее жилище, побыть возле Галиного двора...

— Отдохнем немножко,— предложил старшина. — Ноги гудят от переутомления.

Стерев пыль со скамейки, примостившейся под самой оградой ближнего двора, сели.

Сержант щелкнул портсигаром.

— Тише,— насторожился вдруг старшина, слегка толкнув сержанта в бок.— Кажется, в доме кто-то есть!.. Вон в том, напротив. Может, злодеи?..

Александр присмотрелся внимательнее, напряг слух. И — спустя минуту:

— Милицейская интуиция, товарищ старшина? Или показалось?

— Нет, сержант, не интуиция и не показалось: огонь в окнах вспыхнул. На мгновение вспыхнул и погас.

Дом напротив стоял в безмолвном молчании: ни голосов, ни звуков, ни шороха... Только на фоне темно-серого неба вырисовывалась островерхая его кровля, а три окна передней стены зияли непроглядной темнотой.

— Очевидно, мне это показалось,— засомневался старшина, не отводя свой пристальный взгляд от объекта наблюдения.

— Кто в такую темень полезет в дом?.. Бандитизм как будто исключен: село — в кольце милицейских и военных патрулей,— прошептал сержант.

— Ну не скажи. На собственной практике знаю немало различных случаев. Да и сейчас может очистить квартиру не только какой-нибудь опытный бандит, но и склонный к преступлению... Такой глухой ночью за всеми домами уследить мы не можем.

Прошло несколько минут. Постовые собрались было выкурить по сигарете, свое патрулирование они почти заканчивали, как внезапно из дома послышался звук, похожий на падение перевернутого пустого ведра. Полуслепые окна мигнули от зажженной в комнате спички.

— Пре-ступ-ни-ки!..— тихо выдавил старшина.— Пойдем!..

Александра подбросило, словно пружиной. Часто забилося сердце. Он ощутил, как по всему телу будто пробежали холодные и колючие мурашки...

— Товарищ сержант, сделаем вот что: неслышно зайдем во двор, я стану напротив окон, поскольку пойманные на горячем злоумышленники прыгают чаще всего именно в окна, а ты будешь стучать в двери,— учил старшина.— Спросят, кто, скажешь — милиция. Так надежнее. Когда двери откроют, в чем я, конечно, сомневаюсь, включай фонарик и светом лови у незнакомца глаза. Я мигом буду возле тебя. Наперед не лезь. От дверей стой сбоку. Ясно?..

В знак согласия сержант кивнул головой.

Обойдя вокруг дома, патрульные расположились в условленных местах. Старшина освободил из кобуры пистолет и махнул рукой: стучи!

В ответ — молчание.

Нервы на пределе. До боли стиснув кулаки, Тарасов приготовился ко всему.

Но вот за дверьми послышались легкие шаги, потом девичий голос испуганно спросил:

— Кто там?..

«Вот тебе и поймали, — мелькнула мысль у Саши.— В доме — женщина. Вероятно — хозяйка. Наверное, нарушив режим пропусков, пришла за вещами».

— Милиция! — вслух ответил сержант.— Не бойтесь. Откройте, пожалуйста, двери.

Александр, как и советовал старшина, включил фонарик. Луч прожектора скользнул в открытые двери, осветил стройную фигуру девушки, которая, зажмурившись от света, ладошками пыталась закрыть лицо.

Старшина уже приготовился арестовать полуночника, но, увидев освещенную девушку, немного смутился, несколько секунд молчал, потом, пытаясь быть строгим, спросил:

— Кто вы?.. И почему очутились в охраняемой зоне?.. Разве вы не знаете, что здесь... Покажите ваши документы!..

— Подождите, товарищ старшина,— попросил сержант.— Это Галина. Студентка Киевского пединститута. Я ее знаю...

— Я, кажется, вас никогда не встречала,— смутилась девушка.— Откуда же вы меня знаете?..

Сержанту Тарасову пришлось тотчас удовлетворить ее удивление и невыразимый профессиональный интерес старшины: он коротко пересказал им свое утреннее приключение...

И все же старшина продолжал деловито:

— А как же вы, голубушка, добрались сюда, в запретную зону,— лесными дорожками?

— Никакого нарушения не совершила. С участниками художественной самодеятельности приехала. Концерты будем давать для тех, кто ликвидирует последствия аварии на Чернобыльской АЭС. Мои однокурсники под селом остановились. Отдыхают в спортивных палатках временного городка, а я отпросилась переночевать дома. Знаете, как приятно отоспаться в своей комнате, где все-все тебе родное?..

Поправляя наброшенный на плечи большой цветастый платок, девушка откровенно призналась:

— Да и мама просила по такому случаю побывать в отчем доме, хоть что-нибудь прихватить из одежды, ведь поехали сами налегке... Вы уж простите, что столько хлопот вам доставила. А документы у меня есть. Принести?..

— Что же будем делать, сержант?... — будто советуя младшему самому решить вопрос с его знакомой, подытожил старшина.— Пригласим в контрольный пункт или оставим до утра дома?.. Оставим, говоришь?.. Тогда — под твою ответственность. Понял? А утром чтобы все было как следует.

— Понял, товарищ старшина! Будет полный порядок...— четко, по-военному, отчеканил сержант.

Пожелав девушке доброй ночи, Мирошниченко медленно направился к выходу. Александр, договорившись с Галиной встретиться утром и догнав напарника, тоже последовал к своему вахтовому начальству.

Солнце только что показалось за горизонтом, а сержант Тарасов был уже возле знакомого дома. Галя, одетая в легкое платье, встретила его на пороге.

«Она прекраснее, чем на фотографии»,— заметил парень. Напротив него стояла настоящая лесная красавица: ее карие глаза таили сказочную глубину, черные как смола волосы падали водопадом, а в каждом движении было столько цветущей девичьей нежности!.. «Вот она — любовь с первого взгляда»,— непроизвольно подумалось

Улыбаясь, Галина все слушала и слушала его, а узнав, что до службы в армии он закончил физмат университета, будто невзначай обронила:

— Коллеги, значит. Учить детей — моя мечта! Вечером, когда в палаточном городке шел концерт художественной самодеятельности, Александр, затаив дыхание, слушал Галину. Она пела для всех, но парню показалось, что песни эти предназначены ему одному.

И вот концерт студентов-артистов закончился. Александр искал Галину недолго. Она сама ждала встречи с ним. Девушка подошла близко к юноше, приподнявшись, поцеловала его в щеку. Потом она подарила раскрасневшемуся и счастливому парню фотографию. Точно

такую, какую видел у ее матери. Только на обратной стороне Галя написала свой киевский адрес. Для него...

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Накануне Первомая десятки семей строителей Хмельницкой атомной электростанции ждали ордера на квартиры. Готовились к новоселью семьи слесаря Виталия Волковинского, шофера Ивана Максимчука, оператора Антона Лавренюка и других. Но тут пришло известие о случившемся на Чернобыльской АЭС. А вскоре в поселок Нетешин прибыли семьи энергетиков, эвакуированных из Припяти. И тогда хмельницкие строители решили: отдадим все 144 квартиры чернобыльцам, пусть на новом месте им будет хорошо. Это скрасит трудности, выпавшие на их долю.

В партийные, советские, хозяйственные органы республики и Киевской области со всей страны поступают телеграммы и письма от трудовых коллективов и советских людей, в которых они предлагают конкретную помощь в ликвидации последствий аварии. Снова в час испытания раскрывается высокий гуманизм советского человека, его чуткость и бескорыстие, проявляется готовность прийти на помощь. На сельском сходе труженики черниговского колхоза «Правда» решили перечислить в фонд помощи чернобыльцам четыре тысячи рублей — свою премию, полученную за победу в соревновании хлеборобов республики. А ветеран войны, пенсионер из соседнего колхоза «Украина» Николай Яковлевич Косенко предложил 200 рублей из своих личных сбережений. Большую премию — две с половиной тысячи рублей за ударную работу в первом квартале — заслужили строители СМУ-1 треста «Винницапромстрой». На рабочем собрании этот коллектив решил передать свою премию пострадавшим.

Ударную вахту провела бригада Героя Социалистического Труда Н. А. Тымуня. Одесские докеры, намного перевыполнив сменное задание, перечислили свой заработок в помощь пострадавшим.

Этот благородный почин подхвачен и в других коллективах черноморского города. Десять процентов месячного заработка решили отчислить чернобыльцам рабочие трубоволоочильного цеха Днепропетровского трубопрокатного завода. Инициативу поддержали все труженики предприятия. Отработать сутки в фонд помощи населению, переселенному из района Чернобыльской АЭС, постановили металлурги Криворожского металлургического комбината имени В. И. Ленина.

Все республики протянули руку братской помощи. Из Ленинграда в адрес Чернобыля поступили сварочные агрегаты, электротехническое противопожарное оборудование, спецодежда.

— Куда бы мы ни позвонили, куда бы ни обратились с просьбой в эти дни, везде встречали понимание, вопросы решались мгновенно, — сказал корреспондентам председатель Госнаба СССР П. И. Мостовой. — Особый вклад внесла Российская Федерация. Для ускорения доставки необходимых материалов спецрейсами Аэрофлота поступали: свинец из Свердловска, жидкий азот из Волгограда и Балашихи, грузы из Тамбова и Армавира.

Литерные поезда с важным оборудованием отправились из Бийска и Чимкента, Кишинева и Гомеля. Тысячи тонн стальных труб, десятки бурильных установок, сотни километров кабелей, четыре с половиной тысячи грузовиков, около восьмисот автобусов и много другой техники и материалов получили в эти дни люди, которые самоотверженно ведут борьбу за ликвидацию последствий аварии. Сюда приехали ведущие специалисты и крупные ученые со всей страны.

Ударным трудом на каждом рабочем месте труженики республики ускоряют ликвидацию последствий аварии.

Помощь, которая идет на Украину со всех уголков Советского Союза, наша монолитность перед лицом неожиданной беды преградила ей путь. И те, кто сегодня ведет в Чернобыле нелегкий поединок с вырвавшимся из-под власти атомом, знают: с ними — вся страна.

(ТАСС — РИТАУ)

Константин ЛАЗАРЕНКО

обеспокоен я, как все поэты,

Еще и та беда живет на свете,
Что вдруг наполнит ядом все нутро
И, как змея, коварно жалом метит
В тот щит, который возвело добро.
Чтоб нанести укус неизлечимый,
Находит щель и заползает в дверь.
Так атом, до конца не укротимый,
Взвивается и мечется, как зверь.
А был, казалось,— весь повиновенье.
Нам думалось: надежнее и нет.
Да так рванул однажды день весенний,
Что содрогнулся сразу целый свет.
Поблек пейзаж и смотрится пассивно,
Осел на город необычный дым.
И мирный атом, ставши агрессивным,
Нацелился на села и сады.
Склониться перед гением челом бы
За то, что столько создано чудес:
От пули и до водородной бомбы,
От лампы, льющей свет, и до АЭС.
Обеспокоен я, как все поэты,
Тревожатся не зря отец и мать:
Каким же будет завтра на планете:
Цветущим? Иль ее покроет тьма?

Александр ТЕРТЫЧНЫЙ **ПОД АВАРИЙНЫЙ РЕАКТОР...**

Они появились в Чернобыле на семнадцатый день после взрыва и пожара на станции.

Когда ехал, а точнее, добирался в зону, хотелось быстрее попасть именно в забой. Я знал только одно: шахтеры приступили к работе. Почему? Как? Кто? Эти вопросы прищпоривали все сильнее, пока нестерпимо медленно (на перекладных), но все же приближался к Чернобылю.

Однако в те горячие майские дни попасть на станцию было делом непростым. Хоть я и приехал с удостоверением и командировкой республиканской газеты, заместитель министра угольной промышленности СССР категорически запретил ехать на АЭС. Неужто я помешаю? Или за меня боятся? А может, и здесь нас, журналистов, считают лишь помехой в больших и серьезных делах?

Как бы то ни было, а обжаловать запрет в зоне, радиусом в 30 километров, было не у кого — каждое ведомство обладало в те дни всей полнотой власти в своей сфере. Доаварийная телефонная связь с «внешним миром» не работала. Приняв условия ситуации, близкой к военной, я понял, что придется применить военную хитрость.

Получив отказ у шахтерского «генерала», дождался его отъезда в правительственную комиссию и пошел к «полковнику» — начальнику комбината «Донецкшахтострой» Н. С. Бурега — он был в роли начальника штаба и лично командовал всем комплексом горнопроходческих работ. Сославшись на устное «добро» замминистра, я получил разрешение вместе с сопровождением и еще условие: не соваться в забой. И тут взял грех на душу: согласился с намерением нарушить договор.

Правда, впереди меня ждал еще один неожиданный заслон: и — пост у входа в действительно опасную зону с высоким фоном. Но фронтовики недаром говорят: чем ближе к передовой, тем меньше формальностей. Заявку на пропуск уже на станции мне подписал «комбат» Э. И. Виноградов — главный инженер комбината «Мосбассшахтопроходка». Он проникся доверием к моей персоне, когда узнал, что корреспондент в свое время работал в шахте и до сих пор помнит, что на каждом бланке задания шахтерам есть красная строка: «Безопасность труда — прежде всего».

Зачем же шахтеры понадобились на АЭС? В те дни мы не знали полного ответа на этот вопрос. И даже сами горняки, ведущие штрек под реактор, представляли ситуацию в общем виде: будет

сооружаться фундамент под саркофаг. Сегодня мы точно знаем, зачем в Чернобыль позвали шахтеров.

— Вот уж чего не думал — что и на атомной станции для шахтеров работа найдется, — словно самому себе до конца не веря, закончил короткий дорожный рассказ начальник горного отдела института «Донгипрошахт» А. П. Носань.

Едем автобусом из Чернобыля именно на атомную станцию. Этот маршрут для Алексея Петровича стал привычным. Автобус останавливается у административно-бытового корпуса, где рядом с входом вывеска: «Чернобыльская атомная электростанция».

Приехали в обычной шахтерской спецодежде: белье, куртка, брюки, сапоги. Да еще легкие марлевые респираторы: хоть и моют здесь дороги и полы, но пыль куда опаснее угольной или породной.

Еще позавчера их командный пункт располагался в «бункере» — абсолютно безопасном подвале здания АЭС. Не усидели: тесно и душно. Да к тому же разговаривать надо вполголоса — иначе другим штабам работать помешаешь. А шахтеры привыкли общаться свободно, в полный голос. Одним словом, присмотрели здание наверху. Померяли фон — терпимо! — и выбрались на простор.

Проходим к двери с надписью: «Лаборатория металлов». Ее хозяйева выехали после аварии, теперь здесь временно расположилась нарядная сводного отряда горняков из Подмосковного и Донецкого бассейнов.

Штаб шахтеров — в Чернобыле. А здесь — командный пункт. До передовой — метров двести по прямой. Там опасно, там идет бой. Да и здесь тоже респиратор лучше не снимать и курить ни к чему.

— Я тоже еще не совсем привык, — кивает на широкое окно во двор АЭС главный инженер комбината «Донецкшахтострой» А. А. Макаров. — Но недаром в народе говорят: если надо, шахтеры все смогут. Вот и мы начали проходку штольни вчера, а сегодня ребята уже выходят на заданный график.

Как попасть под поврежденный реактор? — такой вопрос поставила правительственная комиссия перед лучшими проектировщиками страны по горным работам. Предложений поступило около десятка. Выбрали самый быстрый и надежный вариант: на безопасном удалении вырыть глубокий котлован, из него пройти горизонтальную штольню в заданную точку.

Дальше — новая серия вопросов: где зарываться в землю? Каких размеров делать штольню? Какую технику использовать? Как бороться с грунтовыми водами? Одним словом, нужен проект. Кто его сделает? Конечно, шахтостроители.

В полном объеме вычерчивать линии, составлять сметы некогда. Значит — эскизный проект, подготовка и начало работ, а

уже потом — доработка на ходу. Потому и ездят на станцию А. П. Носань и его коллега В. Г. Бурковский из донецкого треста «Оргтехшахтострой» с чертежами в руках: каждый день — уточнения, улучшения. Они тщательно проверяются. Впрочем, уточнения и изменения вносятся даже в типовые проекты при строительстве в проверенных условиях — все детали заранее не предусмотреть...

С заявкой на пропуск корреспонденту пошли к дежурному гражданской обороны. У двери — пост дозиметрического контроля. Прибор проверяет нашу обувь и одежду, чтобы мы нечаянно не занесли пыль с радиацией.

Но вот разрешение получено.

— Целую неделю мы ездили к котловану в бронетранспортерах, — говорит горный инженер Г. М. Швыдков. — А потом освоились, изучили станцию и поняли, что можно без броневилок обойтись. Буквально вчера открыли новый пешеходный маршрут. По нему и двинемся.

Поднимаемся по лестнице, делаем несколько поворотов и выходим в длинный просторный коридор. Слева — бетонная стена с дверями в различные помещения станции. Справа, под потолок, сплошное окно. За ним — внутренний двор АЭС. Там местами сильное излучение. Но идти нужно.

Тогда наиболее опасные места были просто отмечены дозиметристами, и, когда мы к ним подходили, приходилось делать пробежку: лишние миллибэры ни к чему. Вспомнилось из курса тактики: простреливаемые участки преодолеваются бросками. Что ж, выдвигаемся на передовую.

Последняя остановка в коридоре. Кто-то уже дал этому месту название — «станция Бахильная». Бахилы — пластиковые чулки розового пользования, которые надевают поверх обуви перед выходом в зону. На обратном пути их надо здесь же снять, чтобы в здание АЭС не тащить лишнюю «грязь». Для забывчивых плакат: «Снять бахилы!»

Вот теперь мы экипированы полностью. Выходим из корпуса во двор, пробежали метров двадцать и ныряем в котлован. Здесь можно осмотреться. Глубина метров шесть. В нижней части слева — вход в штольню.

Из тоннеля выкатывается вагонетка, опрокидывается, грунт вываливается в приямок. Оттуда его достает экскаватор и, развернувшись, высыпает. Там эстафету принимает бульдозер: по наклонному борту он выталкивает горную массу на поверхность за пределы рабочей зоны.

Сверху котлован обтягивают пленкой — такая крыша пропускает свет, но задерживает пыль, которую ветерок стремится

смести вниз, туда, где работают люди. Ведь горячая зона там, наверху, а здесь, на дне, фон в несколько раз ниже. В самой же штольне радиации практически нет.

В забое идет обычная проходческая работа. Бригадир двинул рукоять гидравлики, и сделал шаг щит — передвижная металлическая опалубка, которая держит грунт, пока не выставят постоянную крепь. Ее здесь монтируют из бетонных сегментов, которые в сборе образуют надежное кольцо. Дальше новый цикл: отбойный молоток — лопата — вагонетка — откатка.

Технология знакомая, только ритм необычный. В забоях Подмосковья в обычных сменах бывают передышки — совсем без них нельзя. Здесь смена всего три часа. Все прикипели к инструментам. Крепкие мышцы, мокрые рубахи — мужская работа.

Понятно, что я здесь мешаю, на разговоры времени нет. Прошу: «Всего два слова». В ответ только одно: «Тесновато!»

Да, и шахтерам, привычным к тесноте, здесь трудно развернуться. Диаметр тоннеля выбран минимальный — чтобы меньше вынимать грунта, быстрее продвигаться вперед, по сути, мы в трубе двухметрового диаметра. На рельсах вагонетка: хоть и самая маленькая, а от борта до потолка и локоть не станет. Грузить неудобно — не размахнешься.

Из штольни выходим в котлован: здесь хоть просторнее, рядом работает человек с газовым резаком. Ему тоже некогда, отвечает, не отрывая глаз от пламени:

— Зовут Гаяр, фамилия — Шайдулин. Работаю на шахте «Горняк» в Тульской области электрослесарем. Вызвался сам — у нас все добровольцы. Сын Альберт служит в армии, жена — Хатима. Не пускала? Нет, она у меня сознательная... Здоровье — в порядке, на рожон не лезем. Стараемся справиться быстрее, но если надо — останусь. Нет, беспартийный.

С другим рабочим этой смены разговор был похожим:

— Андрей Насонов, год рождения — 1960-й. Проходчик с шахты «Николинская». Жена Наташа, две дочки — Женя и Аня. Старшей три года. Понимаю, что опасно, но это надо и кто-то должен. Кандидат в члены партии. Организация работы? Да, бывают еще накладки. Но с каждым днем меньше, штольню пройдем досрочно...

После душа зашли в нарядную на разбор смены. Там уже висит «Молния». «Смена горного мастера В. Амельченкова установила 5 колец крепи. Так держать! Цель — 6 колец. Равняйтесь на передовиков!»

Вот и все! В штреке побывал. Теперь можно перевести дух, осмотреться, разузнать кое-что поподробней.

Разбор смены занял пять минут. Вопрос один: что мешает работать быстрее?

- Узкое место — погрузка...
- Ждем конвейер, уже заказали по размерам.
- В бане ботинок не хватает.
- Добавим.
- Сложно с откаткой — рельсы «гуляют»...
- Будем класть звенья не по 8, а по 4 метра, подбираем растяжки и путевые планки точно по размерам.

Каждый такой разбор — как капля смазки в организационную машину, которая продвигает забой крепкими руками людей.

Теперь всем известно, что страна не жалела средств па быстрейшую ликвидацию аварии. И стоило шахтерам дать заказ — самый лучший проходческий комбайн был бы доставлен сюда за считанные часы.

И все же главным инструментом шахтеров стали отбойный молоток и лопата. Они оказались самым надежным и быстрым средством. Напомним, что люди должны были опередить возможное проседание реактора. Отсюда и главное условие — скорость.

Именно под скорость, а не под минимум стоимости или максимум производительности труда, подбиралась технология. Задача осложнялась тем, что состояла из двух совсем непохожих этапов. Сначала надо проложить дорогу к месту выполнения основной операции - пройти 136-метровый штрек под фундамент реакторного отделения четвертого блока. Затем из-под него выбрать 2200 кубометров грунта, а на его место уложить бетонную «подушку» с трубами охлаждения.

Понятно, что породу из-под фундамента нельзя выгрести всю подряд — иначе здание с ядерной начинкой просто провалится. Значит, грунт надо вынимать узкими полосками и пустоту тут же заполнять бетоном. Для такой работы никакой из существующих комбайнов или комплексов не годится: слишком неповоротливыми оказались бы в тесноте мощные машины, которые создают для широкого фронта работы.

— Щитовая проходка из всех угольных бассейнов страны применялась только у нас, — объяснил Э. И. Виноградов, — Поэтому в самом забое сейчас действуют именно наши проходчики под командой «сквозного» бригадира Вячеслава Петровича Коновалова. А донбассовцы взяли на себя самые опасные операции — в котловане и наверху.

Да, шахтерам, которые всегда работают рядом с опасностью, пришлось привыкать к тому, что здесь она грозит не снизу, как

обычно, а сверху. Да и характер угрозы непривычный: ни увидеть, ни услышать.

Хоть не слабонервные ребята, да сразу не решились ступить на площадку перед котлованом. Незримость опасности сделала ее более зловещей, чем огонь или обвал. Только метан, самый коварный враг шахтеров, подкрадывается так же незаметно и нападает внезапно.

Первым шагнул парторг тульского отряда Герой Социалистического Труда Николай Семенович Кузьмичев. За старым проходчиком пошли остальные.

Никто из них не получил опасной дозы. Каждый знал, что это исключено: дозиметристы уже сделали точные замеры. Но одно дело знать, и совсем другое — видеть впереди товарища, который не с трибуны собрания, а вот с того коварного пяточка с полным правом может сказать: «Коммунисты, вперед!»

Оказывается, идти в первой цепи — привилегия избранных. Таково свойство опасности — обнажать сущность человека. Эгоизм, приспособленчество, непорядочность можно маскировать в обыденной обстановке, выдавая их за гибкость и скромность, деловитость и доброжелательство.

Но вот пробил час беды, и маскировка в те майские дни временно перестала срабатывать. Одни без очереди — по благу или по «брони» — брали билеты и лихорадочно вывозили детей и внуков подальше. Другие стояли в километровой очереди или ждали организованного вывоза детей. Одни рассуждали о необходимости действовать, помогать, а другие без рассуждений поехали в Чернобыль.

Спустя месяцы, когда страсти поулеглись, первые перестали прятать глаза, опять напялили па себя маски радетелей человечества. Все громче стали называть других жесткосердными глушцами, которые обрекли своих детей на возможные болезни. А тех, кто ездил в 30-километровую зону, стали выдавать за рвачей — за легкими сотнями кинулись. А мы, вот, не такие, за длинным рублем не гонимся — поэтому и в зону не стремились»

Знакомые интонации. Давно о них слышали: «Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!»

Кажется, все возвращается на круги своя. Но нет — чернобыльская беда оставила свой след, невидимым тавром пометила ловкачей. Некоторые из них даже устыдились, задумались и сегодня стараются держаться в тени. А прожженные демагоги уже оправились и опять кричат громче всех, пытаясь выдать черное за белое, ложь за правду. Однако на их лицах, стоит приглядеться, явственно выступает клеймо болтуна.

Конечно, через работу в 30-километровой зоне прошло много тысяч, и ни один не выдавал себя за праведника. Были среди них и те, что возможность заработать ставили высоко. Но такие появились позже,— после того, как опасность уже начали преодолевать те, которые были первыми.

А вот среди первых про деньги разговоров не было. Они ехали в опасное, неизвестное и возможные в их глазах потери не могли опуститься ни тысячами, ни десятками тысяч рублей.

Многие не мучились гамлетовскими терзаниями: «Ехать или не ехать?» Сказали: «Надо», им и в голову не пришло отказываться. У таких людей долг профессиональный стал гражданским долгом: зовут — значит, нужен. К ним относится почти весь инженерный персонал. Вот как сказал об этом управляющий трестом «Донецкшахтопроходка» Евгений Борисович Новик:

— Третьего мая в тресте был рабочий день В 10.50 позвонил заместитель министра, в 15.00 вместе с проектировщиками вылетели из Донецка в Киев. Через сутки было принято решение проходить штрек и поручить это дело «Киевметрострою». Но работа оказалась сложнее, чем думали, и 11 мая поступила команда приступать к работе нам. Вот мы и приступили.

Когда возвращались со станции, в автобус подсел попутчик. Оказалось — земляк. Родился и вырос в Донецке, потом уехал учиться, стал инженером-атомщиком, да так и не вернулся в родные края. Он расспрашивал о родном городе, а шахтеры атаковали его встречными вопросами.

— Как ведет себя четвертый? Отчего случилась авария? Куда же смотрели ученые? Как радиация влияет на человека? А дети будут после Чернобыля?

Пришлось земляку и отвечать, и убеждать, и отшучиваться...

Но вот штаб Минуглепрома. Начинается вечерняя планерка.

— Жалобы на питание есть?

— Нет.

— Какие просьбы у отдела рабочего снабжения?

— На завтра нужен сварщик и электрик...

Орошение в котловане, новый рукав для сжатого воздуха, лебедка, кислород для резаков... Обычная планерка необычных проходчиков. Проходчиков, которые ходят под аварийным атомным реактором.

Евгений ЕВТУШЕНКО

ВНУТРЬ ПОЖАРА

И когда
 чернобыльского пожарника
радиация,
 в косточки ввевшись,
 пошатывала,—
не начальство,
 а совесть его в направлении главным держала —
внутри пожара.
Есть в пожарах проклятый закон перекидывания,
и чернобыльский смертник
 прикрыл всю Украину с ее ковылями,
 ракитами,
и не знает никто —
 сколько стран он прикрыл,
 сколько крыш,—
может быть, и моих сыновей.
 и тебя, скандинавский мальш,
и теперь только шепчет о нем
 в той засыпанной атомной яме
пепел
 вместе с обугленными соловьями...
Он шагнул,
 как шагнула тогда, в сорок первом,
 вся наша держава —
внутри пожара.
Мирового пожара пока еще нет,
 но везде —
 над рижанами,
 над парижанами —
что-то в небе нависло
 угарное,
 предпожарное.
Язычки предпожарья змеятся
 В Бейруте и Триполи.
будто это на головы чьи-то
 осадки безумия выпали.
Направленье истории главное,
 чтоб нас пламенем всех не пожрало,—
внутри пожара.

А скажите: знакомы вы с вашим —
по лестничной клетке —
соседом?

До пожара в квартире
он вам, как Чернобыль, неведом.
Но к соседским дверям приглядитесь
порою полночной —
не ползет ли дымок
из Везувия скважины чьей-то замочной!

Поспешите,
пока еще пламя на все этажи не взбежало,—
внутри пожара
Я семейную крепость построил некрепко,
хотя и красиво.

Я проспал.
Не расслышал в семье моей собственной взрыва.
Над горящими заживо мной, и тобой,
и детьми чистолобыми
я стою, онемевший,
как будто над личным Чернобылем.

Почему не хватает мне смелости
прыгнуть с земного
фальшиво надежного шара —
внутри пожара?
При пожаре — сдаваться нельзя.
Отмывают крестьянки от яда черемухи,
и погибший пожарник
с укором глядит на меня.

С головой белоснежной когда-то,
но черной отныне от пепла Чернобыля,
обожженное тело
выносит Эйнштейн из огня.

Алексей ГОРОХОВ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Обстоятельно, без спешки поговорить с Владимиром Карповичем Пикаловым удалось только сейчас, под Новый год, у него дома в Москве. Лишь внучка генерала третьеклассница Маша изредка заглядывала в кабинет: не принести ли еще чаю...

В конце апреля 1986 года начальник химических войск Министерства обороны СССР генерал-полковник В. К. Пикалов находился далеко от Москвы — шли учебные сборы, определенные планом боевой подготовки.

В ночь на 26-е, ближе к полуночи, генерал и его подчиненные отправились отдыхать. Они еще не знали, да и кто мог это предвидеть, что в 3 часа 12 минут сигнал тревоги поднимет среди других и части химической защиты Киевского и ряда других военных округов. Поставленная им задача была, как казалось, совершенно неожиданной, необычной. Первый сводный отряд воинов-химиков устремился к Чернобылю, районному центру в 130 километрах севернее Киева.

Утром начальника химвойск вызвал Генеральный штаб.

— Владимир Карпович! — сказал Маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев. — В Чернобыле — авария. Полагаем, вам необходимо там быть...

Пять минут ушло на постановку задачи и получение дополнительных указаний. Через две минуты министр обороны СССР С. Л. Соколов разрешил убыть со сборов. В течение следующих трех минут был поднят по тревоге мобильный отряд, розданы другие необходимые команды по химвойскам и принято решение на перелет. В 14 часов генерал Пикалов и члены сформированной им оперативной группы химических войск спускались по трапу транспортного АН-26 на бетон киевского аэропорта «Жуляны»...

Тем временем несколько тяжелых транспортных самолетов уже несли на своих крыльях подмогу киевлянам - передовую группу химиков, возглавляемую подполковником Н.Выборгским. Основные силы этого мобильного отряда под командой майора В. Скачкова грузились в эшелоны.

Так или примерно так начинался тот тревожный день для многих военнослужащих — от солдат до генералов, став в жизни каждого особой вехой, особой отметиной.

...Документы, которые довелось просмотреть в эти дни, напоминают без всякой натяжки архивные боевые донесения, знакомые подавляющему уже большинству читателей лишь по

военно-историческим публикациям. По сути, это и была боевая работа. Только в мирных условиях. Трудно, скорее невозможно, сегодня, восемь месяцев спустя, передать на газетной полосе высочайшее напряжение в зоне замолчавшей станции в канун майских праздников.

2 мая на Чернобыльскую АЭС прибыли члены Политбюро Центрального Комитета партии. После докладов специалистов, и Пикалова в том числе, были приняты решения, определившие стратегию ликвидации последствий аварии.

Армейские подразделения прибыли в район бедствия в числе первых. Офицеры и солдаты помогали эвакуировать население, вели радиационную разведку, приступили к сложнейшим инженерным работам, готовились к широкомасштабной дезактивации. Там, в Чернобыле, политработники и командиры откровенно признавались мне: отсутствие опыта действий в условиях радиационного заражения столь необычного изотопного состава, сама экстремальность ситуации вынудили в темпе перестраивать формы и методы работы: и партийно-политической, и профессиональной. Приходилось оперативно, порой мгновенно искать нестандартные ответы на столь же нестандартные вопросы, когда некоторые положения регламентирующих документов не соответствовали складывающейся ситуации. Требовалось не только «снять» естественное внутреннее напряжение у личного состава, но и не принизить уровня опасности, не притупить бдительности.

Это верно,— соглашается генерал,— вселять веру в людей, чтобы не боялись, твердую убежденность, что задачу можно решить, но и не допустить неоправданных потерь. Главное — нужно было овладеть обстановкой, особенно у четвертого блока и прилегающей к нему территории, буквально на каждом квадратном метре, предложить варианты прикрытия реактора, обеспечить безопасность населения...

Подразделения частей химзащиты еще разворачивались в назначенных районах, а взводы старших лейтенантов В. Блохина и А. Топоркова уже отправились на радиационную разведку на территорию АЭС. Казалось, привычное дело. Однако заражение местности было не условным, как на учениях, а вполне реальным. С неизвестными пока даже ориентировочно уровнями радиации.

К исходу дня 26 апреля генерал Пикалов уже имел свой «угол» в здании Припятского горкома партии: ему выделили стол, провели связь (позднее его группа переберется в Чернобыль). От дозоров радиационной разведки начала поступать информация. Ночью никто не сомкнул глаз, и в восемь утра 27-го представители химвойск

вместе со специалистами-ядерщиками уже докладывали правительственной комиссии обстановку: она резко ухудшалась...

Что было потом, известно: десять утра — решение на эвакуацию жителей Припяти, одиннадцать — собрался партийно-хозяйственный актив, четырнадцать — поданы автобусы, четырнадцать часов сорок пять минут — последние горожане покинули Припять... Очевидцы рассказывают: генерал — сама собранность, полная самоотдача. Генштаб запрашивал: что нужно? Пикалов: направить в район аварии такие-то и такие-то части. Звонок в Москву одному из ведущих специалистов по защите от оружия массового поражения члену-корреспонденту АН СССР, Герою Социалистического Труда А. Кунцевичу: просьба развернуть мозговой центр, работы много! На месте: применить средства дистанционного сбора информации, широко развернуть работы, расширить дезактивацию... Сидел ли на месте?

— Нет, конечно, — рассказывает Владимир Карпович, — В ночь на 27-е объехал сначала станцию на обычной «Волге», нужно было с ходу овладеть ситуацией... нужно... Понимал, если и случится в тот момент радиоактивный выброс, проскочим быстро. Пожар был уже потушен, стояла мертвая тишина...

На лицо генерала, человека сильного, волевого, не очень, в общем-то, сентиментального, набегает тень, с минуту он молчит. Так будет повторяться часто за все время разговора. А я думаю: нет, так просто пережитое там, в Чернобыле, человека никогда не оставит.

— Воздушное пространство над четвертым блоком светилось, — продолжает Пикалов, — Причина этого дьявольского свечения была мне, в принципе, понятной... Что дальше? На БРДМ (бронированная разведывательная дозорная машина, - А. Г.) пошел к реактору...

Было так: в безопасном месте генерал высадил солдата-водителя, сам сел за руль БРДМ. Подъехал к воротам и, говоря военным языком, проделал проход, то есть попросту протаранил их. Начиненная приборами боевая машина остановилась у развала.

Да, опыт Чернобыля убедительно продемонстрировал умение многих специалистов разных ведомств принимать в условиях острого дефицита времени грамотные и, надо подчеркнуть это особо, смелые решения и с удивительной скоростью воплощать их на деле. Убежден, Пикалову в этой ситуации помогала еще и фронтальная закалка.

...В июне сорок первого ему не исполнилось еще и семнадцати. Имея за плечами девять классов средней школы №7 на станции Минутка, что близ Кисловодска, Володя Пикалов, сын активного участника Октябрьской революции и гражданской войны, вместе с

десятью одноклассниками попросился в армию. Однако на фронт таких юнцов не посылали, и оказался Пикалов в 1-м Ростовском артиллерийском училище и окончил его по ускоренному курсу в феврале сорок второго. Бондаревский «Горячий снег» — как раз про таких, как Пикалов, лейтенантов, артиллеристов-огневи́ков.

Не усидел дома и отец... Владимир Карпович протягивает мне пожелтевшую фотографию: грустная мама Мария Максимовна, отец Карп Иванович, старший и единственный брат Георгий. Мужчины — в новеньком, только что, видимо, полученном обмундировании. Июль 1941-го. Не пройдет и года как Жора погибнет под Харьковом, а тяжело раненного в тех же жестоких майских боях отца возьмут в плен. Бежал Карп Иванович из плена в сорок четвертом, бежал из Бухенвальда, партизанил на территории Чехословакии, удостоен звания почетного гражданина города Турнов (бывают в жизни удивительные совпадения, но это факт: много лет спустя младший Пикалов тоже станет почетным гражданином этого же города). В звании капитана уволился Карп Иванович в запас и уже в мирные дни получил «догонявшие» его всю войну два ордена Красной Звезды.

Для Владимира Пикалова — офицера разведки 331-го гвардейского артполка резерва ВГК — боевая служба завершилась в Германии, когда в самый канун Победы вражий металл уложил-таки его на госпитальную койку (с первыми двумя ранениями «обошлось» — оба раза оставался в строю). Осенью победного года боевой артиллерист стал слушателем Военной академии химической защиты.

У большинства читателей представления о химических войсках, думается, довольно относительно. Не скрою, и пресса не очень жалуется эти относящиеся к разряду «специальных» войска, работа которых, быть может, и лишена внешней антуражности, но наполнена глубоким внутренним содержанием, выраженным хотя бы в слове «защита». Даже сокращенный перечень задач, решаемых воинами-химиками, выглядит весомо: засечка ядерных взрывов, дозиметрический контроль, радиационная и химическая разведка, дезактивация, дегазация и дезинфекция боевой техники, обмундирования и прочих материальных средств, дегазация и дезактивация местности... То есть войска эти призваны защитить воинские контингенты и мирное население от радиоактивного, химического, биологического поражения, защитить от оружия массового поражения.

— Добавлю следующее,— прерывает эти рассуждения Владимир Карпович.— Появление у предполагаемого противника высокоточного «обычного» оружия вносит новую окраску в характер

возможной вооруженной борьбы. Применение такого оружия может послужить катализатором, толчком к использованию противником оружия ядерного. Вы спросите о СОИ? На мой взгляд, те, кто считает СОИ таким непробиваемым щитом, находятся в плену опасных иллюзий...

Это лишь вкратце о «зоне ответственности» военных химиков, которыми вот уже семнадцать с лишним лет руководит генерал Пикалов.

Я признался, что майскую публикацию в «Правде» о воинах Советской Армии, участвовавших в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, предварили советы и рекомендации «не влезать» в кухню химзащиты. Дело прошлое, но в блокноте так и не осталось ни одной (!) строчки из оперативной группы Пикалова, хотя и пробыл там полдня. Потому, к примеру, и не могу вспомнить фамилию полковника, отстраненного от работы с «могильниками» для радиоактивных обломков по причине полученной им сверхнормативной дозы облучения. Но вот опечаленное лицо офицера помню: нет, не оттого грустное, что великоватой оказалась доза, а оттого, что не сумел, не успел лично довести до конца порученное дело.

— Не знаю, может, и был какой резон у ваших советчиков, - говорит мой собеседник, - да и не до бесед было тогда в те горячие майские дни.

Помню, в комнату группы то и дело входили специалисты докладывали, советовались, спорили, получали указания, уходили их выполнять. Застал там генерального конструктора М. Тищенко, руководителя известного вертолетного КБ. И когда сутки спустя на поле, превращенном во временный аэродром, приземлился вертолет с каким-то крайне необходимыми в тот момент механизмами, сообразил, что это как раз и есть результат того короткого совещания авиатора и начальника химвойск. Словом, с Пикаловым тогда поговорить не удалось. А вскоре он убыл в Москву для очередного доклада руководству партии и правительства.

Его же подчиненные продолжали упорную работу в районе аварийной станции. Кого назвать, кого из них отметить? Всех бы надо, да места нет. Скажу лишь, что части химзащиты, в которых служат офицеры В. Храмков и В. Лучицкий, были награждены вымпелом министра обороны СССР «За мужество и воинскую доблесть». И не нужно было быть большим провидцем, чтобы предугадать скорое возвращение в Чернобыль генерала Пикалова.

Правильно сказано: мужество нельзя найти, как слиток золота. Человек не может жить и работать сам по себе, а мужество существовать само по себе, как бы в сторонке. Разнообразны «лица»

мужества. Здесь и способность человека к длительному, устойчивому проявлению самообладания и самоотверженности. Здесь и умение сконцентрировать в нужный момент все свои силы. Здесь и величайший патриотизм советских людей, преданность и любовь к Отечеству. И еще: высочайшее профессиональное мастерство. Таковы слагаемые мужества — этой нравственной основы подвига. Припомнили в разговоре такие поэтические строки:

Подвиг —
он от слова подвигать.
Слабых — к цели.
К мужеству — отставших.
Поднимать упавших
и уставших,
подвигать —
погасших зажигать.

Слова эти достаточно полно характеризуют смысл жизни генерала-героя, партийца почти с сорокалетним стажем, его зону ответственности.

...Спустились за окном сумерки, а конца разговору не было видно. Вмешалась Маша, доложила что-то о чемодане: оказалось, В. К. Пикалов вечером уезжает, о чем он из деликатности умолчал.

Не утерпел я, конечно, спросил:

— Маша, куда дедушка едет?

— Как куда?! — удивилась девочка, которой, как и тысячам ее сверстников, на всю жизнь запомнится название неведомого раньше населенного пункта. — В Чернобыль.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

7 мая корреспонденты РАТАУ взяли интервью у первого секретаря Киевского обкома Компартии Украины Г. И. Ревенко.

— Партийная организация области решает сейчас три задачи, — сказал он. — Во-первых, мы делаем все для успешной работы правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии, проводим эвакуацию населения из опасных зон. Могу констатировать, что в этой чрезвычайно сложной операции берет участие вся республика, вся страна. Во-вторых, тут нельзя допустить неуправляемых процессов. Мы были бы неправы, если бы сказали, что все уже хорошо. Поэтому с первых

же часов постигшей нас беды обком, райкомы партии, первичные партийные организации взяли под свой контроль всю ситуацию в области.

Про уровень ответственности кадров можно судить по тому, как решаются проблемы, в том числе в экономике. И это наше третье неотложное задание. Мы должны сделать все для того, чтобы народное хозяйство области функционировало стабильно. Неослабное внимание при этом уделяется завершению посевной, обработке посевов.

Эвакуированных из опасной зоны приняли четыре района. Их население восприняло случившееся как свою личную беду.

Естественно, есть и трудности. Ведь такого массового переселения в исключительно короткие сроки не помнят даже ветераны войны. Например, эвакуация поселка атомщиков прошла за 2 часа 45 минут. Было подано 1.100 автобусов. Машина стояла возле каждого подъезда. Колонна растянулась почти на 20 километров. Сложнее прошла эвакуация сельского населения: ведь перевезти большую массу людей нужно было одновременно с инвентарем и скотом. Многие не хотели оставлять своих мест. Но нельзя было рисковать людьми, их здоровьем.

Мы были свидетелями партийных, комсомольских собраний, сходов жителей районов, которые приняли эвакуированных. В них непременно брали участие работники областного комитета партии, облисполкома, районных и сельских Советов. Не ошибусь, если скажу: идет проверка на прочность людского материала.

Особое слово о медиках. Вместе с другими специалистами они должны контролировать все: состояние посевов, грунта, воды, воздуха.

Ничего в магазины сейчас не завозится непроверенным. А овощи, что поставляются в города, проверяются дважды: в поле и на прилавках магазинов. В области постоянно моют все дороги. Для этого выделены сотни специальных машин. Неустанно трудятся в эти дни работники милиции, торговли и быта, автомобилисты.

Киев. Он сейчас весь в кипении садов и парков. Спокойна и уверенна жизнь столицы Украины, работают все предприятия, многолюден Крещатик. По вечерам, как всегда, заполняются театры и концертные залы.

Дмитрий ШУПТА

ДРЕВО ОГНЯ

Аист

Из леса лисы поспешили скрыться.
Зарылся крот. Карась осел на дно.
И только он — живой апрельский рыцарь
Застыл на хате на ноге одной.

Село бескровно, как в музее плаха.
Ни звука!.. Потому, в конце концов,
Так сиротливо черно-белой птахе
Над золотистым в крапинку яйцом.

Вот так-то мы: придумали легенды,
Ударились в суждения про гены...
В итоге даже бог нам не помог.

И как ни утешай себя подробно, —
Следит за нами тяжко, исподлобья,
Четвертого реактора бельмо.

Единение

Скажи, как нарекли тебя, Природа?
А небо — как звалось оно сперва?
Иссохшим ртом, как бы в пустыне воду,
На вкус впервые пробую слова.

Мое прозвание с именем народа
Так неразрывно, как с землей трава,
А коль умру — иных сынов народит
Живая Припятъ... Сущность не нова!

И длится связь... И будущая Матерь
Не выросла еще из детских платьев,
Но уж манит — звездой в ночи светя!

Условным ограждением отторгнут
Ото всего, что названо природой,—
Так и живу!.. Хотя, хотя, хотя...

Гора

Проходят дни. А с ними — первый шок.
Светлеют лица. Всех невзгод помимо —
У Припяти рубцуется ожог!
И стало ясно: дело поправимо.

Тяжка наука под присмотром страха.
Испили правду пополам с бедой.
Но все ж остаток лучевого праха
Нам никогда не отряхнуть с подошв.

Грядущее — из сущего! Как мрамор...
Мне видится: у ручейка Днепра
Стоит малыш и спрашивает маму: —
А что там за высокая гора?

Все может случиться! Но вовек не сгинет,
Не канет в небыль семиглавый Киев.

Любовь КОВАЛЕВСКАЯ

преодоление

В ночь с 25-го на 26 апреля ответственным за несение службы в городе был сам начальник Припятского ГОВД майор милиции Василий Андреевич Кучеренко. Около часа, объехав посты и важнейшие объекты, он заскочил домой: жена в отъезде, а как дочки? Четырнадцатилетняя Ирина и пятилетняя Людмила спали. Осторожно прошел на кухню, поставил чайник... и вздрогнул от неожиданного взрыва. Чайник засвистел, и, словно соревнуясь с ним, задребезжал телефон. В трубке — взволнованный голос дежурного: «Товарищ майор, докладывает лейтенант милиции Шевченко. На атомной электростанции возник пожар...»

Кучеренко схватил плащ и бросился к лифту. У подъезда уже ждала машина... В горотдел вошел, как всегда, спокойный. «Вот что, Яков Николаевич,— обратился к дежурному,— собирай личный состав по тревоге, а я — на станцию».

Сразу же за мостом машину обволокло не то туманом, не то мглой — в двух метрах ничего нельзя было различить. Ехали на ощупь. С полуразрушенного здания четвертого энергоблока поплыл битум, сверху бушевало пламя, мелькали фигурки пожарных. Возле административно-бытового корпуса «скорые», кого-то почти бегом несут па носилках к машине. Разыскали директора станции, но он только пожимал плечами... Вскоре дозиметрический контроль доложил: радиация...

Было около двух часов ночи, когда Кучеренко возвратился в отдел. Тишина. Подошел к Ленинской комнате, прислушался — тишина. Резко отворил дверь и замер: весь личный состав, за исключением тех, кого не было в городе, ждал его... Уже потом, позже, признается он: «Горло перехватило от волнения, от гордости за этих людей, от любви к ним... Рассказал обо всем так, как есть. Приказывать не мог, не хватило совести...» Да, тогда он оперативно принял первое важное решение: нужно перекрыть подъездные пути к атомной, так как утром появятся рыбаки, дачники.

Да, он отправил ребят па перекрытие подъездных путей к АЭС. А все же — боялся. Нет, не ответственности. Боялся за их здоровье, за их жизнь. Это потом в МВД СССР подтвердят, что руководство Припятского ГОВД правильно оценило обстановку в первые два часа после аварии. Он и не сомневался в правильности своих действий — ему очень трудно было отправить ребят. Он уже ставит четкие задачи перед каждым сотрудником. Собирает у себя в кабинете заместителей и распределяет их по микрорайонам, советуется с

замполитом — капитаном милиции Анатолием Петровичем Стельмахом. Он встречается заместителя начальника УВД Киевского облисполкома полковника милиции Владимира Ильича Володина, вновь едет с ним на АЭС, объезжает город, инструктирует посты. Утро медленно, но наступает: на часах — пять. Полковник милиции Володин уже поднял личный состав области по тревоге — утром в Припять прибыли работники милиции из близлежащих районов, предполагал полковник и возможность эвакуации — готовил людей...

В ночь на 27 апреля во многих окнах не гас свет. Утром ждали сообщения по местному радио, но оно упорно молчало. И лишь в обед раздалось: внимание! внимание! Никаких объяснений — в дорогу. На три дня.

Вслед за сообщением — звонок в дверь. Открываю — на пороге милиционер. Спрашивает о самочувствии, не нужна ли помощь, нет ли больных... Он успокаивает маму, которая помнит эвакуацию во время войны... Он советует взять для детей теплые вещи — на весеннюю погоду надежды мало (и как он был прав!). У него красные от бессонницы глаза, но до блеска начищенные сапоги. У него на плечах погоны — и дочь тянется потрогать их...

У каждого подъезда уже стоят автобусы. Все одеты по-походному. Шутят. И все яге довольно тихо вокруг. У каждого автобуса — милиционер, проверяющий по списку жильцов, помогающий вносить вещи и, наверно, думающий в это время и о своей семье, с которой и повидаться-то не удалось за эти сутки...

Автобус тронулся. Наш милиционер помахал на прощанье. И от этого взмаха стало неловко: мы уезжали — он оставался. И от этого взмаха стало спокойнее: ему не безразличны судьбы людей и он рад, что мы уезжаем. Ради нас он остается, как и его товарищи, в пустом городе остается на посту. Служба...

* * *

Беда всегда остается бедой, каким бы массовым ни был героизм. А в данном случае — это и отнятая смертью жизнь, или, иначе сказать, — жизнь, отданная не только во имя спасения тысяч и тысяч других, но и из-за преступной халатности, равнодушия к людям, некомпетентности опять же других. Это жертвенность, которой изначально можно было избежать. А смерть действительно выбирает и выбирает лучших, потому что они первыми идут ей навстречу.

Это — преодоление. Преодоление прежде всего самих себя... Начать сначала? Нет, продолжать жить, но жить иначе: честнее, чище, разумнее и в то же время сердечнее, потому что нет чужой боли, чужой беды. Есть просто боль и просто беда. Преодолеть личное горе — конечно, мужество. Разделить, как личное, кровное, и

преодолеть горе общее — героизм. И прежде всего героизм духа — основа правды и ее залог. Так боролись люди с бедой на Чернобыльской АЭС. Лучшие. Те, что всегда идут навстречу первые, преодолевая и свои человеческие слабости, и страх, и кажущуюся порой невозможность найти в себе силы в круговерти бессонницы, нервного и физического перенапряжения, вновь и вновь идти навстречу и побеждать минута за минутой, час за часом, день за днем, месяц за месяцем — и победить! Победить эту неизмеримо большую силу — силу ядерной энергии, вышедшей из-под контроля, ставшей виной одних — и всех, платой одних — и всех... Преодоление... Преодоление своей пассивности. Проверка не только на прочность, но и на доброту, сострадание, милосердие и — понимание. Проверка на состоятельность и соответствие. Проверка на звание человека.

Об этом, да и о многом другом, говорили мы во время наших постоянных встреч — я, начальник Припятского ГОВД майор милиции Василий Андреевич Кучеренко и замполит капитан милиции Анатолий Петрович Стельмах.

Уж сколько раз твердили миру: чем выше должность, тем выше долг, больше ответственность,— продолжает свою мысль Василий Андреевич,— азбучные истины, а забываются, не доходят... И почему, думаете?

— Демагог говорил вместо нас — а мы молчали. Бюрократ создавал не материальные ценности, а инструкции — а мы молчали. Льстец расстилался на служебных лестницах — а мы молчали,— вырубает слова Анатолий Петрович.— Честные отходили в сторону, а их место охотно занимали угодники, бездари, некомпетентные люди. Что же теперь мы, честные, спохватились?

— Совесть измучила, да и свежим ветром повеяло, — изрекаю я.

— Правильно! Долженствовать на земле надо, а не существовать на ней. Не занимать место, а быть всегда на своем месте.— Кучеренко трет осунувшееся, посеревшее лицо, воспаленные глаза. Его раздражает усталость — впереди еще так много работы.— Авария жестко и больно напомнила об этом. Но не всех научила...

...Человек на своем месте. Как это много значит, как многое меняет и всегда оказывается решающим. Сам Кучеренко — из таких. Я помню, как несколько лет назад он был назначен начальником Припятского ГОВД (прежнего куда-то перевели из-за несоответствия). Пришла познакомиться, уже зная, что сразу после армии поступил в Ивано-Франковскую среднюю специальную школу милиции МВД СССР, два года работал участковым инспектором в Борисполе, затем учился в Ленинградском высшем политическом

училище имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР, а перед назначением в Припятъ пять лет был замполитом Васильковского горрайонного отдела внутренних дел. Обыкновенный послужной список, за которым сразу человека не разгадаешь. «С чего думаете начать?» — спрашиваю. Чувствую, напрягся, как пружина, — значит, неравнодушный: смотрит изучающе, но приветливо. «С себя, — отвечает, спокойно так, уверенно, словно знает и может все. — С себя, а потом и с людей, с их сознательности, дисциплины, организованности, порядка».

Принципиальность и твердость, чувство справедливости нового командира были отмечены сразу всеми. Большинство воспринято с облегчением. Кое-кто предпочел выждать. Кто-то усмотрел в этом позу. А кто-то — ущемление своих былых «неограниченных» прав и возможностей. Он не спешил: ломать — не строить, внимательно изучал каждого сотрудника, его деловые, но в первую очередь — человеческие качества. Был убежден: чтобы милиционер воспринимал службу как служение законности и справедливости, он должен быть не только требовательный, но и милосердный, должен не только карать, но и сострадать, стремясь понять душу другого, ведь постоянно имеешь дело и с личной, и с общественной бедой. И сплеча не рубил: умел прощать, убеждал, подчеркивал любое хорошее качество, не помогало — расставался. Не без сожаления: «Значит, чего-то не добрал человек человеческого». И без сожаления: «Милиция — не то место, где достаточно казаться...». Подбирал надежных.

В это время и пришел к нему заместителем по политчасти Анатолий Петрович Стельмах, до этого работавший на АЭС, затем вторым секретарем горкома комсомола, инструктором отдела пропаганды горкома партии. И вот милиция. Однако меня такой поворот не удивил. Какими мы до недавнего времени чаще всего представляли себе руководителей? Нередко такими: в лексиконе — только производные от слов «дело» и «работа», на лицах — выражение этакой государственной значимости и занятости, в манерах — подчеркнутое признание собственной непогрешимости: раз поставили — значит, соответствую, стиль — все решаю только я... Ничего подобного и близко не было ни во внешности, ни в поведении Стельмаха. Он был приветлив и мягок с людьми, уступчив и... застенчив, питал искреннюю несимпатию к дутым отчетам и циркулярам. Мог «сметь свое суждение иметь»: нельзя быть членом сразу десяти, а то и более комиссий — толку не будет; нельзя готовить выступления рабочим, причисывая и приглаживая их до «принятого стиля», и при этом требовать повышения активности; нельзя заседать

часами и называть это работой... И все же он был необходим, потому что трудился добросовестно и ничего взамен не требовал.

А все яге суть ответа на вопрос: почему в милицию? — не только в этом. Чисто условно людей в любом коллективе Стельмах делил на три категории. Во-первых, личности — люди, наделенные неординарными способностями и качествами. Во-вторых, трудяги-исполнители — думающие, знающие себе цену и свою цель в жизни, ставящие рабочую честь превыше всего. К этой категории, кстати сказать, относился и он сам. И, в-третьих, работники для себя. В разных коллективах соотношений людей этих категорий различно, по ему всегда хотелось трудиться там, где наименьший процент тех, которые «живут для себя, проживают жизнь». И выбор был сделан. И об этом выборе Стельмах никогда не пожалел.

И у него было свое начало в Припятском ГОВД. Анатолий Петрович знал и раньше, что в братской могиле на железнодорожной станции Янов похоронен Герой Советского Союза Дмитрий Васильевич Шурпенко — бывший милиционер девятого (ныне 108) отделения милиции Москвы. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 июля 1941 года он одним из первых в московской милиции был награжден боевой медалью «За отвагу», которую вручил ему в Кремле М. И. Калинин; в 1943 году добровольцем ушел в действующую армию и уже в октябре в числе других за форсирование Днепра ему было присвоено звание Героя Советского Союза... С этого и начал политбеседу, первую, но говорил не столько о подвиге, сколько о честной жизни Шурпенко, о назначении человека, о назначении милиции. Разговор задел за живое. Здесь же и решили создать в ГОВД уголок героя. Связались со 108 отделением милиции Москвы — так началась дружба между комсомольскими организациями двух коллективов, так началась настоящая, живая работа с людьми.

И в нем признали комиссара. Уже после расформирования Припятского городского отдела внутренних дел Василий Андреевич Кучеренко скажет мне: «Стельмаха всегда и во всем отличали порядочность и простота в хорошем смысле этого слова. Он умел искать и находить подход к людям — и они тянулись к нему. Мне повезло, что у меня был такой замполит». И как-то незаметно, словно само по себе, в ГОВД изменилось все: люди, взаимоотношения, даже само здание. Нет, сложностей хватало и теперь, но не было самоуспокоенности, пускания пыли в глаза. А когда ситуация потребовала концентрации всех сил и возможностей коллектива, эти изменения стали еще очевиднее.

* * *

...На первое комсомольское собрание после аварии пришли не только комсомольцы и коммунисты, по и многие беспартийные. Собрание было короче, чем обычно, но значительнее... За каждым скупым словом — недосказанное, но понятное всем и близкое всем, потому что пережили — вместе, побеждали — вместе. Ведет собрание секретарь комсомольской организации лейтенант милиции Владимир Евгеньевич Яковлев.

Не отрывает глаз от секретаря Василий Андреевич Кучеренко. Тогда, 29 апреля, милиционеры Припятского ГОВД получили указание покинуть город. Пришла смена. Но опять кто-то должен был остаться еще на несколько дней, чтобы ввести в курс дела вновь прибывших, познакомить с объектами и их особенностями. Василий Андреевич вновь должен был сделать непростой выбор, пусть из числа добровольцев. И он «назвал тех, с кем бы пошел в разведку». Семерых. Его — секретаря комсомольской организации Владимира Яковлева, старшего следователя капитана милиции Вячеслава Яковлевича Вашеку, участкового инспектора Леонида Николаевича Сержана, инспектора ИДН Николая Качана, милиционера патрульно-постовой службы Николая Кириенко, оперуполномоченного уголовного розыска Юрия Остренка и участкового инспектора Николая Мищенко, последние четверо — комсомольцы.

Вглядываюсь в лица сидящих и я. Сергей Романенко — милиционер патрульно-постовой службы, младший сержант милиции. Он был в отпуске, но, узнав об аварии, прибыл досрочно, как и помощник дежурного ГОВД старший сержант милиции Владимир Григорьевич Шмаков. Две недели без отдыха нес службу старший лейтенант милиции Леонид Николаевич Сержан — и никто не мог отменить этот личный приказ. Капитан милиции (ныне майор) Иван Николаевич Кононенко — весельчак по натуре, он н в первые два дня после аварии подбадривал товарищей шуткой-прибауткой, хотя сам буквально падал с ног от усталости, и в последующие дни просился на самые ответственные участки. Немало выпало на долю участковых Анатолия Семененко, Петра Николаенко, Алексея Мельника.

Немного позднее узнают комсомольцы о награждении их вожака — Владимира Яковлева знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть», но эта награда по праву принадлежит им всем.

* * *

Почти ежедневно прибывали добровольцы из различных областей Украины. Из райотдела милиции города Артемовна Донецкой области приехал капитан милиции коммунист Виктор

Алексеевич Щиров. «На какую должность пойдете?» — спросил его замполит А. П. Стельмах. «На любую», — ответил Щиров.

— Меня определили в службу БХСС (Отдел борьбы с хищениями социалистической собственности), — рассказывает Виктор Алексеевич. — Первое, что бросилось в глаза, — это четкая организация работы в Припятском ГОВД. Я восемнадцать лет в милиции и знаю, что это значит, тем более в таких сложных условиях. ГОВД стало своего рода воинским формированием, межличностные отношения как бы поднялись на более высокую ступень, стали теснее. Сразу отмечают вновь прибывшие и самоотверженность майора милиции В. А. Кучеренко.

Сейчас в мои обязанности входит обслуживание строительного управления по ликвидации последствий аварии. Затрачены огромные материальные ценности. И задача ясна: все, что дает страна, должно пойти строго по назначению. Я далек от мысли, что в этих условиях кто-то будет греть руки, но нельзя допустить ни одного факта бесхозяйственности.

Беда рождает не только героизм, а экстремальные условия обнажают не только лучшие человеческие качества. И трагедия на Чернобыльской атомной электростанции подтвердила это еще раз с потрясающей прямоотой. Да, чистые стали чище, честные — честнее, добрые — добрее, а бессовестные, как сказал Иван Драч в одном из своих стихов, оставались бессовестными.

В эти нелегкие для страны дни были задержаны любители поживиться за чужой счет — Коваленко, Чайковский, Гуркин, Островский, Круковец и другие. Их значительно больше, чем названо, а сколько осталось, как говорится, за кадром, не пойманными за руку, не уличенными в бесчестье.

И хотя не о них сегодня речь, но было бы значительно меньше бессонных ночей и тревог у милиционеров, значительно меньше материальных и моральных затрат, если бы не было дефицита совести и порядочности. Но он был, этот дефицит, пусть у меньшинства, — да это не оправдание...

Экстремальная ситуация сблизила коллектив Припятского ГОВД в одной упряжке, где каждый тянул на совесть и свою ношу, и старался помочь другим. Взаимоотношения определяла правда: и ситуации, и опасности, и возможности преодоления беды. Поэтому любая новая задача, новая дополнительная нагрузка встречалась с пониманием. Были образованы комендатуры, осуществляющие пропуск транспорта с грузами и досмотр его при выезде из зоны. Припятский ГОВД обслуживал комендатуру в Диброве, первым начальником которой был И.Н.Кононенко. Вся

тридцатикилометровая зона была разбита на патрульные участки, куда входило несколько населенных пунктов.

В лице милиции вершила правосудие Советская власть — и вершила справедливо, гласно, милосердно.

* * *

Заканчивался 1986 год, такой трудный для всех нас...

Анатолий Петрович Стельмах стал замполитом в райотделе милиции города Обухова. В первый день его дежурства раздался телефонный звонок из отдаленного села: двое неизвестных пытаются проникнуть в сберкассу... Стояла глубокая ночь. Машина с оперативной группой мчалась на предельной скорости. Нарушители, застигнутые светом фар, бросились врассыпную, но через полчаса были задержаны и доставлены в отдел милиции.

Василия Андреевича Кучеренко ждало блестящее назначение: начальником информационного центра УВД Киевского облисполкома. Полковничья должность, престижная работа в аппарате, квартира в столице. Но он попросился в любой отдел внутренних дел области... И сегодня возглавляет райотдел милиции города Вышгорода.

В конце года мы вновь встретились. Я с гордостью смотрела на своих товарищей. Родина высоко оценила их труд: майор милиции Василий Андреевич Кучеренко награжден орденом Красного Знамени, капитан милиции Анатолий Петрович Стельмах — орденом Красной Звезды. Орденом «Знак Почета» награжден и подполковник милиции Василий Федорович Андриенко.

Ирина ЖИЛЕНКО
ЛИЦО

Писать о том?

 Попробуй напиши,
когда душе недостает души,
когда ее саму сожгла дотла,
чтоб детям не остаться без тепла.
И два крыла пречистых — ни пылинки!
пустила на объятья и пеленки.

Писать о том...

 А не писать — нет мочи.
Прогоркнет боль и солью выест очи.
И женщине останется одно
вино — и то на донце... Лишь оно.

Писать о том?

 А может, не о том?!

О ласточкином небе золотом,
об облаках, о книжных снах вокзала, —
о чем бы в этой жизни ни писала —
все вновь на круги следует своя:
летят они, подобно центрифугам,
сжимаясь в точку — черным адским кругом, —
туда, где над детьми застыла я.
Мы все живем семьей единокровной.
И опадаем — с лиственной кровлей.
Линяют тучи. Кашляет сосед.
Улыбки облетают, будто цвет.
А костяки — все на одно лицо...
И вновь о том пишу я,
 вновь — кольцо!
О, этот лик — один на всех живых, —
и у меня, и у детей моих...

Басиль ОСАДЧИЙ

ДЫМЕРСКОЕ ШОССЕ

Занесло меня в стих, да такой,
что на время отрекся от правил.
Я летел, я стремился домой,
будто кто-то отнял это право.
И устал я, и вышел из сил,
и не видел отца я и брата.
Не бывал у родимых могил
и не знал, как там милая хата.
И неистов был я и лют
и решил: непременно поеду.
Отгремел первомайский салют,
а какую вершил он победу?..
Беспокоился — знал о беде,
взял такси, поспешил на автобус.
Предок был у меня. Он себе
всем на зависть купил где-то глобус.
Как уменьшилась нынче земля.
Мы сидим на полесском вокзале.
Земляка я спросил, Василя,
как там дома, в селе и так дале...
На дороге дежурят посты,
завывают тревожно сирены.
И стоят у дороги кресты,
будто взмывшие в небо антенны.
Что транслируют нам с высоты,
неразумным потомкам прогресса?
И встают невидимкой мосты
между Киевом, Минском, Одессой.
Виден Лондон, и виден Париж,
и видна еще чья-то столица.
Но какой же тут к черту престиж,
если к дому никак не пробиться.
И в селе нашем будто не мор,
почти рядом начерчена зона...

...Позади просигналил шофер,
и ушла на Чернобыль колонна.

Ольга ГЕРГЕЛЬ

МОНОЛОГ

Бабуся Мария горюет,
Плачет бабуся Мария:
— Что же такое творится
В этом безумном мире?
Ко мне, в уголок этот райский,
Внучата приедут, бывало,
Морковку вместо лекарства
К столу им всегда подавала.
Чего в огороде-то нету —
Огурчик, редис, помидоры!
Счастливой бывала я летом...
Теперь же — такое горе,
Теперь я от боли немею,
Постичь не могу я запрета.
Бояться земли не умею,
Как смерти в обличье скелета.
Земля нам извечно — отрада,
Мы шли к ней с поклоном и данью.
Бояться земли, будто яда?
Ужаснее нет наказанья.

ПОЗНАЕТСЯ В БЕДЕ

Чернобыльские события... С особым вниманием, естественной озабоченностью, с тревогой следим все мы за любыми сообщениями, которые касаются оказания медицинской помощи пострадавшим или предпринятых мер по охране здоровья людей, эвакуированных из опасной зоны и находящихся в близких к ней районах.

Всю поступающую информацию медицинского характера анализируют с целью оперативной подготовки необходимых рекомендаций специалисты из группы, созданной в Минздраве СССР, во главе с первым заместителем министра О. П. Щепиным. Мы попросили ответить его на ряд актуальных вопросов.

— Олег Прокопьевич, что потребовалось первым делом работникам органов здравоохранения, когда пришла тревожная весть? Что было ими предпринято, начиная с первых часов и дней, для обеспечения безопасности населения, оказавшегося в зоне аварии или поблизости от нее?

— Первая острая необходимость — в информации: кто и где пострадал, сколько людей, о каких дозах радиации идет речь. Буквально в считанные часы в этом удалось разобраться, и первая партия пострадавших была направлена в центральные медицинские учреждения для оказания им помощи на самом высоком ныне доступном уровне. Конечно, несмотря на то, что у нас в стране существует широкая сеть медицинских учреждений — и весьма квалифицированных учреждений! — в условиях того спокойного времени, которым можно считать последние десятилетия, не было и не могло быть во всех из них высокого уровня готовности к столь большому несчастью. А такая авария — несчастье для нашего народа, нашей страны и в первую очередь для всех тех, кто проживал в зоне, непосредственно примыкающей к месту аварии. Разумеется, в стране есть ряд учреждений, в которых такой уровень готовности всегда достаточно высок, — именно сюда были доставлены наиболее тяжелые больные. Без паники и суеты каждому из них установили полученные дозы облучения и степень тяжести состояния, разработали конкретный план необходимых медицинских мероприятий. Надо сказать, что процессы, которые вызывает в организме человека радиация, очень тяжелы, и нужна не просто медицинская и даже специализированная помощь, а вмешательство на самом современном научном уровне. Что и было сделано в кратчайшие сроки.

Вторая необходимость — выяснить, как авария сказалась на всем местном населении. Помимо нас, в этих работах приняли участие органы гражданской обороны, специальные службы Госкомгидромета, других ведомств. Совместными усилиями в течение первых нескольких суток были определены границы той территории, где радиация могла нанести ущерб здоровью людей. На основании этих данных, как известно, было принято решение вывезти всех из опасной зоны — сначала из 10-километровой, а затем — из 30-километровой.

В дальнейшем люди, побывавшие в районах, прилегающих к месту аварии, стали сами обращаться в медицинские учреждения: одни — обеспокоенные некоторыми изменениями самочувствия, другие — разными, порой противоречивыми толками о масштабах катастрофы, обстановке не только в Чернобыле, но и за сотни километров от него. Медикам необходимо было быстро сориентироваться, чтобы оказать неотложную помощь действительно пострадавшим и квалифицированно обследовать остальных: кому-то дать совет, кого-то просто успокоить.

Минздрав СССР принял решение в любом случае проводить радиационные обследования всех обратившихся к врачам. Когда состояние пациента внушало опасения или когда внешние параметры облучения достигали определенного уровня, немедленно принималось решение о госпитализации — в больницы, клиники на месте, в Москве, других городах страны. В столице для этой цели были развернуты отделения в двух больницах: сперва — № 7, затем — № 15. Они были оснащены всем необходимым оборудованием, получили дополнительный штат сотрудников, особенно специалистов для лабораторных исследований.

В ходе всей этой работы пришлось заняться дифференциацией пациентов, поскольку среди них были такие, которым требовалось повышенное внимание, и такие, которые не нуждались даже в наблюдении. Часть людей сразу же после осмотра врачи отпускали домой. У иных была лишь «загрязненная» одежда, и, пока она менялась, надо было провести несколько дней в больнице. Появилась и такая категория пациентов, которых следовало задержать подольше, чтобы поглубже разобраться в их состоянии, выяснить, есть элементы поражения радиацией или нет. Само собой разумеется, что врачи предельно внимательны были к людям, находившимся близко от АЭС, и к детям, которые вообще больше подвержены влиянию радиации. На местах в пострадавших районах Украины дополнительно было сформировано около 230 бригад из четырех человек каждая, а в Белоруссии работали примерно 1900 врачей и представителей среднего медперсонала.

Сейчас я могу со всей ответственностью сказать, что среди всех пациентов, госпитализированных в предварительном порядке, провизорно, по существу, не было выявлено больных. Серьезно пострадавших удалось найти и госпитализировать в течение первых суток. Теперь к их числу уже никто не добавляется, наоборот, их становится меньше, ведь надо учесть известную перестраховку, оправданную экстремальными обстоятельствами. За счет выписки здоровых окончательная картина происшедшего становится благополучней. Многих выписавшихся мы направили в санатории, в

первую очередь детей и матерей с детьми, чтобы они отдохнули, пришли в себя после столь большой нервной встряски, побыли под присмотром врачей, восстановили силы.

Наконец, на Минздраве обязанность оказать необходимую консультативную помощь коллегам на местах, для этого туда выехали наши высококвалифицированные специалисты. Они же провели, так сказать, рекогносцировку радиационной обстановки, чтобы получить необходимые сведения для дальнейших успешных действий.

— Сейчас, наверное, завершается основная работа?

— Мы отдаем себе полный отчет, что работа далеко не закончена. Сегодня важнейшая задача медицинских работников на местах — организовать четкое постоянное наблюдение за всеми людьми, эвакуированными из 30-километровой зоны. Да, они чувствуют себя совершенно нормально, и анализы показывают, что у них все в порядке, В нам важно установить любые, пусть незначительные отклонения в самочувствии этих людей. Хотя следует подчеркнуть, что кратковременное лучевое воздействие никогда не приводит и не может привести к хронической лучевой болезни.

Вдобавок врачу, как никому другому, понятно, что, кроме радиационного воздействия, в основном незначительного, безопасного, на людей навалилась огромная психологическая нагрузка. Они столкнулись с явлением необычным, неожиданным, не совсем понятным, плюс к тому перенервничали в дороге, оказались вне дома, подчас - семьи... Стрессовая ситуация сама по себе чревата неприятностями для здоровья.

Одно могу твердо сказать: там, где живут теперь люди, никакой опасности для них нет. И лучшая рекомендация для них — успокоиться, вести нормальный образ жизни!

— Все же многие сомневаются в безупречном качестве основных продуктов питания — овощей и фруктов, молока и мяса — из районов, прилегающих к 30-километровой зоне, а то и со всей Украины, Белоруссии. В частности, можно ли безбоязненно покупать на рынках что-либо?

— В кратчайшие сроки Минздрав СССР подготовил соответствующие инструкции, отправил их на места: что может представлять опасность, что не вызывает никаких опасений. По существу, радиационная обстановка в тех районах не ставит под сомнение возможность использования каких бы то ни было продуктов, за исключением, пожалуй, только молочных. Это понятно: вредная пыль осела на траву и коровы вместе с ней получают некоторое количество радиоактивных веществ. Однако, если пускать

молоко на переработку, скажем, для получения масла или сыра, то в конечном продукте никакой радиоактивности не останется, он будет, безусловно, пригодным для употребления в пищу.

Напомню одну существенную подробность: в составе радиоактивных веществ, выброшенных из поврежденного реактора, преобладает радиоактивный изотоп йода-131, а период его полураспада — восемь дней... Так что относительно молока и продуктов из него можно быть спокойным: качество их строго контролируют специальные службы Госагропрома, работники санэпидстанции, медики. Проверка каждого литра молока производится дважды — и на фермах, и на молокозаводах. Ежедневно проверяется качество около ста видов различной пищевой продукции.

— А растительность? Ведь авария прихлась на период бурного весеннего роста и цветения...

— Расчеты показывают, что растения вбирают в процессе роста примерно одну десятую процента существующего радиоактивного загрязнения, а это такие минимальные значения, которые никак не смогут повредить. Овощи и фрукты прошлогоднего урожая достаточно помыть и почистить со всей тщательностью. Тот же картофель из районов, окружающих опасную зону, должен вылежаться, после чего станет совершенно безопасным, а новый урожай к моменту созревания будет тоже вне подозрений.

— Мы как-то подзабыли (некоторые и вовсе не знали), что находимся под постоянным воздействием природного радиационного фона, не интересовались его уровнем, а теперь стали озабоченно подсчитывать абсолютные и относительные значения радиоактивного излучения, сравнивать различные показатели — рады, бэры, миллирентгены, прикидывать предельно допустимые величины... Путаница от такой самодеятельности невообразимая. Внесите ясность в этот вопрос!

— Расчеты наших очень квалифицированных специалистов показывают, что повышенный радиационный фон в ряде областей Украины и частично Белоруссии настолько ничтожен, что никак не может оказать вредного воздействия на организм и взрослого человека, и ребенка, Такое сравнение: при рентгенокопии желудка человек получает на область живота около 30 рентген, нагрузка же, которую может за год в итоге получить житель Киевской области и Киева, достигнет примерно половины рентгена. Весь соответствующий мировой опыт, скрупулезный анализ подобных ситуаций свидетельствуют о том, что такая нагрузка не окажет вредного влияния на здоровье, и только незнание существа вопроса и домыслы на эту тему позволяют страху поселиться в душе.

— Пора летних отпусков, школьных и студенческих каникул поставит десятки тысяч людей перед вопросом: стоит ли нынче отправляться на юг, в Карпаты, Прибалтику, короче в традиционные места отдыха и путешествий?

— Повторяю: никаких оснований для сомнений, тем более тревог.

Опасения такого рода строятся исключительно на эмоциях, не имеют под собой фактов. Когда мы на днях летели в Киев, я услышал от специалиста еще одно сравнение - в результате самого полета, за время следования из Москвы до столицы Украины, мы получим дозу радиации гораздо большую, чем даст месячное пребывание в Киеве, даже без учета того, что уровень радиации повсеместно методически снижается. Наконец, такой пример: двадцать ежедневно выкуриваемых сигарет наносят здоровью больший вред, чем проживание в нынешних условиях вокруг 30-километровой зоны.

— Тем не менее, как известно, из Киева и области вывозят детей, досрочно освободили от занятий школьников. Значит, все-таки есть необходимость оградить их от малейших опасностей?

— Знаете, этот факт касается совсем другого комплекса переживаемых трудностей. Есть, конечно, и доля перестраховки — на всякий случай, но главный мотив организационный: в Киев и область прибыло много ребятишек, эвакуированных из опасной зоны (около 24 тысяч), временное переуплотнение не на пользу учению, да и переживаний досталось детям! Лучше дать им возможность подольше и хорошенько отдохнуть.

— Вероятно, у медиков есть рекомендации по мерам предосторожности, пригодные, так сказать, для всех остерегающихся чего-либо плохого... Если киевлянам, как знаем, рекомендовалось в первое время избегать попадания под дождь, не позволять детям подолгу гулять на открытом воздухе, то надо ли придерживаться таких рекомендаций, скажем, москвичам, рижанам, ленинградцам?

— Рекомендация единственная — вести самый обычный, полноценный образ жизни! Не бояться ни дождя, ни долгих прогулок, не закупоривать окна. Вот ведь, согласно слухам, даже форточку нельзя, не стоит открывать: дескать, мало что залетит... Да нечему залетать, нечему!

Что же касается обстановки в Москве, то здесь обычный радиационный фон вообще не менялся и не меняется. Никаких оснований для волнений, сомнений нет. Хотя — увы! — появляются и москвичи, напуганные разговорами, просят обследовать их по всей форме на предмет радиационного поражения... Мы обследуем, объясняем что к чему, успокаиваем. Потому что нельзя человека

оставлять наедине с тягостными мыслями, пусть и нелепыми подозрениями.

И до чего доходит дело — боятся длительного контакта с людьми из районов бедствия, с их вещами, чуть ли не с письмами... Да, в первое время мы в Москве складировали одежду прибывших на лечение или обследование. Но полежала она около двух недель, и во многих случаях возникает необходимость разыскать владельцев, чтобы вернуть эти теперь совершенно безопасные вещи. В столице, кстати, создана специальная химчистка, можно каждому желающему привести в порядок свою одежду.

— И еще ходят упорные слухи относительно несомненной пользы алкоголя, в частности водки и красного вина. Якобы в Киеве чуть ли не в булочных продают спиртные напитки... Правда ли? И вообще, есть ли препараты, показанные для применения в качестве профилактического, укрепляющего средства?

— Все разговоры о спиртных напитках — фантазия чистой воды! Как я уже говорил, в Киеве был несколько дней назад, заходил в магазин: ничего подобного. Да и откуда? «Целебные» свойства спиртного не обоснованы никакими научными данными, но вред алкоголя при воздействии радиации известен хорошо.

О препаратах йодистого калия в определенной степени можно говорить как о средстве, повышающем сопротивляемость организма в случае облучения. Он способствует защите щитовидной железы — блокирует ее от попадания радиоактивного йода. В то же время тщательный анализ показал, что рекомендация к его применению в профилактических целях была целесообразной только для эвакуированных из опасной зоны, а сейчас и там в этом нет необходимости. Мы разработали подробную инструкцию по применению калий-йода, что было целесообразно в течение первых дней. В целом же, употребление препаратов йода не так уж безвредно, нам известны случаи ожогов пищевода от неправильного обращения с ним. Сегодня нет абсолютно никаких оснований рекомендовать (и применять в порядке самолечения) препараты йода в Киеве и районах, прилегающих к аварийной зоне.

— Олег Прокопьевич, одинаково ли воздействие радиации на разных людей, отличается ли реакция на нее в зависимости от пола, возраста, каких-либо индивидуальных особенностей?

— Я должен признаться, что у нас в этой области еще не накоплен достаточно большой опыт и нет достоверного статистического материала. Выработанные определенные критерии для оценки неблагоприятных последствий в различных случаях, конечно, приблизительны. Безусловно, есть индивидуальная

восприимчивость. Взять такое, например положение: во всем мире принято считать, что лучевая болезнь развивается после получения 100 рентген и более, но можно ли утверждать при этом, что при 110 рентгенах наверняка возникнут неблагоприятные изменения в организме? Поэтому требуются очень внимательные наблюдения за людьми, получившими те или иные, пусть и небольшие, дозы. Нужно наладить четкий учет этих людей, контроль за их состоянием, анализировать, обобщать все имеющиеся данные с целью свести до минимума ущерб человеческому здоровью. Этим мы и занимаемся. Ситуация теперь уже под нашим неослабным контролем, и надо просто продолжать работу — грамотно, терпеливо, настойчиво.

К сожалению, на местах маловато специалистов в области медицинской радиологии, а основная масса медицинских работников в этом смысле неважно подготовлена, слабо информирована. Это один из серьезных пробелов в подготовке кадров для нашего здравоохранения.

Еще одно критическое соображение. Мне доводилось общаться с многими людьми, в том числе учеными из разных областей знания. Складывается впечатление, что иные из них забывают об ответственности, которую накладывает на них сама причастность к науке как таковой. Понимаете, когда тот или иной из них пересказывает некие версии и слухи, когда не располагает точными фактами, но признаться в этом не хочет, а пускается в рассуждения перед неподготовленной аудиторией, это крайне вредно, в конце концов — неэтично. Люди-то думают, верят: ученый!

Тяжелый урок получили мы, что и говорить... Беда мучит, беда и учит, хотя цена такого обучения очень высока.

Беседу вели Г. Подгурская, В. Шаров.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Вчера, 8 мая, член Политбюро ЦК Компартии Украины, Председатель Совета Министров УССР А. П. Ляшко встретился с группой иностранных журналистов, которые прибыли в Киев. А. П. Ляшко рассказал о мерах, принятых по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Он отметил, что обстановка в районе станции находится под контролем, уровень радиации имеет устойчивую тенденцию к снижению. Угрозы для здоровья населения нет, народное хозяйство Киевской области функционирует устойчиво. В то же время внимание журналистов было обращено на то, что некоторые информационные службы Запада развернули вокруг аварии клеветническую кампанию, имеющую целью ввести в обман мировую общественность, отвлечь ее от актуальных вопросов оздоровления международного климата. Председатель Совета Министров республики, видные специалисты ответили на вопросы иностранных журналистов.

Во встрече приняли участие председатель Государственного комитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды Ю. А. Израэль, вице-президент АМН СССР академик АМН СССР Л. А. Ильин, управляющий делами Совета Министров УССР К. П. Бойко, министр иностранных дел УССР В. А. Кравец, министр охраны здоровья УССР А. Е. Романенко, председатель Киевского горисполкома В. А. Згурский, председатель Киевского облисполкома И. С. Плющ.

(РАТАУ).

Владимир КОЛОМИЕЦ
боль того лета

1

Ребенок мой!
Ромашка цветет —
 не дотронься.
Трава растет —
 не дотронься.
На крылышках пчел
 доза смертельная! —
не дотронься...

Бьет ток — незримые
 концентрические круги —
пульс Земли.
Граница напряжения —
 тридцатикилометровая зона?
Под небом — нёбом — горечь
 за сотню километров.
На сердце оседает
 печали пыль.

Миллиардосил —
 пробраз термоядерной смерти —
явил незримый доселе вид,
освободившись от опеки.
Против гиганта люди,
 как муравьи,
идут на бой.
За тебя,
ребенок мой!
в зеркало заглянув,
оскалилась дико,
попяtilась атомная война.

2

Над Припятью я не увидел аиста.
Молчала скорбь берез на берегу.
Березам не взлететь...

Летит раскатисто
в безаистовом небе тяжкий гул,—
идут машины... Поглядишь — и кажется;
дозиметристом солнце лишь...

Вот тут
на цыпочках ходили наши аисты,
но больше нас они не позовут.

3

без детей
в это лето словно вымер Киев
без детей

4.

Мед —
не выкачанный из сот...
Падают яблоки звезд
с высоты.
Август — в соку.
Август — стынь.

А тебя приковала
тоска к Припяти,—
конем стреноженным
едва передвигаешься...
Словно незримая стена между вчера
и сегодня, —
больно переступить.
Как ни зовет горизонт —
бодро, заманчиво,—
а мысли — уводят назад.
А мысль — за незримую стену...
Что там, погляди? —
мгла...
Шевелится и жжет.

Где же та девушка,
которая вытащит воды из колодца
и коня напоит?
Где же смех детворы? — не слышать...
Где пчела с медобором июльским?
А трава — зелена, да не ступишь.
Не вода, а слеза — через край.
Мед — что яд — не попробуешь...
Август — стынь.

5

Это было когда-то — и Днепр горел...
Гаснет и не погаснет посреди поля
адское пламя — как в адской заре
и на самом дне чернобыльской боли.

Николай ХУДАН

ВСЕГО

ОДНА НОЧЬ

Я хочу рассказать об одной чернобыльской ночи. Нет, не про первую... апрельскую, и не о той, 6 мая, а про ту... Впрочем, о рядовой ночи в Чернобыле в первый период ликвидации последствий аварии на АЭС. Хочу рассказать о мере осмысленного риска, мужестве пожарных при укрощении атомной стихии, чтобы не возникало многочисленных домыслов, саркастических ухмылок, нигилистических слухов...

Итак: Чернобыль. Один час сорок минут ночи.

Штаб группы по обеспечению противопожарной безопасности на АЭС и в тридцатикилометровой зоне, который разместился на втором этаже Чернобыльской пожарной части.

Вдоль стен небольшой комнаты штаба сидят офицеры. Идет совещание. Люди усталые. Очень усталые. Ведь на их плечах не только противопожарная охрана АЭС, Чернобыля, Припяти, населенных пунктов тридцатикилометровой зоны, без них немислима работа на станции, дезактивация района, да и охрана жилых домов... Заканчивая совещание, член правительственной комиссии подполковник Владимир Михайлович Максимчук говорил:

— Товарищи офицеры, еще раз напоминаю: внимание, внимание и еще раз внимание. Сейчас не может быть мелочей. Наблюдайте и прислушивайтесь к людям, помните, что как из маленького зернышка вырастает колос, так из небольшой мелочи может вырасти трагедия. К сожалению, имеем уже опыт...

— Да слышим же об этом ежедневно,— тихо сказал один из офицеров,— запомним на всю жизнь...

— И все же я вынужден напоминать об этом снова и снова,— настаивал на своем Владимир Михайлович. —

Люди быстро привыкают ко всему, и к опасностям, к сожалению,— тоже. Вы знаете, почему гибнут саперы?.. Потому что привыкают к опасной работе. Перестают обращать внимание на мелочи...— Помолчал. — Все, товарищи! Пора отдыхать. На сон осталось не так уж много времени — всего четыре часа. Подъем в шесть. Дежурным по штабу остается капитан Матросов.

Расходились не спеша. Офицеры почему-то топтались на месте, закуривали, хотя врачи и не рекомендуют курить. Подполковник Максимчук вышел на крыльцо, там уже был начальник пожарной

части Ленинградской АЭС капитан Чухарев Владимир Васильевич. Он как очарованный смотрел на звезды.

— Пир во время чумы, — выдохнул он. Капитан будто и на самом деле ожидал здесь кого-то, чтобы сообщить эту новость. — Просто не верится, что на фоне такой красоты невидимо, коварно гуляет смерть...

А погода действительно была как по заказу: тихо, тепло, точно молочной пеной облиты деревья в садах, со всех сторон неслось соловьиное пение, а над головой, среди густо посеянных звезд, гордо проплывала луна.

— Последний обзор чернобыльского неба? — спросил подполковник.

— Да, Владимир Михайлович, — почему-то грустно подтвердил Чухарев. — Нужно лететь. Вы же знаете, жену уже забрали в родильный дом... Может, завтра-послезавтра ей родить, а дома... никого...

— Да не оправдывайся, — улыбнулся Максимчук, — все это понимают. Лети, как говорили наши деды, с богом. Рождение ребенка сейчас символично.

— Да оно-то так, — то ли соглашался, то ли собирался возразить капитан. — Но все же в душе какой-то холодок, будто я предаю вас.

— Ну, когда устроишь дома все дела — прилетай сюда опять... Довоюешь свое.

— Наверное, так и придется, ..

Иванков. Лагерь по дезактивации отработавших свое на АЭС людей и техники. Один час пятьдесят пять минут ночи. Дежурный по лагерю лейтенант Юрий Иванович Онищук.

Ночь — это ночь, спать все же хочется. Да еще после такого напряженного дня. Ведь только вчера окончилась смена составов свободных отрядов, когда дезактивационный лагерь работал круглосуточно. И только сегодня, когда напряжение немного упало, Юрий Иванович почувствовал, как устал за эти дни.

Чтобы разогнать сон, прошелся по палатке, сделал несколько гимнастических упражнений. Не очень помогло. «Кофе выпить? — улыбнулся сам себе. — Так врачи не рекомендуют... Да и из какой воды кофе?.. Из минеральной?! Ох, и надоела эта минералка. Наверное, дома век ее пить не буду...» Подошел к рации. Нужно послушать эфир... Треск, шипение. Вышел на дежурную волну. Опять треск, сквозь который прорываются голоса. Какие-то тревожные обрывки фраз... Резануло по сердцу слово «дым». Попробовал связаться с АЭС... Молчит. «Нужно предупредить УПО области, — в душу лейтенанта

заползло что-то тяжелое и холодное,— на всякий случай пусть будут готовы!..»

— «Заря», «Заря»,— тревожно полетело в эфир,— я «Ашхабад»... в эфире беспокойно...

«Нужно еще,— подумал лейтенант,— связаться со сводными отрядами в Иванкове. Слово «дым» не случайное...»

Киев. Центральный пункт связи. Два часа ночи. Оперативный дежурный подполковник Николай Иванович Скидан, заместитель дежурного капитан Владимир Александрович Осипов.

Капитан прослушивает эфир. Дежурная доложила, что на волне Чернобыля дважды послышалось слово «дым» и «кабельный туннель». Все может быть. Все...

В комнату входит подполковник Скидан.

— Ну что? — спросил капитана.

— Притихло,— ответил Осипов.

— А может, у страха глаза велики? — попробовал пошутить Николай Иванович.

— Да... наверное, нет...— в раздумье ответил капитан.— Все-таки «дым»... «кабельный туннель»...

И вдруг:

—...Всем, всем, всем... я «Десна»...

— Товарищ подполковник, — официально обратился Владимир Александрович к оперативному дежурному.— Горят кабели в туннелях на АЭС.

— Свяжитесь с генералом Десятниковым,— сразу став строгим, отчеканил Скидан.— Немедленно!

— Так он же больной,— попробовал возразить Осипов,— может, к кому-то из заместителей...

— Так было приказано! — уже по-военному отрубил подполковник...

Чернобыль. Штаб. Два часа одиннадцать минут ночи. Тишина.

Офицеры разошлись по комнатам отдыха, за столом в штабе сидит капитан Владимир Евстафиевич Матросов.

Несмотря на большую усталость, спать не хотелось. Наверное, переутомился. Да оно и лучше, дежурить же до утра, а на дежурстве... Вспомнились последние слова подполковника Максимчука на совещании: «...люди быстро ко всему привыкают и... к опасности, к сожалению, тоже...» К сожалению, привыкают. Причем все. Или почти все. И честные и... злодеи... Как тот лобуряка, которого поймали в чужой квартире в опустевшем Чернобыле.

Телефонный звонок перебил тяжелые думы капитана.

— Пожар на АЭС! — прохрипела трубка.— Горят кабели на четвертом и третьем блоках! Высылайте пожарные... машины...

И всё.

— Алло, алло, алло, кто передал? — попробовал выяснить Матросов.

Молчание.

Комната отдыха офицеров рядом со штабом. После совещания они еще не успели и уснуть, только улеглись, когда двери резко открылись, и на пороге появился Матросов.

— Товарищ подполковник,— обратился он к Максимчуку,— звонок со станции. Передали, что горят кабели в туннелях четвертого и третьего блоков. Добиться подробностей не удалось. Молчат.

— Высылай дежурный караул Чухарева, сам — в общежитие, поднимай замполитов и водителей, готовь технику, я — на станцию.

Через две-три минуты все офицеры были на крыльце. Караул Чухарева выезжал на стартовую площадку.

— Товарищи офицеры,— обратился Владимир Михайлович к офицерам,— я не знаю, насколько серьезно положение на АЭС. Возможно, группа обеспечения противопожарной безопасности станции и караул Чухарева и справятся, но... я должен ехать туда. Я вам не приказываю, но все же... если есть желающие, прошу в БТР.

Подполковник на минуту подбежал к машине Чухарева, которая остановилась возле шлагбаума,— последние наставления перед возможным боем, и когда подошел к бронетранспортеру, на крыльце никого из офицеров не было, все сидели в БТР, оставалось одно только свободное место возле водителя...

Вспоминает полковник Владимир Михайлович Максимчук:

— Я много лет отдал противопожарной охране. Тушил пылающие нефтебазы и химические заводы, многоэтажные дома и корабли, были такие тяжелые минуты во время пожара, что казалось — всё, это последнее мгновение в моей жизни. Но... мне никогда не было так страшно, как тогда в бронетранспортере, когда мы ехали из Чернобыля на АЭС. И страшной была не возможность большого пожара, к этому мы себя готовили ежечасно, ежеминутно и, сами понимаете, привыкли. Страшным для меня было молчание в БТР. Вы понимаете, я никогда не думал, что обычное молчание может быть таким ужасно тяжелым. Я видел лица товарищей: они были желтыми — а может, мне так показалось? Глаза были острыми... какими-то чужими. Я старался прочесть их мысли. Воображение рисовало разветвленные кабельные туннели и коробки на третьем и четвертом блоках, по которым огонь мог перекинуться куда угодно. А если куда угодно, это значит, что огонь мог ворваться в машинный зал, где

разлито много тонн масла еще после первого взрыва, а турбины стоят под водородом. Что случилось бы?.. Я не знаю, что случилось бы... Это во-первых. А во-вторых, пожар в кабельных туннелях и коробах мог остановить главные циркуляционные насосы, которые держали третий и четвертый реактор взнузданными. Что случилось бы, если бы они остановились? По-моему, не так тяжело догадаться.

Об этом думал я, и, конечно же, об этом думали мои товарищи в бронетранспортере, которых я вез на станцию. Имел ли я на это право? Ведь у каждого из них есть семья... дети, а поездка может оказаться последней. Но если бы вначале я поехал сам, все разведал, а потом... А потом могло быть поздно. Дорога каждая минута. Мгновение могло решить судьбу миллионов людей...

Этот разговор произошел через несколько месяцев после той ночи в Москве, где я разыскал уже полковника Владимира Михайловича Максимчука. А пока...

Пока бронетранспортер на сумасшедшей скорости мчит к АЭС.

АЭС. Административный корпус. Два часа сорок минут ночи.

БТР развернулся на ходу и остановился возле центрального входа. Вокруг тихо и темно.

- Что-то гостей плохо встречают,— попробовал пошутить капитан Гудков.

- Где-то же здесь должны быть машины Чухарева,— будто раздумывал вслух Максимчук.

- Машины Чухарева тушат пожар,— из темноты вынырнул капитан Чухарев.— Докладываю, товарищ подполковник: общая картина пожара на станции неизвестна. Тушим огонь методом исключения. Но где очаг пожара, не разведали. Воду машины берут в канале. Теряем время на транспортировку воды из канала к реакторам. Штаб ГО только обещал дать свой БТР и десять человек дозиметристов.

— Спасибо, Владимир Васильевич.— Максимчук скользнул взглядом по офицерам, точно выбирал, кому из них можно доверить ответственное дело.— Вот ты, Владимир Васильевич, это и сделаешь. Садись на связь. Первое — Чернобыль. Там Матросов готовит технику и людей. Второе, свяжись с дезактивационным лагерем. Там дежурит лейтенант Онищук. Пусть поднимает все три сводных отряда, которые базируются в Иванкове. Пожар № 3, и... выйди на Киев. Там генерал, он примет решение. Товарищи офицеры, встречайте машины, которые придут, формируйте пятерки. Каждую пятерку будет возглавлять офицер. Ждите меня, я — в разведку. Нужно иметь общую картину пожара. Без этого мы не сможем надеяться на успех.

— Я с тобой,— твердо сказал капитан Гудков.

— Да, Александр Сергеевич,— подтвердил Максимчук,— ты пойдешь, но только не со мной. Вот схема станции,— обратился он к Чухареву.— Я пойду служебным коридором до четвертого реактора, ты, Саша, пойдешь улицей с другой стороны к транспортному коридору. Фиксируем все, только тогда можно посылать людей. Нас проводит кто-нибудь? — обратился он к Чухареву.

— Нет,— зло ответил Владимир Васильевич.— Дежурный по станции сказал, что они уяе там были и больше не пойдут. И вообще, у меня такое мнение, что пожар их мало тревожит.

— Значит, пойдем сами...

Иванков. Лагерь по дезактивации. Лейтенант Онищук Юрий Иванович. Два часа пятьдесят пять минут ночи.

— «Береза-один»... «Береза-два»... «Береза-три»... Я «Ашхабад»... Срочно. Чернобыль. Пожар № 3...

Киев. УПО. Центральный пункт связи. Два часа пятьдесят семь минут ночи.

— Товарищ подполковник, — обратилась дежурная к Скидану.— Генерал Десятников просит к телефону.

— Да. Я слушаю.

— Слушай меня внимательно, Николай Иванович, - услышал голос генерала Скидан. — Срочно. Выделить из Киевского гарнизона десять отделений - и в Чернобыль. Сам возглавляешь группу. Бери с собой и своего заместителя.

— Я Осипова оставил бы, нужно кому-то здесь командовать...— начал было Скидан.

— Здесь найдется кому командовать,— перебил его генерал, — На Чернобыль. Там Максимчук — прямо к нему. Нигде не теряйте ни одной минуты. И еще, чтобы ты знал, я связываюсь с Киевским военным округом. На всякий случай пусть будут готовы... Всего доброго, Николай Иванович. Держи оперативный штаб Киева в курсе дела.

Подполковник положил трубку и нажал кнопку общей связи.

— Внимание! Всем пожарным частям. Пожарные части № 4, 7, 6, 14, 18... выделяют по одному отделению, которые немедленно выезжают в Чернобыль. Пожар № 3. На окраине города строиться в колонну не будем. Каждая машина едет в Чернобыль самостоятельно. Я выезжаю с частью № 4. Через каждые пятнадцать минут докладывать, на каком километре находится машина. Подполковник Скидан...

Чернобыль. Штаб. Три часа пятнадцать минут ночи.

Чернобыльский сводный отряд подняли по тревоге, потому площадь перед штабом заполнена пожарными всех рангов. Люди

одеты в одинаковые защитные костюмы, и не так просто разобрать, где майор, где лейтенант, где сержант или водитель.

Вдоль дороги стоят десять пожарных машин.

— Товарищи! — прогремел рупор. — Внимание! — Говорил капитан Матросов, — Офицерам собраться у входа, водителям — около БТР, дозиметристам — возле шлагбаума, пожарным — возле штабной машины.

Порядок быстро был наведен. Капитан Матросов на правах дежурного начал формировать отделения: один офицер, водитель, дозиметрист, пожарный, машина. И сразу же укомплектованное отделение отъезжало на АЭС.

— Товарищ майор, — обратился Матросов к Николаю Григорьевичу Новосельцеву, — остайтесь за меня дежурным по штабу. Приказ Максимчука. Это во-первых. А во-вторых, сейчас начнут прибывать сводные отряды, что базируются в Иванкове. Будете формировать отделения, как только что делал я, и направлять на станцию. Не забывайте о связи. Возьмите в помощь Вересоцкого.

— Володя, я же не пожарный, я этого никогда не делал! — крикнул почти вдогонку Матросову Вересоцкий.

— Я тоже не делал, — ответил уже из машины Матросов. — Сумеете... Тем более, что вы с майором Новосельцевым.

Вспоминает капитан Григорий Григорьевич Вересоцкий.

— Я и, правда, в первые минуты растерялся. Я кадровик. То есть работаю в отделе кадров и, конечно же, никогда не формировал ни отделений, ни частей, да еще в таком авральном положении. Не забывайте, что делать нужно было все быстро, потому что штаб АЭС требовал: давай, давай, давай! Уже позже, когда с пожаром было покончено, я узнал, почему «давай, давай», а тогда... Да еще же, имейте в виду, люди со всех концов нашей республики. То приезжают одесситы, то днепропетровцы, херсонцы... Люди друг друга не знают, отделения разуконплектованы. И... чего греха таить, Чернобыльская станция уже показала свой характер... А что она на этот раз продемонстрирует?! Мы же люди. Не комбайны и не бронетранспортеры. А потом, когда эти молодые парни выстроились на площади и я посмотрел в их глаза... Вы знаете, что я увидел в этих глазах? Вы можете мне не поверить. Но я увидел спокойствие. Знали ребята, куда ехали?.. Не могли не знать. Были уже погибшие на АЭС, были те, что умерли в больницах от лучевой болезни, были госпитализированные, а они спокойно ехали выполнять свой долг... И, вы знаете, мне стало легче. Растаял лед в душе, появилась уверенность, что все будет хорошо, нужно только честно делать свое Дело.

А в это время на станции...

Вспоминает Владимир Михайлович Максимчук:

— Я шел служебным коридором с фонарем, ведь горели кабели и электрики выключили все, что можно было выключить. А нужно было любой ценой нарисовать себе картину пожара, иначе куда посылать людей? Я знал, что иду не один, что там, с другой стороны станции, по улице идет капитан Гудков. Я верил, что он не испугался и идет, серил и в то, что возле административного корпуса Чухарев формирует пятерки пожарных. Для чего я отдал ему приказ формировать пятерки?.. Наверное, где-то в подсознании уже начал складываться тактический план тушения этого проклятого пожара, который огненными гадюками полз по туннелям и коробам. А тактика исходила из Условий, которые сложились на это время на этих блоках.

В служебном коридоре пахло дымом, откуда-то он все же проникал сюда, но все-таки было видно, куда идти.

Зло заползало с другой стороны. Фонарь мой светил все хуже и хуже, хотя меня и убеждали, что батарейки в нем новые. Уже потом я узнал, что меня не обманули, это было следствие большого излучения. Возможно, именно поэтому я и не заметил железных дверей, за которыми были ступеньки, что вели в помещения 402 и 403, в которых по непроверенным данным и начался пожар.

По пути начали попадаться куски черного и серого камня, идти стало тяжелее — спотыкался, пока наконец не увидел, что идти дальше некуда. Передо мной коридор обрывался, и сразу же начиналось нагромождение огромных глыб. Почему-то первая мысль была: как перелезть через эти глыбы?.. И вдруг мысль простая, как истина, остановила меня. «Да это же четвертый реактор!» Между глыб чернели щели. Почему-то мне эти дырки показались большими, чем глыбы. Я осторожно, точно боялся нападения, попятился и чуть не упал, больно ударившись ногой о черный камень.

Сколько я так отступал, не знаю. Нога болела, и я все время держался рукой за стену коридора, пока не почувствовал под рукой железо.

«Двери!» Эта мысль так обрадовала, что я, забыв о боли в ноге быстро побежал по ступенькам вверх.

Один пролет, другой, третий, четвертый... Уже не было сил дальше двигаться, когда я попал в большой зал. На противоположной стене белели цифры «402».

Под потолком через все помещение проходил кабельный короб. В нем бурлил огонь — аж гудело! — огромный кусок короба раскалился и уже имел светло-красный цвет.

С другой стороны зала ко мне бежал Александр Гудков...

АЭС. Административный корпус. Три часа сорок пять минут ночи.

Только со станции пришли Максимчук и Гудков, с ревом ворвались на площадь пожарные машины из Чернобыля, от четвертого блока на БТР подъехал Чухарев.

— Товарищ подполковник,— обратился он к Максимчуку,— мы теряем много времени на заправку машин водой возле канала. И все это под обстрелом четвертого реактора. Нужно...

— Правильно, Владимир Васильевич,— понял Максимчук мысль Чухарева.— Необходимо проложить рукава от канала к машине, что стоит возле четвертого. Снимай рукава со всех машин, их нужно много. Еще надо будет подать воду на высоту 12,5 метра в 402 помещение.

— Я быстро проложу...— начал было Чухарев.

— Это сделают другие,— остановил его подполковник.— Ты сколько раз ездил сегодня на БТР к четвертому?

— Трижды... Водитель говорит, что больше не поедет.

— Правильно говорит. А ты что, из другого теста? Или ты хочешь, чтобы тот ребенок, которого рождает твоя жена, был последним?

— Да я...

— Ну вот, «да я», помоги лучше здесь, а тогда — в тыл! Владимир Евстафиевич,— обратился подполковник к Матросову,— сделай это ты, а то здесь много новых людей.

— О чем речь...

Пожарные рукава полетели на БТР, и через минуту он скрылся во тьме.

Вспоминает полковник Владимир Михайлович Максимчук:

— Матросов проложил рукавную линию от насосов на канале к машине, которая стояла между третьим и четвертым реакторами, а машина уже подавала воду в зону пожара. Главным заданием стало проложить линию и подавать воду на отметку 12,5. Там было страшнее всего, а значит, нужно было выделить первую пятерку, и таких ребят, которые не только справились бы с задачей, но и своим примером проложили дорогу другим.

Меня ребята не пустили. Нога моя горела, как после ожога, немного тошнило. Но я настаивал на том, что я лучше других знаю путь и первую пятерку должен вести я. Тогда Гудков заявил, что группу поведет он, а если я буду рваться на блок, то они меня свяжут и отправят в тыл.

Выделили первую пятерку: Матросов, Гудков, Богатыренко, дозиметрист, механик-водитель.

Решили от административного корпуса к четвертому реактору ездить на БТР. К сожалению, я не знаю фамилии ни дозиметриста, ни

механика-водителя. Тогда было не до фамилий. И в это время — как гром среди неба.

— Внимание, внимание! — прогремел громкоговоритель.— Всем пожарным немедленно покинуть зону пожара. Большое излучение...

— Представьте себе мое состояние. Здесь уже ни о чем не думалось. Единственное: как поведут себя люди?! А люди... Все остались на своих местах. Только... нужно было видеть то мгновение, когда собиралась выходить первая пятерка. Как они заботливо помогали друг другу надевать защитные костюмы, поправляли ремешок или пуговицу Внимание к товарищу было каким-то нежным, как у матери к ребенку...

Вспоминает майор Александр Сергеевич Гудков:

— Нашим заданием было проложить рукавную линию от машины на отметку 12,5 метров.

Источник огня в одном туннеле потушило отделение Чухарева. Мы чувствовали, что это далеко не все, но этот проклятый источник на 12,5... Нам казалось, что вся беда от него.

Рукав провели сверху и подключились к машине. Влезть на короб было невозможно, так как он распался до того, что был красным. Значит, нужно охладить его, и тогда можно будет залезть наверх, разломать и подать воду в сам короб. А времени Максимчук выделил на каждую пятерку по десять минут. Больше нельзя. Излучение очень большое. А что ты успеешь сделать за десять минут? Да и часов у нас не было, снимали, так как они быстро выходили из строя и сами становились радиоактивными. Время отсчитывали так: каждый работал и мысленно считал — один, два, три, четыре... Каждое число обозначало секунду.

Струя воды ударила в короб — и помещение 402 очень быстро наполнилось паром. Сколько времени нужно, чтобы охладить короб?.. Мне тогда казалось — вечность. Богатыренко все старался залезть на короб и каждый раз обжигался. А влезал с помощью Матросова, так как лестницы не взяли — всего сразу не предугадаешь.

Наконец Богатыренко на коробе. Теперь нужно разломать его. Чем?

— Ломик и багор! — крикнул сверху Станислав Борисович. Еще мгновение — и железный скрежет уже слышали, наверное, возле административного корпуса.

— Ну и железо дают на коробки, как на танки,— попробовал пошутить Богатыренко.— Не разорвешь.

— Нужно чтобы следующая пятерка шла с лестницей, — предложил Гудков.— Тогда можно вдвоем...

— Следует подать воду в короб. — Богатыренко чуть не слетел вниз.— Новая пятерка пока разберется...

— Мы уже здесь тринадцать минут,— подал голос дозиметрист.

— А сколько твоя техника показывает рентгенчиков? — спросил Матросов.

— Много...

Человека всегда пугает неизвестность. Какой бы ни была опасность, человек всегда легче переносит ее, если он знает, где она и что можно от нее ждать. Другое дело, когда вы знаете, что враг рядом, а где — вы не видите. И в какое время он нападет на вас — неизвестно. Психологическая тяжесть... Что-то подобное переживает человек, который находится под обстрелом излучения. Вы ничего не ощущаете, но знаете, что вас обстреливают. А может быть, и нет?! Где остановиться? А может, здесь нужно пробежать? Или сюда лучше совсем не соваться... И эта неизвестность давит на человека. И только чувство долга позволяет преодолеть эту тяжесть. А что такое долг?... Это, наверное, способность человека представить ту катастрофу, которая может случиться, если ты не выполнишь определенной работы. Увидеть себя в условиях этой катастрофы, увидеть своих близких, свой народ, в конце концов. Вот это ощущение ответственности и перевешивает страх за свою собственную судьбу.

АЭС. Административный корпус. Площадь.

— Ну, где они?! — Максимчук устало присел на подножку автомобиля. В который раз посмотрел на часы.— Шестнадцать минут уже.

Он, конечно, имел в виду задержку группы Матросова — Гудкова.

— Это самоубийство,— покачал головой подполковник Ткаченко, заместитель начальника ГО по противопожарной охране станции.

— Проскочим к ним? — спросил Чухарев.

— Подождем еще пару минут. Как с циркуляционными насосами?

— Черкасцы там,— ответил Ткаченко.— Один офицер и два пожарных. Они в кабельном туннеле, который ведет к насосам. Там излучение миллирентгенное, так что можно находиться не один час. Они не пустят огонь к насосам. Во всяком случае, хотя бы сообщат, если будет что-то серьезное. Да и я сейчас проскочу к ним.

— Так что будем делать с кабелями в туннеле, которые ИДУТ в машинное отделение? — спросил Максимчук — Рубить?

— А не спешим ли? — ответил вопросом на вопрос Ткаченко.

— Риск огромный. Мы еще, к сожалению, не имеем полной картины пожара.

— Рубить! — Чухарев махнул рукой, как топором.

Вот и хорошо. Подбери, Владимир Васильевич, толкового офицера, возьмите еще пять-шесть человек добровольцев и с топорами — в туннели машинного зала. Все кабели, что ведут к нему, должны быть не просто перерублены, а вырублены куски не менее двух метров...

Из темноты выскочил БТР.

— Совесть у вас есть? — набросился Владимир Михайлович на Гудкова. — Почти двадцать минут...

— Не могли раньше, — начал было капитан.

— Нужно же не просто побывать там, а что-то сделать, — поддержал Гудкова Матросов.

БТР заревел и нырнул в темноту — повез новую пятерку.

Вспоминает капитан Матросов:

— Нашей пятерке таки удалось разбить короб и всунуть в него пожарный рукав. Мы знали, что задерживаемся больше положенного времени, но и уйти, не сделав того, что мы сделали, не могли. Пока пришла бы новая пятерка, огонь снова разгорелся бы, короб нагрелся и нужно было бы начинать все сначала. А дальше шло разветвление короба. Далеко ли проник огонь?.. Что делается рядом, в 403 помещении?.. Конечно, мы уже немного освоились, пошли разведчики в туннели, БТР возил к четвертому реактору пятерку за пятеркой. Мы прямо на площади готовили пятерки: рассказывали, как попасть на место пожара, распределяли роли, то есть каждый знал, что он должен делать, протянули еще одну рукавную линию. Наконец Максимчук подходит ко мне и говорит:

— Все, Володя, в баню. Дезактивируйся как сможешь и в тыл.

— А вы?

— Я сейчас не могу. Киев сообщил, что нам на помощь едет группа пожарных, тогда, возможно... Понимаешь, киевляне — это цельный коллектив, единый организм. Сложность нашей работы сейчас в том, что отряды пожарных составные, ребята не знают друг друга, да и не у каждого есть опыт... хотя работают они честно...

Говорят, что в бане все равны. Это, наверное, потому, что в бане люди раздеты, не видно рангов, знаков отличия и каждый выглядит так, какой он есть на самом деле. Но здесь же забываешь на время все обязанности, расслабляешься, и... тогда на поверхность выходит то, что глубоко было припрятано. Поэтому, когда я зашел в баню и стал под душ, что-то произошло со мной. Телу стало легче, зато душа словно свинцом наливалась. Что это?.. Я искал причину такого состояния и не находил. Казалось, должен быть доволен собой. Сделали все, что смогли. Уже ясно, что взрыва на станции не будет. Правда, пожар еще

полностью не ликвидирован, но мы уже пришли в себя, осмотрелись, наладили механизм его тушения. Тогда почему так сжимается сердце? И вдруг я понял — это страх. Обычный страх. Даже рассердился на себя. Когда следовало бы бояться — страха не ощущал, а тут, когда все уже позади, вдруг испугался... Страх проснулся...

Начало светать. Матросов оделся и вышел на площадь. Навстречу ему почти бежал Максимчук.

— Володя, ты меня извини, но «тыл» отменяется,— сказал подполковник виноватым голосом.— Кроме тебя, быстро никто не сделает. Ты же тянул рукавную линию от канала к четвертому блоку, а вода исчезла. Только что вернулась пятерка — вода на отметку 12,5 не поступает. Послали новичков... Во-первых, они не знают, где, во-вторых, пока разберутся...

Вспоминает капитан Матросов:

— И вы знаете, можете мне не поверить, но сразу исчез и противный холод из души, и усталость, перед глазами была только отметка «12,5 метра».

Мы бросились к каналу вдвоем с Богатыренко. БТР только что повез новую пятерку к четвертому блоку. Картина, которую мы увидели по дороге от канала к месту пожара, потрясла.

Обе линии рукавов, что подавали воду к машине,— она стояла между третьим и четвертым блоками,— были порваны. Наверное, прошел бронетранспортер ГО и сделал свое черное дело. Вода заливала все вокруг, так как насосы на канале работали. Богатыренко бросился к насосам, я — к административному корпусу. Нужно же было взять нож, проволоку, рукавные гайки...

Через несколько минут вода пошла к машине, па рукава мы поставили переездные мостки, так что подобное больше повториться не могло.

Но это еще не все, беда уже подкрадывалась к нам с другой стороны. Как ни много приехало пожарных, но каждая пятерка работала только один заход и всего десять минут. Таков был приказ полковника Максимчука. Если первые два часа мы только встречали машины с людьми, то теперь — отправляли...

- Товарищ подполковник,— к Максимчуку подошел молодой офицер,— пятерки комплектовать уже не из кого.

- Тогда пойдем мы,— Владимир Михайлович молча переводил взгляд с Гудкова на меня, с меня на Чухарева...

Мы так же молча начали надевать защитные костюмы.

Тайны не существует, если о ней знает больше чем один человек. Да еще в таких условиях. Так вот, за какую-то минуту-две об этом знали

все на площади, а на ней было еще много людей, тех, что не успели уехать в Чернобыль.

Вначале к нам подошло три человека, предложили свои услуги, потом — двое, потом — пятеро.

Вспоминает полковник Максимчук:

— Что меня удивило тогда, да и сейчас поражает, когда вспоминаю, переосмысливаю события той ночи — это люди. Ведь все уже хорошо знали, что на высоте в зоне пожара высокая радиоактивность. Даже на улице возле машин, которые подавали воду на отметку 12,5 м, было от сорока до пятидесяти рентген. Что делать? Посылать или не посылать отработавших уже свое людей?.. С одной стороны, я не имел права этого делать, никто не давал мне права па их жизнь. С другой... Что же делать?.. Перестать тушить почти укрощенный пожар? И вот в это время в серой предрассветной мгле за каналом замигали десятки автомобильных фар. Подполковник Скидан Николай Иванович с киевской группой пожарных спешил к нам на помощь.

— Товарищ член правительственной комиссии...— начал было докладывать Скидан.

Но я перебил его:

— Николай Иванович, дорогой мой,— и я почувствовал, что мои губы расплываются в улыбке — тебя прислал, наверное, сам господь-бог.

— Не господь-бог, а генерал Десятников,— отшутился Скидан. — Ну, что тут у вас?

Прибытие киевской группы резко изменило ситуацию на станции. Пока, развернув план АЭС на капоте машины, Максимчук знакомил Скидана с обстановкой, сложившейся к данному моменту, капитан Осипов ходил между машинами и выкрикивал:

— Пономаренко! Бервицкий! Мурзин! Щербань! Проценко! Навроцкий!

Когда названные товарищи выстроились на площади, к ним обратился Осипов:

— Товарищи, я выбрал вас, самых опытных, первыми, потому что от того, как поведете вы себя, зависит дальнейший ход событий. Предупреждаю, в зоне пожара много рентгенов. Вы согласны идти первыми?

— Ты идешь, командир? — спросил Пономаренко.

— Я иду впереди, вы — за мной,— ответил Владимир Александрович.

— Тогда о чем речь...— загомонили в строю почти хором.

— Значит, берем багры, ломы, топоры. Дозиметриста не нужно. Лучше с ним все равно не станет, только страх будет нагонять...

Вспоминает капитан Осипов:

— Нам было легче, во всяком случае, вначале, легче в том отношении, что путь к огню наши товарищи проложили раньше. Пожарные рукава служили нам путеводителем. Как только мы выскочили из БТР, сразу же, не теряя ни секунды, бросились на эту проклятую высоту 12,5. Мы знали, куда бежать, знали и то, что путь огню к машинному залу отрезан. А это было очень важно, потому что машзал был похож на банку с порохом. Кроме масла и водорода, которые, как известно, умеют хорошо взрываться и гореть, там еще и облицовку стен и потолка сделал какой-то недоумок из полистирола. А он полыхает, как головки у спичек. Знали мы и то, что максимчуковцы образовали надежный заслон в туннелях, которые вели к главным циркуляционным насосам. Значит, возможность взрыва исключена и главное, что теперь требовалось от нас, это локализовать пожар, затем — пенная атака и... Но до этого еще нужно было дожить. Если главный источник пожара был в помещении 402,— а в нем наши предшественники разгромили все коробки,— то оттуда огонь мог легко перекинуться в помещение 401 и 403. А они-то как раз и остались непроверенными.

Я попал в 401-е сразу же, безошибочно. Возле стены краснел короб. Значит, в нем бушует огонь. Нашим ребятам удалось быстро с ним справиться. Больше в этом громадном зале ничего не горело. Нужно было возвращаться на «большую землю», потому что задержались мы здесь, по нашим подсчетам, на пятнадцать минут, не меньше. Вдруг — испуганный крик. Молча посмотрел на ребят, они — на меня. Никто из нас не кричал. Хотя и знали, что Максимчук и Скидан будут ругать за задержку, нужно было выяснить, кто вскрикнул.

Разбежались по помещению. Фонари почти не светили, но было хорошо уже видно и без них, и тут я чуть было не провалился в люк. На дне, на двухметровой глубине, лежал человек в таком же защитном костюме, как и мы. Так вот в чем дело... Веревка была с нами, и я вмиг оказался возле пострадавшего. Это была отметка 9,2 м. Оказывается, разведчик ГО провалился в люк и сломал ногу. Я обвязал его веревкой, и мои товарищи вытянули парня. И тут... Возле стены, где кабельный короб нырял куда-то в глубину, повалил черный дым. Мгновение — и я оказался возле короба. С левой стороны чернел обвал, а далеко внизу возле каких-то глыб виднелись кабели. Добраться до источника огня, да еще без лестницы, очень трудно, если вообще возможно. Значит, нужно быстро вернуться сюда с лестницей. Сашку до БТР мы несли на

руках и сразу же возле административного корпуса передали на руки медикам. Максимчуку и Скидану я рассказал о своей находке, то есть о новом источнике огня, и с легкомыслием двадцатилетнего юноши заявил:

— Владимир Михайлович, нужна трехколенная лестница, я спущусь в провал и затушу еще один источник огня.

Максимчук посмотрел на меня, как на сумасшедшего.

Вспоминает полковник Максимчук:

— А как еще я должен был на него смотреть? То, вероятно, были руины четвертого реактора!.. А там... Но Осипова, казалось, не остановить. Он весь как наэлектризованный... Мне было понятно его состояние. Сам испытал подобное. В чем он, конечно, был прав, так это в том, что новичку для поисков этих огнедышащих развалин потребуется больше времени, чем разрешено человеку находиться в условиях излучения. Но и оставить новый источник огня без внимания мы тоже не имели права. Все усложнялось еще и тем, что проложенные рукава не доставали до очага огня и хотя бы один из них нужно удлинить.

Договорились так: ребята дотачивают рукав возле машины на улице, а Осипов бежит что есть мочи наверх, бросает конец рукава со стволом в обнаруженную дыру и в том же темпе назад...

Мне показалось, что их не было целую вечность. А они и на самом деле задержались. Представляете, чтобы дотачать рукав, нужно было остановить насос и перекрыть кран возле машин. Ну... дотачать-то дотачали, насос включили и бегом к административному корпусу. Вода, дескать, пойдет по рукаву куда нужно. А вода не пошла. Насос ревет как оглашенный — рукав пуст. Я к водителю: в чем дело?

А он:

- Я все сделал... Я все сделал...

А руки дрожат, как в лихорадке.

Осипов опять бросился к машине. Оказывается, кран на выходе из машины в спешке забыли открыть.

АЭС. Административный корпус. Площадь. Восемь часов тридцать минут утра.

— Ну всё, Владимир Михайлович,— Николай Иванович Скидан не сказал, а выдохнул, будто только что сбросил плеч многопудовый мешок,— Огонь локализован в помещении 403. Теперь пенная атака и... можно докладывать Киеву, что все в порядке.

— Подожди докладывать,— почти шепотом перебил его Максимчук.— Пока не проверим все, не убедимся...

— Так и сделаем,— в свою очередь перебил его Скидан.— А сейчас — в тыл... И никаких возражений!

Машина с пенообразователем как раз подъехала, ребята, как в атаку, бросились в помещение 403 менять обычные стволы на пенные.

...Солнце уже катилось навстречу Карпатам, когда большая колонна красных машин выезжала на трассу Чернобыль — Иванков. Это пожарные возвращались в места своей дислокации. Ребята возбуждены, рассказывают громко друг другу о том, что все хорошо знают, но всегда найдется новая подробность, не обходится и без шуток, ведь ничто так не поднимает настроение, как чувство выполненного долга. А они выполнили его честно и, значит, могут смело смотреть в глаза людям.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ ОТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

На Чернобыльской атомной электростанции в течение 8—9 мая продолжались работы по ликвидации последствий аварии. С целью снижения температуры активной зоны ведется интенсивное охлаждение реактора, что позволило резко сократить выделение радиоактивных веществ.

Проведены работы по обвалованию берегов реки Припять в районе электростанции с целью предотвращения радиоактивного загрязнения реки сточными дождевыми водами с близлежащей территории. На первом, втором и третьем блоках АЭС обстановка нормальная.

Район Чернобыльской АЭС 8 мая посетил генеральный директор Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) Х. Бликс. Советские ученые и специалисты ознакомили его со сложившейся обстановкой и принимаемыми мерами по локализации аварии.

11 мая.

Виктория СТАХ

на клубнику упали цены

На клубнику цены упали.
Бабки с дозиметрами в руках.
В корзинах, меж запотевшими банками с молоком, —
счетчики Гейгера.
Бабки конца второго тысячелетья
горожан убеждают,
язык проглотивших:
зелень едим, как всегда,
внуки пьют молоко, как всегда.
...Спросонок, глаза зажмурив,
кружку держа двумя пальчиками,
наклонившись, пьют молоко.
За целый день нагонявшись,
в сени заскочит чертенок этакий,
отщипнет корочку от буханки пшеничной,
принесенной утром из лавки.
Тайком от бабы
размочит прямо в ведерце с водою криничной,
ну, а после в мисочку с сахаром —
да и в рот.
Какие дозиметры?! А ведь еще огорожина,
еще и коровы мычат,
молодые побеги шелковиц дожевывая,
отмахиваются лениво
от посвиста жгучих лозинок пастушьих...
Не до Гейгера нам.
Живем, как жили, — в доме своем.
Все наше: размоченная
горбушечка сладкая,
запотевшие банки с молоком неразбавленным,
кружки, коровы, и лозы, и ветры, и ливни...

Внуки скачут.
Утятя спорыш общипывают.
Дух любистка и пижмы из хат —
девчата полощут косы.
Маттиола по утренним росам грустит.
Глупое это дело —
в городе время переводить,
приглядываться к меточкам разным и цифрам!
Лучше бы тесто поставила
да пирогов с клубникою напекла...
Исход XX века.
Уставшие бабки — с дозиметрами в руках...

КОМУ НУЖНЫ НЕБЫЛИЦЫ

Со страниц мировой печати не сходит тема аварии на Чернобыльской АЭС. Рассказывается об обстановке в районе аварии, мерах, принимаемых для ликвидации ее последствий. После проведенных в Советском Союзе пресс-конференций с выступлениями на них авторитетных специалистов, заявлений со стороны Международного агентства по атомной энергии в западной прессе заметно уменьшилось появление безосновательных вымыслов вокруг аварии на Чернобыльской АЭС.

И все же объективная информация перемежается с разного рода недобросовестными «данными». В США и Западной Европе появились сообщения о «неконтролируемой цепной реакции в поврежденном реакторе», причем уже после того, как правительственная комиссия информировала о прекращении реакции на 4-м энергоблоке. Некоторые западные агентства снова начали сообщать о заявлениях по этому поводу различных «экспертов» и источников, «просивших не называть их фамилий».

Агентство Франс Пресс сообщило из Москвы о «панике в Киеве». Сравните это с впечатлениями представителей западной прессы, побывавших в районе Чернобыльской атомной электростанции.

Корреспондент агентства Рейтер Чарльз Бремнер отметил: «Мы получили возможность посмотреть, как реагируют жители Киева на аварию на Чернобыльской АЭС. Там нет паники».

Французское телевидение передало репортаж из Киева, ведущий программы «Антенн-2» подчеркнул, что, в целом, положение в Киевской области нормальное. «Тысячи киевлян заполнили улицы, чтобы приветствовать участников традиционной международной велогонки Мира. Как свидетельствуют французские велогонщики, они ничего особенного не заметили», — указал он.

Газета «Вашингтон пост» отмечает, что спасательные команды на Чернобыльской АЭС «работают со знанием дела и, следует сказать, с заметной отвагой».

Информационные агентства и мировая печать сообщают об истинных причинах кампании по раздуванию истерии на Западе.

Депутат парламента Дании Хайсельберг заявил в интервью Датскому информационному агентству, что национальные средства массовой информации раздули вокруг событий на Чернобыльской АЭС «ненужную панику и истерию».

Авария под Киевом серьезна, и ее последствия нельзя преуменьшать, сказал он. Однако следует задаться вопросом о разумности того, что средства массовой информации по-прежнему уделяют столько времени освещению этого вопроса. В их задачу не входит распространение истерии и паники, однако на протяжении нескольких недель мы только и слышим о происшествии, случившемся в 1.200 километрах от нас. За это время атмосфера в обществе постоянно нагнеталась, и мы близки к истерии.

Италия отказалась поддержать планы Европейского экономического сообщества прекратить до 31 мая импорт продовольственных товаров из семи социалистических стран. Агентство Франс Пресс из Брюсселя передает: «Разногласия между 12 членами сообщества вызвали большие сомнения в истинной причине опасности и в целях, которые преследуют запрещение импорта».

Информационные агентства сообщают о серьезных расхождениях между «европейскими партнерами, каждый из которых стремится лучше пристроить свою сельскохозяйственную продукцию».

Газета «Мадьяр хирлап» в этой связи опубликовала интервью с заместителем министра сельского хозяйства и пищевой промышленности ВНР Ласло Папочи. Он сообщил о введенных строгих мерах контроля, которые убедительно доказывают: венгерский скот и мясо, предназначенные как для внутреннего рынка, так и для экспорта, абсолютно полноценны и безвредны для здоровья.

«Намерение ЕЭС едва ли мотивируется соображениями здравоохранения,— пишет другая венгерская газета «Непсабадшаг».— Оно, по всей вероятности, призвано защитить обремененный напряженностью рынок продовольственных товаров стран ЕЭС». «Предполагаемая радиоактивность польских товаров — это лишь предлог,— комментирует польское агентство ПАП,— Не будет ли уместно спросить: почему ограничения не коснулись, например, Швеции, Дании, Австрии, где радиоактивность была не меньше, чем в Польше? И здесь, наверное, есть разгадка, истинная цель в том, чтобы, используя удобные обстоятельства, вытеснить Польшу с рынков ЕЭС. Ведь другие страны, не входящие в Общий рынок, таких мер не применили». «Правда совсем иная, чем это хотели бы видеть в некоторых западных странах»,— подчеркивает агентство.

Американский ученый-атомщик Марвин Резникоуфф выступил со статьей в газете «Филадельфия инкуайрер», в которой решительно опровергаются «фальшивые заверения» официальных представителей США в том, что американские реакторы якобы «намного безопаснее советских». Он пишет, что, напротив, «в некоторых отношениях американские реакторы опаснее советских». Так, например, для производства такого же количества электроэнергии американские реакторы используют гораздо больше радиоактивных веществ, чем советские. Реактор одной из американских АЭС — Лимерик, расположенной поблизости от Филадельфии, имеет, по словам ученого, в десять раз большую радиоактивность в сравнении с советскими реакторами и в случае какого-либо инцидента будет представлять серьезную угрозу для населения этого города.

Один из важных уроков аварии в Чернобыле, пишет журнал «Тайм», заключается в том, что власти должны быть в состоянии эвакуировать людей, живущих вблизи АЭС, изолировав их от воздействия радиации. В этой связи обозреватели обращают внимание на то, что советские власти сумели произвести организованную эвакуацию 49 тысяч человек из четырех населенных пунктов вблизи Чернобыльской АЭС.

«Если бы инцидент, подобный чернобыльскому, произошел в Великобритании,— говорится в письме в английскую газету «Санди телеграф» жительницы Лондона Анджелы Макки, — наше правительство ни в коем случае не смогло бы справиться с необходимой эвакуацией населения и осуществить чрезвычайные меры».

Как пишет «Уолл-стрит джорнэл», специальная телефонная связь, установленная на случай аварии комиссией по ядерному регулированию на АЭС Сейлем в штате Нью-Джерси, в ходе ее проверок в 1983—84 годах отказывала в 8 случаях из 11. Проведенная несколько позже инспекция выявила, что аварийная связь по-прежнему не работает. Лишь в нескольких штатах власти выделяют ассигнования на подготовку персонала АЭС и местного населения на случай ядерной аварии.

Что же касается самих «чрезвычайных планов», то, по признанию одного из директоров центра по исследованию катастроф при Делавэрском университете Расселла Дайнса, они настолько громоздки, что их будет очень трудно осуществить. Начальник департамента безопасности штата Массачусетс Чарльз Бэрри убежден, что «в настоящий момент не существует ни одного плана, который бы мог обеспечить защиту населения» в районе АЭС Сибрук.

«Терпят провал ложь и измышления сил реакции в отношении событий на Чернобыльской АЭС,— пишет кубинская газета «Гранма».— Друзья Советского Союза понимают, что развитие человеческой деятельности несет в себе определенный риск, оправдываемый непосредственными преимуществами, которые он дает. Они испытывают абсолютное доверие к советской науке и технике, направленные на то, чтобы природа все более активно служила мирным целям».

13 мая.

Андрей ИЛЛЕШ

В ТРУДНЫЙ ЧАС

Тщетно пытались мы выпытать у командира вертолета Ка-26 Петра Вороновского сведения о каких-то особых его ощущениях при первом подлете к Чернобыльской АЭС. Молодой крепкий парень отнекивался, старался обойтись короткими фразами: «Все нормально. Обычно. И картина обычная. Пламени? Не видел. Дымок был похож на то, что выбрасывает в нормальных условиях какое-нибудь предприятие...»

Ни у него, ни у его коллеги Юрия Володко не создало ощущения, что они совершают нечто из ряда вон выходящее. Может, и вправду пилоты называть свою работу обычной, а полеты — штатными. Но их труд, сколь прозаическим бы ни выглядел, помог разобраться специалистам в ситуации (возили они приборы, помогали замерять радиоактивность), и дело, которое так просто делали, помогло ограничить последствия произошедшей аварии.

Не будем лукавить, авиаторы, безусловно, рисковали. И нынче в ряду проявивших мужество пожарных, милиционеров, медиков, шоферов и других стоит назвать и фамилии командиров винтокрылых машин — москвичей из Мячкова Сокола и Кунаева, Волкова и Маленченкова; ростовчанина Янко и ужгородца Пушина, одессита Соколова и киевлян Шевеля и Бролгина... Пройдет некоторое время, и мы сможем со стороны, «с дистанции», оценить их действия и действия тех, кто нынче работает на самой АЭС. Поклониться же спасателям и теперь не грех — обязанность. Хорошо бы назвать их пофамильно. Только не вместит газетная страница всех, кому сегодня стоит сказать спасибо. Вспомним: лишь на самой станции ежедневно выходят на смену 150 человек.

А люди, для кого минула опасность, уже живут новой, непривычной и, понятно, пока что нелегкой жизнью. Непростое это дело — переселение, тем более, что происходит в силу обстоятельств.

...Село Разважев, одно из 17 населенных пунктов Иванковского района, которые приютили эвакуированных. Здесь центральная усадьба колхоза «Украина». Хозяйство крупное. Есть и средняя школа, Дом культуры, библиотека, больница. Наша собеседница — пенсионерка Александра Андреевна Давыдова, в прошлом работница яслей, сказала:

— Когда в селе появились автобусы с людьми, мы, особенно пожилые, поняли, что подобной эвакуации раньше не было: люди ехали и ехали! Что ж, надо жить... И каждый готов был приютить прибывших. Я приняла семью Возного Михаила Михайловича. Немалая семья. Жена — Галина Васильевна и двое детей, учатся пацаны в 4-м и 8-м классах. Сразу чем могла, тем и угостила. А тут вскоре подвезли и продукты. Когда Возные поселились, спросили: «На какое время рассчитывать?» Ответила: «Сколько надо, столько и живите».

— Так сердечно поступили почти все наши жители, — говорит председатель колхоза А. Радченко. — В беде люди как бы просветились. Сколько соучастия, понимания!

Мы — я и киевские корреспонденты «Известий» А. Доленко, Н. Бакланов, С. Цикора — и сами это видели...

Заведующая лабораторией животноводческой фермы разважевского колхоза Евдокия Александровна Отрошенко приютила жену директора АЭС Валентину Михайловну Брюханову. Та стала работать подменной дояркой на ферме. Учительница местной школы Галина Тимофеевна Куксенюк взяла под свой кров две семьи. Среди них семья служащей Валентины Александровны Поповой. В ней пять человек: сын с невесткой и детьми. Живут дружно. Вместе готовят пищу, хлопочут по хозяйству. Сын Поповой Владимир: «Мы будто в гостях у родной тети».

Забота государства, соотечественников о переселенцах действенная, конкретная. Разважев предоставил работу для 37 человек. Принятые колхозом «Украина», они взялись за дело. На комплексном пункте службы быта довольны работой парикмахера и фотографа, прибывших из поселка АЭС. Вскоре стали работать четыре новых преподавателя, в столовой — четыре работницы, пять — в лесничестве, двое — на хлебозаводе...

Двумстам детишкам, которые прибыли в Разважев вместе с родителями, колхоз «Украина» на 1 Мая вручил подарки. А день 6 мая здесь особенно запомнился новоселам: привезли первую на новом месте зарплату. В другом районе Киевской области — Полесском — эвакуированных приняли в 58 населенных пунктах, в Бородянском — в 18 населенных пунктах. 9 сел Макаровского района также приютили оказавшихся в беде.

Идет жизнь, обустроиваются люди. В Полесском районе в первый день на занятия явилось 50 процентов эвакуированных школьников. На второй день их было уже 90 процентов. Нынче все дети учатся. Младшие устроены в детских садах.

Но события в Чернобыле, надо сказать, отразились не только на жизни области, но и на всем облике древнего Киева. С улиц исчезли

тысячи лотков с мороженым, пирожками и соками. Теперь их продают только в помещениях. Почему? Объясним позже. Город дождался весеннего дождя. Все ждут, когда его струи смоют с листьев пыль. И не только ту, что мы называем уличной. А пока, по рекомендации врачей, самым тщательным образом, не экономя воду, поливают улицы, моют все магистрали.

Непривычные картины наблюдали мы и на рынках. Теперь все, что сюда привозится из пригородов, проверяют дозиметристы. Особенно тщательно исследуются молочные продукты. Только «добро», сказанное специалистами, дает пропуск продукту на прилавок.

В овощных же и мясных рядах, как и раньше,— горы зелени, лежат мясо, сало. Коренные киевляне не изменяют своим традициям — основные продукты покупают на базаре. Людей под сводами рынков, как всегда, много. Но вопрос «откуда привезли?» задается теперь не только для начала разговора о достоинствах выставленного товара.

—хлопот у санэпидемстанции республики сейчас предостаточно,— рассказывает начальник ее главного управления В. Ветчинкин.— Санитарным врачам поручен весь контроль за качеством продуктов питания, чистотой воды, организацией торговли по-новому.

Эти службы Киева и области включились в работу почти одновременно с бригадами медиков, оказывавших первую помощь пострадавшим во время аварии. Для крупных выводов время еще не пришло, сказали нам в Киевском обкоме КП Украины, накапливаются факты, наблюдения. Урок, преподанный на АЭС, оказался дорогим. Но и им надо умело воспользоваться. Мы не можем довольствоваться только оптимистической информацией, равно как и той, которая не мобилизует на преодоление трудностей.

Чего греха таить: нашлись отдельные работники, которые в чрезвычайных условиях не проявили достаточной твердости, готовности принимать решения.

К сожалению, оказалось, что санитарно-эпидемиологическая служба, обслуживающая атомные электростанции, не имеет никаких контактов с той что действует за ее оградой и отвечает за состояние воздуха, воды и почвы на территории, прилегающей к АЭС.

— Сейчас в аэропортах, железнодорожных и автовокзалах введен строгий дозиметрический контроль за отъезжающими,— продолжает В. Ветчинкин,— Его цель — оказание первой медицинской помощи тем, кто в ней нуждается. И не более. Другие меры предосторожности касаются продуктов питания. В республике введены временные, и я хочу подчеркнуть, очень жесткие нормативы на качество всех сельхозпродуктов.

С чисто профилактической мерой, а отнюдь не из-за состояния воздушного бассейна в Киеве запрещена, как вы уже знаете, торговля на улицах пирожными, мороженым, соками, водой на разлив. Правильно говорят: в таких случаях лучше «перестраховаться». И население с полным пониманием относится к мерам такой профилактики.

Свой репортаж мы хотели закончить на этом месте. Но конец его написан «под диктовку» наших читателей. Дело в том, что в корреспондентский пункт «Известий» в Киеве часто обращаются сегодня люди с самыми разными вопросами. Но все они как или иначе связаны с аварией на АЭС и ликвидацией ее последствий. Больше всего людей интересуют проблемы, встающие перед родителями, чьи дети сегодня ходят в школу, проблемы обеспечения эвакуированного населения всем необходимым и то, как организована санобработка людей и одежды. Нашим читателям отвечают руководители соответствующих государственных организаций.

Начальник управления народного образования Киевского горисполкома А. Тымчик:

— Действительно, школы Киева в эти дни выглядят не совсем обычно. В их дворах, на спортплощадках не увидишь привычной разноголосицы ребячьей толпы. Учителя следят, чтобы дети много не гоняли. Да и сами школьники знают о рекомендациях медиков. Впрочем, их в этой ситуации больше всего волнует: а не начнутся ли досрочно летние каникулы? Это интересует, понятно, и родителей.

Школы работают по установленному режиму. Учителя объясняют родителям, что решения о сокращении учебного года пока нет. Конечно, сложностей предстоит преодолеть еще немало. Мы заняты и решением проблемы летнего отдыха школьников в пионерских лагерях, лагерях труда и отдыха. Как только ситуация окончательно прояснится, мы безусловно, оповестим об этом все население.

Министр торговли Украинской ССР В. Старунский:

— В районах размещения эвакуированных нами организовано питание людей и торговля хлебом, макаронными изделиями, крупами, маслом, фруктовыми соками, минеральной водой, одеждой, обувью, постельными принадлежностями и другими товарами первой необходимости. Снабжение людей постоянно контролируется министерством.

Заместитель министра бытового обслуживания республики В. Жегулин:

— Основной задачей представителей службы быта в сложившихся условиях была санитарная обработка людей, их одежды. Ныне в районе размещения эвакуированных работают СОП

(санитарно-омывочные пункты) и станции по обеззараживанию одежды (СОО), как передвижные, так и стационарные. Есть и аварийные на базе химчисток, бань, спецкомбината управления бытового обслуживания Киева. Работники министерства и облбытуправления круглосуточно дежурят в районах, при необходимости проводят проверки.

9 мая.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Вена, 10. (ТАСС). Обстановка в районе Чернобыльской атомной электростанции стабилизируется и находится под контролем советских специалистов. Советская сторона делает все возможное, чтобы ликвидировать последствия аварии. Об этом заявил на состоявшейся в венском аэропорту Швехат пресс-конференции генеральный директор Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) Х. Бликс после возвращения из Советского Союза.

11 мая.

Владимир ФРОНИН

ТО ВЗЛЕТ, ТО ПОСАДКА...

Идешь по салону самолета, по дрожащему, словно упругому, полу, а под ним — бездна. А под этой бездной — другая, переливается она аквамарином во всех иллюминаторах — океан.

Впереди — Америка...

Что там, какие нравы, какая земля, погода, дома, люди?.. Столько слышим о ней, столько думаем, что, кажется, все уже это знаешь, видел на экране, читал в книгах, газетах. Но сейчас, приближаясь к огромному континенту впервые, невольно отбрасываешь стереотипы, готовишься открыть свою Америку, близкую, понятную, волнуешься и все равно ожидаешь от встречи хорошее.

«Пристегните ремни, идем на посадку».

Когда мы были еще в воздухе, американское телевидение передало сообщение: «Ждите в вашингтонском аэропорту Даллес к полудню самолет Аэрофлота». Какой будет встреча? Ведь наш ИЛ — первая ласточка после долгого перерыва. Наверное, заокеанские репортеры будут брать интервью прямо у трапа: что сказать, если придется? Так и скажу — прилетели с дружбой. А если... И я вспоминаю, как советского поэта закидали в заокеанском порту провокационными вопросами. «У нас дома, — ответил поэт, — после дальней дороги гостю предлагают хотя бы стакан воды, а вы бросаете мне арбузную корку, чтобы я поскользнулся».

Но у трапа самолета никого нет: солнце, жаркий, терпкий, прямо-таки сочинский воздух. Мы прошли в пресс-зал, а вот там нас действительно ждут: яблоку упасть негде. Телекамеры в несколько ярусов, журналисты сидят даже на полу, небольшая трибуна густо облеплена микрофонами, их несколько десятков: снимают, записывают слова руководителя нашей делегации, заместителя министра гражданской авиации СССР М. А. Тимофеева. Он говорит о том, что в этот весенний солнечный день мы с добрыми чувствами ступили на американскую землю, что весна — время надежд, и нам хочется верить, что, возобновив полеты, авиаторы сделали шаг по пути делового сотрудничества...

— ...Вы подтверждаете, что на Чернобыльской атомной станции погибло 2000 человек?..

— ...Что вы можете рассказать об этой катастрофе с тяжелыми последствиями не только для Советского Союза?..

И все это накручивается на магнитофонную пленку, все будет подано как событийный репортаж — о чем? О прибытии советского авиалайнера? Еще об одной ниточке, связывающей наши страны? Похоже, что это здесь для многих не самое главное и нисколько никого не смущает неэтичность ситуации: нам даже не сочувствуют — предлагают подтвердить выдуманные ими же факты и дутые цифры. А что, дескать, такого — работа...

Грустно наблюдать за такой работой. О Чернобыле закончилось, и на четвереньках, чтобы не попасть в объектив, один из репортеров пробирается к трибуне, словно рыбак, ловко распутывает сеть проводов, протаскивает свой микрофон сквозь узлы чужих шнуров: торопятся, разбегаются...

Вспоминаем «Челленджер», когда ни в нашей печати, ни в наших сердцах ничего, кроме сочувствия американцам, не было, и становится на душе горько...

«Сначала мы были настроены благожелательно», — приводит слова одного из государственных чиновников «Вашингтон пост».

Ничего себе благожелательно!

...Вечером в гостинице включаю телевизор. Понятное человеческое и профессиональное любопытство овладевают тобой, когда начинаешь путешествовать по каналам телепередач: море спорта, музыки, рекламы, фильмов... Ага, вот новости. Неожиданная заставка родной программы «Время», диктор Кириллов, но голос, конечно, не его: о Чернобыле. Потом на экране советский флаг на фоне атомного взрыва, а расшифровывают картинку комментарию специалиста-ядерщика. Веселая реклама нового товара, и вот уже фоном слышится украинская речь: на переднем плане сотрудник «Голоса Америки» печется о тех, кто не ведает «всех размеров катастрофы» и сейчас получит «достоверную» информацию. Да, забота и «радиоактивность» «Голоса» не знает границ. Но новости не кончаются — баскетбол. После — зал дискуссий, и какой-то чиновник, размахивая руками, настаивает: «Чернобыль — это трагедия всего мира». Кажется, передача подходит к концу — прогноз погоды на территории США. Но что это? Комментатор стоит у карты мира и показывает на Киев, откуда стрелками обозначено движение радиоактивного облака...

Ну как, не слишком ли «благожелательный настрой»? Все это делается, с одной стороны, грубовато, с другой — изощренно. Интервью, высказывания самого широкого круга людей, причем с подключением государственных деятелей. Одни убеждают телезрителя и читателя в том, что, дескать, русские не способны управлять такой сложной техникой. Вторые стремятся придать событию политическую окраску, сделать нашу беду своим козырем в

политической и психологической войне. В ход идут утверждения о СССР как о «закрытом обществе», «русские теряют доверие», «все их мирные инициативы не имеют смысла».

Представительство Аэрофлота в Америке еще только обустраивается. Воздушная связь еще только налаживается, и шумиха вокруг Чернобыля направлена, в частности, и на то, чтобы осложнить деловые взаимоотношения. Но ведь так уже было. В сентябре 1983 года авиакомпаниям США было предписано разорвать коммерческие соглашения с Аэрофлотом.

...Проезжаем по Пятой авеню Нью-Йорка мимо небольшого магазинчика. Член нашей делегации, начальник управления внешних сношений МГА В.Д. Саморуков хорошо помнит этот обычный дом: здесь он работал в представительстве Аэрофлота. 13 января 1980 года Владимир Дмитриевич провожал в аэропорту наш самолет. Дело было к вечеру, когда офис уже закрывался. Вдруг по радио объявили: «Мистера Саморукова просят срочно к телефону». Из службы безопасности «Панам» ему сообщили: «Ваш офис на Пятой авеню взорван, там сейчас находится полиция». Владимир Дмитриевич примчался на место взрыва — бомбу заложили под дверь. На вопрос, куда же смотрел полицейский, тот спокойно ответил, что отлучился в это время за угол попить водички.

И вот вскоре еще провокация: «случайно», из-за сбоя в компьютере отключилась связь с советским самолетом. Он приземлился только благодаря мужеству наших летчиков. Госдепартамент заявил, что проведет тщательное расследование, накажет виновных, но...

Вот так рвалась та ниточка, которая сегодня снова протянулась с континента на континент. Нам с вами нет нужды считать потери американских бизнесменов в годы без полетов, они это сделают лучше. Прочитываю высказывание того времени вице-президента турфирмы «Профешэнл семинэр кэнсалтэнтс» Пола Элмстрема: «По моему мнению, американские авиакомпании теряют миллионы долларов, поскольку прямая воздушная линия между США и СССР не функционирует. На этом потенциальном рынке в 100 тысяч пассажиров, оцениваемом в 100 млн. долларов, отказывают какой-либо американской или советской авиакомпании. Следовательно, авиакомпании США лишаются миллионов долларов, которые поступают их конкурентам — европейским авиаперевозкам, создавая неудобства для американских туристов... Возобновление прямого воздушного сообщения привело бы к выгодным двусторонним перевозкам между нашими двумя странами».

Такое возобновление полетов стало возможным после встречи в верхах в Женеве. Первые рейсы Аэрофлота в Вашингтон и Нью-Йорк,

а «Пан Америкэн» в Москву и Ленинград восстановили воздушный мост через океан. И уже не на телеэкране, а на расстоянии протянутой руки встретились советские и американские люди — стюардессы, пилоты, руководители технических служб, работники министерств и авиакомпаний, пассажиры. Можно было привести немало высказываний, свидетельствующих о заинтересованности в развитии сотрудничества. А вот еще деталь, которая, к сожалению, не заносится в официальные протоколы: летим на «Боинге-747» над Америкой и к нам в салон спускается командир корабля Эдвард Фуллертоп: «Фотографию на память». Становимся в полукруг: пассажиры, стюардессы, пилоты. Съемка длится несколько минут — фотоаппарат почти у каждого, — прекрасная фотография!

Увы, не она украсила первые полосы многих американских газет.

Не было полетов — были «неудобства у туристов». А вот теперь летают самолеты — захотите полететь? Посмотрите на американских учеников, вернувшихся из Киева. Прежде чем они предстали перед объективами, прежде чем ступили на родную землю, на них появились приготовленные майки с черно-золотой надписью: «Я пережил чернобыльскую трагедию-86». Невинный маскарад, ученики улыбаются. В интервью газете «Ю-Эс-Эй тудей» одна из них — Андреа Остерхаут говорит: «Я ничуть не волновалась. Мы все время шутили, и нашим родителям не нужно было так переживать». Зачем же переживать — давайте попозировем, сейчас перед телекамерами школьники пройдут специальный дозиметрический контроль. Все нормально? Вас ждут мамы и папы.

Конечно же, такого рода возвращения и специальный контроль — это шоу, а вовсе не необходимость. Когда-то подкладывали бомбу в дверь представительства Аэрофлота. А сейчас задача для «фантазеров» и «выдумщиков» с пером и фотоаппаратом покрупнее — подложить пропагандистскую бомбу под воздушный авиамост.

Удивительно схожий трюк проделывают в Голливуде, но там, пугая, развлекают: туристский трамвайчик попадает в тоннель, и экскурсовод заговорщически просит никого не произносить ни слова, иначе начнется обвал. Естественно, кто-то не сдерживается, и — грохот! Тебя бросает влево, вправо, кажется, сейчас лавина сметет, уничтожит. Через три минуты выезжаем на свет — вздох облегчения. Оказывается, стояли на месте, а вокруг крутился барабан. Чудеса!

Так каким же цинизмом надо обладать, чтобы так же раскручивать барабан лжи, устраивать обвал клеветы, отталкиваясь от одного слова — авария. Сначала кричать о «двух тысячах погибших», а спустя три дня спокойно говорить читателю: «...Цифры жертв инцидента, сообщенные советской стороной, могут соответствовать

действительности». Словом, играть на настоящем человеческом горе... В Голливуде — чудеса, здесь — чудовищно!

Восьмиклассник Дэнис Деселик соперничает с гигантской машиной прессы: он приносит в класс слайды о Советском Союзе и показывает их. Его папа занимается реализацией билетов в «Пан Америкэн» и Дэнис помогает отцу в рекламе. Четырнадцатилетний паренек — так мал ручеек правды!

Мы не слышали слов, которые доктор Арманд Хаммер произнес при открытии выставки изобразительного искусства из собраний советских музеев в Вашингтонской национальной галерее, но их уместно привести здесь, потому что именно с первым рейсом Аэрофлота прилетели на выставку советские гости, потому что слова эти близки по-человечески и американцам, и нам: «Празднуя сегодня возобновление культурного сотрудничества между нашими странами, я хотел бы подчеркнуть, что наши сердца сейчас с теми, кто на Украине. Мы горячо надеемся, что народы планеты сделают все возможное, чтобы помочь им».

Наконец, о том, чего добились авторы шумихи, предрекающие «Панам» убытки от «года без летних отпусков» после аварии на АЭС. Мы встречались со всеми руководителями авиакомпании, но лучше будет процитировать одного из ее директоров — Джеймса Эйри со страниц «Интернэшнл геральд трибюн». «Полеты нашей компании в Москву и Скандинавские страны проходят без каких-либо инцидентов,— сказал Эйри,— Перед тем, как возобновить полеты, мы оговорили все до мельчайших деталей с заинтересованными лицами... Мы уверены, что наши самолеты не подвергаются угрозе заражения».

...Сижу в пустом зале аэропорта Даллес. Пресс-конференция кончилась. Маленькая, исцарапанная микрофонами трибуна пуста. Душно.

Девушка наводит в зале порядок.

— У вас нет холодной воды?

Она тотчас приносит бокал с плавающими в нем льдинками, улыбается:

— Я желаю вам, чтобы скорее закончилась беда под Киевом.

— Спасибо.

Подхожу к окну, за ним — взлетная полоса. Распушив крылья, садится «Боинг». Скоро и наш ИЛ полетит на Родину.

Отдохнет экипаж и полетит.

13 мая.

Бахыджан
КАНАПЬЯНОВ
братство

Ребята из Казахстана

...И там наряду со всеми
в тревожное это время
трудятся неустанно
парни из Казахстана,
парни из Казахстана.
Если сказать попроще,
без лирики и тумана,
дезактивируют рощу
и деревушку с поляной
парни из Казахстана,
парни из Казахстана.
Смывают с земли частицы
распавшегося урана...
Мне не забыть ваши лица,
парни из Казахстана.
Во имя завтрашних будней
и детской улыбки из сада,
я знаю, что путь ваш труден,
парни из Казахстана,
парни из Казахстана.
Вот чувство семьи единой —
расчета в нем нет и плана.
Украинский куст рябины
вам близок —
как степь с кургана,
парни из Казахстана,
парни из Казахстана.
И там наряду со всеми
в тревожное это время
к цели идут неустанно
парни из Казахстана,
парни из Казахстана.

У реки

Испей воды из Припяти прозрачной,
ладонью, современник, зачерпни.

Вновь встанет хлеб
на возрожденной пашне,
пустой деревни оживут огни.

Испей воды из Припяти
прозрачной.

И в это каждый продолжает верить,
быть может, снится каждому
из нас...

Дозиметром каким
стране моей измерить
то чувство, что сплотило
в грозный час?

Испей воды из Припяти прозрачной
в суровые чернобыльские дни.

И, горький вкус познав
слезы вчерашней,
на аиста парящего взгляни.

Испей воды из Припяти прозрачной...

они были первыми

Так уж случилось, что некоторые специальности врачей как бы вышли на первый план. Мы поименно знаем (и они это, без сомнения, заслужили) знаменитых хирургов, кардиологов, «глазников»... Случается, что в зенит общественного признания выводит врача пациент. Точнее — личность спасенного. Так, например, операции, вернувшие звезд в большой спорт, как бы открыли нам нескольких великих хирургов. Хирурги эти, понятно, оперировали и до звонких газетных статей. И Ангелина Константиновна Гуськова, заведующая отделением клинической больницы № 6, делает с блеском свое дело давно. Но радиолог — кто о

нем говорит, пока не случится что-то совершенно чрезвычайное? И в кабинете Гуськовой одновременно столкнулись журналисты из нескольких изданий впервые. Их сюда привело эхо чернобыльской беды.

Профессор Гуськова закончила Свердловский медицинский институт — училась во время войны. В конце нынешнего мая она хочет на денек слетать в Свердловск, к сокурсникам на сорокалетие выпуска.

— Ангелина Константиновна, в вашей клинике находятся сегодня особо пострадавшие от лучевого поражения на Чернобыльской АЭС. Поэтому хотелось бы узнать о состоянии здоровья тех, кто первым оказался у аварийного реактора...

— Давайте договоримся так. Нынешние наши пациенты действительно тяжелые. Среди них люди, за чью жизнь мы по-настоящему волнуемся. Поэтому всякое неосторожное слово, особенно связанное с конкретной фамилией, может оказаться мощным отрицательным фактором. Кроме того, всякие преждевременные суждения, даже в узких профессиональных кругах, — вещь неуместная.

— Врачи после аварии впервые в мирное время встретились с большой группой пациентов, которые находились в зоне облучения. Как вы строите их лечение?

— То, с чем мы столкнулись, — острая лучевая болезнь — очень сложна. Одновременно она наносит удар целому ряду органов и систем. Вот почему для лечения мы привлекли широкий круг специалистов самого разного профиля. И все-таки ведущие среди них — специалисты по болезням крови.

— Известно, что доктор Гейл, прибывший из Америки, принимал участие в совместных с вами операциях...

— Мы благодарны и не забудем помощи специалистов из Америки, которые работали в нашей клинике. Они обеспечивали очень важный аспект работы: замещение недостающего кроветворения с помощью трансплантации клеток крови и зародышевой печени. Круг наших совместных работ ограничивался девятнадцатью пациентами, которым в тот момент подобные операции были показаны.

Конечно, присутствие владеющих мировым опытом специалистов было, безусловно, полезным. Замечу еще, что к тому времени, когда прибыли коллеги из США, мы сделали шесть первых пересадок. Самые первые решения, самые первые действия предпринял, в частности, Александр Евгеньевич Баранов. С американскими коллегами мы продолжали эту работу.

— С кем еще в контакте работают ваши специалисты?

— К нам многие готовы приехать помочь. Почему не приглашаем? Руководствуемся только одним — решаем, кто бы нам мог быть действительно полезен. Например, дальнейшее общение с людьми, уже участвовавшими в трансплантациях, имеет прямой смысл. Все остальные вопросы — противoinфекционные, предупреждение кровоточивости, лечение вторичных токсических явлений — с этим наши специалисты вполне справятся. Тут наши результаты не уступают зарубежным.

Теперь о других помощниках. Помогают нам Институт кардиологии с его очень высокоразвитой биохимией, Институт гематологии со своей службой крови, Институт эпидемиологии и микробиологии, нарабатывающие нам специальные диагностические препараты, оценивающие концентрацию лекарств противoinфекционного действия, онкологический центр... С нами в контакте предприятия, производящие некоторые лекарственные формы, иногда — самые неожиданные. Например, из Латвии получаем очень полезный препарат для лечения ожогов... Звонят и просто люди, готовые помочь. Все предложения рассматриваем. И если есть что-то, способное принести хоть небольшую пользу, с благодарностью принимаем. Но мы, конечно, не можем на больных «испытывать» все лекарства, которые созданы в мире. Мудрость — и в сдержанности. Даем только те препараты, в которых уверены.

— Давайте попытаемся восстановить ваши первые дни после аварии.

— Наша клиника была сразу привлечена Министерством здравоохранения к консультациям. 26 апреля в 16. 30 я была уже «на аппарате» прямой связи с местными медицинскими учреждениями. В 18. 00 подготовили к вылету аварийную бригаду. В числе первых, отбывших в Чернобыль,— двое моих сотрудников: Татьяна Владимировна Топоркова и Георгий Дмитриевич Селедовкин. Они участвовали в классификации пациентов. За первые сутки сделали до тысячи анализов и осмотрели сколько же людей!

— Насколько важна была первая — «просмотровая» часть работы?

— Чрезвычайно. Представьте, как сложно среди большого числа людей — обгоревших или «наглотавшихся» дыма, просто взволнованных, уставших — отобрать нуждающихся в специальном лечении. Медики Чернобыля и наши врачи сделали все это, обеспечили и транспортировку тяжелых больных в Москву.

— После чего вы и приступили к непосредственному лечению?

— Да. И я горжусь тем, что небольшой коллектив клиницистов смог возглавить такую работу. Те, кто еще вчера были

младшими в отделении Баранова,— десять молодых людей, стали заведующими десятью отделениями. Людмила Николаевна Петросян, Светлана Георгиевна Пушкарева, Михаил Владимирович Кончаловский, между прочим, правнук великого терапевта, Наталья Борисовна Данилова, Элеонора Владимировна Евсеева... Они и другие умело, четко руководили старшими по возрасту, но менее опытными в этих вопросах коллегами. Старую гвардию — первое терапевтическое отделение во главе с Галиной Николаевной Гастевой — хочу отметить особо. И ее, и средний медперсонал. Они приняли самых первых, самых тяжелых — пожарных. Сестры этого отделения, хирургическая группа во главе с Анжеликой Валентиновной Барабановой взяли тех, кто находился в критическом состоянии. Среди наших сотрудников — заведующая отделением Александра Федоровна Шамардина, ветеран войны. Работает она так, как умеют это люди, прошедшие фронт. Очень хорошо трудится Наталья Михайловна Надежина — несмотря на молодость, она моя ближайшая помощница. На ней лежат все строгости противоинфекционного режима, весь порядок, без которого успех просто невозможен.

За все, что связано с пересадкой костного мозга и с гематологией, отвечает Александр Евгеньевич Баранов, которого я уже называла. А трансфузионное обеспечение возглавляет Георгий Дмитриевич Селедовкин. В районе аварии он оказался настолько нужен, что его долго не хотели отпускать. Но без такого специалиста в области переливания крови и ее составных частей и нам было бы трудно...

— Каков режим работы врачей?

— Он определен величиной беды. Поэтому — никаких норм.

Такое изменение ритма труда встретило полное понимание — все прекрасно сознавали: от темпа, самоотверженности, готовности работать зависит все.

Сейчас на каждого тяжелобольного мы имеем круглосуточного индивидуального врача и сестру. «Раскладка» такая: три смены врачей, четыре смены сестер и у дежурного по больнице работает целое войско. Коллектив проявил себя дружным. Отошли в сторону всякие мелкие обиды, недоразумения. Мне пришлось в эти дни иногда резко и круто говорить с людьми — не до дискуссий. Быть может, потом и будут какие-то обиды... Но обстановка была такой, что не до обсуждений. Не обошлось и без сложностей — сразу не смогли разместить людей так, как этого хотелось. Потом часть больных выписали, и появилась возможность устроить оставшихся лучше. Дооснастить, дооборудовать палаты.

— Не пришлось ли врачам переучиваться?

— Пожалуй. Иногда даже приобретать новые специальности. Был у нас один сепаратор крови, сейчас — четыре. Была одна центрифуга — работают три. Получаем новую технику. Ее тут же осваивают врачи. Вечером аппарат в аэропорту Шереметьево. Утром — уже в работе.

У докторов доверительный контакт с больными. Они и пациенты уже хорошо знают друг друга. Думаю, это важно. Наши зарубежные коллеги старались следовать этому же правилу, просили каждому пациенту перевести, что те находятся в надежных руках. Реакция больных — когда мы их предупредили, что придут американские врачи, — тоже интересна. Они сказали: ну, пусть приходят... им ведь тоже надо поучиться. Для нас такие слова — высшая похвала!

— Как конкретно строилась работа с профессором Гейлом?

— Его приезд, повторяю, важен и результативен. Коллеги участвовали в работе корректно, уважительно. У нас, естественно, были и расхождения. И тогда мы поступали так, как сами считали нужным. В спорных моментах профессор Гейл говорил: «Стоп! Кончаем обсуждения. Делаем так, как велят хозяева». Наверное, и мы так же вели бы себя в его клинике.

— Ангелина Константиновна, как вы считаете, есть ли страна, которая могла бы самостоятельно, в одиночку справиться с такой бедой? Мы имеем в виду и техническое обеспечение, и уровень квалификации врачей...

— Убеждена: сейчас никто в мире не смог бы обойтись только собственным опытом. Еще раз повторю: никто и нигде в мирное время не сталкивался с подобной страшной, а в научном смысле — во многом неизведанной проблемой. Убеждена: многие страны могли оказаться и в худшем положении.

— Сколько больных находится у вас сегодня?

— Поступило около двухсот. Выписано около семидесяти. Осталось порядка ста двадцати. Из них семьдесят - восемьдесят человек занимают наш ум и сердце постоянно. Сейчас наступила самая тяжелая полоса. Третья-шестая недели лучевой болезни для всех, даже среднетяжелых, труднейшая пора — она и называется «порой разгара». Потому я и просила вас, журналистов, не трогать моих помощников: они сейчас постоянно около больных. Сегодня самый пустяк — ранка, больной зуб, потертость могут стать источником осложнений.

— Представляли какую-то опасность для врачей контакты с больными?

— Для нашего здоровья — никакой. Хотя некоторое превышение по дозам радиации зафиксировано у моих сотрудников. Но все это укладывается в границы нормы.

— Как вы поступаете в случаях, когда пациенту становится очень тяжело?

— Не жалею любых средств, стараемся облегчить человеку страдания. Пытаемся всех подбодрить. Говорим с ними о будущем, — нам так важно занять их мысли Дальнейшими жизненными планами. Да, не все просто...

— Сколько продлится лечение?

— Острая лучевая болезнь имеет очерченный цикл — два с половиной — три месяца. После этого врачей будут занимать только ожоги и местные поражения.

— Беда случилась весной. Имеет ли это для специалистов значение?

— Хорошо, что не было пока большой жары. Ведь она способствует инфекциям, лихорадке. Но и не холодно, а потому — не простудили в дороге больных...

— У вас на излечении только мужчины?

— Женщин мало. Из серьезных больных — две. Лежат, в основном, молодые мужчины. Среди них два доктора — оба работники «скорой помощи». Скромные, дельно описавшие нам ситуацию. Их рассказ был нам очень важен. Лежат пожарные... Вертолетчиков нет, они в полетах были достаточно защищены. Повторю: пациенты — в основном, персонал или те, кто в первые часы боролся с огнем, искал в четвертом блоке пострадавших.

— Мы были в Чернобыле. Там много разговоров о том, что, дескать, водка помогает в случае поражения радиацией...

— Ни в коем случае! И мне звонили из Киева — спрашивали о красном вине и водке. Алкоголь обманывает, не дает человеку правильно разобраться в собственном состоянии. В данном случае алкоголь опасен смещением симптомов, невозможностью для врача правильно понять: что, собственно, случилось?

— Мы понимаем: сегодня все ваши мысли связаны с больными из Чернобыля и Припяти. Но это, если так можно выразиться, «чрезвычайная медицина».

— Для врача любое страдание, любое тяжкое заболевание — чрезвычайно. Разве рак — это не ЧП наших дней, не бедствие? Я видела столько боли и мучений!.. На моей памяти и много успехов медицины — в основном, они касаются борьбы с инфекциями. А рак... Мечтаю увидеть то время, когда будут побеждены хотя бы основные его формы.

...А нам хотелось пожелать четвертому в роду медику (прадед А. К. Гуськовой военный врач, дед — фельдшер, отец — один из первых врачей, награжденных орденом Ленина) иметь минимум пациентов. Нельзя даже в мыслях допустить, чтобы радиология стала перспективной отраслью медицины конца XX века.

Беседу вели Г. Алимов, А. Иллеш.

28 мая.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Прекрасен майский Киев. Цветут каштаны, благоухает сирень, распускается акация. Глядя на весеннее торжество природы, особенно остро воспринимаешь беду, которая неожиданно пришла в этот благодатный край. Как повлияла на его природу авария на Чернобыльской АЭС? Что делается для ликвидации ее последствий, для предотвращения загрязнения окружающей среды? С такими вопросами специальные корреспонденты ТАСС — РАТАУ обратились к находящемуся сейчас в Киеве председателю Государственного комитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды, члену-корреспонденту АН СССР Юрию Антониевичу Израэлю.

— При аварии в атмосферу попало определенное количество радиоактивных веществ. Это небольшая доля того, что накопилось в реакторе за время его работы. Истечение радиоактивных газов и летучих веществ происходило несколько дней и было связано с высокой температурой в зоне реактора. Сейчас эта температура резко понизилась.

Сейчас повышение уровня радиации в каких-либо районах исключается.

Радиоактивность в атмосфере рассеялась. На поверхности земли она есть только в отдельных местах, непосредственно примыкающих к Чернобыльской АЭС. Уровень радиации здесь достигал 10-15 миллирентген в час. К настоящему времени за счет распада она уменьшилась в 2,5—3 раза. Хотя в соответствии с национальными и международными нормами, рекомендованными Международным агентством по атомной энергии, накапливающиеся здесь дозы находились в пределах, допустимых для населения в случае аварийных ситуаций на АЭС. Тем не менее, для обеспечения полной безопасности и здоровья людей, было принято решение об их эвакуации из тридцатикилометровой зоны. Небольшое повышение уровня радиоактивного фона наблюдалось и в ряде городов Украины и Белоруссии. В Киеве этот уровень составлял 0,3—0,4 миллирентгена в час, что никакой угрозы для здоровья людей не

представляет. Незначительная часть мелких радиоактивных частиц вместе с воздушными потоками распространилась и на большие расстояния, попала на территорию Польши, Румынии и ряда Скандинавских стран. Здесь наблюдалось небольшое превышение радиоактивного фона, также не опасного для населения.

Метеорологические станции страны постоянно ведут наблюдения за уровнем радиоактивности. Для этого Госкомгидромет использует также специально оборудованные самолеты и вертолеты. В научно-исследовательских институтах ведется непрерывный анализ полученных результатов. Достигнута договоренность о регулярной передаче данных о радиоактивном фоне с одной из станций Украинского управления Гидрометеослужбы, расположенной вблизи Чернобыльской АЭС, в Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ).

Результативно вести наблюдения и постоянно контролировать состояние природной зоны в районе, примыкающем к АЭС, специалистам Госкомгидромета помогает самое совершенное оборудование. Они вооружены новейшей спектрометрической аппаратурой, позволяющей определять изотопный состав, производить тонкий спектрометрический анализ радиоактивных веществ. В этих работах и исследованиях принимают участие видные ученые и специалисты-геофизики, химики, метеорологи, экологи.

Еремей ПАРНОВ

черно-белое и цветное

Ученые долго спорили о том, название какой геометрической фигуры более всего соответствует форме пашей планеты. Ведь это не эллипсоид и не сфера. Выход из положения был найден, когда появился специально предложенный термин — геоид. Он словно бы окончательно закрепил за Землей ее уникальный характер.

Голубой сверкающий мир, подернутый облачными завихрениями, крохотный и одинокий в непроглядной ночи просторов Вселенной — такой увидел Землю первый космонавт. Выросло и дало потомство целое поколение, для которого взгляд на планету «извне» — непреложная и будничная реальность. Вращаются над океанами и материками воронки циклонов и антициклонов. Перемена ветров пророчит кому дожди, кому жаркое солнце.

...Сводки погоды в последние дни апреля и первые майские дни мне пришлось узнавать в США, с экрана американского телевидения. Право, это был весьма поучительный урок тотальной пропаганды, построенной на строго отмеренной, почти гомеопатической дозировке фактов, предельно разбавленных домыслами. Об откровенных провокациях и фальшивках вроде ленты, отснятой в задымленном порту итальянского Триеста, выданного за Чернобыль, я уж не говорю. С ложью голый вопрос ясен. Зато работа пропагандистских фокусников («престиджитаторов», как именуют в США мастеров оригинального жанра) заслуживает куда более серьезного внимания.

Тот факт, что сообщения об аварии на Чернобыльской АЭС открывали программу внешнеполитических новостей и занимали в ней большую часть экранного времени, удивления не вызывает. Но как это все подавалось?

Сообщения шли на фоне тревожно мигающих красным светом заставок, где пульсировала, словно источая смертельную радиацию, пятиконечная звезда, которую сменяло рдеющее полотнище с серпом и молотом или же вычлененный из карты контур СССР. Наш цвет действительно красный, но в общем контексте выходило так, что государственная символика как бы подменялась совершенно иной, связанной с радиационной опасностью. Не случайно багровый закат над Триестом в фильме-фальшивке был выдан за смертоносное яблоко. Невежество гостеприимно распахнуло дверь воинствующему злопыхательству.

«Красное — опасное» превращалось в назойливый, с маккартистским душком, стереотип. С утра до поздней ночи его вбивали в сознание рядового американца.

Серьезные обозреватели, слышал я, упрекают вашингтонскую администрацию в политическом мифотворчестве, которое с чьей-то легкой руки окрестили «гностическим». Сектантам первых веков христианской эры действительно было свойственно манихейское, то есть полярное, черно-белое, восприятие мира: бог и дьявол, свет и тьма, добро и зло. Казалось бы, давно похороненный миф. Современная политическая реальность не может быть понята через его убогость. Но разве самозванные претензии на некую «божественную миссию» Америки родились на пустом месте?

В том-то и суть, что даже большое человеческое несчастье постарались втиснуть в привычно порочное пропагандистское русло.

Заставляя звучать клавиши страха, пробуждая атавистические инстинкты, претворенные в цвет радиоволны заливали кинескопы в американских домах багрянцем и пурпуром. Эманация ада, багровая, как в откровении Иоанна Богослова, метка «империи зла». После подобной психологической обработки можно было уже не стесняться себя информацией как таковой. Проверенных фактов, а тем более точных цифр почти и не давали. В иллюстративной части фигурировали преимущественно душещипательные эпизоды.

В аэропорту одной из западноевропейских столиц идет дозиметрический контроль туристов, возвратившихся из поездки в Советский Союз. Крупным планом и без каких бы то ни было комментариев дана капустаная грядка и стрелка гальванометра (!), шарахнувшаяся в правый угол. Радиация! Доза при этом не называется, единицы измерения — тоже. Зритель должен «своим умом» дойти до мысли о том, что люди, которых душат в объятиях родственники, схватили-таки изрядную дозу. Брошенная скороговоркой фраза, что врачи нашли состояние авиапассажиров нормальным, не задевает сознание. В памяти телезрителей должна была остаться стрелка!

А что, собственно, стрелка? Ведь все в нашем мире заставляет трещать счетчик Гейгера — Мюллера. Цветной телевизор. Дым выкуренной сигареты. Да и мы сами. Прорывая экранирующий планету озонный экран, достигают Земли особо жесткие компоненты космических лучей, принуждая вздрагивать отстроенный на отсчет единичного кванта прибор.

Где-то в штате Айова проба воды дала повышенные значения. «В тридцать раз!» — бьет тревогу ведущий программы. Скорее всего, сам он даже не догадывается, что напугавший его скачок укладывается в шкалу безопасности с тысячекратным запасом.

В том-то и суть, что американские «масс-медиа» сделали все, чтобы вышибить из памяти людей элементарные начатки знаний о фоновой радиации и ее допустимых пределах. Поэтому краткий эпизод с возвращением американских студентов (по-нашему, школьников старших классов) из «самого» Киева тоже воспринимается обывателем как некая счастливая случайность. Чудо! Воистину силен господь!

А вот на экране возникает расплывчатый снимок Чернобыльской АЭС. Толком разобрать ничего нельзя, но скороговорка диктора гипнотизирует: «Паника в городе, улицы завалены трупами». Нечеткому снимку суждена была долгая, по экранным масштабам, жизнь.

Даже после ставящих все на свои места советских заявлений волна изоцированного антисоветизма отнюдь не пошла на убыль. Напротив, она набрала поистине глобальную высоту и устремилась по новым руслам. В дело включились метеорологи и всевозможные эксперты, так или иначе связанные с ядерной проблематикой, будь то мирное использование атомной энергии, экология или медицина. И неумолимые стрелы ветра сразу же изменили на картах свой путь.

В поведении стихии и комментариях «спецов» явно обнаружилась чудовищная злонамеренность. О том, что речь идет всего лишь о прогнозе, хотя истинная метеорологическая картина никак не сопрягалась со схемой, было опять-таки обронено между прочим, сквозь зубы. Мрачные предсказания «экспертов» должны были придать недобросовестным гаданиям видимость реальности. Дипломированные профессора и высокопоставленные чиновники военно-промышленного комплекса называли летальные дозы радиации. Все было «по науке». За исключением главного. Реальная ситуация к этому времени уже детально обрисованная Москвой, никак не соответствовала их абстрактным, причем с тысячекратным завышением, прогнозам. При самом неистовом смещении воздушных масс радиоактивное облако никак не могло оказаться одновременно над самыми разными районами планеты.

Однако в полном соответствии с древним изречением о брошенном против ветра песке, который засыпал глаза опрометчивого метателя, общественное мнение качнулось совсем не в ту сторону, в которую его хотели направить. Оказалось, что история, раздуваемая вокруг аварии в Чернобыле, заставила многих американцев задуматься о том, что творится у них под боком, о положении с безопасностью на собственных АЭС, вновь задаться вопросом об оправданности ядерных взрывов в штате Невада, вздымающих земную твердь чуть ли не пузырем и, как сообщала пресса, сопровождавшихся утечкой радиации.

С чуткостью сейсмографа, улавливающего самые незначительные толчки, не замедлила отозваться биржа. Было зарегистрировано падение акций весьма крупных компаний, связанных как с мирным, так и с военным использованием атома. Индексы Доу-Джонса оказались куда более убедительным фактором, чем мнимые рентгены прорыва, которыми сыпали телевизионные витии. Тон комментариев пришлось менять. Тем более, что было невозможно утаить данные дозиметрического контроля, проведенного сотрудниками американского посольства в Москве, и одна страна за другой стали сообщать о быстрой нормализации обстановки. Пришлось расстаться, по крайней мере, с наиболее вздорными выдумками. Для пущей объективности на американских телеэкранах замелькали лица дикторов программы «Время». По русскую речь сразу же заглушала назойливая скороговорка очередного комментатора. Слышали бы наши дикторы, какой вздор несли от их имени!

Между тем, больше стали говорить не столько о внешних, сколько о внутренних проблемах. Расхваливали надежность американских АЭС, снабженных-де самыми последними новинками передовой технологии, и, конечно же, американский приоритет в самых разных сферах науки и промышленности. О Хиросиме, о нейтронной бомбе, лазере с ядерной накачкой для «звездных войн» стыдливо умалчивалось, равно как и о многочисленных неполадках у себя дома. Зато на все лады перепевалась байка о «технической отсталости Советов». словно не Курчатов построил первую АЭС, словно не наши корабли спустили со стапелей первый атомоход, словно не с нашего спутника начался космический век Земли, словно не Гагарин был первым человеком в космосе!

Я встречался с американцами, которые явно стыдились подобной дешевки. Конгрессмен от штата Массачусетс Ник Маврулис, например, президент университета имени Кларка Ричард Трейна отдали должное немеркнущим заслугам советских людей перед человечеством. Причем не только в личных беседах, но и перед микрофонами журналистов.

Это было тем более уместно, что кое-кто из последних сил лез из кожи вон, чтобы не дать угаснуть нездоровому ажиотажу вокруг человеческого несчастья, которое все порядочные люди переживали, как свое собственное.

Вежливый и весьма толковый репортер газеты «Беркшир игл» Алан Куперман нашел меня поздно вечером. Он уже знал, что в местной библиотеке имеется английский перевод моей книги, выпущенный «Атомиздатом». Выяснилось, что газету прежде всего интересует вопрос, как может отразиться авария на нашей Энергетической программе.

— Конечно, вам трудно ответить, не зная точки зрения правительства,— деликатно посочувствовал корреспондент.— Однако нашим читателям хотелось бы услышать ваше сугубо личное мнение, как ученого и писателя, занимающегося проблемами будущего.

— Новая технология всегда сопряжена с определенными опасностями. Разве не опасны были эксперименты в космосе? Например, последний полет по программе «Спейс шаттл»? Конечно, мы будем продолжать свою Энергетическую программу. Я не сомневаюсь, что будет сделано все необходимое для безопасности людей.

«Я не сомневаюсь,— следовало опущенное при публикации продолжение,— что и вы будете продолжать строить АЭС, потому что нет у человечества другого пути. Отступление от завоеваний науки так же немыслимо, как возвращение к огню первобытных пещер».

Я и мои товарищи по делегации ездили по Массачусетсу, куда были приглашены активисты движения «США — СССР: мосты к миру». Мы жили в американских семьях, ежедневно встречались с сотнями самых разных людей: с учеными, священниками, врачами, инженерами, студентами, школьниками. Выступали, отвечая на многочисленные вопросы, в учебных заведениях и церквях, которые превращались в шумные дискуссионные клубы, присутствовали на заседаниях городских советов, беседовали с членами палаты представителей конгресса и воспитательницами детских садов.

В большинстве это достойные во многих отношениях люди. Они мало знают — не по своей вине — о нашей стране, но очень хотят узнать как можно больше.

Мне представляется символическим знак радуги, избранный в качестве эмблемы движения «Мосты к миру». Над туманом умолчания и лжи, над стереотипами пропагандистских спекуляций должна воссиять семицветная дуга. Вопреки монохромному мышлению иных политиков, вопреки их ненависти к красному цвету, который столь неуклюже пытались сочетать с радиационной опасностью.

26 мая.

Леонид ВЫШЕСЛАВСКИЙ
ЗВЕЗДА ПОЛЫНЬ

...и упала с неба большая звезда.

Имя сей звезде полынь...
Откровенье Иоанна. Глава 8. Стих 10.

Чернобыль — вид полыни.
Словарь Даля.

Я родился в стороне полынной,
где переплелась легенда с былью,
где, наполняясь древностью былинной,
новый век идет по чернобылью...
Степь. Скрипят кустарники сверчками,
будто половецкие телеги.
Теплятся высокими свечами
чернобыла хрупкие побеги.
В ковыле курганы — как сугробы.
Вдруг на степь негаданно-нежданно
в схожих звуках «чернобыль-Чернобыль»
пало откровенье Иоанна.
Не на воду только или сушу
пало, нам о том напоминая,
что звезда-полынь людскую душу
может злобой напоить до края.
Пало, чтобы жар звезды-полыни,
отравивший пастбища и реки,
изошел из наших душ отныне
и навеки.

Николай МАТУКОВСКИЙ

чужой беды не бывает

Беда границ не признает, тем более такая, какая случилась на Чернобыльской атомной электростанции. Она неслышно «перешагнула» с правого, украинского, берега Припяти на левый — белорусский. Дозиметристы разглядели опасность, подняли тревогу: на границах с АЭС возрос уровень радиации. А в этом месте к реке Припять примыкают три густонаселенных района Гомельской области — Наровлянский, Хойникский и Брагинский.

Рассказывает начальник областного штаба гражданской обороны капитан первого ранга Д. Ф. Жуковский:

— Мы развернули свой штаб в Хойниках, потому что несколько деревень этого района находились в пяти-семи километрах по прямой от Чернобыльской АЭС. Хотели быть поближе к месту беды, точно знать масштабы произошедшего. Вскоре стало ясно, что без чрезвычайных мер — эвакуации людей — не обойтись. В это трудно было поверить: вокруг все белым-бело от цветущих садов, светит яркое солнце, голубое небо... Но именно оттуда, с неба, и пришла невидимая опасность. А оттого, что беда была невидимой и неслышимой, люди отказывались в нее верить...

Рассказ продолжает первый секретарь Хойникского райкома партии Д. М. Демичев.

— Обстановка требовала исключительной оперативности. Прежде всего вывезли детей, беременных женщин, матерей с детьми до семи лет. В штабе постоянно находился председатель облисполкома Александр Адамович Граховский. С ходу решили вопрос о транспорте, о санаториях, профилакториях и пионерских лагерях в северной части области. Туда и направляли первых эвакуированных. К ним уже шли автобусы и грузовые машины из других районов и областей. Все хотели нам помочь. Вот уж действительно — чужой беды не бывает! Мы в этом сразу убедились. Потом снимали с мест те хозяйства, те деревни, где повысилась радиация,— Радан, Массаны, Чамков, Уласы...

Ох, как нелегко покинуть крестьянину цветущий сад, сирень под окном... А сделать это надо за один-два часа... И слезы, понятно, были. Председатель исполкома Оравичского сельсовета П. М. Кузьменко рассказывал мне, что он видел человека, который обнимал собаку и прощался с ней, как с человеком. Глупая в данной ситуации «лирика»? Нет! Было бы странно, если бы люди вели себя иначе. Но ни одного протестующего или жалующегося. Без нытья, паники, страха. Все понимали: зря вывозить не станут.

— Вот только с несколькими старушками пришлось повозиться,— рассказывает А.И.Обухов.— Те даже в погреба прятались. Найдешь ее там, а она: «Даражэньки ты мой! Посмотри, как у меня садик расцвел! На кого же я его оставлю? А кур, уток кто накормит? Они же на всю жизнь на меня обидятся...»

Тем не менее все до единого человека уехали: надо — значит надо! За считанные часы для них были подготовлены и кров, и стол. Дмитрий Михайлович признается:

— Честно говоря, я побаивался проблем вокруг размещения эвакуированных. Вдруг кто-нибудь заворчит: к чему мне чужие в хате? Как же плохо я знал своих людей! Автобусы еще были на подходе, а уже люди вышли из домов и ждали. У всех были накрыты столы, натоплены бани, приготовлены постели. Председатель исполкома Дворищанского сельсовета П. Ф. Орыщенко поселил в свой дом восемь человек, а сам с женой ушел жить к соседу. Несколько человек прибежало к тому же Орыщенко с жалобами: «Почему к нам никого не прислали? Чем наш дом хуже? Не обижай нас, председатель!»

Сидим вместе с директором совхоза «Судково» Н. И. Садченко, который принял к себе совхоз «Оравичи». Его директор — Г. А. Михайлов. Здесь же и председатель исполкома Оравичского сельсовета П. М. Кузьменко.

— Приняли нас сердечно, как родных,— говорит Павел Михайлович.— Круглые сутки работают бани — нам же надо отмыться. Питание — бесплатное, три раза в день. Каждому выдали по 200 рублей пособия. Выделили участок для огородов. Два совхоза — «Судково» и «Оравичи» — сразу стали одним хозяйством. Провели совместную сессию двух сельсоветов, а потом — общее собрание коммунистов двух совхозов. Вопрос решали один: как работать в новых условиях?

— Мы так решили,— говорит Н. И. Садченко,— чтобы колхоз присоединять к колхозу, а совхоз — к совхозу. За работу взялись даже пенсионеры... Беда сблизила людей, показала, что все у нас общее — и дело, и земля, и дом.

Жизнь в районе идет своим чередом. Кто-то из эвакуированных потерял бумажник, а в нем четыреста рублей. Несколько дней искали хозяина. Нашли, вручили. На бюро райкома приняли кандидатами в члены партии сварщика из колхоза «1 Мая» В. Д. Кривченко и доярку этого же хозяйства М. И. Кулак. На заседании бюро им задали неожиданный вопрос:

— После всего, что случилось, жениться не раздумали?

— Нет. Нам ничто помешать не может: крепко надумали.

13 мая на местном стадионе состоялся футбольный матч Хойники — Брагин. Выиграли хозяева со счетом — 4:3. А 18 мая в Брагине состоялся ответный... И здесь победили Хойники — 2:0. «Обидели» хозяев!

...Из Хойников едем в Брагин, который пострадал больше других. Здесь перемещено в безопасную зону тридцать населенных пунктов, почти восемь тысяч человек. Например, в Цгловском сельсовете жило всего 1440 человек, а приняли из южной зоны 1.583 человека. Деревня Михновка со своими 99 жителями разместила у себя еще 93, Рудня — 240, Лубяники — 184, Команов — 113, Шкураты — 245, Углы — 389...

— У нас дело осложнилось еще тем,— рассказывает первый секретарь райкома партии Г. Н. Паньков,— что в южной части района были самые крепкие хозяйства. Каждое из них имело отличный клуб, а то и Дворец культуры, одну, а то и несколько столовых... Люди привыкли к таким удобствам. Сейчас они, ясно, этого лишились. В северной части района, куда эвакуировались люди из тридцатикилометровой зоны, хозяйства послабее. Вот перед нами и встала непростая задача — сделать все, чтобы разница в уровне жизни не чувствовалась. Живут тесно, но дружно, понимая, что надо запастись терпением. Поедем, сами увидите.

Колхоз имени Энгельса Угловского сельсовета. Он принял к себе совхоз «Посудово». По дороге Георгий Николаевич подробно рассказывает, «как все это было». Нужно было развернуть дополнительно бани, душевые, на дворе жара, пыль. Помыли. Завезли дополнительно несколько сот раскладушек, матрасов, комплектов постельного белья. Раскладушки раскладушками, но в иной тесной хате их просто не поставишь — люди спят на полу. Иногда — по двое на одном матрасе... По восемь-девять человек в одной хате. А что сделаешь? Беда свалилась неожиданно...

Но и тут никаких нареканий. Все понимают: иного-то выхода нет. Питание бесплатное, и налажено оно образцово. Из спортивного зала Угловской школы сделали столовую, а из школьной столовой — кухню. Готовят хорошо, сытно.

Подъехали к животноводам совхоза «Посудово» к обеду. Разговор завязался сам собой и, конечно же, начался он с вопроса: «Когда вернемся домой?» Увы, на него еще нет ответа. Ученые вместе со специальными группами из военных и работников МВД ищут наиболее эффективные методы дезактивации оставленной местности. Надо обработать каждый дом, каждую постройку, каждый метр земли. Люди смогут вернуться только тогда, когда будет гарантирована полная безопасность.

Последнее интервью беру у первого секретаря обкома партии Алексея Степановича Камая, который тоже только что вернулся из районов бедствия. Бывает там через день. Каждый в Белоруссии, от секретаря ЦК до рядового колхозника, думает сегодня об этих трех гомельских районах. У каждого одна мысль: чем он может помочь пострадавшим?

— Из всех областей республики к нам сейчас поступает различная техника,— рассказывает А. С. Камай,— грузовые автомобили, моечные машины (по несколько раз в день в тех районах надо мыть все улицы и дороги), асфальтоукладчики (радиоактивная пыль легче смывается с асфальтированных дорог, чем с проселочных).

В зону повышенной радиации попали пятьдесят сел и деревень трех районов области, тринадцать сельских Советов. Пришлось эвакуировать оттуда более 26 тысяч человек и 36 тысяч голов крупного рогатого скота.

Мы еще раз убедились, что все самые лучшие человеческие качества проявляются в экстремальной ситуации. В сложной обстановке эвакуации не произошло ни одного инцидента, ни одной накладки! За несколько часов на сотнях автомашин были наращены борта для перевозки скота, выстроены сотни кошар для его приема, оборудованы десятки бань и душевых дополнительно, подготовлены места для приема людей, герметизированы спецмашины для перевозки продуктов. В обеспечении продуктами население не почувствовало никаких перемен. Нормально, даже с превышением прошлогодних темпов работает промышленность области.

— Алексей Степанович, наверное, и вам задавали вопрос: когда вернутся люди к себе домой?

— Задавали. Но ответить на него сегодня я не могу. Работают ученые, радиологи, биологи... Они заканчивают расчеты по каждому населенному пункту, по каждому виду грунта. И каждый вид будет обрабатываться «своим» способом. Ясно одно: здоровьем людей мы рисковать не намерены. Нам предложили помощь многие области Российской Федерации. Мы отправили в их санатории, профилактории, лагеря тысячи детей, всех беременных женщин и молодых мам из пострадавших районов. Школьники из этих районов получают аттестаты без экзаменов — по годовым оценкам.

В заключение скажу: беда сблизила всех нас, сроднила. И — многому научила.

20 мая.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

В столице Украины находится группа корреспондентов центральных органов Коммунистических партий Австрии, Великобритании, Бельгии, Западного Берлина, Израиля, Италии, Канады, Люксембурга, США, ФРГ, Финляндии, Франции, Швеции, Японии, прибывших для ознакомления с ходом ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Представители коммунистической печати были приняты членом Политбюро ЦК Компартии Украины, первым заместителем Председателя Совета Министров УССР Е. В. Качаловским. В ходе состоявшейся беседы гостям рассказали о работах, которые ведутся на поврежденном блоке, о мерах по дезактивации станции и прилегающей к ней территории. Было отмечено, что населению, которое эвакуировано из опасной зоны, оказывается всесторонняя помощь по трудоустройству, налаживанию быта. Ведется постоянное наблюдение за состоянием окружающей среды. Идет большая коллективная работа, в которой участвуют крупные руководители, видные специалисты и ученые. К сожалению, говорилось во время встречи, на Западе не прекращается клеветническая кампания вокруг событий на Чернобыльской АЭС, имеющая целью отвлечь внимание мировой общественности от злободневных вопросов борьбы за мир и разоружение.

Первый заместитель Председателя Совета Министров УССР Е. В. Качаловский, специалисты и ученые, принимавшие участие во встрече, ответили на вопросы корреспондентов.

Гости побывали в областном комитете партии. Первый секретарь Киевского обкома Г. И. Ревенко рассказал о том, как проходила эвакуация населения из опасной зоны, что делается сегодня по медицинскому обслуживанию и обследованию, размещению и трудоустройству эвакуированных, проинформировал об обстановке в 30-километровой зоне АЭС.

Благодаря усилиям партийных, советских и хозяйственных органов все отрасли народного хозяйства области, ее сферы обслуживания функционируют нормально. Люди повсеместно проявляют организованность, делают все для того, чтобы ускорить ликвидацию последствий аварии.

Первый секретарь обкома партии Г. И. Ревенко и второй секретарь Киевского горкома партии С. М. Мартынюк ответили на вопросы журналистов.

Представители коммунистической печати в этот же день совершили поездку в Бородянский район Киевской области. Они встретились с представителями партийных и советских органов, побывали в совхозе-техникуме.

(РАТАУ).

13 мая.

Юлий САФОНОВ

ЛЮБОВЬ

К ЭЛЕКТРИЧЕСТВУ

Срочно требовался очерк о работнике Чернобыльской атомной, который бы с первого дня находился на станции и, несмотря на всю сложность обстановки, продолжал честно и мужественно исполнять свой гражданский долг.

Оформив отпуск, я в тот же день на попутных отправился в Чернобыль...

...Этот хорошо знакомый уютный город, куда с началом строительства, а затем и эксплуатации первых блоков АЭС так охотно наведывались журналисты, теперь было не узнать. Сейчас он больше напоминал гарнизон. Вдоль опустевших дворов взад-вперед проносились бронетранспортеры. На тротуарах мелькали армейские пилотки, «афганки», фуражки... Респираторы делали всех похожими друг на друга. И если бы не обилие ярко-белых защитных костюмов работников атомной и приезжих специалистов, можно было бы подумать, что здесь проходят летние военные учения...

Время от времени по сплошь покрытой свежим асфальтом улице проезжали поливалки. На тридцатиградусной жаре вода почти мгновенно испарялась, и было душно, как в парилке.

В приемной председателя правительственной комиссии беспрерывно звонили телефоны. Десятки людей с посеревшими от усталости сосредоточенными лицами напрасно пытались пробиться за заветную дверь: там шло очередное экстренное совещание. Группе фоторепортеров из агентства печати «Новости» как-то удалось через помощника передать председателю письмо с просьбой разрешить съемки четвертого блока с воздуха. Помощник через минуту возвратился с отказом. «Сейчас не до съемок...»

В Припятском городском комитете партии, размещавшемся теперь в Чернобыле, объяснили: «Искать героя очерка на самой АЭС сейчас бесполезно. Там все заняты, обстановка неважная, разговаривать никто не станет. Остается попытать счастья в вахтовом поселке «Сказочный», где люди отдыхают после смены. Это близко от Чернобыля, и туда постоянно ходит транспорт».

В «Сказочном», бывшем лесном пионерлагере, отыскать партком не составляло особого труда — туда вели все дорожки. Инструктор орготдела Нина Александровна Химач на мою просьбу познакомить с интересным собеседником потянулась было к спискам, но, так и не заглянув в них, вдруг сказала: «А здесь все достойны, чтобы писать о

них. Все герои... Вот хотя бы Паша Жучков. Сразу же после взрыва заступил на вахту. Продолжает ее и сейчас. Правда, он только что вернулся со смены, отдыхает. Но если очень нужно — можем позвать...»

Пока ходили за Жучковым, его имя еще не раз повторялось в библиотечном зале пионерлагеря, где сейчас располагался партком. И каждый раз его произносили как-то подчеркнуто почтительно. В устах говоривших это звучало как высшая характеристика...

Наконец вошел Павел. Невысокий, слегка заспанный. Взгляд прямой, честный. Впрочем, как у всех, кого я встречал здесь. Это вызывало на откровенность.

— Павел Владимирович,— сказал я.— О чем бы мы сегодня с вами ни говорили, нам никак не обойти то печальное утро двадцать шестого апреля... Может, начнем с него?..

— Начнем...

...Как всегда, на работу он ехал на своем «Запорожце». На автобусной остановке в то утро почему-то было очень многолюдно. Лица у всех какие-то растерянные. «Может, что-то случилось?» — подумал Павел.

В толпе заметил ребят из своего цеха — Виктора Спеку, Володю Лямца, Сашу Пархоменко. Притормозил.

— Слышал? — спросили они.— На станции, говорят, какая-то авария...

Поехали быстрее. Хлопцы всю дорогу галдели, пытались предположить, что бы такое могло произойти. Но всю серьезность ситуации осознали лишь тогда, когда из окна машины увидели зияющий пролом в стене четвертого блока...

В цехе везде мигали красные фонари радиационной опасности. Кто-то предложил бежать на четвертый — вдруг там нужна помощь. В первый момент такая мысль мелькнула и у Павла. Но, услышав привычный гул турбин, он понял: ребят надо остановить. И, пересилив шум, крикнул:

— Своевольничать не будем! Покидать рабочие места не имеем права. Никто не знает, сколько продлится наша смена и в каких условиях придется работать. Так что все — по местам! Если понадобится — нас позовут...

Слова Павла восприняли как приказ. Ребята надели респираторы и приступили к своим обычным обязанностям...

— У фронтовиков, Павел Владимирович, не принято спрашивать, страшно ли было в бою...

— Да, обстановку на станции уже тогда многие сравнивали с боевой. Вскоре у нас даже появилось такое выражение: «до войны», то есть «до аварии»...

Страшно ли было в тот первый день? Мне кажется, едва ли кто об этом задумывался. Некогда было. Перед нами стояла задача — исключить дальнейшее распространение аварии, остановить уцелевшие блоки и турбины, максимально сохранить людей и технику.

Нам это удалось...

Мысли, мотивы поведения Павла Жучкова и его товарищей в первые часы аварии, в общем-то понятны: еще не совсем ясна ситуация на станции, в горячке многие просто не задумывались о степени опасности, в какой оказались, чувство долга, убежденность в том, что никто, кроме них, не сделает то, что могут они... Но вот смена закончилась, есть возможность, как говорится, трезво оценить произошедшее. Теперь-то они уже прекрасно знали обстановку на АЭС, уровень радиации, каждого из них не могла не беспокоить судьба семьи. И тем не менее на другое утро и в последующие дни они своевременно являлись на свои рабочие места...

— ...потому что каждый из нас знал: пока надеяться не на кого.

— И не оказалось среди вас таких, кто рассуждал иначе?

— К сожалению, оказались. Не хочу даже вспоминать их имена. Для меня эти люди просто не существуют. Выражаясь той же военной терминологией, они покинули окопы...

Правда, кое-кто из них позже пробовал оправдаться тем, что, мол, их едва ли не насильно эвакуировали в числе других жителей Припяти. Могло такое случиться?

Могло. Разбираться, кто работник атомной, а кто нет, в той сложной ситуации действительно было некогда. Но подавляющее большинство ребят, которых эвакубригады заставили выехать, в считанные часы сообщили руководству АЭС свои новые адреса, а многие, несмотря на милицейские заслоны, даже ухитрились самостоятельно возвратиться в город, чтобы продолжать восстановительные работы... Беглецам же, считаю, никакого прощения нет. Кто-то, может, скажет: у них, мол, семья, дети... А разве остальные не имеют семей или меньше любят своих детей?..

Долго не знал о судьбе домашних и Павел. В каждую свободную минуту думал только о них. Как они там? Здоровы ли? Где нашли приют?

А приютили Галину Ивановну Жучкову и двоих ребятешек — тринадцатилетнего Женю и пятилетнего Владика — совсем незнакомые люди. Семья Геращенко из села Яблонька Полесского района. Представьте: в двухкомнатной хате — хозяин, хозяйка и молодая пара с ребенком. По нынешним меркам и самим должно быть тесновато. Но они все же нашли место и для Жучковых, и для

семьи Александра Пархоменко. Делились с ними всем, чем могли, за стол с собой сажали. Одним словом, стали им вскоре как родные.

Оставались у Геращенко, пока не разыскал их Павел. Посоветовались, и Галя с детишками отправилась в Ростовскую область, где в городе Красный Сулин живет отец Павла.

С Красным Сулином у Галины и Павла Жучковых связано многое. Здесь они когда-то впервые встретились, здесь нашли свою судьбу. И едва ли не решающую роль в этой судьбе сыграла их любовь к электричеству.

Павел после десятилетки поступил слесарем на Несветай ГРЭС. Но тянуло к турбинам. Постепенно выучился на машиниста.

Галя приехала из Краснодарского края поступать в институт, однако не прошла по конкурсу и тоже устроилась на станцию — помощником машиниста котлов. Так и работали вместе. Постепенно выяснилось, что у них есть еще одна общая страсть — книги. Обменивались новинками, спорили о прочитанном. Постепенно у Павла и Гали подобрались неплохие библиотеки. Однажды он сказал ей: «Знаешь, Галка, а не объединить ли их в одну?» Это было равнозначно предложению...

А любовь к электричеству привела их на заочное отделение Шахтинского энерготехникума. Вручая Жучковым дипломы о его окончании, комиссия по распределению предложила молодым специалистам перспективную работу на Тахиаташской ГРЭС.

Должность заместителя начальника турбинного цеха, охота к перемене мест совсем вскружили голову Павлу: по природе он легок на подъем. Галя же, наоборот, домоседка. Ее любимая поговорка: дома и камень обрастает. На домашнем совете он привел «железный» довод, против которого Галка уже не смогла возразить: «Камень, обросший мхом, обычно не замечают...» Ведь, если сказать честно, Галя хотела, чтобы Павла заметили. Она очень любила его...

Впрочем, и Галю можно было понять: Женьке всего лишь несколько месяцев от роду, путь на новое место работы не близок, да и семейная библиотека к тому времени уже успела заметно потяжелеть. Но поехали и не жалели. Станция там куда крупнее, чем в Красном Сулине. Великолепная природа Узбекистана, добрые, отзывчивые люди. В общем, решили здесь «заземлиться» навсегда. Но, как говорится, было не суждено...

Едва, выражаясь Галиным языком, немного «обросли» на новом месте — пришла весть о строительстве Чернобыльской атомной. Здесь уже и Галя не возражала. Ради такой возможности — работать на крупнейшей АЭС мира — Павел даже пожертвовал учебой в институте, оставил четвертый курс. Снялись легко, и были радушно встречены в Припяти.

Жучковых обворожила красота украинской природы, очаровал неповторимый молодой город. Павлу сразу же предложили должность мастера по эксплуатации турбинного цеха. Тогда только начинали монтировать второй блок, и он руководил установкой в нем турбин. А когда первая очередь станции была закончена, не выдержал — попросился в эксплуатационники. Назначили старшим машинистом турбоцеха.

— С момента переезда в Припять,— вспоминает Павел,— для нас наступили лучшие годы жизни. Интересная работа, молодой коллектив, замечательные соседи — люди живые, ищущие, всем интересующиеся. Одним словом, город единомышленников!

У нас дома почти каждый вечер — гости. Галя обязательно что-то испечет к чаю — она у нас признанная мастерица. Садимся за самовар и начинаем общение. Настоящий клуб!

Наши друзья съехались в Припять со всех концов страны. Есть что вспомнить, о чем рассказать. Спорим, обсуждаем технические новинки. У нас на станции часто бывают крупнейшие ученые. Советуются с нами, сами советуют. И постоянно быть причастным к достижениям самой передовой отрасли науки — о чем еще можно мечтать людям нашего возраста!..

...С тех пор, как дела с восстановлением станции начали налаживаться, все чаще думаю о семье. Соскучился очень. Домашние в каждом письме спрашивают, как, мол, мы здесь. Я ответил Галке: «Помнишь, после службы в армии я ни разу не проходил военные сборы. Считаю, что этот пробел в моей биографии теперь устранен. «Сказочный» как раз что твой военный лагерь: порядок, железная дисциплина, форма, ожидание весточки от родных. А в перспективе — еще и краткосрочная «увольнительная»: положенный отдых в лагерном санатории «Тетерев» мне разрешили заменить поездкой в Красный Сулин. Так что мой двадцатилетний юбилей работы в энергетике отметим вместе. А после — очередной профсоюзный отпуск. Заберем ребят и подадимся на Черное море. Путевки уже заказал...»

— Ну, а какова главная мечта машиниста Жучкова? — спрашиваю у Павла на прощанье.

— А их две. И обе главные. Первая — всей семьей вернуться в родной дом, к прежней жизни, к своим книгам. А еще — услышать снова рокот турбин — такой, знаете, теплый, утробный, привычный. Ту неповторимую песню, которая сопровождает меня по жизни в течение последних двадцати лет. И буду считать себя самым счастливым человеком на свете!..

* * *

Я снова встретился с Павлом Жучковым ровно через полгода. В парткоме АЭС мне назвали его новый киевский адрес.

Павла и Галю дома не застал: уехали по каким-то своим делам. Здесь хозяйничали Женя и Владик.

Владик, едва я познакомился с ребятами, тут же включил новенький цветной «Электрон», с разбегу взлетел на кровать, легко стал на голову и вот в такой позе начал смотреть передачу, как раз показывали мультики.

— Не обращайтесь внимания, — совсем по-взрослому прокомментировал поведение младшего брата Женя. — Это он задается, хочет, чтобы вы похвалили. А вообще-то, эта стойка у него здорово получается. Я так не могу...

Я спросил Женю, как они обживаются на новом месте. И Женя принялся показывать мне квартиру — гостиную, спальню, детскую, кухню. Просторно, удобно, уютно. Мебель — кухонная и в гостиной — еще хранит свежий запах лака: приобрели все это совсем недавно.

— К нам в «Артек», где я отдыхал летом, — рассказывал Женя, — приходили сотни писем от ребят со всего мира, в которых они выражали нам, чернобыльцам, сочувствие в связи со случившимся на станции. Ну, и конечно же, предлагали помощь: мол, готовы прислать нам свои сбережения, ну и все такое... Мне выпало отвечать на письмо американской школьницы Сюзен Мов из города Блумингтон штата Миннесота. Я, конечно, искренне поблагодарил ее за внимание и сообщил, что государство о нас позаботилось — компенсировало убытки. Вот все это, — Женя опять совсем по-взрослому окинул взглядом обстановку, — мы приобрели на эти деньги. И еще купим что нужно. А если честно — квартиру в Припяти очень жаль. Почти все мои личные вещи остались там... Жалко и голубей: я держал их на чердаке. Вход в голубятню на ночь закрывал от котов. Хорошо, что перед самой эвакуацией успел подняться к ним и выпустить на волю...

А вообще, здесь мне нравится. И в этом, и в соседних домах — все наши, припятские. Отыскались старые друзья, ходим друг к другу в гости. И в школе за партами те же ребята, что и в Припяти. Словно ничего и не случилось.

Я обратил внимание, что все полки импортной стенки и шкафы в детской до отказа заполнены книгами.

— Неужели уже здесь столько приобрели? — спросил я Женю.

— Да нет. Это нам, переселенцам, разрешили привезти из Припяти некоторые вещи. Выделяли даже специально автобусы. Папа и мама тоже ездили. Ну люди — кто хрусталь притащил, кто посуду. А родители — только книги. Мешков двенадцать загрузили. Оказались чистые. И там, и здесь замеряли приборами. Так что почти вся библиотека, о которой вам рассказывал папа, спасена!..

Наконец возвратились Галя и Павел. Оказывается, были в мебельном магазине — заказывали еще какие-то вещи.

— Вот снова обрастаем! — засмеялась Галя, полагая, что я помню ее любимую поговорку.

— А я ей говорю: «Не спеши. Вон специально для нас, чернобыльцев, строят город Славутич. Пожалуй, будет лучше нашей любимой Припяти. Так что не исключается еще один переезд...» — перебил Галю Павел.

Он подсел ко мне и, пока Галя хозяйничала на кухне, начал сыпать новостями. Очень сожалел, что турбины первого блока запустили без него.

— В июле, как и планировалось, всей семьей отдыхали в крымском пансионате «Мисхор». А со второго августа по октябрь возглавлял комиссию по распределению в Киеве квартир для эвакуированных из Припяти и Чернобыля. Дело, понятно, тонкое, щепетильное. Работали с утра до поздней ночи. Расселил около трех тысяч семей. Конечно же, устал. Попросился снова на станцию. Третью и четвертую турбины, что во втором блоке, запускал уже сам. Наверное, не пережил бы, если бы это случилось без меня.

Сейчас вахтенным методом обслуживаем все эти четыре агрегата первой очереди. Ребята в смене почти те же, что и до аварии. Так что постепенно все становится на свои места.

Вахтенный метод — пять суток работы, шесть отдыха — конечно, оправдан. Но трудновато. Судите сами: от вахтенного поселка Зеленый Мыс до станции около двух часов езды. Столько же — на обратную дорогу. Плюс смена. На сон и другие дела времени остается мало. Поэтому все наши с надеждой восприняли весть о начале строительства Славутича: с его появлением все окончательно должно утрястись.

Петр ПОЛОЖЕВЕЦ

работа тут найдется

Июнь. Первыми приехали студенты Обнинского института атомной энергетики. День выдался угрюмым. Вода в Припяти казалась густой и тяжелой. «Ракета» из Киева опаздывала. На причале — пусто. Лишь Саша Бочаров, секретарь комитета комсомола атомной, одиноко сидел в заде. «Ракета» пришла полупустой. Белые, синие защитные костюмы. Привычный цвет тридцатикилометровой зоны. Подняв воротники легких курточек — продувало, — столпились на корме новички. Стали пробираться к трапу. «Стоп, — остановил их дежурный, — Прошу всех оставаться на своих местах и приготовить пропуска, командировочные удостоверения». После формальностей вышли на берег, осмотрелись. Саша Новиков бросил на землю сумку. Бочаров укоризненно посмотрел на него. Он тут же поднял, отряхнул ее и начал быстро шарить в карманах. Вытащил дозиметр, провел по дну сумки, улыбнулся: «Вроде бы чисто!» Через пять минут сидели в автобусе. И смеялись все вместе над первым дозиметрическим контролем. Я спросил у командира Анатолия Москалева:

— Не страшно было ехать?

— Мы же знали, куда едем. Это наша работа. Мы все с факультета атомных электростанций. С первого дня рвались сюда. Минэнерго отвечало: специалисты пока не требуются. И вдруг в комитете комсомола раздался звонок. Через полчаса висело объявление о специализированном дозиметрическом отряде. Первым прибежал Саша Новиков.

Они измеряли уровень радиации в базовом лагере. На контрольно-пропускных пунктах. Потом к ним на помощь приехали еще два отряда: Московского энергетического и Уральского политехнического институтов. На станции существовал неписанный закон: первыми идут дозиметристы. Потом прокладывается маршрут, и уже специалисты отправляются на задание. Первый эшелон — самый опасный. Студентов туда не посылали. И думать запретили им об этих маршрутах. На долю свердловчан выпала, пожалуй, самая тяжелая ноша. Пришло время, и жителям Припяти разрешили забрать кое-какие вещи. После тщательного контроля. Вместе с ними ехали дозиметристы. Они и определяли, что «чисто», а чему путь только в контейнер (потом в могильник). На выезде еще одна проверка.

Однажды командир Игорь Аншигин предложил вести дневник. Не просто записывать даты, фамилии, факты. Другое. Завели тетрадь. Каждый мог взять ее и записать то, что потрясло, запомнилось. Кто писал один абзац, а кто и несколько страниц. Они не переписывались начисто, набело — не приглажены, не причесаны. Такие, какими были впечатления от чернобыльского лета.

«В отряде я появился случайно. Так сказать, человек со стороны, чужак. Дело в том, что в отряд брали только шестикурсников. Но я таки упросил командира. Оказался самым молодым.

Прекрасные места здесь: лес, речка, поле. Поражают пустынные деревни. Я никогда не забуду свою первую поездку в Припять. Скрипит незакрытая форточка. Ветер который день полощет пересохшее белье. Стаи одиноких кошек. Они сидят на тротуаре и смотрят вслед проезжающим машинам. Словно понимают, что здесь произошло. Чернобыль открыл для меня не технические, не технологические стороны аварии. Меня потрясла людская беда. Я понял, насколько осторожно нужно обращаться с атомом. Ужасаюсь от мысли, что будет при ядерной войне. Никто в ней не победит. Никто живой не останется».

«Я первый раз открыл нашу тетрадку. Был в Припяти. Вместе с эксплуатационниками — они забирали свои вещи. Закончили и ждали машину. Один из парней достал яблоко из кармана, неловко подбросил его и не поймал. Обмахнул полрой куртки и, как ни в чем не бывало, — в рот. «Ты что!» — поразился я. «А что?» Меня поражает отсутствие элементарных знаний о радиоактивном излучении. И у кого? У тех, кто по роду своей работы должен бы это знать назубок. Думаю, что беспечность и отсутствие элементарных знаний — это глобальная причина, которая привела к чернобыльской аварии».

«Сегодня ездили делать замеры. Если проснуться рано утром в любом другом городе, увидишь: там свет горит и кто-то копошится на кухне. Или услышишь, как первый трамвай из парка звенит. Здесь, в Припяти, другое. Пустота. Нет людей, Припять резко отличается от Чернобыля. Там в городе днем полно народа. Они живут. Работают. Для Чернобыля авария — беда. Чернобыль знают все. О Припяти по-настоящему я узнал только здесь».

«День начался обычно. Получил задание ехать в Припять. Определять, что можно жителям вывезти. Очередная квартира. Хозяйка — двадцатилетняя девчонка, похожа на шаловливого ребенка. Смеется, шутит. Это пока мы поднимались по лестнице. А когда вошли в квартиру — она враз изменилась. Улыбка исчезла. Лицо осунулось. Постарела на десяток лет, несколько секунд молчала. Потом хлынули слезы. Она плакала и не стеснялась меня. Случайно я наткнулся на записку: «Володюшка! Мы эвакуировались. Буду

стараться любыми путями попасть в Городище. Постарайся дать весточку, а то я сойду с ума. Молоко сгорело. Выздоровливай. Целуем. Надя и доченька». Вечером я узнал, что это была жена пожарного, который погиб. И записку Надя написала, когда муж уже был мертв...»

«Поток людей не иссякал. Устал. Уже не видел делений дозиметра. Раздражало, что много машин, много вещей, много людей. И то — что ночь, а надо работать. Зашел в наш домик. Сел на скамейку. Прислонился к стене. Спал не спал, а через полчаса вышел совершенно здоровым. Подкатил автобус. Вышла старушка. Посмотрела на меня и стала что-то совать мне, зажатое в кулаке. Схватил за руку: на ладони — смятая, с надорванным краешком десятка. Почувствовал, как пятки краснеют. Стал отказываться, а она: «Это тебе за работу». Пробовал убедить, что деньги и так получаю, и что ей, старому человеку, стыдно так унижаться, и что нормально, когда к старым людям с уважением относятся (я их вне очереди обслуживаю), — убедить не удалось. Не понимала она моих слов. Я чуть не заплакал. А ведь, наверное, и войну она пережила, и разруху, и голод. Тогда отношения между людьми были более братскими, взаимопомощь и поддержка развиты острее. А потом была мать пятерых детей. Я сразу увидел, что детские вещи «грязные». Она не захотела их отдать. Я ругался с ней, требовал, а она ни в какую. В глазах — растерянность, обида. Вещи-то она выкинула, но выражение ее глаз окончательно выбило меня из колеи».

«Девятнадцатое августа. Погода мерзкая. Ветер. Вот-вот хлынет дождь, ливень разразился, когда пошел основной поток машин. Словно кто-то бочку с водой перевернул. Я как раз залез в кузов КамАЗа. Раздался оглушительный треск, сверкнула молния. Прожекторы потухли, и я оказался в крошечной тьме. Я вмиг промок. Одежда пластырем прилипла к телу. Меня бил озноб. Влетел в дежурку — еле отогрелся. Но машины ждали. Пришлось помозговать, как потеплее одеться. Натянул спецодежду, на шею — прибор и вышел на улицу. Получился полупришельцем-полурыцарем средневековья. От дождя я-то спрятался, но меня подкарауливало другое. Серый, ничем ни примечательный человек, воровато оглядываясь по сторонам, выскользнул из-за угла. Дернул меня за рукав и сказал: «Ящик водки даю!» — «За что?» — не понял я сразу. Он показал на контейнеры. Они хотели порыться в «грязных» вещах и выбрать. «Зачем?» — «Ну, на барахолке продать или в комиссионку толкнуть». Я взбесился. Кричал, не помню что. В ту ночь еще несколько таких же типов подходили ко мне. Потом сообразил: мы же стоим на КПП. С одной стороны — зона. С другой — подъезжай, подходи. Еле дождался конца смены».

«Сколько людей прошло передо мной. Молодежи, пожилых. Мужчин и женщин. Беда у них одна. Но все они разные. Мужчины нервно курят. Женщины плачут. Сегодня обслуживал молодого парня. «Грязноват» сверху был один его ящик. «Давай внутри посмотрим»,— предложил я ему. Он стал его выносить и уронил. Зазвенело, словно в посудную лавку забрел слон. Оказалось, там был прекрасный фарфоровый набор посуды. Парень развел руками, улыбнулся и сказал: «На счастье». А потом рассказал вот какую историю. За рубежом помогал строить атомную станцию. Жена осталась дома. Вот-вот должна была родить. Подарок по этому случаю он давно припас. И вдруг получил телеграмму: сын у него! Шел радостный по городу и представлял: родятся у него еще два, нет, три сына, вырастут они, у них пойдут свои дети и когда-то они все вместе соберутся у него в доме. Тут взгляд его упал на витрину: там стоял роскошный обеденный сервиз. Как раз для того будущего сбора — решил. Так и купил. «Не жалко»,— махнул рукой. Попросил закурить. Потом сказал: «Не надо, нельзя тут курить. А жене не буду говорить, что «грязный» был. Так и скажу: не случайно разбил. Сам. Специально. На счастье».

«Сейчас много говорят и пишут, что молодые специалисты не приучены принимать решения, брать на себя ответственность. По-моему, это верно. По крайней мере, до этого месяца, до этой работы я не испытывал необходимости в таких действиях. Тут я впервые почувствовал, что такое ответственность. Ведь показания дозиметра не всегда однозначны и четки, а люди просят, плачут, угрожают. Нужно решать однозначно и самому. Меня не отпускали в отряд родственники. Сейчас я не могу представить, что мог бы не оказаться здесь. Мы повзрослели»,

«Я — Анатолий Самонов. Не зря взял с собой права. Вожу здесь машину. Ездил с Костей Беспаловым, Сергеем Ясинским, Мишей Чепуштановым. Мы отбирали пробы и вели анализ изменений радиационного фона. Во всей тридцатикилометровой зоне. Ошибиться тут нельзя ни на йоту...»

«Узнал, что на Зеленом Мысе, в вахтовом поселке, будет Леонтьев выступать. Не повезло тем, кто в ночную смену работал. Конец назначили на 22.30. Ребята даже слегка обиделись. Но что поделаешь — все по-честному: график есть график. А с утра поднялся настоящий ураган. Ветки с деревьев, как листья осенью, сыпались. Дождь зарядил после обеда. Но концерт не отменили. Вижу: аппаратуру установили, а площадка открытая. Только над сценой небольшой козырек. Электрик Леонтьева бегает, ругается. Замкнет — и вся аппаратура погорит... Вернулись эксплуатационники в лагерь, поужинали — их-то и ждали. К десяти вся площадка была забита:

сидели под зонтиками, клеенками и просто плащами. И тут вырубили свет. Часа полтора искали, что случилось. Оказалось, ураган порвал провода, свалил опору. Звонили в Киевэнерго. Там ответили: до утра не отремонтируют. Что делать? Мы с секретарем комитета комсомола станции Сашей Бочаровым побежали — народ послал — к Валерию на пароход, чтобы спросить: будет ли петь? «Буду, — сказал, — дайте свет». Начали тянуть кабель от парохода. Не хватило. В начале первого ночи стало понятно, что ничего не получится. Завтра у него предстоял концерт в Чернобыле, а потом он уезжал. Пришли еще раз к Леонтьеву. А он и сам расстроился, слезы на глазах, честное слово. «Давайте так, — сказал, — завтра поздно вечером я приеду сюда после чернобыльского концерта...»

«Печет. Оказывается, тут не всегда идет дождь и ревет ураган. Уже пропала острота первых впечатлений. Уже привыкли к знакомому маршруту. Не удивляют пустынный город и заросшие зеленью улицы. И то, что яблоки, абрикосы, сливы никто не срывает. И к розам привыкли, которых здесь тысячи кустов. И к лицам людей под респираторами привыкли. И даже к полосе выгоревшего леса рядом со станцией, и к «грязным» участкам. Дни наши похожи друг на друга и очень будничны. Но работа здесь не может быть будничным делом. Зона не может быть привычной».

«Моя запись, наверное, последняя в этой тетрадке. Потому что наша вахта закончилась. Завтра мы полетим домой, в Свердловск. Уже билеты на руках. Собран багаж. Но мне вдруг мучительно захотелось остаться здесь. Неужели все закончилось? Поездки в тридцатикилометровую зону. Дни, когда анализатор перегревался от непрерывной работы. Неужели мы больше не будем стоять на дозиметрическом контроле? Наша работа очень нужна — вот что я здесь понял. Тем, кто ликвидирует последствия аварии. И тем, кто будет здесь после работ. Я бы хотел остаться здесь. По надо закапчивать вуз, писать диплом, защищаться. Может быть, по распределению я приеду сюда, на ЧАЭС. Работа здесь найдется...»

24 октября.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

15 мая М. С. Горбачев принял в Кремле видного американского предпринимателя и общественного деятеля А. Хаммера и доктора Р. Гейла. Он выразил глубокую признательность за проявленное ими сочувствие, понимание и быструю конкретную помощь в связи с постигшей советских людей бедой — аварией на Чернобыльской АЭС.

В поступке А. Хаммера и Р. Гейла, подчеркнул М. С. Горбачев, советские люди видят пример того, как должны были бы строиться отношения между двумя великими народами при наличии политической мудрости и воли у руководства обеих стран.

В беседе принял участие секретарь ЦК КПСС А. Ф. Добрынин.

(ТАСС).

Анатолий ХОРУНЖИЙ **первые шаги**

*О шар земной, шар земной,
Прекрасен ты и велик...*

Этими строками поэта М. Семенко, очарованного планетой Земля, хочется мне, никогда не видевшему ее с высоты полета во всей красоте разнообразнейшей природы, начать Слово о хорошо знакомых метростроевцах. Они, сразу же вслед за пожарными, первыми, многолюдным коллективом поспешили к Чернобылю, первыми вскрыли ковшами экскаваторов и отбойными молотками земную толщу, чтобы проникнуть под ней к основанию расщепившегося реактора, утихомирить его, взять в свои руки и притушить пламя опасности, разлившееся на просторах живописного Полесья.

Земля, ее плодородные пласты, прогреваемые солнцем, ее могучая масса испокон веков относится к человеку и ко всему, на ней живущему, нейтрально, хотя сама все более беспощадно эксплуатируется людьми. Из нее мы черпаем урожай, полезные ископаемые и сотрясаем атомными испытаниями ее монолитные

пласты. Уже свыше ста лет как прорыты в толщах ее, под реками и горами, тоннели, по которым движутся поезда. В нашей стране успешно развивается наука и практика мужественных покорителей земных глубин — проходчиков, за которыми вспыхивают в тоннелях гирлянды огней, сияют отблесками мраморные стены станций метрополитенов и толпы пассажиров заполняют перроны.

В тревожные дни начала мая 1986 года, когда стал очевидным агрессивный характер атомной угрозы, когда после укрощенного пожара еще не было возможности предсказать с достаточной научной обоснованностью развитие событий, а температура в реакторе возрастала, когда на территории тридцатикилометровой зоны уже не осталось ни жителей, ни скота, ни хозяйственных ценностей — все было вывезено («К сожалению, мы пока занимаем эшелонированную оборону, стараемся предусмотреть все возможные варианты». — Е. П. Велихов, интервью «Правда»), когда жерло реактора забрасывалось из вертолетов песком, глиной, свинцом, бором и в зоне, в непосредственной близости от радиационного пекла, остались только люди, которые взяли на себя ответственность перед своим пародом, перед соседними государствами за преодоление беды, за покорение, обуздание стихии, силу которой еще никто и никогда не испытывал, тогда кто-то логично и точно вспомнил о Земле, о том, как можно проникнуть в ее толщу — все эти подкопы, тоннели, штреки и штольни. Это была единственная возможность подобраться снизу к четвертому блоку, к его основанию — той части сооружения, которая углублена, и уже оттуда каким-то образом наступать на жерло раскаленного реактора, охлаждать его, чтобы не дать разогреться до критической отметки.

Земля, ты только на поверхности опалена смертоносным невидимым огнем, а в твоих недрах для мыслящего и смелого человека существуют тропинки, которые помогут осуществить его дерзкие намерения! Но кому под силу проложить эти ходы тут, возле Припяти? Кто выйдет на прямое единоборство с невидимым противником, наметит участок и скажет: «Копайте здесь, вот такой ширины, длины и такой вот глубины — сначала котлован, затем тоннель».

Наверное, среди тех ответственных людей, которые задумывались над этим, были и такие, кто помнил со времен Великой Отечественной, как ходы сообщения, дзоты, окопы, землянки, часто построенные на передовой под огнем противника, сразу умножали мощь оборонительных позиций, помогали накапливать силу для решительного контрнаступления. Следовательно, здесь, на ЧАЭС, немедленно нужны были проходчики, их нужно было уже завтра доставить сюда, на площадь, вокруг которой цвели цветы, в основном

розы (теперь примятые колесами пожарных спецмашин), и где еще несколько дней назад окруженные цветущими садами сооружения из бетона и стекла посылали потоки энергии на далекие и близкие объекты. Сейчас вокруг них валялись разбросанные взрывом куски бетона, железа и графитных стержней.

Нужны проходчики тоннелей!

Рассказывает главный инженер Киевметростроя Виктор Иванович Корешков:

— В ночь на пятое мая на плацдарм битвы с чернобыльской бедой прибыли наши лучшие специалисты.

Двумя днями раньше в Киев прилетели товарищи из союзного Министерства транспортного строительства. Мы с Алексеем Васильевичем Семеновым, который много лет возглавляет большое предприятие по сооружению тоннелей и станций метро, встретили их в аэропорту Борисполь. Хорошо, что догадались прихватить две лишние машины — народа прилетело много: академик Велихов, министр транспортного строительства Брежнев, министр угольной промышленности Шадов, главный инженер министерства Власов и другие.

— Никуда не заезжаем. Прямо туда,— это было сказано мимоходом, само собою разумелось, поскольку понятие «туда, в Чернобыль» уже твердо закрепилось в мыслях каждого из нас. В «лишние» машины сложили мешки с защитными костюмами и широкой трассой, по обе стороны которой мелькали в свете фар дома и хаты, окутанные густой белой кипенью садов, помчались к месту аварии. Но, миновав Киев, поневоле снизили скорость,— навстречу двигались колонны транспорта, загруженного людьми, вещами, скотом, всем, что увозилось «оттуда».

Мы, киевляне, и москвич Власов ехали в одной машине, разговаривали мало, да и то о весне, о севе и погоде — еще не пришло время делиться соображениями о предстоящих заботах. Каждому из нас было о чем подумать: тревоги мучили одинаковые, какая работа ждет впереди — еще трудно было представить.

Вспомнилось, как в Борисполе кто-то из прибывших, кажется, Велихов, спросил нас, предупредили ли мы семьи, что не вернемся сегодня. Дома у меня, когда вечером настойчиво зазвенел междугородный телефон и, все уразумев и обо всем догадавшись, я начал складывать самое необходимое в портфель, жена только спросила: «С чем это связано?» — «С работой»,— ответил я. «Завтра будешь?» Самым точным ответом было: «Не знаю».

В Чернобыльском райкоме партии еще никогда не собиралось столько военачальников, министров, представителей науки — за ними, где-то там, на расстоянии, сосредоточились готовые действовать

отборные силы. Мы выслушали самую последнюю информацию о ситуации на ЧАЭС и говорили об идеях по ликвидации аварии и о планах их осуществления. Были объявлены необходимые сведения о расстояниях до объектов, о температуре в реакторе специалисты очертили самые реальные прогнозы. И ночь миновала. Пристроились кто где отдохнуть. Утром, видимо, из тех мыслей, которые посеяны были ночью и усилены впечатлениями от присутствия в зоне, как-то сразу сложился план — вырыть котлован и уже из него с помощью землеройных механизмов добраться до бетонной подушки четвертого блока. Этот проект в то время как начальный, как эпизод горячо поддержали все, и через два дня Велихов в интервью заявил: «Стараемся предусмотреть все возможные варианты. Главная задача — безопасность для людей, поэтому проведена эвакуация... А наступление ведем на реактор, работаем не только рядом с ним, но и под ним» («Правда», 8.05.86 г.).

Эти слова, эти уверения даны народу членом правительственной комиссии, которая держала руки на пульсе реактора и опиралась на людские и механические силы, уже текущие по асфальтированным и железным дорогам к Чернобылю...

Мы с Алексеем Васильевичем возвращались в Киев, отсчитывая время минутами. Сказано было для всех присутствовавших в райкоме партии: «Четверо суток!» Всем, кто нес на своих плечах ответственность за ситуацию, нужно было помнить, что только четверо суток отпускает нам ошалевший реактор. А что могло случиться потом, каждый представлял по-своему. За эти четверо суток люди должны были взять огненного змея за горло тысячами крепких рабочих рук.

Метростроевская колонна, составленная из экскаваторов, бульдозеров, кранов, подобранная с учетом всего объема работ, обеспечения людьми, двигалась ночью. Нам было ближе всех и Чернобылю. Бригады сгруппировались вокруг партийного и комсомольского актива. Коммунисты и комсомольцы — впереди! Точно так же, как и в любом большом патриотическом действии. Колонна прибыла на выделенную ей базу, сознавая, как быстро надлежит ей выполнить свое задание. Как никогда ни на каких других аварийных, горячих объектах, на которых использовались проходчики раньше.

Может быть, об этом думал в дороге каждый водитель, механик, молодые парни и тот, кто постарше, помнящий, как ехал пассажиром на первом поезде метро. Утром после ночного похода занимали летние палатки недалеко от Чернобыля, примеряли спецодежду, а потом накрепко завязывали шнурки и прикрепляли личные дозиметры. Людям было все сказано о том прямоугольнике земли, совсем близком

от четвертого блока. Теперь в тишине полотняного селения всем вместе и каждому в отдельности надо было собраться с духом, проникнуться железной твердостью долга, как солдату перед броском на вражеские укрепления.

Рассказал начальник участка Сергей Николаевич Лихман:

— В повседневности не так уже и часто соприкасаешься с каждым рабочим отдельно. И вот государственное, в высочайшей степени ответственное задание. Мы должны его выполнить. Рядом они, мои товарищи, уже на этом особенном нашем участке, к которому сейчас обращены взгляды и надежды тысяч и тысяч. И нет у меня таких слов, во всяком случае, я еще никогда не пользовался ими, чтобы высказать, объяснить то, что сейчас чувствую,— свое восхищение людьми, оценку их гражданского мужества.

Николай Белоус и Валерий Кинкал, не теряя ни минуты, произвели разметку котлована: ширина, длина... Владимир Лукьян взял на себя дозиметрический контроль — стал на страже здоровья своих друзей. Бригадир комсомольско-молодежной бригады Виктор Билько в каждое движение, которым рушил грунт, вкладывает все силы, и уже никто из его товарищей не позволит себе стараться меньше, чем бригадир. Виктор Билько порадует и удивит нас всех позже, когда в коротких сменах уже пройдут все люди нашей колонны и вдруг не хватит подмены — что-то задержало наших сменщиков в пути. Виктор не колеблясь встал со своей койки, оделся и уехал еще на одну смену, не послушался тех, кто пытался удержать его от рискованного шага.

Работа проходчиков тоннелей коллективна, один в забое сможет сделать немного. На таком объекте, как котлован на зараженной радиацией земле, это осознается во сто крат острее. Время летит, и работа продвигается усилиями всех, кто уже вкопался в глубины. Но вот хлынул ливень — вода заливает нашу выработку. Откачать ее можно только с помощью мощной помпы. А где она, такая помпа? Разве предусмотрешь, что она понадобится, да еще именно такая, мощная?.. Механик Владимир Кременец в контакте с армейскими товарищами помпу раздобыл, настроил и так рванул, будто вымел всю грязь из котлована. И как ему было считаться со временем своего пребывания в зоне, если он помнил о сроках, отпущенных для работы угрозой перегрева реактора?

На участке рытья неожиданно обнаружили засыпанные землей многотонные бетонные глыбы — к ним во время строительства станции крепили тросами краны. Как их поднять, убрать отсюда? Котлован уже вот-вот должны обивать металлическими шпунтами мостовики... Минуты — на вес золота. На блицсовещании присутствуют начальник метростроя Семенов, секретарь парткома

Юзва, главный инженер Корешков; руководители тоннельных отрядов Твердохлебов и Горгонтий при такой неожиданности были необходимы, как никто,— только они могли знать, где отыскать нужный механизм, как быстрее доставить его сюда. Коллективный энтузиазм и разум создавали непрерывный производственный процесс. И оказалось, что механизм такой существует, за ним уже уехали и в кратчайшие сроки он будет на месте. Значит, работа трудных дней и ночей не прервется, если... кто-то сумеет разобраться в сложностях незнакомой машины. Слесарь Александр Першин разобрался, следовательно, и его вклад весомый в этом жестоком противостоянии. Фамилии людей, незаметных вчера, в напряженные моменты взлетают надо всеми каждым предложением, инициативой. Каменец, Мартыненко, Корчевский, Паленый...

Мы уже доводили котлован до определенной отметки, а наверху, над нами, время от времени появлялись незнакомые распорядители — они здоровались, осматривали глубокую выработку, спускались на дно, примерялись, как лучше приспособить проходческие землеройки (их называли станками, «щитами»), привезенные горняками из-под Москвы, из Донбасса или Кузнецка — это не имело значения, важно было то, что они испытаны шахтерами, что нацелят их и поведут опытные люди, побеждавшие самые тяжелые породы.

Киевляне испытывали удовлетворение от того, что создали необходимые условия, обеспечили простор для непосредственных подходов к фундаменту четвертого блока, что их работа соединяется с завтрашним трудом прибывших побратимов, что отзовется она в победе над стихией, в будущих счастливых днях.

Дмитро МИЩЕНКО

ЛЕКАРСТВО

ОТ ВСЕХ НЕДУГОВ

Горе пришло не только к ней. Много народа вывезли из тридцатикилометровой зоны! Но от этого Любви Ивановне Старовойт не легче. Вплоть до печальных событий той апрельской ночи она работала на бетонном заводе при Чернобыльской АЭС, а нынче с дочерью-крохоткой оказалась за две сотни верст от Чернобыля — в селе Михайловка Володарского района Киевской области. То, что случилось с ней в день аварии и после аварии, вспоминается, как страшный сон. Шутка ли, жили, как все: имели хорошую хату в селе Буряковка, имели в хате, радовались тому, что вся семья, почитай, вместе. Их трое — брат Владимир, Люба, зять Григорий Зинченко, — работали на Чернобыльской атомной электростанции, сестра Ольга жила с тремя детьми рядышком — в селе Чистогаловка, мама-пенсионерка присматривала в Буряковке за хозяйством, нянчила ее, Любину, дочурку. Лишь брат Григорий был на то время далеко — служил в армии. А то, что произошло с четвертым блоком атомной, разметало семью по всем уголкам страны.

— Завтра должна ехать в Бородянку,— говорит Люба.— Туда приходят весточки о всех наших. Возможно, узнаю о сестре, брате. Мы с мамой как-то уже устроены, о них беспокоюсь.

Прошлое прочно засело в ее памяти. Забыть бы его! Но Люба по любому поводу вновь возвращается мысленно к событиям на атомной.

25 апреля работала во вторую смену, домой, стало быть, не поехала. На ночь глядя осталась в Припяти, у знакомой. Слышала сквозь сон вроде бы взрыв, но значения этому особого не придавала. На рассвете вышла на автобусную остановку — договорилась загодя с сестрой Ольгой, что в субботу заглянет к ней помочь садить картошку. На остановке почему-то было безлюдно. Потом появилась сотрудница (куда-то спешила), бросила походя: «Автобусы не пойдут. На четвертом блоке авария. Все мобилизовано на эвакуацию населения».

Люба пропустила это сообщение мимо ушей (впервые не ладится там, что ли, починят) и направилась к сестре пешком. Весь день копалась с Ольгой на огороде. И лишь когда наступила ночь и сестра не дождалась мужа с атомной, подумала: «Должно быть, случилось что-то серьезное».

Григорий Зинченко появился дома только в воскресенье к вечеру. «Собирайтесь,— сказал,— Ближайшие села уже эвакуируют».

Что оставалось делать? Бросилась Люба домой, к матери и дочке. Мама ждала ее. Быстро собрались и вышли на дорогу. Посадила ее мама на машину, которая шла в Полесское (теперь весь транспорт двигался в одном направлении), а сама поспешила к старшей дочери, у которой тоже трое детей. Куда с ними в такую дорогу да в такую тревогу?

И эту дочь определила мама в автобус вместе с детьми, а для самой места там не нашлось. Так и расстались.

— Полесское для всех было как пересыльный пункт?

— Именно.

— И многих вывезли оттуда в Володарку?

— Немало. Колонна — 14 автобусов.

— Где же устроились?

— В доме отдыха «Лесная сказка». Там несколько корпусов.

Всем хватило места.

— Ну, а в Михайловке как оказались?

— Очень просто. Пока нас, детей наших осматривали врачи, пока выдавали денежное пособие (в Полесском, кстати, тоже осматривали), хлопоты помогали как-то коротать время. Сказано было: всем обеспечат, отдыхайте. И все же каждый про себя думал: «Дезактивация сел затянется, как же жить без дела, без работы?» Люди как люди, друг от друга ничего не утаивали, делились мыслями, даже спорили и сошлись в конце концов на одном: пойти со своими заботами к директору дома отдыха Ларисе Алексеевне. Так и сказали ей: «Дайте нам работу. Разве можно лодырничать? Зима спросит строго...» Директор — к председателю местного колхоза «Завет Ильича» В. А. Лещуку, а тот к нам, переселенцам. И тотчас решил, куда и сколько надо ему людей. Раз уж речь зашла о работе, колхозе, я вспомнила: после школы была одно время дояркой. Набралась смелости и сказала об этом председателю. Василий Антонович обещал уточнить, есть ли место доярки на ферме, и сообщить об этом не позднее, чем завтра.

На следующий день приехала за мной заведующая фермой колхоза «Завет Ильича» Лариса Ширма. Вышла из машины, увидела, с какой надеждой смотрю я на нее, и сразу ко мне:

— Это вы Любовь Ивановна Старовойт?

— Я.

— Я за вами. Берите всё свое и едем.

— А что брать? Кроме дочки двухлетней, нет ничего. Из Чернобыля выехала в чем стояла.

— Будете работать — наживете. Место доярки есть, люди вас ждут.

По пути Лариса Ширма расспрашивала, как и что там, в Чернобыле, потом — кто я, где работала, давно ли замужем, а услышав, что замужество мое оборвалось задолго до этих событий, оживилась.

— О-о, да мы тебя, подружка, тут и замуж отдадим.

Повезла новоиспеченную доярку сначала на ферму, показала все, познакомила с людьми, потом велела шоферу ехать к ее двору.

— Определишься пока у меня,— сказала.

— А потом?

— Не найдем чего-либо подходящего из жилья, значит, и потом будем жить вместе.

Относилась к Любе внимательно, искренне. И вспомнилась Старовойт другая женщина, та, у которой поселили ее в Полесском, на Луговой, 23. Звали ее Мария Недашковская. У самой двое детей, хлопот по самую завязку, а как душевно отнеслась к переселенке! Отвела ей отдельную комнату, побеспокоилась, чтобы постель была, не скупилась и на еду. Переселенка поутру не успела еще и за дочкой присмотреть после сна, а завтрак уже на столе, обед, ужин как для себя, так и для них. И здесь, в Михайловке, встретили тем же. Чем это объяснить? До сих пор памятна оккупация, вековые беды рождают чувство братства или общее стремление к миру, желание не знать горя, которое может принести атомная война, объединяет людей. Благодарность волнует молодую женщину, но врожденное чувство добродетели напоминает все же: так будет неделя, две, а дальше как?

Мысли эти особенно часто стали появляться, когда разыскала маму и стало их у Ширмы трое.

Решилась как-то и сказала Ларисе Ивановне: надо бы квартиру. Хозяйка сначала молча смотрела на переселенку, потом принялась уговаривать. Ее уговоры, наверное, убедили бы, но к тому времени появилась во дворе председатель Логвинского сельсовета В. И. Ворчихина.

— Добрый день вам, люди добрые! Это вы — новая доярка колхоза «Завет Ильича»? — обратилась к Любе.

— Не ошиблись. Это я.

— А я председатель местного сельсовета. Вот специально к вам приехала. Интересуюсь, как устроились, что надо на новом месте?

Люба засомневалась. Говорить о жилье сразу, ни с того ни с сего, как-то неудобно. Зато решилась об этом заговорить Лариса Ивановна.

— Вы, Валентина Ивановна, очень вовремя появились. У нас с Любой как раз зашел разговор, как ей жить дальше и где жить. Беспокоит женщину то, что создает мне неудобства. Я толкую ей: разве в такой беде об удобствах надо думать?

— А почему бы и нет? — Ворчихина ей.— В Михайловне есть несколько домов, владельцы которых, старики, умерли, а дети их не намерены возвращаться из города. Идемте-ка посмотрим. Какую хату облюбует наша доярка, та, стало быть, и ее.

Смотрели одну хату, вторую. Любе не нравились они, однако вслух ничего не говорила.

— Это не то,— догадывалась Валентина Ивановна.— Идемте посмотрим еще одну хату — бабы Явдохи. Она самая приличная.

Внешне хата бабки Полищучки приглянулась Любе. Небольшая, однако хорошо покрыта шифером, есть веранда, во дворе — хлев, летняя кухня. Правда, когда вошли в дом, там уж взгляд нечем было утешить. В доме долгое время не шили, степы покрылись плесенью, дали трещины. Все же Люба подумала: эту хату можно поправить. И остановила на ней свой выбор.

— В таком случае,— согласилась с ее выбором председатель сельсовета,— займитесь этим жильем.

— А как с оплатой?

— Дочь покойной живет в Логвине. Сельсовет договорится с ней и оплатит. Стоимость этой хаты такая, что говорить о ней не приходится.

Лариса Ширма стояла рядом и улыбалась своим мыслям.

— Теперь осталось выполнить последнее обещание — выдать Любу замуж.

Посмеялись и на том разошлись. Быть может, заведующая фермой и не вспомнила бы позже этот разговор, да присмотрелась к новой доярке и заметила: женщина она работающая. Росточка среднего, а дело горит в руках. Что греха таить, на ферме работы вдоволь. Иная заболела, иной нужно остаться и похлопотать по хозяйству. Люба не ждет напоминаний, к делу — с душой. Это, конечно же, нравилось заведующей. Сказала как-то об этом и вслух.

— Ты будто Золушка, все и за всех хочешь переделать. Отдохнула бы. Смотри-ка, вид у тебя не ахти какой после той чертовой атомной купели.

Люба обернулась к ней, смотрит удивленно.

— Вам, Лариса Ивановна, сказал кто-то или вы сами назвали меня так?

— Как?

— Ну, Золушкой. На атомной станции меня тоже так называли.

— Выходит, правильно называли, если и я заметила твое желание угодить всем.

— Хочу быстрее забыть пережитое, а работа — лучшее лекарство.

«Нет, я все-таки выдам ее замуж»,— подумала заведующая фермой.

И надо же случиться такому: именно в то время подвернулся под руку тот, который, как показалось Ларисе, вполне подходит Любе (они уже так и называли ее: наша Люба). И внешне хорош, даже чем-то похож на Любу, и скромный, порядочный человек. Да и не женат, насколько известно.

— Павел,— позвала.— Иди-ка сюда.

Подошел, спрашивает, чего надо.

— Ты, говорят, развелся все-таки с Лидой?

— А вы разве не знаете? Лида и замуж уже вышла.

— В таком случае не лови гав. Приехала к нам хорошая молодичка из-под Чернобыля. Подойди, познакомься, как следует, и бери себе в жены.

— Шутить изволите?

— Какие шутки? Серьезно говорю. На женскую красоту тебе до сих пор везло, а на хозяйку — нет. Эта — то, что надо. И собой хороша, и почем фунт лиха знает, и годами в самый раз — тридцати еще нет.

Павел Полищук ничего не пообещал заведующей. Однако и пригляделся позже к новой доярке, и подойти отважился, и заговорить заговорил.

Вскоре они и совсем нашли общий язык, подали заявление в загс. Дали им месяц на размышление. А тем временем Люба обхаживает новую хату, готовится к новой жизни.

Доярки с колхозной фермы, соседи — люди с врожденным тактом. Понимают, у переселенки из-под Чернобыля нет средств справлять новоселье, тем более свадьбу. Потому идут на «оглядины» и, как велит давний обычай украинского народа, конечно же, не с пустыми руками.

— К новоселам,— извиняются,— негоже идти без хлеба-соли. Счастья вам на новом месте, в новой хате!

— Спасибо!

Люба заметно взволнована, особенно после того, как побывали в ее доме доярки, наговорили разного, а больше — веселого.

— Верите,— говорит и смотрит на нас по-женски доверчиво,— у меня такое чувство, словно бы давно живу в Михайловке. И люди на диво родные мне, и село родное. Дождаться бы весточки от брата, который лечится в Москве, от сестры — и все было бы как надо.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

«Человек человеку — друг, товарищ и брат». Это выражение известно в Советском Союзе каждому. Но не всегда задумываемся мы над его значением, пропускаем через свое сердце. А вот теперь пришлось... И зазвучали эти простые слова совсем по-иному. Не буду заострять внимание на том, что случилось на Чернобыльской атомной станции. Аварию все переживают очень болезненно. Хочется сказать о другом: о доброте, гостеприимстве, щедрости советских людей. Нашу беду они восприняли, как свою, и пришли на помощь.

Нас эвакуировали в Полесский район. Живем в семье Антона и Марии Ковкраков в Рудне Грезлянской. Хозяева тепло нас встретили, гостеприимно предоставили свой дом. И мы в нем чувствуем себя хорошо. Дочка Татьяна уже устроилась на работу. Как и в Припяти, трудится почтальоном. Зять Александр тоже работает. Я пенсионерка, помогаю Антону и Марии по хозяйству. Спасибо им большое за то, что встретили, как родных, помогли в нелегкую годину, восприняли наши беды, как свои, проявляют к нам сердечность и внимание.

М. Дорватовская.

20 мая.

Станислав ШЕВЧЕНКО
ПРОТИВОБОРСТВО

Я — огонь!
Над молвой суетливою
языки мои плещут свое:
погуляю пшеничного нивою —
почернеет от гари жнивье.

Я — огонь!
Я тоскую по Мастеру —
разве рукописи не горят?!
Я не тот, что прислуживал Нестору
в фитильках летописных лампад.

Я — огонь!
Никакими ковчегами
не спастись от потопа огня.
Ни ковригами и ни корчагами
никому не задобрить меня.

Я, в бетонном торча заточении,
светоносным казался, ручным.
Но ослабла лишь цепь на мгновение,
взвился в небо я вихрем ночным!

Я — огонь!
Вы об этом не ведали?
Но для вас, погруженные в сон,
не жалею ни злобы, ни удали,
как велит мой глубинный закон.

Я — огонь!
Силы в мышцах несметные...
Но пойму ли я, цепью звеня,
как посмели вы — слабые, смертные,
оказаться сильнее меня?!

Василий БАЗИВ

держитесь ближе к жизни, хлопцы!

Тревожные вести из Чернобыля взволновали коллектив Львовского пожарно-технического училища, которому, в общем-то, привычны опасность и умение преодолевать трудности — ни один большой пожар в городе и его окрестностях не обходится без участия курсантов. «А мы теперь всегда в бою, у нас профессия такая», — эти слова самодеятельной песни, которую исполняет на училищных вечерах здешний ВИА, — не громкая патетика, а реальность, к которой воспитанники училища начинают привыкать с первого дня учебы. И все же какими бывальыми не считали бы себя курсанты-пожарники, подвиг чернобыльских коллег неизмеримо поднял в их сознании значимость своей профессии. Резонанс общественного мнения, что именно пожарные спасли наш мирный день от еще более ужасной катастрофы, что именно они ценой собственной жизни остановили разгул взбунтовавшегося атома, наполняло каждого причастного к пожарному делу законной гордостью.

Потом, когда борьба с последствиями чернобыльской аварии развернулась широким фронтом, в рядах сражающихся с бедой были и посланцы училища. Вернувшись во Львов, на улицу Кузнецова, они рассказывали однокашникам о вахтах на ремонтных работах и по дезактивации, о той напряженной атмосфере, что властвовала в этой «горячей точке» па карте республики. И хотя там им не пришлось применить свое профессиональное мастерство, все же рядовые участники чернобыльского сражения ходили в училище героями.

Время уводило все дальше от омраченного бедой апреля, но на расстоянии прожитых в тревоге дней все ярче вырисовывался образ тех первых из первых, подвиг которых предрешил победу народа над вышедшим из-под контроля атомом. А она, победа, была уже близко. Осенью пресса сообщила о завершении ремонтных работ на четвертом энергоблоке. До пуска станции оставались считанные дни. Поэтому оперативная информация, что поступила в училище из Министерства внутренних дел УССР, явилась неожиданной. Казалось, все уже позади, и вдруг...

Весть застала первокурсников на комплексе пожарно-строевой подготовки. Ребята отработывали подъем по штурмовой лестнице на четвертый этаж. И хотя им, дебютантам, еще не покорялся рекорд старшекурсника Александра Артюха — рекорд республики, показанное ими время свидетельствовало о хорошей выучке.

Сигнал на общий сбор прервал занятия. Через несколько минут весь личный состав построился на плацу. Совсем недавно здесь вручали комсомольской организации училища Красное знамя ЦК ВЛКСМ как лучшей среди учебных заведений МВД СССР. Цель теперешнего срочного сбора курсантам была известна.

— Кто хочет принять участие в операции, шаг вперед! — завершил свою сдержанную и деловую речь начальник училища.

Это был тот редкий случай, когда обращение полковника завершалось не четкой командой, как это предусматривается требованиями служебного распорядка. Это было обращение старшего коллеги к младшим. В этой ситуации молчал даже дисциплинарный устав, ибо в силу вступил высший устав гражданственности и совести.

За металлической оградой училища текла мирная жизнь большого города с шумом машин, звоном детских голосов. Только мальчишки с портфелями в руках не очень спешили из школы домой. Прилипнув к забору, они восхищенно следили за четким курсантским строем, который — вдруг по велению неслышимой команды двинулся вперед — монолитные, крепко сбитые ряды сделали решительный шаг.

Из многих добровольцев необходимо было отобрать для операции лишь десятерых. Во внимание принимались физические данные — ловкость и выносливость, молодецкая сила мускулов. И прежде всего — профессиональная закалка. Рассматривались кандидатуры курсантов, которые уже не раз сражались с огненной стихией. Учли и то, что должны быть представлены все дивизионы.

Возглавить команду поручили 30-летнему майору внутренней службы Михаилу Судницыну. Не так давно он и сам был выпускником этого училища, работал в одной из пожарных команд Львова, после окончания Высшей инженерной пожарно-технической школы перешел на преподавательскую работу. Майорские погоны получил за несколько дней до операции. Дома его ждали жена Оля и две дочери — Иринка и Аленка.

Кроме командира, в команде — девять первокурсников. Виктор Авраменко. Родом с Черниговщины. После службы в армии был два года пожарным. Николай Придиус. Служил в десантных войсках. Закарпатец Юрий Колачук еще в прошлом году был бойцом мотострелкового полка в Афганистане, награжден медалью «За

отвагу». Александр Дремлюга, уроженец села Ковалевка на Винниччине. Иван Блашко. Сильный и выносливый спортсмен. У Сергея Климчука на груди медаль «За боевые заслуги». Василий Иллюк. До поступления в училище вместе с отцом возводил добротные дома в селе Корытичи Гомельской области. Юрий Сауляк известен тем, что до училища владел самым широким диапазоном профессий — от почтальона до водолаза. Александр Свентицкий — кандидат в члены КПСС.

Операция, можно считать, началась с воздушного перелета Львов — Борисполь — Чернобыль. В этот же день и в это же время со взлетной полосы Харьковского аэропорта поднялся еще один самолет, который взял курс тоже на Чернобыль. В нем летели коллеги львовян по операции — курсанты Харьковского пожарно-технического училища во главе с лейтенантом Валерием Косоновым.

— Ваше участие в операции крайне важно,— начал инструктаж энергичный генерал.— Дело, на которое вы согласились, нелегкое и опасное. Кроме того, оно имеет большое политическое значение. Смотрите!.. — По его команде оператор включил монитор.

Между третьим и четвертым реакторами высится огромная 150-метровая труба, опоясанная пятиярусными смотровыми площадками.

— Смотрите внимательно.— В голосе генерала напряжение,— Там, на площадках, радиоактивные обломки, осколки. Роботов туда не доставить. Да, собственно, они там будут беспомощны. Ваша задача — сбросить в кратер поврежденного реактора его опасное «добро». Сбросить и остаться живыми и здоровыми.

Пролог к операции — разведка. Информацией необходимо владеть точнейшей — на крышу пойдут люди, а не машины, уровень радиации надо знать досконально на каждом метре вертикали. От этого зависела и тактика операции.

Разведчиком назначили харьковчанина Виктора Сорокина. Пойти первым был готов каждый, но Виктор имел преимущество — еще с армии был хорошо знаком с радиологической техникой. Обмундировали его словно космонавта, который выходит в открытый космос.

Едва разведчик-дозиметрист исчез в люке, его фигура сразу же появилась на мониторе. На каждом шагу Виктор докладывал радиационную ситуацию. Восхождение его на верхнюю точку длилось 22 минуты. Для тех, что ждали внизу, успешная разведка открыла путь к окончательному решительному штурму. Но впереди еще была ночь, ночь перед штурмом.

Ребятам, расположившимся в бункере станционного хозяйства, не спалось. Все они уже успели перезнакомиться. Как-то поневоле курсанты отошли в своих нескончаемых разговорах от злободневной темы. Здешняя обстановка напоминала им быт училищ. Воспитанникам двух родственных учебных заведений было о чем вспомнить. Сразу завязался живой обмен «как у нас», а как «у вас», говорили о спортивных достижениях своих мастеров спорта, которые постоянно ведут соперничество на республиканских соревнованиях...

— После операции я заеду в Киев,— сказал Виктор Авраменко.— Есть там улица, связанная с именем нашего выпускника Петра Паренко. Когда произошла авария в Бабьем яру, он оказался в центре событий: организовывал эвакуацию больных из больницы на улице Фрунзе. Сам, как положено пожарному, покидал опасную зону последним. И вдруг — возле одного из домов ребенок. А навстречу уже мчался огромный водяной вал. Несколько секунд ему хватило, чтобы увести девочку в подъезд. Чтобы спастись самому, ему не хватило доли секунды.

— У нас, согласно приказу министра внутренних дел СССР, занесен навечно в списки первого дивизиона Александр Шатохин. Его имя звучит на каждой вечерней поверке. А в музее один из стендов рассказывает о его подвиге. Жил Саша в одном из волжских городов. Ранним утром на причале взорвалась бензонасосная станция. Как писали потом газеты, город и не догадывался, что Волга грозит ему на этот раз половодьем огня,— Николай Придиус остановился на мгновение. Слушателям показалось, будто он сам был тогда на причале, так волнующе пересказывал он события последнего дня в жизни Александра Шатохина. - Горели уже береговые сооружения. Александр был за старшего и дал команду на боевое развертывание... Огонь снаружи притих, но все сильнее бушевал в насосной части. А рядом со станцией пришвартован танкер с нефтью. Вот это была бы добыча для стихии! Что делать? Саша покрепче затянул ремень КИПа и вниз по трапу бросился в огненную бездну. Его решительные действия обеспечили успех — огонь начал стихать, потом совсем захлебнулся, но из своих объятий Шатохина он уже не выпустил.

Потом о разных случаях из своей практики вспомнили харьковчане. Наверное, так уже заведено у них, пожарных: выкроится в общении свободная минута,— и возникают в памяти героические эпизоды. И хотя все это произошло не с рассказчиками или слушателями, каждый из них воспринимает эти истории, как лично пережитые...

Воспоминаниям, звучащим в бункере станции, длиться бы до утра, но командный голос лейтенанта Косогова «Отбой!» прервал

общий разговор. Пора спать. Отбой! Нужно набраться сил для завтрашнего дня.

Вой сирены, возвестившей подъем, мгновенно поднял всех на ноги. Через несколько минут ребята уже пили чай в рабочей столовой. Или вечером выговорились, или мысли были заняты предстоящим, но за завтраком все молчали. Потом Коля Придиус скажет: «По несколько раз прокручивали в памяти восхождение Вити Сорокина. Его дорогой теперь должен был пройти каждый из нас».

Экипировались основательно. Майор придирчиво осматривал свинцовые костюмы каждого бойца и, только лично проверив все застежки и пуговицы, давал команду:

— А теперь бегом к генералу. Слушать в оба уха!

— Что ж, ребята,— завершил повторный инструктаж генерал,— задача ваша, как говорится: «Бери побольше — бросай подальше». Штука не такая уж сложная — сбросить лопатой обломки в кратер четвертого блока. Если бы не 150-метровая высота и не экстремальные условия в эпицентре радиоактивной зоны. А раз так, значит, необходимо с максимальной эффективностью использовать каждую минуту пребывания там, наверху. И еще одно: очень прошу вас — будьте предельно осторожны.

— Держитесь ближе к жизни! — крикнул майор Судницын, который и в этой напряженной предстартовой обстановке не изменил своему спокойствию и знал, как подбодрить ребят.

Эта фраза была хорошо известна всем, кто стоял сейчас перед ним в строю. Несколько месяцев назад, вспорхнув со страниц центральных газет, она облетела весь мир, стала крылатым паролем подвига героев Чернобыля, символом негиблемости человеческого духа перед невидимой опасностью. Этими словами Герой Советского Союза Виктор Кибенок поддерживал своих товарищей в той первой легендарной схватке с огненно-атомной стихией, а потом - в не менее жестокой борьбе с недугом на больничной койке. За день до того, как его не стало, Виктор адресовал эти слова своему будущему сыну.

Во Львовском пожарно-техническом училище самодеятельные композитор С. Ткаченко и поэт О. Гладкий создали песню «Памяти Виктора Кибенка», в которой эти слова звучат как набат:

Если б только огонь — все пустяк,
Но повсюду невидимый враг.
Он не дышит жарой на тебя —
Проникает, смертельно разя.
Пост не бросить, назад не уйти!
Долг такой нашу землю спасти!
Понимал и уйти он не мог,

Молодой лейтенант Кибенок.
...Сказала жена в больнице ему:
«Ты будешь отцом», и он обнял жену.
На мирной земле расцветали сады,
Последнего счастья остались часы.
«Завещаю я сыну любить
Эту славную, дивную жизнь.
Быть в ладах с нею сердцем стремись.
Ближе к жизни, сынок, ты держись!»

Потом, когда курсанты вернутся с операции и всё училище будет их чествовать,— первой зазвучит эта песня, которую вслед за хором подхватит весь зал.

...Истекли последние минуты перед стартом. По своеобразному трапу взошла первая пара — харьковчане Горбенко и Кушхов. Монитор внимательно следил за ними. 40 метров до трубы. Хлопцы уложились в отведенные две минуты. А теперь наверх — 18 метров до первой площадки, далее — ко второй, третьей, четвертой. Харьковчане работали на самой верхней точке, однако им было легче, чем тем, кто внизу: меньше графитовых осколков.

В первой львовской паре Свентицкий и Блашко. В поднебесье их встретил ветер. Шальной, злой. Он сорвал маску с лица Свентицкого. Поступила команда — немедленно вниз. Позже эта «шалость» ветра обойдется для него в несколько дополнительных по сравнению с другими участниками операции госпитальных недель.

Обломки магмы прикипели к железным прутьям. На площадке глыба почти 100-килограммового веса. Можно упереться в нее руками и свалить за узкий бортик. Но подобных действий рекомендовано избегать. Лишь несколько раз сыпанул оттуда, сверху, черный камнелом в грозные зубы кратера, как уже прозвучала сирена: пора уступить место смене. 25 минут на одном дыхании, 25 минут — и ни минуты, ни мгновения больше. Больше — это уже за шкалой безопасности для человеческой жизни. Дремлюга и Колачук на новом этапе штурмовой эстафеты. Иллюк и Климчук — за ними. Работали с размахом, быстро. Их манеру переняли Придиус и Сауляк. Когда уже подчищали свой участок, любознательный Придиус не сдержался, чтобы не взглянуть вниз. Под ногами, слева от трубы, чернел кратер. Казалось, он подстерегал жертву...

Инструменты снесли на самую нижнюю, финишную, площадку. Веревка опутала ноги Коли Придиуса. Товарищи помогли ему избавиться от нее.

Темп нарастал. На последний этап вышли курсант Авраменко и майор Судницын. Им предстояло ликвидировать обломки, которые

зацепились за конструкции объекта при падении. Они швыряли их прямо в пасть разрушенного реактора.

Три часа длился этот беспримерный бой. Нас восхищает дерзость и отвага цирковых артистов, которые крутят кульбиты под самым куполом. Харьковские и львовские курсанты работали на высоте во много раз большей, а зрителями внизу были лишь те, кто готовился к своему очередному подъему... К своему подвигу!

В этот же день, уже без свинцовых панцирей, в полевых пилотках и гимнастерках, они снова стояли перед генералом. В глазах бывшего командира искрилась отцовская благодарность: молодцы, не подвели, выдержали, победили! Он пристально всматривался в строй, в сосредоточенные, немного суровые лица. Сдерживая волнение, тихо сказал:

— Спасибо вам, сынки...

И каждому вручил правительственную благодарность, в которой говорится: «Выполняя задание Советского правительства в исключительно сложной обстановке, вы уверенно прошли испытания на мужество и стойкость, проявили высокие морально-политические качества. Глубокое понимание особой ответственности за порученное дело помогло вам сделать достойный вклад в дело ликвидации последствий аварии на Чернобыльской электростанции».

Потом, когда курсанты уже садились в автобус, который держал курс на Киев, генерал снова подошел к ним:

— Езжайте к своим детям, женам, матерям, невестам.

Они могут гордиться вами. Как знать, придется ли нам еще встретиться? Желаю вам на прощание помнить завет вашего незабвенного товарища — держаться ближе к жизни!

Впереди у ребят еще вся жизнь.

Наталия КРАВЧЕНКО

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

Чернобыль... Успокаивающие, уверенные интонации должностных лиц, ученых, дикторов радио и телевидения, иногда болезненный, пугающий ажиотаж вокруг небылиц, услышанных па улице, в троллейбусе, метро...

Досадно, что подобная «неофициальная» информация сплошь и рядом распространялась людьми молодыми — моими ровесниками. Становилось совестно за тех, кто не останавливался перед желанием почесать языки и с многозначительным видом толковал о вещах, в которых не разбирается. Тем не менее попытка вмешаться всегда наталкивалась на бесцеремонное: «А ты откуда знаешь? Ты там была?!»

Я твердо решила просить командировку в зону Чернобыльской АЭС. И может, даже не для того, чтобы доказать что-то своим оппонентам, а чтобы своими глазами увидеть людей будничного героизма, неброской самоотверженности. И, естественно, рассказать о них.

* * *

Тем, кто не бывал на «Белых пароходах» (вахтовый поселок около Зеленого Мыса), многое кажется необычным. Взять хотя бы те же пароходы. Их тринадцать, названы в честь союзных республик. Повара, проводники, коменданты работают здесь так, чтобы хоть частично воспроизвести людям уют родного дома.

Необыкновенные здесь люди. За короткое время судьба слишком часто испытывала их: ощутили горечь утраты друзей, боль разлуки с родным домом, рискуя здоровьем, выполняли задания на трудных участках. Работникам Чернобыльской АЭС приходилось много раз менять свое жилище. Уже, наверное, привыкли к переездам. Для многих рабочий день и теперь начинается с неблизкой дороги. Путь от Зеленого Мыса к АЭС проложен быстро, можно сказать, за рекордный срок.

Семь часов утра. Один за другим подходят к поселку автобусы. Начинается рабочий день. Такой же обычный, как месяц назад, как вчера, как будет завтра... Кто-то дремлет в дороге. Поэтому в автобусе тихо. Приклеиваюсь к окну и словно впитываю взглядом все вокруг, воспринимаю сердцем. Опустевшие, безлюдные села. Кажется, пройдет час-другой — и они начнут оживать в утренних сумерках. Просто еще очень рано...

А людей на трассе все больше и больше.

Еще издалека замечаю четвертый блок, закованный в саркофаг. Территория станции большая, и сориентироваться сразу нелегко.

Раньше, рассказывают, все здесь напоминало большой парк: цветники с ароматными розами, зеленый травяной ковер... Декоративные кусты и цветы, которые ласкали глаз, создавали хорошее настроение, теперь стали врагами здоровья. Перед административно-бытовым корпусом клумбы залили бетоном, а о былой красоте, потерянном покое лишь символично напоминает... бетон, покрашенный в зеленый цвет.

Еще в те трагические дни, сразу после аварии, когда неизвестность пугала многих, пришлось услышать такое: чем ближе к станции, тем спокойнее чувствуют себя люди. Впоследствии я убедилась в справедливости этого правила. Во время летней практики в Ужгороде пришлось разговаривать с девушками, которые отождествляли Киев с четвертым блоком, рассказывали о нашей столице всяческие «ужасы», навеянные слухами, враждебными радиоголосами. А теперь на станции я познакомилась с обыкновенными необыкновенными людьми. И только респираторы напоминали, где они работают, через что прошли. Никто из них не считал себя героем, никто не говорил с пафосом о том, что пришлось совершить в необыкновенных обстоятельствах.

Вот группа «ликвидаторов». Странно, тревожно звучит... Правда, спустя некоторое время их стали называть группой подготовки к пуску третьего блока. Однако все привыкли к первому названию — точному и неуклонному. Совсем молодые ребята. Работают на самых сложных участках станции, дезактивируют помещение третьего блока,

В дни, когда я там побывала, радиоактивный фон еще значительно превышал норму. А парни готовили к пуску свой «родной» третий блок: ведь до аварии почти все они работали на нем.

Возглавляет группу двадцатидевятилетний Виктор Филимонов. Выглядит намного моложе, только усы придают солидность. Закончил политехнический институт и сразу приехал сюда: как раз пускали третий блок. Был оператором, руководителем смены. Теперь его избрали парторгом вахты. На протяжении шести лет Виктор работал на третьем, четвертом, на строительстве пятого блока.

Меня пленила их искренность. На долю этих людей выпало немало испытаний, но и сегодня они воспринимают чужую боль, как собственную. Когда случилось несчастье на шахте «Ясиновская-Глубокая», эти ребята решили передать однодневный

заработок семьям потерпевших. На станции не нашлось человека, который бы не поддержал их.

И невольно вспоминаются услышанные в Киеве небылицы, мещанские предостережения, а то и циничные комментарии.

— Ну, конечно, для кого-то и в пекле рай, лишь бы поманили длинным рублем, пообещали сверхзаработок!

...По дороге от станции к вахтовому поселку заметила два плаката: «На нас смотрит вся страна» и «Чернобыльская АЭС — место подвига». Коротко и четко. Правдиво и надежно.

Об энергетиках Чернобыля не расскажешь несколькими штрихами. Ведь мужество и скромность этих людей достойны повестей и романов. Именно так и говорил при встрече секретарь комитета комсомола станции Александр Бочаров. Действует комитет в необычных условиях: постоянные переселения, вахтовый метод. Но не без гордости комсорг утверждает, что комсомольцы справляются со всеми задачами. Сегодня они сознательно делают самую тяжелую работу.

Второй год работают на станции слесари Константин Александров, Александр Бахмуров и Александр Федосов. Пришли на работу после службы в Афганистане. Секретарь комитета комсомола утверждает: именно от этих ребят, которые знают истинную цену подвигу, — особенная, исключительная поддержка. Сегодня на станции — семьсот комсомольцев. Гораздо меньше, чем до аварии: ведь уменьшился штат. Но работа, которую они выполняют, — весомая и ощутимая повсюду.

...Вахтовый поселок «Белые пароходы». Корабли и вагончики. Других построек здесь не увидишь. Разве что летняя эстрада, возведенная в максимально короткие сроки. Да люди сюда приехали ненадолго. Но об условиях для них позаботились заблаговременно. Свидетельство этому - вагончики с надписями: «Почта», «Магазин», «Дворец культуры энергетиков», «Студия». А как же без этого? Николай Будяков, заместитель директора, рассказывал, что вот впервые взял в руки «репортер» и еще не совсем приспособился к работе с ним. Но что поделаешь — надо: у радиогазеты «Импульс» слушатели — все жители поселка. Передается много нужных сообщений, рассказов об организации труда, консультаций компетентных людей. Сначала «Импульс» выходил один раз в вахту, теперь решили чаще выходить в эфир, вот и работы прибавилось.

Старшему поколению, ветеранам войны, помнятся импровизированные эстрады, где с бойцами встречались известные деятели культуры. Они подтвердили: настоящее искусство всегда вдохновляет на подвиги. И в нелегкие дни чернобыльской трагедии слово и песня советских мастеров — на переднем крае. Разве

забудутся эмоциональные, зажигательные выступления Назария Яремчука, Иосифа Кобзона, Андрея Макаревича, Валерия Леонтьева, Аллы Пугачевой... Гостями Зеленого Мыса были эстрадно-симфонический оркестр Гостелерадио СССР, актеры Киевской имени А. П. Довженко и Свердловской киностудий, Киевского драматического театра имени Леси Украинки. Энергетикам, строителям, воинам демонстрировали модели одежды Киевская и Белоцерковская фабрики облбытуправления. До одиннадцати вечера работает библиотека. Библиотекарь — Любовь Василевская. С первого июня сюда пришло почти десять тысяч книг.

Знакомимся еще с одним интересным человеком — Михаилом Назаренко. Он руководитель самодеятельной студии «Припять-фильм». Не так давно его любительский фильм «Расскажу о городе своем» был обычным фактом творческой биографии — теперь стал реликвией. Это рассказ о живой, молодой Припяти, с ее красивыми домами, природой и главное — с людьми, средний возраст которых — двадцать шесть лет. Работа студии не остановилась и после аварии. Назаренко снимал кадры о ликвидации последствий аварии, сделал фильм «Жили мы у моря» об отдыхе припятских и чернобыльских детей. Таким образом, встретились родители с детьми именно здесь, на летней эстраде Зеленого Мыса. Назаренко стал лауреатом конкурсов любительских фильмов в Киеве.

Припятчане смотрят не только любительские фильмы, но и пользуются услугами видеокино. На каждом пароходе, в зависимости от смены, вахтовикам по несколько раз в день демонстрируют новейшие ленты — те, которые еще даже не появились в широком прокате.

Галину и Валерия Сулимовых встретила на теплоходе «Россия». Оба в беретах (такие носят здесь все) и кажутся совсем-совсем юными. Они учатся в технологическом институте на разных факультетах: Валерий — на физико-химическом, Галина — на химическом. Встретиться им помогла песня. В хоре и познакомились. Уже потом, в Припяти, пели в ансамбле «Кантабиле», даже участвовали в телетурнире «Солнечные кларнеты». 26 апреля 1986 года Галине исполнилось двадцать пять. Должна была дежурить в ночную смену, но друзья сделали подарок, подменили именинницу на этой смене. Сулимовы по откреплению поехали на Смоленскую атомную. Но все лето работали, по существу, на Чернобыльской — приезжали в командировки. Четырехлетнюю дочку Женю оставили у бабушки в Сумах.

Не могу не написать еще об одной супружеской паре, с которой встретила на пароходе «Россия». За их спиной десять лет жизни в

Припяти. Жизни, наполненной буднями и праздниками АЭС. Молодыми специалистами пришли на АЭС химик Нина Александровна и инженер-теплоэнергетик Владимир Георгиевич Химачи. Их сыну Саше исполнилось тогда десять лет. А сегодня он уже студент теплоэнергетического факультета Киевского политехнического.

Что же знает Саша об этом годе из жизни родителей? Казалось бы, ответ исчерпывающий — они остались на рабочих местах. Какое неоднозначное содержание заключено в этих словах! Они, коммунисты, стали плечом к плечу с товарищами, с лучшими из лучших, для кого долг и кодекс чести — мера подлинности человеческой.

Нина Александровна, тяжело припадая на руку мужа, преодолевая привычную боль жестокого полиартрита, выходит из вахтового автобуса.

— Почему все-таки не оставили станцию, другие женщины выехали не колеблясь? — спрашиваю. — Ведь это было бы вполне оправданно...

— Мой отец был пограничником. И мать никогда не оставляла его. Место женщины — рядом с мужем. Я не могла оставить своего мужа.

Голос — энергичный, тон — категоричный, не допускающий возражений. А там, на пароходе, она молодо, зажигательно смеялась. Нина Александровна говорит о тех недалеких днях:

На адрес АЭС шли сотни писем. Это ошеломляющие документы человеческого сочувствия, душевной отзывчивости, в них предложения своих рабочих рук, материальной помощи. Некоторые из писем невозможно было читать без слез. Наверное, не все поверят, но именно в такие тяжелые минуты, читая эти письма, мы чувствовали себя счастливыми.

Заместитель начальника турбинного цеха Химач по дороге к щитовой, а позже — в машинный зал, оживленно рассказывает о пуске первого блока. У него — спортивная короткая стрижка, чернявые, тронутые сединой волосы, немного запавшие щеки, пристальный взгляд из глубины темно-вишневых глаз. И... воспаленные от усталости веки. Погодите, а не типичный ли это портрет чернобыльских атомщиков? Добавьте сюда: волевая сдержанность и мужество — сугубо мужские черты, которых у некоторых феминизированных представителей сильного пола, к сожалению, все меньше. Спрашиваю Химача:

— Говорят, некоторое время после аварии начальник турбинного цеха лежал в госпитале и вы оставались вместо него. Почему не рассказываете ничего о себе, а только о других?

Химач пожимает плечами:

— Ну, что я... Каждый был здесь на вес золота! Всех нужно было сберечь. Каждый стоял до конца...

Всех сберечь! Как нестерпимо обжигает эта мысль, как вдвойне трудно тем, кто несет на себе тяжесть ответственности за других.

Вдруг улавливаю искорку смеха и иронию в голосе Владимира Георгиевича, который лукаво успокаивает меня: «А маме можно сказать, что вы были только на Зеленом Мысе?»

Мы смеемся... здесь, где, казалось бы, смеяться неуместно, где обожгла опустошающим дуновением внезапная смерть... Поневоле возвращаюсь к мысли, что жизнь продолжается вопреки всему. Как много сильных духом патриотов имеет наша страна. Как в зеркале, в этих двух людях, в этой обыкновенной советской семье, отразились черты хозяев атомной Припяи.

Однако ни их, Химачей, ни их друзей мы не увидели в объективах телекамер, лица их не стали известными в считанные минуты всему Союзу. Они молчаливо оставались на своих постах, готовили наградные листы на других, спокойно делали каждый свое дело, в затемненных автобусах ехали с вахты и на вахту, и была ненормированная отдача сил и здоровья, будто бы по уставу военного времени. Обыкновенные будни общего подвига...

* * *

Теперь я знаю, что отвечать на это бесцеремонное, с «многозначительным», даже циничным пошатыванием лохматых голов вопросом: «А ты откуда знаешь? Ты там была?!» Отвечать тем, кто только спрашивает — и прячется в тень, в уют, спрашивает так — будто предаёт, отступает, убегает, сдается в плен... Я знаю, что отвечать им!

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Беда, случившаяся на Чернобыльской АЭС, отозвалась болью в советских людях. Эту беду приняли близко к сердцу и киевские литераторы. Новый импульс усилиям тех, кто в сложных условиях бесстрашно укрощает грозные силы, показывает образцы мужества при ликвидации последствий аварии, дало выступление по советскому телевидению Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева.

Тысячи советских людей протянули руку помощи Чернобылю, гражданам, вынужденным оставить свои дома, эвакуироваться в безопасные районы. Единодушную готовность помочь потерпевшим, внести свой вклад в ускорение ликвидации последствий аварии демонстрируют литераторы столицы Советской Украины. Во всех творческих коллективах состоялись открытые партийные собрания, на которых выражалось чувство кровной солидарности с теми, кто ныне находится на передовом рубеже борьбы с грозной силой, осуждалась клеветническая антисоветская кампания западной пропаганды.

Коммунисты, все сотрудники печатных органов, аппарата и подведомственных учреждений Союза писателей Украины приняли решение перечислить свой однодневный заработок в фонд помощи населению Припяти и Чернобыльского района. В дни работы IX съезда писателей Украины в Киеве состоится большой литературный вечер, средства от которого также будут перечислены в фонд помощи.

Немало мастеров слова выражают в эти дни желание перевести свои гонорары в фонд помощи, пересылают денежные переводы из собственных сбережений на счет 904 в Госбанке СССР. Одними из первых такие переводы на значительные суммы направили О. Гончар, П. Загребельный, Б. Олейник, В. Канивец, А. Мороз, Ю. Мушкетик, Н. Зарудный, В. Кочевский, П. Осадчук, Ю. Бедзик, З. Гончарук, Е. Гуцало, В. Гужва, А. Димаров, И. Дубинский, Оксана Иваненко, А. Коломиец, В. Коваль, Р. Самбук, Н. Упеник, Паола Утевская, И. Цюпа, О. Черногуз, Ю. Щербак.

Сотрудники редакций журналов «Вітчизна», «Радуга», «Київ», «Дніпро» намереваются в ближайшее время опубликовать материалы, в которых будет рассказываться о людях, показавших в экстремальных условиях высокие образцы патриотизма, выдержки, мужества, о жизни и буднях тех, кто трудится на Чернобыльской АЭС, о примерах бескорыстной помощи и взаимовыручки советских людей — носителей высокой морали.

22 мая.

Безопасность ядерной энергетики

О проблемах дальнейшего развития ядерной энергетики, повышения ее безопасности рассказывает заместитель директора Института атомной энергии имени И. В. Курчатова, лауреат Ленинской и Государственной премий, [академик В. А. Легасов]

— *Валерий Алексеевич, не лучше ли все-таки совсем или хотя бы временно отказаться от ядерного способа производства электроэнергии?*

— Подобные вопросы естественны. Их задают себе и специалисты. И отвечают, полагаясь не на эмоции, а прежде всего на трезвую оценку всех обстоятельств.

Сейчас 15 процентов всей электроэнергии в мире получают с помощью ядерных источников. Есть страны, в которых эта доля гораздо выше: во Франции она составляет около 70 процентов, Бельгии — 60, Швеции — 43, Швейцарии и Финляндии — 40, ФРГ — 31 процент... Кстати сказать, Советский Союз, хотя и построил первую в мире атомную электростанцию, развивать этот вид энергетики не торопился, и у нас его доля менее 11 процентов. Возможно ли сейчас полностью отказаться от ядерной энергетики и вернуться к использованию только каменного угля, газа, нефтяных продуктов, гидроресурсов? Запасы сырья позволяют так сделать, но лишь на ограниченный в историческом смысле срок. И это привело бы к удорожанию производимой энергии, с чем можно было бы мириться. Вопрос в другом: улучшит ли такая замена экологическую обстановку на земном шаре, исключит ли аварии, разрушения, человеческие жертвы? Расчеты показывают: нет.

При нынешней технологии использования органического топлива на тепловых электростанциях выделяются вредные для здоровья, в том числе канцерогенные, вещества. И это не последствия аварии, а побочный продукт работы. Более того: концентрация мощностей на электростанциях, транспортировка громадного количества топлива по железной дороге и трубопроводам, его хранение таят опасность возникновения пожаров и даже взрывов, что, к сожалению, и случается. Потери от таких аварий и сейчас достаточно велики.

— *Какие-то выводы, видимо, сделали для себя и ученые, чтобы впредь гарантировать полную безопасность АЭС вопреки любым случайностям?*

— Мы живем в очень сложном технизированном, энергонасыщенном мире, и об этом нам всем нужно помнить всегда.

Аварии в Чернобыле, на американской электростанции «Тримайл айленд», да и иные трагические события, не связанные с мирным атомом,— например, гибель космического корабля «Челленджер», взрыв в индийском городе Бхопале, катастрофы в море и на железной дороге,— показали всем, что проблема взаимоотношения человека и машины в полной мере еще не решена и требует к себе неустанного внимания. Враг — не техника сама по себе, а наше некомпетентное, безответственное обращение с ней.

— *Значит, речь идет о страховке таких действий?*

— Да, предлагается, к примеру, создать многоступенчатую систему принятия особо важных решений, чтобы ключ управления был не только у оператора, но и у человека, стоящего на более высокой ступени инженерной иерархии. Возникает надобность в улучшении информации. Дело не в ее количестве. Датчиков может быть и больше, но оператору нужно выдавать только самые важные, обобщенные сведения, подсказки. Сейчас в качестве информационных сигналов применяются в основном зрительные, в исключительных случаях — звуковые, а следует подумать о более оптимальном их сочетании и о других способах.

Если смотреть дальше в перспективу, то специалисты рассчитывают создать системы, которые бы сами собой обеспечивали безопасность, в случае отклонения от заданных режимов обладали бы свойством замедлять все физико-химические процессы внутри потенциально опасных аппаратов.

Наша мечта — получать не только информацию о состоянии каждой конструкции, от которой зависит безопасность, но и предупреждение о том, что скоро появится, допустим, трещина в детали или другой дефект. Физические принципы такой диагностики есть — дело за инженерным воплощением.

Может, следует прислушаться к мнению тех наших читателей, которые предлагают строить АЭС в тайге, тундре, пустыне?

— Такая возможность рассматривалась. Опять-таки не будем говорить о неэкономичности этого подхода: электростанции-то будут за тысячи километров от потребителей. Но, в конце концов, в таком вопросе это не столь важно. Возьмем проблему безопасности. Маленькую станцию строить в безлюдном месте нет смысла, строить большую — рядом появится город. Так чем же его жители «хуже»,

почему их можно подвергать опасности? И кто знает, что будет в ныне безлюдном регионе через десятилетия? Проблема должна решаться принципиально: все делать для обеспечения максимальной безопасности ядерной энергетики, как и всех промышленных объектов, хотя и при этом вряд ли стоит размещать энергонасыщенные объекты слишком близко от крупных населенных пунктов.

— *Пересмотрена ли уже сейчас конструкция черновыльского реактора? Внесены ли изменения в технологический процесс?*

— Конструкция в принципе не изменена. А отдельные усовершенствования вносятся. В первую очередь они направлены на снижение чувствительности аппарата к отклонениям от нормативного режима эксплуатации, на исключение самой возможности аварий, подобных черновыльской. Изменения уже произведены на большинстве станций.

— *Появились разговоры, что из-за неполадок были остановлены реакторы на некоторых атомных электростанциях, в частности на Армянской. Так ли это?*

— Остановки действительно были, но ничего непредусмотренного не случилось. Эти АЭС, в том числе и Армянская, создавались давно, и не только техника шагнула вперед, но и вопросы безопасности, правила эксплуатации стали иными, чем 25—30 лет назад, на заре ядерной энергетики. Еще в 1982 году, учитывая печальный опыт аварии на «Тримайл айленд», у нас появились более жесткие правила эксплуатации. Были пересмотрены проекты новых АЭС и наметили постепенно сделать изменения на всех построенных раньше. Планы были рассчитаны на несколько лет. Но происшедшие события заставили поторопиться, и реакторы на старых станциях останавливали или увеличивали сроки их планово-предупредительных ремонтов, вносили необходимые изменения, о которых я уже сказал.

— *Четвертый блок захоронен в саркофаге. Надежно ли это?*

— Укрытие четвертого блока сделано таким образом, чтобы не допустить выхода наружу радиоактивных загрязнений при любых событиях внутри него. Идет внимательное наблюдение за всем происходящим в саркофаге. Одни диагностические системы осуществляют надзор за температурой, радиацией, следят, не проходят ли сквозь фильтры радиоактивные частицы. Другие нужны исследователям: надо знать, что происходит с радиоактивными остатками, как себя ведут в условиях радиации конструкции, материалы. Ведь подобных наблюдений еще не было. А результаты исследований могут оказать неоценимую услугу науке.

— *Как ведут себя недавно запущенные в эксплуатацию первый и второй блоки на Чернобыльской АЭС? Почему они работают в опытном режиме?*

— Работают они нормально, устойчиво. Опытность была обусловлена необходимостью в особо тщательном наблюдении за общей обстановкой на станции, где велись одновременно завершающие работы по укрытию и эксплуатации двух блоков АЭС.

— *Когда вы говорили о главных выводах после аварии, то, в основном, назвали меры по контролю за состоянием техники и предупреждению неправильных действий людей. Но, возможно, намечены и какие-то принципиально новые исследования, может быть, уже есть готовые предложения?*

— И прежде в различных лабораториях страны, да и за рубежом, предлагались некоторые новые подходы к созданию реакторов. Но актуальность этих подходов не представлялась настолько существенной... Теперь ясно: нельзя довольствоваться свершенным, надо внимательно относиться к новым идеям, которые направлены на повышение безопасности. Таких идей немало.

— *В мае, выступая по советскому телевидению, товарищ М. С. Горбачев высказался за создание международного режима безопасности развития ядерной энергетики. Эта программа затем была предложена для обсуждения на сессии МАГАТЭ. К чему сводятся ее основные положения и как они восприняты другими странами?*

— Советский Союз предложил, например, оперативно оповещать о ядерных авариях на АЭС, создать банк данных об уровнях радиационного фона в отдельных географических точках, согласовать международные стандарты по допустимым концентрациям радионуклидов в разных средах и по уровням радиоактивного заражения местности, оказывать международную помощь при возникновении опасных ситуаций, организовать совместные исследования и обмен опытом по различным направлениям развития ядерной энергетики, разработать проект реакторных систем нового поколения и так далее. Поскольку советские предложения исходили из реального учета сложившейся в мире ситуации — ведь развитие ядерной энергетики в одной стране затрагивает интересы соседних государств и всего мирового сообщества,— то у представителей других стран они встретили полное понимание. Одним из практических шагов стало заключение двух международных конвенций — о мерах оповещения и о международной помощи в случае аварии на ядерных реакторах. В нашей стране эти документы уже ратифицированы.

Беседу вел А. Панков.

Егор ЯКОВЛЕВ

здоровью не угрожает

Теперь и не счесть, пожалуй, сколько раз проезжал за рулем этим маршрутом: Москва — Минск — Варшава — Прага. На днях, вновь собираясь в путь после отпуска к месту работы, думал: все ли, как прежде, на этой знакомой дороге? Ожидал встречи с дозиметристами. А её не произошло. Здесь нет в ней нужды. Все было как прежде. К советской границе тянулись автобусы с туристами, гудели тяжелые рефрижераторы, груженные продовольствием... В мотеле «Минский» с аппетитом ужинали гости из ФРГ. Были они тише обычного, не текло, как бывало, вино рекой — спиртное просто не подавали... По-летнему пестрая и по-московски суетная Варшава — на улицах лотки со спелыми помидорами, зелень лучших сортов...

Вот и первый чехословацкий город — Наход. От него рукой подать до озера Розкоц. Купание здесь действительно роскошное. В этом году оно началось раньше обычного: на песчаных плесах зелень прибрежных лугов, полно людей с детьми.

...И в этот же день, но в центре Праги, хоронясь и оглядываясь, пятеро «туристов» с Запада разбрасывали листовки. На четвертушках серой, почти невесомой бумаги — листовки тайно доставлялись в Чехословакию — призыв прекратить развитие ядерной энергетики, предупреждение: не лежите на траве, не пейте молока, не ешьте свежих овощей — на худой конец, обходитесь картофелем прошлогоднего урожая...

Было так. 29 апреля в 11 часов утра измерительные приборы на атомной электростанции в Ясловске-Богуннице зарегистрировали повышение радиоактивного фона в атмосфере. Незамедлительно собралась правительственная комиссия по атомной энергетике, в рамках которой уже четыре года действует инспекция по ядерной безопасности.

— Сообщение от Советского Союза, данные, полученные из двадцати точек Чехословакии, со всей очевидностью убеждали: повышение радиоактивности угрозы здоровью людей не представляет,— рассказывает председатель комиссии, заместитель председателя правительства ЧССР Ладислав Герле.— Например, в 60-е годы, когда атомные испытания проводились в атмосфере, среда была загрязнена более значительно... Принимать чрезвычайные

меры? В этом не было нужды. Задача состояла в том, чтобы контролировать ситуацию.

Начала действовать рассчитанная на подобные обстоятельства, охватывающая всю страну система мониторинга. Все организации, ведущие наблюдения за состоянием среды,— гигиенические и гидрометеорологические станции, измерительные приборы на атомных станциях и пунктах водозабора,— замкнулись в единую «цепь». По ней дважды в день передавались в Прагу, в центр радиационной гигиены Института гигиены и эпидемиологии, данные измерений и анализов. Обобщающие результаты тотчас же докладывались правительству. Ситуация могла измениться, скажем, в результате дождей. Их не было в начале мая на большинстве территории Чехословакии. А там, где прошли, рогатый скот перевели на сухие корма.

— Система мониторинга обеспечила и повсеместный контроль за продовольствием. Прежде всего, естественно, за детским питанием,— говорит главный гигиенист ЧССР Дана Зускова.— Нам пришлось наложить запрет лишь на продукты из свежего овечьего молока. Овцы потребляют травы столько же, сколько и рогатый скот, а молока дают в десять раз меньше. Поэтому в нем повысилось присутствие изотопа йода-131. Этот запрет существовал до конца мая. Анализ же коровьего молока опасений не вызвал. Между прочим, свои расчеты мы строили, исходя из того, что ребенок выпивает в день три литра молока.

— Три литра в день — не много ли?

— Мой сын как раз и выпивает столько... Правда, ему уже семнадцать... И еще: состояние коровьего молока повсюду соответствовало нормам, установленным Всемирной организацией здравоохранения. Но даже в тех случаях, когда наличие йода достигало половины нормы, молоко отправлялось на производство сыров. Они зреют более трех месяцев и оказываются абсолютно «чистыми».

Сегодня ситуация нормализовалась, но система мониторинга продолжает действовать. Поступают в радиационный центр и данные о состоянии среды из семи пунктов Советского Союза: Остер (близ Киева), Ленинград, Рига, Вильнюс, Брест, Рахов (Закарпатье), Кишинев. Руководитель центра доктор Эмиль Кунц — он более тридцати лет занимается проблемами радиации. Этот специалист, другие научные сотрудники центра второй месяц без выходных, практически круглосуточно, дежурят у телетайпов и вычислительных машин, ведут анализ образцов продовольственных товаров. Выстроились в ряд белые пластмассовые стаканчики. В них — дождевая и питьевая вода, молоко и солод, овощи, почва,

воздушные фильтры... Все это будет помещено в камеру. Сегодня же пройдут, а завтра поступят новые образцы.

Чехословакию называют порой сердцем Европы — и это не только поэтический образ. Нет, пожалуй, другой страны на континенте, где бы так ощущались все его ветры — и добрые, и злые. Сказалось и на этот раз.

Вопреки очевидным данным, научным расчетам, теле- и радиопередачи из соседних капиталистических стран день за днем утверждали прямо противоположное, запугивая и нервируя людей. Было ли известно авторам передач то, что происходило на самом деле? Несомненно. 6 мая в Копенгагене на конгрессе Всемирной организации здравоохранения доктор Кунц рассказал о ситуации в Чехословакии. Там справедливо было замечено: ее следует оценивать на основе измерений, а не по принципу расположения политических границ.

Прежде чем приняло ЕЭС дискриминационный запрет на товары семи социалистических стран, продовольствие из Чехословакии продолжало поступать на Запад и не было возвращено при всей тщательности проверки. Если не считать, правда, возвращенных из Италии на второй день после аварии на АЭС грузовиков с мясом кроликов, которые были забиты... еще до всех событий. Обеспокоенное безопасностью своих сотрудников посольство США в Праге пригласило известного американского профессора, специалиста по радиации. Ему были представлены все данные, он имел беседу с председателем правительственной комиссии Герле. Непосредственной опасности для здоровья населения не существует — таков был вывод американского специалиста.

Провокационной пропаганде противостояли чехословацкие органы массовой информации. Зускова, Кунц, другие специалисты выступали в печати, по телевидению. Радиационный центр и сегодня открыт для всех желающих пройти обследование. А их оказалось немало. Приносят сюда на анализ продукты питания, овощи со своих огородов. Однажды в центре побывали австрийские тележурналисты. Результаты анализов не убеждали их до тех пор, пока начальник штаба мониторинга Иван Бучина не съел на глазах гостей редиску, которая прошла проверку. Эти кадры «сенсация» демонстрировались по австрийскому телевидению.

Несомненно, однако, и другое: бывают ситуации, при которых излишняя предосторожность не должна вызывать улыбку. Проблема психологической подготовки населения к возможным колебаниям радиоактивности занимает всех, с кем доводилось беседовать в эти дни. В этом — один из уроков Чернобыля, если говорить о них с гуманных, а не спекулятивно-политических позиций.

— Психология и радиация — острейшая, на мой взгляд, проблема современности,— заметил Кунц,— Без учета ее нельзя применять и меры защиты. Подсчеты показали: при нынешних условиях угрозы для здоровья беременным женщинам почти не было. И все-таки... Но посоветуй мы в эти дни беременным женщинам не выходить на улицу — это привело бы к многочисленным и необоснованным искусственным прерываниям беременности. Люди часто не понимают разницы между непосредственным облучением и наличием радиоактивных веществ в пище. Многие нервничали, когда уровень радиации (в сравнении с естественным) несколько повысился. Но они не знали при этом, что, например, в Мексике обычный, естественный уровень радиации в десять раз выше, чем в Чехословакии. Неграмотность, неинформированность в этой области, как правило, сказывается на двух полюсах: пренебрежение опасностью или паническая нервозность. Причем там, где нет для нее оснований.

— Развитие ядерной энергетики будет продолжаться,— говорит Герле,— И, пожалуй, не совсем были правы наши журналисты, которые после аварии в Чернобыле принялись вспоминать подряд все аварии на всех атомных станциях. Важнее, мне кажется, рассказать, как повышаются меры защиты с развитием науки и техники.

Жизнь сама утверждает свои истины. Одна из самых известных: друг познается в беде. Хочу, пусть коротко,— всего не перечислишь,— рассказать о том сердечном понимании, о той человеческой отзывчивости, с которой встречены были в Чехословакии известия об аварии в Чернобыле.

«Руде право» (первой из европейских газет) опубликовала комментарий своего главного редактора Зденека Горжени, разоблачающий ложь и спекуляции на этой теме по отношению к Советскому Союзу.

В начале мая советским медикам потребовались аппараты для единовременного переливания крови. В Прагу запрос пришел в середине дня, а к концу его были готовы к отправке 50 тысяч комплектов. Заместитель советского торгового представителя Р. Пископель обратился к руководству Министерства здравоохранения ЧССР: надо произвести оплату. А в ответ услышал: «И разговоров не может быть об оплате — это наша общая беда. Чем можем еще помочь?»

Многие обращаются в эти дни в советское посольство в Праге. Предлагают места больным в Институте гематологии и переливания крови. Звонит врач: «У меня отпуск, я хотела бы это время работать в Чернобыле». Профсоюзные и комсомольские организации готовы

принять на лето детей с Украины и из Белоруссии. Приходит профессор высшей технической школы: «Мы заготовили быстротвердеющий цемент. Пока есть 40 тонн, за месяц можем приготовить еще тысячу».

И — письма. «Хочу заявить, что готов помочь не только материально, но и на месте аварии,— пишет из Литомышля Милан Гловачек.— Я не специалист в области ядерной техники. Готов выполнять любую работу. Думаю, что подобных писем вы получаете много. Но прошу учесть, что свое предложение я делаю серьезно и честно».

Доброе слово всегда дорого — в час беды особенно. Добрые же дела — вдвойне.

6 июня.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

В редакции телевидения, радио и газет поступают вопросы: можно ли купаться в Днепре, других реках и открытых водоемах, отдыхать на пляжах?

Минздрав УССР считает, что купаться и пользоваться пляжами можно повсеместно, в том числе и в районе Киева, конечно, при соблюдении правил личной и общественной гигиены,

31 мая.

Ярослав ГОЛОВАНОВ

радиация: мифы и реальность

Никак не могу отделаться от воспоминаний о давнем уже, прекрасном фильме Михаила Ромма «Девять дней одного года». Есть там такие кадры: во время эксперимента облучился потоком нейтронов профессор Синцов (короткую эту роль замечательно играл покойный Николай Плотников). И, видимо, сильно облучился... Его уже переодели в больничный халат, и вот он сидит и оживленно беседует со своим молодым коллегой Гусевым (Алексей Баталов) о только что завершённом эксперименте. Потом замолкает, застывает как-то и уже совсем другим, задумчивым и скорбным голосом говорит:

— Черт, странная смерть... Невидима, не слышна, ни запаха, ничего! Вот — все здорово: руки, ноги, грудь... И голова эта дурацкая! — Он шлепает себя по лысине. — Жалко...

Рукотворный мир атомной техники породил опасность, которая умножалась многократно именно потому, что весь свой гигантский путь эволюции земная жизнь прошла, не ведая ее. Огонь — и мы отдергиваем руку инстинктивно. Грохот обвала — и мы инстинктивно прижимаемся к скале. Здесь спасительный инстинкт бессилён. Даже более того — требуется подавлять в себе мнимое ощущение безопасности. И выход только один, одно спасение — знания. Ни в одной области техники и науки не превалируют так знания над чувствами и опытом, как в технике и науке атомной.

В процессе работы уран-графитовых канальных кипящих реакторов, а именно таким был четвертый реактор Чернобыльской АЭС, образуется очень широкий спектр различных радиоактивных нуклидов, которые с некоторым допущением можно называть более популярным термином — радиоактивные изотопы. Эти вещества — твердые и газообразные — претерпевают внутри реактора различные превращения, сопровождающиеся выделением энергии различных видов. Авария на чернобыльском реакторе и последовавший тепловой взрыв привели к выбросу этих твердых и газообразных веществ. Высвобождение из объема активной зоны никак не повлияло на физические процессы. Радиоактивные элементы оказались уже не в замкнутом, чуждом всему живому пространстве атомного котла, а в полном жизни окружающем нас мире.

В сотнях популярных книг и тысячах статей рассказывалось о радиоактивном распаде, об альфа-, бета-, гамма-лучах и нейтронах,

о том, что для одних из них даже папиросная бумага и легкая ткань являются непреодолимым препятствием, а другие способны проникать через бетонную толщу. Не будем повторяться. Важно, что все эти излучения в районе аварии есть и воздействие на живое они оказывают.

Важнейшей характеристикой радиоактивного вещества является период его полураспада (ПП), то есть время, в течение которого в среднем распадается половина всех атомов этого радиоактивного вещества. Иными словами, ПП говорит нам, как скоро опасное станет безопасным. Еще в начале века предпринимались попытки ускорить или замедлить радиоактивный распад, но ни высокие давления и вакуум, ни жар и холод, ни различные физические поля не могли изменить скорость этого природой отмеренного процесса, она оставалась неизменной для каждого вещества при любых условиях.

Диапазон ПП необъятно широк и охватывает все мыслимые и немыслимые промежутки времени. Период полураспада у тория-232 составляет, например, 14 миллиардов лет, а у полония-212—0,3 миллионных доли секунды. ПП измеряется и секундами, и минутами, и часами, и веками — есть все, на любой выбор.

Известно, что интенсивность излучения обратно пропорциональна ПП. Если допустимо такое сравнение, одно радиоактивное вещество «светит» ярко, жарко, но быстро «остывает», другое — едва «тлеет», но не «гаснет» очень Долго. Таким образом, с биологической и медицинской точек зрения наибольшую опасность при равных дозах представляют не долгоживущие, малоактивные изотопы с ПП в тысячи лет, и не стремительно, в неуловимые доли секунды разлагающиеся, а как раз те, чей период полураспада измеряется от нескольких суток до десятков лет. Вот эти «коротыши», как называют их в Чернобыле, и заботят медиков. Из них наиболее опасным в первые дни был радиоактивный йод-131. Период его полураспада составляет 8,06 суток. Почему именно йод?

Медики делят облучение на внешнее и внутреннее. Внешнее — это когда источники его находятся вне живого организма. Тут все ясно — вышел из зараженной зоны, и дело с концом. Врачей гораздо больше заботит облучение внутреннее, когда радиоактивное вещество находится внутри организма.

Надо заметить, что радиоактивные вещества всегда присутствуют в организме человека и даже человеческого зародыша. Каждый день вместе с пищей мы потребляем, например, 0,000002 грамма урана, Уран входит в состав тканей. Все население нашей страны «владеет» примерно четырьмя килограммами такого «органического урана». До конца не ясно, какую роль играют

радиоактивные элементы в биохимических процессах. Есть подозрение, что они — участники сложных мутагенных превращений. Но это наши родные, нам положенные радиоактивные вещества. Другое дело — чужие, незваные. Организму они не нужны, и их требуется оттуда вывести. Сделать это очень нелегко.

Сложности выведения из организма радиоактивных веществ усугубляются тем, что разные вещества по-разному усваиваются организмом. Некоторые, такие, как радиоактивные натрий, калий, цезий, довольно равномерно распределяются по органам и тканям. Другие скапливаются в костях — радий, стронций, фосфор. Третьи — рутений, полоний — в печени, почках, селезенке. Возможны здесь самые невероятные и неприятные варианты.

Так вот, йод-131, о котором шла речь, накапливается исключительно в щитовидной железе — важнейшей железе внутренней секреции, которая, как известно, вырабатывает различные гормоны, регулирующие интенсивность обмена веществ, рост и развитие организма.

Йод — один из интереснейших элементов менделеевской таблицы. «Трудно найти другой элемент,— писал о нем замечательный советский ученый академик А. Е. Ферсман,— который был бы более полон загадок и противоречий, чем йод. Больше того, мы как мало о нем знаем и так плохо понимаем самые основные вехи в истории его странствований, что до сих пор является непонятным, почему мы лечим при помощи йода и откуда он взялся на земле». Йод — очень редкий элемент. В земной коре его содержание составляет около 4 сотых процента, но точный анализ показывает, что йод в больших или меньших количествах существует везде, что позволило Ферсману назвать его «вездесущим». Установлено, что в пустынях и на побережьях теплых морей йода больше, в полярных районах и в горах — меньше. В некоторых высокогорных областях недостаток йода приводит к специфическим заболеваниям (зоб), которые лечатся йодосодержащими препаратами. Организм человека содержит очень мало йода: около 25 миллиграммов. Его концентрация в крови составляет около сотых доли процента. Но щитовидная железа старается поглотить весь йод, попавший в организм, до полного насыщения. В чернобыльском случае это мог быть йод радиоактивный. Понятно, что его концентрация в одной локальной, небольшой по объему железе организма может вызвать расстройство гормонального статуса. Особенно опасно такое накопление у детей, ведь гормональные процессы в детском организме играют большую роль, чем в организме взрослого человека. Отсюда — то внимание, которое в Чернобыле уделяли медики проблеме йода-131, особенно у детей.

В первые же часы и дни необходимо было просто предоставить организму избыток нерадиоактивных йодосодержащих веществ, «накормить досыта» щитовидную железу, которая уже не станет поглощать и накапливать йод радиоактивный. Это и делалось. Прослышав об этом, некоторые граждане решили заняться профилактическим самолечением: покупали в аптеках настойку йода, которой мы мажем порезанные пальцы, и пили. Надо понять прежде всего, что такое «лечение» по крайней мере через 10 дней после аварии на АЭС было совершенно бессмысленно, т.к. йод-131 за это время, если он попал в организм, уже начал делать свое черное дело и будет продолжать его до полного распада или выведения из организма. Какое-либо его замещение невозможно. Кроме того, пить надо не настойку, а специальные препараты, поскольку настойка калечит слизистые оболочки пищевода и желудка, что может привести (и, к сожалению, приводило) к внутренним ожогам.

Как легко понять, вопрос о йоде-131 был снят с повестки дня самим йодом-131, ввиду относительно короткого времени его полураспада. Медиков сегодня больше волнуют, например, радиоактивные изотопы цезия: цезий-134 с ПП 2 года и цезий-137 с ПП 30 лет. Однако в письмах читателей много вопросов задается до сих пор о йоде. В частности, спрашивают: может ли попавший в организм радиоактивный йод вызвать лучевую болезнь. Радиоактивный йод, попавший в организм в больших дозах, может вызвать острейшие гормональные расстройства, а при очень больших дозах — полностью разрушить щитовидную железу, но лучевую болезнь он вызвать не может. Давайте разбираться с лучевой болезнью.

Лучевая болезнь — реакция живого организма на облучение. Такое определение возможно. И правильно будет сказать, что, сколько живых организмов, столько и реакций. Начав исследовать лучевую болезнь на животных в лабораториях, ученые быстро обнаружили вроде бы некоторую закономерность: чем сложнее организм, тем больше он подвержен лучевой болезни. Логично: микроскоп сломать легче, чем топор. Очевидно и другое: чем больше доза, тем вероятнее заболевание лучевой болезнью.

В связи с самим понятием «доза» — в письмах читателей очень много вопросов. Вряд ли надо излагать здесь с формулами дозовые пределы облучения, допустимые и контрольные уровни. Интересующихся могут отослать к справочнику «Нормы радиационной безопасности НРБ-76 и основные санитарные правила ОСП-72/80», изданные «Энергоиздатом» тиражом 50 тысяч экземпляров в 1981 году. Они не изменились. Однако полезно будет знать, что эти нормы дифференцированы. Так вот, предельно допустимая доза (ПДД) для людей, которые постоянно или временно

работают непосредственно с радиоактивными веществами, составляет 5 бэр в год. (В случае, когда основным видом внешнего излучения являются гамма-лучи, как это имеет место в зоне аварийной АЭС, бэр — биологический эквивалент рентгена, можно с некоторыми допущениями приравнять рентгену). Это, по определению, такая годовая доза, которая, равномерно воздействуя в течение 50 лет, не вызывает в состоянии здоровья неблагоприятных изменений. Как сообщалось в прессе, в районах вне 30-километровой зоны уровень радиации существенно ниже этой величины.

Для сравнения реакций организмов медики ввели такую величину: доза половинной выживаемости ДПВ, т. е. доза, при которой погибает половина облученных объектов. Но когда начали сравнивать, то оказалось, что один уровень эволюции не может объяснить реакцию живого на облучение. У одного вида бактериофага ДПВ в 6 раз больше, чем у другого, у одного вида инфузорий в 200 (!) раз больше, чем у другого. Доза эта среди высших млекопитающих варьируется в пределах от 200 до 1200 рад. (Рад — единица поглощенной организмом энергии. Если один грамм ткани поглотил энергию в 100 эргов, он получил один рад.) Но и тут много непонятного. Сильно ли отличается морская свинка от кролика? Вроде бы нет. Но ДПВ свинки примерно 200 рад, а кролика примерно 1200. Почему все животные погибают от поражения кроветворных органов, а осел — от полного отказа нервной системы? Какие внутренние резервы позволяют черепахе — какому ни на есть, но все-таки существу с кровеносной системой — иметь ДПВ в 20 тысяч рад?

Все эти зоологические примеры я привожу для того, чтобы показать необыкновенную и непонятную еще до конца пластичность живого организма, его радиочувствительную индивидуальность.

Облучение не всегда приводит к лучевой болезни. Конечно, основной критерий — доза, при 100 рад лучевая болезнь не возникает. А когда возникает? Ответить на этот вопрос очень трудно, ибо лучевая болезнь — реакция комплексная, реакция всего организма, а организму важно не просто количество вошедшей в него разрушительной энергии, но то, в каком виде была эта энергия, что это было за излучение, какие участки тела и органы оно поразило, как накапливалась эта доза — потихоньку-помаленьку или быстро, вдруг. Лучевую болезнь может вызвать радиоактивный изотоп, попавший внутрь организма и поразивший костный мозг — главный кроветворный орган. Но опять-таки — какой изотоп? Трудно подсчитать, например, сколько надо проглотить плутония, чтобы заболеть лучевой болезнью. Во всяком случае, очень много, наверное, на миллионы рублей. А скажем, стронция-90, к сожалению, требуется

но столь уж много. Вот этой газетной страницей можно прикрыться от потока альфа-лучей, но если они попали внутрь организма, то превращают встретившуюся на их пути живую клетку буквально в руины. И это будет тоже лучевая болезнь. Нетрудно представить себе, что все эти воздействия могут проявляться в различных сочетаниях, что делает борьбу с их последствиями особенно трудной.

В списке живого высшей организации человек по своей радиочувствительности занимает срединное место неподалеку от собак и обезьян — ДПВ около 500 рад. 600 рад считается смертельной дозой. И тем не менее в специальной литературе есть примеры, когда в результате несчастных случаев в лабораториях ученые получали дозу, значительно превосходящую смертельную, и все-таки оставались живы. Подобно тому, как люди по-разному переносят жару, солнце, короче — перегрев инфракрасный и ультрафиолетовый, и облучение они тоже переносят по-разному. Сопrotивляемость организма и в этом случае индивидуальна, как она индивидуальна, скажем, при инфекционных заболеваниях, хотя механизм этой сопротивляемости другой. Много зависит от возраста человека, от его здоровья, степени закалки, даже от состояния его нервной системы, от настроения! Любой врач скажет, что жизнерадостный человек легче справляется с любым недугом. Это в полной мере относится и к недугам радиационным.

Во многих письмах читателей варьируются вопросы о преимуществах того или другого вида продуктов, которые либо помогают ликвидировать последствия облучения, либо даже препятствуют самому облучению. В случае внутреннего облучения существуют методы, позволяющие связывать радиоактивные вещества и выводить их из организма. При внешнем облучении методы защиты от него, начиная от свинцовых экранов и кончая спецодеждой, широко известны и многократно описаны. К сожалению, как и вообще в медицине, так и в радиационной, никакой панацеи нет, да и — как легко понять с учетом разнообразия самой природы недуга — быть не может. Продукта или лекарства, препятствующего облучению или существенно снижающего его последствия, увы, не существует. Приходилось читать в письмах и слышать, что «надо есть чеснок» или молодую капусту, скажем. Любые продукты хороши в той мере, в какой они делают человека здоровее, сильнее, повышают сопротивляемость его организма к любым заболеваниям. Если подходить к этой проблеме так (а другого пути нет), то и чеснок, и стакан сметаны, и хороший кусок мяса, и плитка шоколада — все полезно, поскольку давно известно, что хорошо питаться — полезно.

Приходилось читать и слушать «научно обоснованные» утверждения о благотворном воздействии спиртных напитков, якобы повышающих невосприимчивость организма к радиации. Уж и не знаю, к счастью ли, или к сожалению, но и это не так. Скорее, наоборот, поскольку алкоголь не способствует здоровью в целом. Чтобы читатели не подумали, что и здесь ведется антиалкогольная пропаганда, предлагаю им самим поразмыслить: как же может алкоголь, химическое воздействие которого распространяется на уровне органов, влиять на радиацию, физически действующую уже на уровне клеток?

В отличие от «водочной профилактики», гораздо серьезнее вопросы об отдаленных воздействиях облучения. Некоторые радиоактивные вещества, скажем, стронций-90, собираясь в костях, могут вести там свою медленную и злую работу в течение долгого времени, и работа эта может, в частности, привести к раку крови или кости. И стронций, и уже упоминавшийся цезий являются элементами весьма активными, легко вступают в химическую связь, крепко внедряются в живой организм. Поэтому важнейшая задача биологов и медиков — отыскание новых, более эффективных путей их связывания, препятствующего проникновению в ткани и органы, с последующим выводом этих «пленных» изотопов из организма.

Современные знания позволяют дать картину генетических последствий при облучении живых организмов лишь в самом общем виде, но то, что радиация, полученная родителями, усиливает генетическую изменчивость потомства, — факт давно доказанный. Нет сомнений и в том, что вероятность возникновения наследственных изменений прямо пропорциональна дозе облучения. Теоретически изменения эти могут быть как полезные, так и вредные, но опять-таки вероятность вредных — несоизмеримо больше. К ним относятся укорочение продолжительности жизни, склонность к психическим заболеваниям, понижение сопротивляемости инфекциям, предрасположенность к злокачественным опухолям и др. Установлено, что облучение мамы в большей степени может повлиять на детей, чем облучение папы. Однако папа несет в случае облучения большую ответственность за генетическое изменение внуков, правнуков и т. д.

Один из распространенных вопросов: может ли какое-либо живое облученное существо — кошка, корова или человек — сами стать источниками радиоактивного облучения? Теоретически могут, конечно. Если, скажем, кошка проглотит ампулу с радиоактивным изотопом, которые применяют в лабораторных экспериментах, то она превратится в мощный источник излучения, поскольку ее тело не сможет его экранировать. Но эта ситуация чисто умозрительная. На

самом деле все выглядит иначе. Скажем, корова попала в аварийную зону. Радиоактивная пыль может сесть на ее шкуру, но достаточно смыть эту пыль просто водой — и корова перестанет быть «радиоактивной». Хуже, если эта корова съела траву, на которой была эта пыль, или напилась из радиоактивно загрязненного водоема. В этом случае удалить внутренний источник излучения, как уже отмечалось, сложнее. Однако количество радиоактивных веществ, усвоенных организмом, как правило, столь мало, что превратить этот организм в источник облучения оно не может. Например, мясо коров, которые питаются травой в зоне радиоактивных осадков, значительно менее радиоактивно, чем выделяемый ими навоз. Сами же эти животные не представляют опасности для окружающих.

В полной мере все вышесказанное относится и к человеку. Обратимся опять-таки к примеру Чернобыля. Когда было решено стационарно обследовать детей, прибывших из района АЭС, на наличие йода-131 в щитовидной железе, местные педиатры, естественно, малознакомые с радиобиологическими проблемами, спросили специалистов, можно ли допустить контакт этих ребятишек с другими детьми, находящимися в больнице, и получили на это разрешение, поскольку никакой опасности дети Чернобыля сами по себе ни для других детей, ни для взрослых представлять не могли.

Последний круг вопросов касается того ущерба, который приносит радиационное заражение почвы, животных и растений для хозяйственной деятельности человека.

Ущерб этот очевиден и велик. В районе Чернобыльской АЭС радиоактивные осадки распределены на почве неравномерно, поскольку распределение это зависело от воли ветра. Там, где эти осадки есть, они углубились в почву не глубоко — всего на несколько миллиметров. Снятие этого слоя и его последующее захоронение могут вернуть эти земли народному хозяйству. Такая работа ведется, и, как вы знаете, в середине июня на некоторых полях Чернобыльского района начались сельскохозяйственные работы.

При сильном радиоактивном заражении животные могут подлежать уничтожению. В Японии в 1954 году было уничтожено свыше 400 тонн рыбы, зараженной радиоактивными веществами. В Чернобыле скот не забивался, если не считать животных, раненных при срочной эвакуации. В случае незначительного облучения, не превышающего установленных норм, мясо после надлежащей проверки может быть использовано. То же и с другими продуктами. Молоко, например, имеющее допустимые следы радиоактивности, может использоваться непосредственно или перерабатываться в совершенно доброкачественное нерадиоактивное масло.

Что касается растений, то, как и в организме животных, в них тоже могут накапливаться разные радиоактивные элементы. Наиболее интенсивно растения усваивают из почвы радиоактивные изотопы циркония, меньше — цезия, совсем мало — иттрия и других элементов. Бобовые, например, способны поглотить больше радиоактивных веществ, чем злаковые. Как правило, радиоактивность семян в 10 — 20 раз меньше, чем стеблей. У картофеля ботва аккумулирует радиоактивные вещества лучше, чем клубни, но после отмирания ботвы эти вещества начинают перемещаться в клубни и корни. Растения могут играть для почвы и очистительную роль, поскольку способны накапливать в себе, скажем, в 10 раз больше циркония-90, чем его содержится в земле. От самой земли также многое зависит. Опыты, проведенные еще много лет назад, показали, что растения, растущие на глинистом песке, содержат в 70 раз больше стронция-90, чем сам песок, а на суглинках — только в 40, даже в 15 раз.

Хочется заметить, что именно в вопросах использования сельскохозяйственных продуктов существует, пожалуй, наибольшее количество различных кривотолков и слухов. Это объяснимо чисто психологически. Так уж устроен человек, что любая опасность для его здоровья, сопряженная с продуктами питания, ассоциируется для него с ядом — этому людей учила история многие века. Да, и яды, и радиоактивность вредны для живого, но нельзя ставить знаки равенства между ними, поскольку механизмы их воздействия на организм совершенно разные. Капля яда в ягоде клубники может убить, но радиоактивное вещество, которое способно накопить в себе ягода клубники, убить не может, и даже сколько-нибудь заметным она для человеческого организма не станет. Если снаружи на клубнике есть радиоактивная грязь, ее надо просто вымыть. Впрочем, вымыть ее надо, если грязь и нерадиоактивная...

В прошлом году исполнилось 90 лет с того дня, когда французский физик Антуан Анри Беккерель открыл явление радиоактивности. В юбилейной статье, посвященной этому событию, один академический журнал пишет: «За девять десятилетий многие из этих тайн были раскрыты, объяснены и даже поставлены на службу практике, само понятие «радиоактивность» ныне широко известно, но загадочного здесь осталось едва ли меньше». Да, загадочного здесь осталось едва ли меньше...

Аварии и неполадки на атомных электростанциях постоянно требуют ответов на многие вопросы, и не всегда эти ответы известны современной науке, в том числе радиационной биологии и медицине. Еще Фридрих Энгельс заметил: «Если у общества появляется техническая потребность, то это продвигает науку вперед больше,

чем десяток университетов». Сегодня мы столкнулись именно с такой технической потребностью. Будем надеяться, что урок Чернобыля поможет науке открыть новые тайны прекрасного и яростного мира, в котором мы живем.

Анатолий КИЧИНСКИЙ
НЕ ПОТОМУ ЛИ

Травица с привкусом металла!..
Полынь в крови моей, но ты считаешь, видимо, что мало твоей горчащей правоты.

Не потому ли, что победу устами, сладкими, как мед, вещал и пчелам до упаду кричал «ура!» или «вперед!»?

Не потому ли, что прошляпил, когда ты грань пересекла, где я всю горланил шлягер, лицом к лицу не видя зла?

Не потому ли, что вчера я забыл, все зная наперед, что эта горечь неживая сквозь душу в гены протечет?

Не потому ль, что рад стараться — лишь половчей найдись предлог! — продать за право оправдаться всю правду горькую про долг?

Полынь, души моей не мучай!..
Не потому ли все трудней, что я привык валить на случай закономерность горьких дней?!

В ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

Политбюро ЦК КПСС на специальном заседании обсудило доклад правительственной комиссии о результатах расследования причин происшедшей 26 апреля 1986 г. аварии на Чернобыльской АЭС, мерах по ликвидации ее последствий и обеспечению безопасности атомной энергетики.

Установлено, что авария произошла из-за целого ряда допущенных работниками этой электростанции грубых нарушений правил эксплуатации реакторных установок. На четвертом энергоблоке при выводе его на плановый ремонт в ночное время проводились эксперименты, связанные с исследованием работы турбогенераторов. При этом руководители и специалисты АЭС и сами не подготовились к этому эксперименту, и не согласовали его с соответствующими организациями, хотя обязаны были это сделать. Наконец, при самом проведении работ не обеспечивался должный контроль и не были приняты надлежащие меры безопасности.

Министерство энергетики и электрификации СССР и Госатомэнергонадзор допустили бесконтрольность за положением дел на Чернобыльской станции, не приняли эффективных мер по обеспечению требований безопасности, недопущению нарушений дисциплины и правил эксплуатации этой станции.

Безответственность и халатность, недисциплинированность привели к тяжелым последствиям. В результате аварии погибли 28 человек, нанесен ущерб здоровью многих людей.

Политбюро ЦК КПСС выражает глубокое соболезнование родным и близким погибших. Их семьям государство оказывает всестороннюю помощь. Организована большая профилактическая работа. Проведено медицинское обследование нескольких сотен тысяч человек. Диагноз лучевой болезни в настоящее время установлен у 203 человек, из них 30 человек проходят курс лечения в стационарных условиях.

Разрушение реактора привело к радиоактивному загрязнению территории вокруг станции на площади около одной тысячи кв. км. Здесь выведены из оборота сельскохозяйственные угодья, остановлена работа предприятий,строек и других организаций. Только прямые потери в связи с аварией составляют около 2 млрд. рублей. Осложнено энергообеспечение народного хозяйства.

Политбюро приняло к сведению, что Прокуратура СССР возбудила уголовные дела против лиц, виновных в аварии на Чернобыльской АЭС, и ведет расследование, после завершения которого материалы следствия будут переданы в суд.

За крупные ошибки и недостатки в работе, приведшие к аварии с тяжелыми последствиями, сняты с занимаемых должностей председатель Госатомэнергонадзора т. Кулов, заместитель министра энергетики и электрификации СССР т. Шашарин, первый заместитель министра среднего машиностроения т. Мешков, заместитель директора Научно-исследовательского и конструкторского института т. Емельянов. Одновременно они привлечены к строгой партийной ответственности. Исключен из партии бывший директор Чернобыльской АЭС Брюханов.

Отмечено, что министр энергетики и электрификации СССР т. Майорец за серьезные недостатки в руководстве Чернобыльской АЭС заслуживает снятия с работы. Но учитывая, что он непродолжительное время занимает эту должность, Политбюро объявило ему строгое партийное взыскание и предупредило, что если он не сделает надлежащих выводов из случившегося, то будет подвергнут более строгому наказанию.

Комитету партийного контроля при ЦК КПСС, Центральному Комитету Компартии Украины, Московскому горкому партии поручено рассмотреть вопрос об ответственности других работников.

На заседании подчеркнуто, что осуществление крупных и энергичных мер по устранению последствий аварии позволило в короткие сроки коренным образом изменить обстановку на электростанции и прилегающей местности. Для эвакуированного из опасной зоны Чернобыльской АЭС населения ведется строительство жилья, объектов культурно-бытового назначения, ему возмещается материальный ущерб. Проводится необходимая работа по трудоустройству людей.

Состояние поврежденного реактора надежно контролируется и не вызывает никаких опасений. Осуществляются сложные инженерные мероприятия по консервации аварийного энергоблока.

Широким фронтом ведется очистка площадки электростанции от радиоактивного загрязнения, дезактивация окружающей территории, зданий, сооружений, оборудования. Выполнены большие объемы работ по снятию и захоронению грунта, обработке местности специальными химическими составами. В результате уровень радиации в районах, где он был выше нормы, резко снизился, и сейчас только в Чернобыле и некоторых прилегающих к нему пунктах он еще превышает допустимые пределы.

Для охраны водных ресурсов, кроме проведенного на протяжении 29 километров обвалования реки Припяти, создается система сооружений, обеспечивающая надежную защиту водного бассейна.

Политбюро отметило, что постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о неотложных мерах по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с глубоким пониманием восприняты советским народом. Это выразилось в стремлении трудовых коллективов, каждого советского человека внести свой вклад в решение поставленных задач. Тысячи добровольцев изъявили желание непосредственно участвовать в восстановительных работах.

Советские люди внесли в фонд помощи по ликвидации последствий аварии свыше 400 млн. рублей. Трудящиеся многих коллективов безвозмездно отработали рабочую смену.

Политбюро ЦК КПСС высоко оценивает самоотверженность и трудовой героизм, проявленные рабочими, специалистами, учеными, военнослужащими, медицинским персоналом, работниками сферы обслуживания при проведении работ по ликвидации аварии и преодолению ее последствий. Принято решение о представлении особо отличившихся товарищей к награждению орденами и медалями СССР.

Подчеркнуто, что авария на Чернобыльской атомной электростанции является серьезным уроком, из которого министерства и ведомства, научные, конструкторские и проектные организации, хозяйственные, советские, партийные органы должны сделать исчерпывающие выводы.

Политбюро ЦК КПСС потребовало от министерств и ведомств в кратчайшие сроки разработать и осуществить дополнительные меры по обеспечению безопасной эксплуатации действующих атомных электростанций, укреплению технологической дисциплины на всех уровнях, повышению требовательности за неукоснительное соблюдение регламентов работы реакторных установок и другого оборудования. Предусмотрено провести переподготовку и аттестацию обслуживающего персонала, расширить сеть учебно-тренировочных центров, оснащенных специальными тренажерами. Органам государственного надзора поручено строго контролировать работу всех атомных электростанций.

Высочайшая организованность, четкость и исполнительность в работе, глубокие знания и мастерство должны быть законом жизни каждого трудового коллектива в атомной энергетике.

Особое внимание правительственной комиссии, министерств и ведомств СССР, партийных и советских органов Украины и Белоруссии обращено на важность завершения в установленные сроки всех работ по консервации аварийного энергоблока, включая надежное его захоронение. Предложено взять под неослабный контроль выполнение заданий по поставкам машин, средств дезактивации, материалов, необходимых для ликвидации

последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Первостепенной задачей является жилищное и социально-бытовое обустройство эвакуированного населения. Только для сельских жителей необходимо построить жилые дома общей площадью около 700 тыс. кв. метров.

В целях повышения уровня руководства и ответственности за развитие ядерной энергетики, улучшения эксплуатации атомных электростанций образовано общесоюзное Министерство атомной энергетики.

ЦК компартий союзных республик, крайкомам и обкомам партии поручено поднять уровень руководства партийными организациями атомных электростанций, воспитывать рабочих, инженерно-технические и руководящие кадры в духе высокой ответственности, настойчиво укреплять дисциплину и порядок в трудовых коллективах, уделять первостепенное внимание вопросам обеспечения безопасного функционирования этих предприятий. Для усиления партийного влияния на решение этих задач, признано целесообразным ввести для парторганизаций атомных электростанций должности партторгов ЦК КПСС.

Советский Союз глубоко благодарен социалистическим государствам, проявившим солидарность с советским народом в связи с аварией на Чернобыльской АЭС. Он признателен многим другим странам, их гражданам за моральную поддержку и практическую помощь.

На заседании подчеркнута необходимость широкого международного сотрудничества и совместных усилий различных стран для обеспечения ядерной безопасности. СССР предлагает другим странам вместе добиваться того, чтобы возможность аварий в работе атомных установок в мире была сведена к нулю. Важное значение в этом отношении имеет намеченная на сентябрь специальная сессия Генеральной конференции МАГАТЭ. Наша страна готова конструктивно участвовать в ее работе и считает актуальной задачей совместное создание учеными разных государств реактора нового поколения. Вместе с тем следует придать ускорение сотрудничеству в освоении управляемого термоядерного синтеза, который мог бы стать неисчерпаемым источником энергии.

Другая сторона проблемы безопасности объектов ядерной энергетики связана с тем, чтобы не допустить преднамеренного их разрушения в результате военных действий или террористических актов. Следует разработать надежную систему мер по предотвращению ядерного терроризма в любом его проявлении.

Ядерная безопасность на нашей планете немыслима без прекращения материальной подготовки атомной войны, полной ликвидации средств ее ведения. Советский Союз исполнен

решимости добиваться, вопреки ожесточенному сопротивлению военно-промышленного комплекса на Западе, претворения в жизнь предложенной программы освобождения мира от ядерного оружия уже до конца нынешнего столетия. Со времени ее выдвижения 15 января 1986 г. на всех переговорах, об ограничении вооружений и разоружении наша страна внесла конкретные предложения, позволяющие достичь реальной договоренности.

Поворотным пунктом в деле обеспечения международной безопасности должны быть обуздание гонки ядерных вооружений, переход к реальным мерам по сокращению ядерного оружия и прекращению его испытаний. Мировая общественность ждет от американской администрации позитивного ответа на односторонний мораторий Советского Союза на ядерные взрывы. Действительное ограничение вооружений является лучшим вкладом в дело укрепления мира и надежной ядерной безопасности.

Политбюро ЦК КПСС выразило твердую уверенность, что министерства и ведомства, местные партийные и советские органы, руководители предприятий и организаций примут надлежащие меры для скорейшего преодоления последствий аварии на Чернобыльской АЭС, обеспечения четкой и безопасной работы атомных электростанции, дальнейшего развития советской атомной энергетики в интересах народного хозяйства, в интересах трудящихся.

20 июля.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

ХАММ (Северный Рейн-Вестфалия, ФРГ), 10 июня (ТАСС). «Вы подъезжаете к зоне радиоактивного заражения!» — такие плакаты, установленные сторонниками охраны окружающей среды рядом с автострадой, которая ведет в Ганновер, предупреждают водителей о приближении к атомной электростанции в Хамме.

Эта предосторожность никак не лишняя. На ядерном реакторе АЭС, размещенном в полукилометре от этой магистрали, 4 мая с. г. произошла авария, которая сопровождалась выбросом в атмосферу значительного количества радиоактивного графита.

Случай на АЭС в Хамме не единственный в ФРГ.

Кирилл КУРАШКЕВИЧ
СИЛА ЗЕМЛИ

Не забывайте, люди:
как нас беда ни морщъ,
нет в наших душах люти —
только земная мощъ.

Только земная сила,
вечный ее запас:
предков она растила
и воспоила нас.

Что нам чужие блага,
белые калачи!
Мы рождены от плуга,
выгреты на печи.

Кто же посеял эти
горькие семена?!
Черная быль на свете.
Смутные времена.

Но все равно я знаю,
что усмирят огонь
те, у кого земная
сила вошла в ладонь.

В камень загонят пламя —
так его и растак! —
внуки солдат, что знамя
вынесли на рейхстаг.

Новую жизнь отстроив,
знать нам от сих до сих
и имена героев,
и имена других —

тех, кто с трибун парадных
рапортовал, горя,
только одной лишь правды
людям не говоря...

Прошлого не исправить,
набело не прочесть,
но, очищая Припять,
совесть свою и честь,

жить нам, не отступая,
не опуская глаз,
чтобы земля родная
не отреклась от нас.

В ЦК КПСС И СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

На Чернобыльской атомной электростанции в результате осуществления крупных научных, технических и других мер завершен особо важный этап работ по ликвидации последствий аварии. Государственной комиссией принят в эксплуатацию комплекс защитных сооружений поврежденного энергоблока. Разрушенный реактор перестал быть источником радиоактивного загрязнения окружающей среды. После проведения всех необходимых мероприятий по обеспечению безопасности введены в действие первый и второй энергоблоки электростанции.

Завершение этого этапа, выполнение в сжатые сроки крупномасштабных задач по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС стало возможно благодаря самоотверженному героическому труду рабочих, инженеров и техников, ученых и специалистов, воинов Советской Армии. На это была направлена организаторская и политическая деятельность партийных и советских органов, министерств и ведомств СССР.

В трудных условиях проведены сложнейшие, не имеющие аналогов в отечественной и мировой практике работы по консервации разрушенного энергоблока. Это уникальное сооружение, спроектированное советскими учеными и специалистами, оснащено необходимым оборудованием, диагностической аппаратурой и средствами контроля. При его строительстве использовалась современная техника, уложено около 300 тысяч кубических метров бетона, выполнен монтаж свыше 6 тысяч тонн металлических конструкций. Осуществлены мероприятия по дезактивации зданий и сооружений электростанции, оборудования энергоблоков № 1 и 2 до уровней, соответствующих установленным нормативам.

Большая работа проделана по обеспечению безопасности населения, охране его здоровья. Проведено широкое медицинское обследование людей с использованием современных методов. С диагнозом лучевой болезни было госпитализировано 237 человек. Для их лечения применялись все новейшие средства. К сожалению, спасти жизнь 28 человек, как уже сообщалось, не удалось. В настоящее время значительная часть подвергшихся заболеванию приступила к трудовой деятельности.

Четко была организована эвакуация населения из опасных районов. Всего переселено около 116 тысяч человек. Обеспечено их трудовое и бытовое устройство. Возведено около 12 тысяч благоустроенных жилых домов усадебного типа, более 200 объектов социально-бытового назначения, проложены новые дороги и

инженерные сети. Практически все трудоспособные получили соответствующую работу в новых местах проживания.

В целях создания нормальных условий для жизни и деятельности эксплуатационного персонала Чернобыльской АЭС и строителей, занятых на ликвидации последствий аварии, сдан в эксплуатацию вахтовый поселок Зеленый Мыс в Киевской области. Для их семей в городах Киеве и Чернигове выделено 8 тысяч квартир. Развертывается строительство нового города для энергетиков.

Государством оказана большая материальная помощь пострадавшему населению. Ему выплачивается компенсация за причиненный ущерб. Общая сумма направленных на эти цели средств составляет около 800 миллионов рублей. Кроме того, большие затраты произведены на строительство жилья и объектов социального и культурно-бытового назначения. Проявляя чувство коллективизма и высокой гражданственности, советские люди перечислили в фонд помощи для устранения последствий аварии на Чернобыльской АЭС около 520 миллионов рублей.

В широких масштабах проведена дезактивация в районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению. Обработано 500 населенных пунктов, почти 60 тысяч жилых домов и других зданий и сооружений. Значительный объем работ выполнен по защите водных ресурсов от радиоактивных веществ. Построены десятки километров ограждающих и защитных дамб в поймах рек Припять, Брагинка и Днепр. В результате качество воды в бассейне Днепра соответствует санитарным нормам.

Повсеместно развернута специальная обработка сельхозугодий, реализуются мероприятия по созданию условий для возобновления сельскохозяйственного производства с учетом почвенно-климатических особенностей данного региона.

Все, что сделано по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, привело к коренному улучшению радиационной обстановки в 30-километровой зоне и прилегающей к ней территории.

Осуществляются необходимые меры по обеспечению безопасности всех действующих атомных электростанций, повышению уровня эксплуатации оборудования, производственной и технологической дисциплины, квалификации обслуживающего персонала. Усилена требовательность со стороны соответствующих органов надзора. Создано Министерство атомной энергетики СССР. Для координации деятельности министерств образован межведомственный научно-технический совет по вопросам атомной энергетики при Государственном комитете СССР по науке и технике.

За последнее время значительно расширилось и укрепилось наше сотрудничество с Международным агентством по атомной энергии. Ему предоставлялась вся необходимая информация о причинах аварии на Чернобыльской АЭС и мерах по ликвидации ее последствий. Серьезные шаги предприняты по реализации инициатив СССР в области создания международного режима безопасного развития атомной энергетики на созданной по предложению нашей страны специальной сессии Генеральной конфедерации МАГАТЭ. Эти инициативы получили широкую поддержку, были приняты документы большого значения — конвенции об оперативном оповещении и оказании помощи в случае ядерной аварии. В ноябре с. г. эти конвенции ратифицированы Президиумом Верховного Совета СССР.

В Советском Союзе с чувством признательности были восприняты многочисленные проявления и поддержки со стороны зарубежных организаций, официальных и частных лиц в связи с аварией на Чернобыльской АЭС. Тяжелые последствия ее еще раз напоминают об огромной ответственности всех государств за предотвращение ядерной угрозы, за полную ликвидацию ядерного оружия на Земле.

Наш народ всегда будет помнить с глубокой благодарностью гражданский, трудовой подвиг рабочих, инженеров, ученых, специалистов, воинов Вооруженных Сил СССР, проявленный в ходе локализации аварии в Чернобыле и устранения ее последствий. Партия и государство по достоинству оценивают их вклад в это трудное и ответственное дело. Большая группа наиболее отличившихся работников и военнослужащих награждена орденами и медалями СССР.

Завершен сложный этап работы. Как известно, советские люди были проинформированы о причинах аварии, выводах по результатам ее расследования, мерах по обеспечению безопасности, полной надежности атомных электростанций. Эти меры последовательно реализуются. Предстоит еще многое осуществить. ЦК КПСС и Совет Министров СССР обязали всех участников этого важнейшего дела полностью выполнить намеченную программу по устранению последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

16 декабря.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

29 августа член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкий и Председатель Совета Министров УССР А. П. Ляшко побывали в районе Чернобыльской АЭС и ряде населенных пунктов Киевской области, принявших эвакуированное население.

В Чернобыле состоялась беседа в правительственной комиссии, которую возглавляет заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. Г. Ведерников. Были обсуждены вопросы подготовки к пуску находящихся в эксплуатационном резерве первого и второго энергоблоков, дезактивации станции и прилегающей к ней территории, осуществления водоохраных мер, а также ход работ по захоронению поврежденного реактора. Указывалось на необходимость повысить темпы намеченных работ, более эффективно использовать выделяемые государством материальные ресурсы.

В Припятском горкоме партии состоялась беседа с членами бюро и заведующими отделами горкома по вопросам возрастания роли партийного комитета, первичных партийных организаций в условиях ликвидации аварии на атомной станции, повышения ответственности каждого коммуниста за порученное дело.

Активно ведется сооружение в Зеленом Мысе вахтового поселка для чернобыльских энергетиков. Здесь уже поднялись десятки благоустроенных домов. В беседах с рабочими, специалистами, руководителями говорилось о необходимости ускорения строительства поселка, объектов социально-культурного назначения, создании работникам станции надлежащих условий труда и отдыха. По неотложным вопросам были приняты конкретные решения. Состоялась встреча с воинами, участвующими в работах по ликвидации последствий аварии на АЭС. Отмечались их высокая организованность, боевой настрой.

В селах Людвиновке и Здвижевке Киевской области, где в новых поселках уже проживают сотни семей чернобыльских колхозников, новоселы выразили глубокую признательность партии и государству за проявленную заботу. Разговор шел о повседневных делах и нуждах тружеников села.

Вместе с В. В. Щербицким и А. П. Ляшко в поездке был первый секретарь Киевского обкома партии Г. И. Ревенко.

(ТАСС).

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Человек

(из поэмы «Ров»):

1. Человек

Прости мне,
 человеку,
 человек,—
история, Россия и Европа,—
что сил слепых
 чудовищная проба
приходится
 на край мой
 и мой век.

Прости,
 что я всего лишь человек.

Надежда,
 коронованная Нобелем,
как страшный джинн,
очнулась над Чернобылем.
Простите, кто собой
 закрыл отсек.

Науки ль,
 человечества ль вина?
Что пробило,
 и что еще не пробило,
 и что предупредило
нас в Чернобыле?
А вдруг —
 неподконтрольная война!

Прощай,
 расчет на легкое житье.

Опомнись, мир,
 пока еще не поздно!
И если человек —
 подобье божье,
неужто бог — подобие мое?

Бог — в том,
кто в облученный
шел объект,
реактор потушил,
сжег кожу и одежду.
Себя не спас.
Спас Киев и Одессу.
Он просто поступил
как человек.
Бог — в музыке,
написанной к фон Мекк,
Он — вертолетчик,
спасший и спасимый,
и доктор Гейл,
ровесник Хиросимы,
в Россию
прилетевший человек.

2. Больница

Мы потом разберемся:
кто виноват,
где
познанья
отравленный плод?
Вена ближе Карпат.
Беда вишней цветет.
Открывается новый взгляд.

Почему
он в палате
глядит без сил?
Не за золото, не за чек.
Потому
что детишек
собой заслонил.
Потому что он —
человек.
Когда
робот не смог
отключить беды,
он шагнул в зараженный
отсек.

Мы остались живы —
и я, и ты,—
потому что он человек.
Неотрывно глядит,
как Феофан Грек.
Мы одеты в спецреквизит,
чтоб его собой
не облучить,
потому что он — человек.
Он глядит на тебя,
на меня,
на страну.
Врач всю ночь,
не смыкая век,
костный мозг
пересаживает ему,
потому что он человек.
Донор тоже не шиз
раздавать свою жизнь.
Жизнь одна —
не бездонный парсек.
Почему же он смог
дать ему костный мозг?
Потому что он — человек.
Он глядит на восход.
Восемь душ его ждет.
Снится сон —
обваловка рек.
Верю, он не умрет,
это он — народ,
потому что он — человек.

Леонид САМОЙЛЕНКО

яблоко с верушки

...Эту яблоню помню без листьев, только почки наливались, и солнечные лучи, пронзая голые ветки, тускло отсвечивали на броне боевого транспортера. Броня была теплой, и молоденький водитель сидел без шлема, но в респираторе, и это было странно — большая стриженная голова и зеленое рыльце защитной маски, которую он снял, чтобы ответить на мое приветствие. Бронетранспортер стоял в саду, а дальше, во дворе, был вещевой склад новенького белья, пахнувшего натуральной хлопковой тканью. Я снял свою гражданскую рубашку и оделся в спецодежду, повесив на шею пропуск, — картонку с фотографией, закатанную в пластик. Такие картонки выдавали для проезда на станцию, но туда, разумеется, нечего соваться без дозиметристов. Здесь, на аварийной АЭС, их уважали как-то по-особенному.

Они менялись, приезжали и уезжали, а мне запомнился воронежец Саша Маматов, старший инженер дозконтроля, хорошего роста и крепкого сложения, с усталым лицом и немного равнодушными глазами к нашим «радиационным» хлопотам.

— Если хочешь идти туда, то только со мной, — сказал он.

И я послушно кивнул.

Поднялись по лестнице во внутренние помещения станции. Он шел впереди, а я за ним. На отметке «50» в тесном боксе стоял дистанционный пульт управления роботами, которые убрали с крыши обломки труб и куски графита, упавшие на нее при взрыве.

Мы решили передохнуть перед последним броском, и я взглянул на монитор. Робот на экране напоминал космический луноход — тележка на титановых колесах. Резиновые протекторы пришлось заменить. Крыша нагревалась под солнцем, и колеса вязли в битуме. Я представил: а каково было пожарным здесь в ту памятную ночь с 25-го на 26 апреля?

Спустя месяцы, в отделении лучевой патологии одной из киевских клиник, познакомился с Григорием Матвеевичем Хмелем, водителем пожарной части, участником событий. Чернобыль прошел через его судьбу и судьбу его сына, оставив неизгладимый след.

— На происшествие, — рассказывал Григорий Матвеевич, — выехали по первому сигналу. Включил рацию в кабине, слышу встревоженный голос Правика. Понял — дело предстоит серьезное.

Они на скорости вырвались на околицу. Мелькнули зыбкие тени садов и построек. Огней было мало. Городок мирно спал. Постовой у

ворот АЭС пропустил без задержки — знал «в лицо» чернобыльские пожарные машины. Раньше выезжали сюда на учения.

На станции Григорий Матвеевич, как и положено, подогнал свой «сто тридцать первый», подключил насосы, огляделся.

Ночь была теплая, безоблачная. Но звезд вверху не было видно. Их забивало, как бы гасило, яркое свечение над четвертым блоком. Поступила команда подать воду. Трубы напряженно загудели. Там, на высоте семидесяти метров, уже плескались тугие, сшибающие огонь, водяные струи. Это работали пожарные Кибенка и Правика. Володю Правика знал лично. Парень ему нравился. Молодой, но хваткий. Стоя внизу, у глухой стены, которая и защитила от смертельной дозы радиации, отметил: ближе к трем часам ночи потускнело небо над горящим блоком. Только поднималась вверх едкая копоть, пахло гарью и дымом.

— Что там было на крыше — не знаю. Издали видели, — признался водитель пожарной машины. — У нас своя была задача. Знаю только, потом с той стороны подъезжали «скорые», увозили в Припятъ пораженных...

А его и остальных, кто держался на ногах, сняли с поста на рассвете. Хорошо запомнил: на востоке уже рдела полоска зари. Пошли через двор в административно-бытовой корпус, где разделись и помылись. В коридоре их встретил дозиметрист, ощупал прибором, сказал недовольно:

— Ох и «грязные»!

Это вызвало смешок. Помылись, а — грязные.

Переходами спустились в подвал, где располагались службы гражданской обороны станции. Здесь, на нарах в два яруса, прилегли отдохнуть, поделив по-братски карамельки, которыми их угостила дежурившая на смене хозяйка вещевого склада. Одолевала странная слабость. Никогда еще Григорий Матвеевич не чувствовал себя, даже после тяжелой работы, таким, как он сказал, «кволым». Хотелось спать, но около семи всех позвали наверх.

Утро было свежее, и не верилось, что эта страшная ночь осталась позади. Григорий Матвеевич в белом костюме и шапочке, как у всех, кто работает на станции, сел в автобус, мысленно попрощался с этим недобрым местом.

А что было с теми, на крыше?

Пожарные боролись с огнем и победили его. Им еще хватило сил спуститься на землю. Сигарета, необычный тошнотворный привкус во рту, головокружение...

А потом... Потом их везли в больницу, а после — в аэропорт, в лучшие московские клиники. И, пока готовили самолет к полету, сопровождавшие пожарных люди, черные от бессонницы и пережитых

волнений, сидели в служебном помещении. Они выдохлись за эти неполные сутки бешеной работы. По дороге ребятам в автобусе стало плохо, и, когда врач решила им помочь и вошла в салон, даже у нее, принимавшей их в санчасти сразу же после пожара, дрогнуло сердце. Пол весь в следах рвоты. Те, кто сидел в креслах, смотрели измученно, но все же попытались улыбнуться...

До вылета еще оставалось время, и сюда, в «служебку», заглянула милостивая служительница наземного хозяйства, предложила выпить по чашечке кофе. Глоток горячего напитка — сразу стало легче. Они уже направились к выходу, когда служительница, смущаясь, сказала: кофе из буфета, надо бы оплатить. Суетливо принялись искать деньги. Набралось только на две порции. Мелочь, что завалилась в карманах. И она, сухо поблагодарив, ушла.

Думаю: а что такое доброта? В чем выражается? Душевным «спасибо», готовностью прийти на помощь участием и состраданием. Отдать, если надо, все — кровь, костный мозг, взять на себя боль... Да, это есть в нас. И это в полную силу проявилось в Чернобыле. Но есть и другое...

Итак, я поднялся на отметку «50», и там есть дверь, а за дверью — площадка, и сразу же, справа, вверх по отвесной стене — стремянка. Я был одет в обычный хлопчатобумажный костюм, как у врачей, но прапорщик, который снаряжал на работу ребят-добровольцев (они производили дезактивацию), подал мне прозрачный шлем на голову. Он должен защитить глаза от радиоактивных частиц.

— Минут пять, не больше, — сказал дозиметрист.

И вот толстый страховочный линь, шаткая стремянка, невольно тщательно ставишь ногу. По этой лестнице поднимаюсь два десятка метров, и наконец надо мной — только небо. Пустое, с легкой дымкой на горизонте.

Как работают на крыше дистанционно управляемые машины? Я должен был видеть это своими глазами. Направился вдоль бетонного бордюра. И вот тот самый робот СТР-1, за которым наблюдал раньше на экране монитора, движется бесшумно (аккумуляторная тяга), подрагивая, упираясь колесами, сдвигает, словно бульдозер, стальным ножом битумный слой, напитанный радиоактивными веществами. Я ступил шаг ему навстречу, и машина остановилась.словно за рулем человек. Да, в наш век трудно устоять от соблазна безоговорочно довериться роботу...

Может быть, в этом и состоит разгадка «машинерной» философии тех, кто повинен в аварии? Машина, дескать, может все. А человек? Причина аварии, с точки зрения технологии, — неудавшийся

эксперимент. Перед остановкой четвертого блока на плановый ремонт было намечено провести испытания одного из турбогенераторов. Цель — использование механической энергии ротора (после того, как отключат пар) для поддержания работы механизмов блока. Как утверждают специалисты, это была чисто электротехническая акция, и к самому реактору имела лишь косвенное отношение. Замысел, по сути, ценный — попытаться «вскрыть» резерв. То есть ввести в дело то, что терялось и будет теряться теперь и впредь. Потому что эксперимент не удался. Более того, он заранее был обречен на провал. При проверке установлено: программа испытаний составлена на непозволительно низком уровне, не предусмотрены необходимые в таких случаях меры безопасности.

Двадцать пятого апреля в два часа дня на АЭС отключили систему аварийного охлаждения реактора. Исполнители эксперимента хотели было приступить к задуманным испытаниям, но позвонил диспетчер Киевэнерго, и по его требованию вывод блока из-под нагрузки был задержан. Блок, таким образом, продолжал «крутить»...

Прошло время. На вахту заступила пятая смена. Освободясь от дел, персонал отправился кто куда. Любители рыбалки остались на утренний клев у водоразборного канала. Станция — чистое место. Рыба в реке водилась отменная.

Л вообще, чистота — первое условие на АЭС. Это потом, после аварии, сжималось сердце, глядя на разбитые шинами клумбы и газоны, на стекло под ногами, на какую-то печально несмываемую пыль в переходах... А в этот весенний вечер пульта и механизмы сияли и радовали глаз. И было так до тех пор, пока со стороны четвертого блока вдруг послышался громкий хлопок. И над самым молодым из атомных гигантов поднялось и зависло странное белое светящееся облако.

Стрелки на циферблате остановились в 1 час 26 минут.

Нет места перечислить все, даже основные, нарушения, которые допустили организаторы эксперимента. Не предупредили, не учли, не посоветовались... А если бы — «предупредили и учли»? Если бы испытания прошли «на ура»? Что тогда? Не сомневаюсь: тем, кого мы все осудили, тогда бы всем миром и вознесли бы хвалу. Так уже бывало не раз... Сколько (посчитать бы!) добыто рекордов любой ценой. Зачем? Порой ради самих рекордов, ради удовлетворения чьих-то амбиций и тщеславия. А рекорд, если хотите, всегда неожиданность. Иными словами — производственный сюрприз. И полезен, если возник на благодатной почве. Скажем, если рекорд могут повторить многие, если он, как мы говорим, может стать нормой. Я не противник «высоких показателей». Однако хочу заметить: не в

этой ли плоскости «рекордсменства» и лежит странная для такой ответственной отрасли, как атомная энергетика, утайка готовящегося эксперимента от экспертов и специалистов? Ведь они могли и не дать «добро» на «производственный сюрприз». А того гляди, и запретить испытания на корню. Не лучше ли — осуществить в тайне задуманное, а потом — во! На блюдечке! Получите, так сказать, конечный результат! А победителей — не судят.

И дальше. Когда часто, к месту и не к месту, говорим о конечном результате, надо бы помнить об уроках Чернобыля. И дело, конечно, не в излишней перестраховке. Есть работы, где без экономического, а тем паче без технического, риска не обойтись. Он возможен, риск, но как быть с «рисковыми» людьми? С теми, кто способен переступить грань, отделяющую разумное от преступного, кому личное, словно шоры, закрывает все, что делается на ближнем и дальнем поле, а виден только свой «интерес» и своя выгода? А коль есть такие люди, где гарантия, что подобное не повторится? Вопрос, как говорят «технари», контрольный. И, смею утверждать, защита от таких, имеющих власть над сложной машиной, но бездуховных душ, есть.

Все дело в гласности. В самом широком смысле слова. Скажем так: если бы задумка эксперимента на атомной станции была известна не только узкому кругу лиц, глядишь, появился бы некий дотошный, начал бы звонить в колокола, настаивать на углублении безопасности, дополнительных мерах... Недаром вместе с дирекцией (руководителями Чернобыльской АЭС) сурово наказаны и партийные работники. Им-то и надлежало, в первую голову, разобраться в сути эксперимента, войти в явное и тайное, настоять па соблюдении норм и правил. Более того, еще раньше «разглядеть» тех, кто взялся осуществить испытания. Готовы ли морально к этому? Соответствует ли их нравственный (не убоимся этих категорий) облик тому, пусть незначительному с точки электротехники, но подвергающему станцию и людей опасности, а, как оказалось, и всех нас, деянию?

Ограниченный круг посвященных «ограничен» уже тем, что в нем легко оглупеть. Сами собой в нем вырастают дутые авторитеты, процветают непререкаемые мнения, волевые решения. Единоначалие — строгое правило производства, но с такой же строгостью должно относиться и к разумной коллегиальности. Коллектив — многоголосый оркестр. Он «гласен», как и сама гласность. А келейность, «узкий круг» — антитеза гласности, попытка скрыть и попользоваться этим. Может быть, те, кто задумал и так бездарно провел испытания, где-то подспудно, краешком души уже доверяли машине больше, чем людям. Они верили в технику, в ее возможности. И не считали нужным советоваться с людьми.

От момента отключения системы аварийного охлаждения до взрыва прошло ни много ни мало — И часов 37 минут. Вечность для того, чтобы опомниться, одуматься. Но процесс халатности, безалаберности тем и характерен, что он в большинстве случаев имеет необратимый ход. На этой накатанной преступной дорожке как-то забывается, что атомный реактор в послушании у человека только до тех пор, пока его машинная суть не вступает в противоречие со здравым смыслом. Поэтому главный урок Чернобыля видится в том, что, приняв атомную энергию как данность, люди, возможно, не заметили, как вышли на новую ступень отношений с техникой. А стало быть, и на новую ступень сознания.

Сознание — признак человеческий. Роботы и машины, пусть самые хитроумные, таким качеством не обладают. Значит, дело не в них, а в людях. Вот почему с такой решительностью была отброшена версия о «непредвиденных» якобы отказах четвертого блока в момент испытаний и найдены конкретные виновники беды. Носители, скажу так, порочной идеи «машинерного» преимущества.

И вот я рядом с разрушенным блоком. Вижу, дозиметрист подает знак. Время истекло. Красный, словно игрушка, прибор в руках Саши Маматова надрывается резким, прерывистым писком. Он помогал нам, этот прибор, спасал нас, предупреждал об опасности...

Академик Евгений Павлович Велихов, с которым встретились в кабинете правительственной комиссии на втором этаже бывшего Чернобыльского райкома партии, отметил три этапа в ликвидации последствий аварии на атомной электростанции. Он сидел у окна, за которым ярко светило майское солнце.

— Это — тушение пожара, избежание какого-то бы то ни было повторения активности реактора. Теперь это позади. Но мы должны принять самые жесткие, самые крупные мероприятия, чтобы гарантировать безопасность населения.

Прежде всего предстояло «запломбировать» взорвавшийся реактор. Летчики говорили мне: сжималось сердце, глядя туда, где было нечто противное разуму. Руины, руины, черный зев, изрыгающий радиацию... Нужны тонны песка, бора, доломита, свинца, чтобы забить, укрыть плотным слоем раскаленное ядро, задержать вынос в атмосферу вредоносной радиоактивности. Генерал-майор ВВС Николай Тимофеевич Антошкин (впоследствии Герой Советского Союза) предложил и лично повел машины на «вертушку». Первый вертолет, сбросив мешки, возвращается назад, второй зависает на «кратером», а третий — готовится. И так — без перерыва.

На крошечном аэродроме в самом центре города Припяти идет напряженная работа. Воздушный вихрь выглаживает, песчинка к

песчинке, взлетно-посадочную площадку. Тяжелые «чувалы» втаскивают в брюхо вертолета, и он уходит, и там, над реактором, на малой высоте открывается люк. Мешки валяются вниз, разрываются от удара, разбрызгивая струи песка. Этих людей, которые нагружали мешки, я потом встретил в больнице. Здесь, на больничных койках, создав объединенную партийную группу, рабочие чернобыльского и припятского участков треста «Южтеплоэнергомонтаж» без волокиты рассмотрели на собрании поступившие от беспартийных товарищей заявления о приеме в ряды КПСС. И вот протокол № 1 от 6 мая 1986 года: «...работал на ликвидации аварии бок о бок с коммунистами, видел, как они в труднейших условиях оставались честными, принципиальными и преданными Родине. С такими и дальше хочу быть рядом».

Мораль подвига — вечна. Она в самопожертвовании. Благополучием и самой жизнью. Во имя других и на их благо. Мораль трусости всегда временна. Возникает, словно бацилла, и умирает вместе со своим «носителем». Так было и в Чернобыле, когда известие о тяжелой аварии не вернуло в строй некоторых руководящих отпускников. Прослышав о трагедии, поспешили оказаться едва ли не за Уралом. В те самые дни, когда партийцы монтажного треста принимали в партию своих товарищей, дисциплинарные комиссии рассматривали персональные дела бежавших, бросивших людей и дело. Но — хватит об этом.

Я хочу сказать слово о шахтерах и «барботьерщиках».

Сложилось так, что под давлением песка, свинца и других материалов, которыми «заглушили» открытый радиоактивный источник, его сердцевина, раскаленное ядро, пошло вниз. Как установили, под реактором, в отсеках барботьера, полно «грязной» воды. Случись трещина в бетонном основании, а это могло произойти под давлением и весом «заглушки» реактора, и вода просочится в грунт. Трудно представить, какие последствия это повлекло бы за собой. Радиоактивная вода могла выйти в любом месте, где ее не ждали. Поэтому принялись качать, отводить ее в подготовленные резервуары. Но и этого было мало. Следовало спуститься вниз, открыть сливные задвижки. Вызвались трое — начальник смены ЧАЭС Борис Баранов, старший инженер турбинного цеха-2 Валерий Беспалов, его коллега из реакторного Алексей Анненко. Облачились в гидрокостюмы, ступили в сырую промозглость.

Мелькают лучи фонарей, пляшет стрелка дозиметра. Надо на ощупь найти и отвинтить задвижку. Анненко знал их расположение, операция удалась с первого захода. Отвинтили. Послышался далекий плеск воды. Стояли втроем, а потом молча, не проронив ни слова, направились обратно.

Теперь предстояло укреплять «пяту» блока. А заодно подвести под разогретую массу реактора охлаждающие трубы, установить под ними приборы температурного контроля.

Был жаркий майский полдень. Солнце стояло высоко. От быстрой ходьбы взмок. Наклонясь, вошел в подземную полутемень. Светится через каждые пять шагов лампочка, освещает металлическое тело тубинга. Под ногами рельсы и шпалы, за спиной гулкое постукивание вагонетки. Тоннель кажется бесконечным, а на самом деле здесь всего-то 135 метров до реактора. Издали услышал звук проходческого щита, переключку по громкоговорящей связи: скоро ли подадут арматуру и нельзя ли добавить воздуха в штрек? Воздух подавали «живой», но через мощные фильтры. У брустверка наверху прибор показывал рентгены, а тут практически излучение нулевое. Но изматывает жара и напряженная, без передышки работа. Песок — в вагонетку, по рельсам — в отвал, бегом — назад. И опять, опять... Вахта — три часа. После вахты — обед и сон.

Подвезли арматуру, и я потрогал рукой теплое шершавое железо. Ему предстоит навечно скрепить бетонную подушку под реактором. А еще — трубы, много труб, и кабели, и приборы — датчики температурного контроля. У вагонеток слышу разноязыкую речь.

- Вы откуда, ребята?
- «Донецкшахтострой».
- Кузбасс!
- С Урала, однако!

Уже на поверхности нащупал в кармане кусочек глины, которая скоро высохла и превратилась в камешек. Я его берег, как некий символ того, что потом назовем особенным «чернобыльским братством».

Приметы этого братства — всенародный счет 904, общая забота о потерпевших, эвакуированных из 30-километровой зоны. В Копылово, куда вывезли часть жителей чернобыльских сел, я ехал не один. В автобусе журналисты — представители мировой прессы, радио, телевидения, информационных агентств. В те дни были на Западе люди, которые, потирая руки, едва ли не радовались нашей беде, хотели знать о ней подробности. Каких только глупых (да простится мне!) выдумок и слухов не родилось, чтобы исказить правду о Чернобыле!

И вот встреча в Совете Министров республики. Интерес необычайный. Температура в аварийном реакторе? Снизилась до 300 градусов. Радиационная обстановка? Улучшается. Оказана ли помощь населению? Можно убедиться лично... И мы утром сели в «Икарус», и он скользнул под молодую зелень бульваров, а потом —

пригород, стремительная первоклассная дорога, рыжие стволы сосен, туман в ложбинке... Высокий, долговязый канадец Лоуренс Мартин из «Глоб энд мейл», приподняв занавеску, смотрел в окно.

А в Копылово на площади играла музыка — мелодии военных лет. 9 мая — День Победы. Мы вышли и попали в человеческий водоворот, и я видел, как растерянно оглянулся канадец. Ни он, наверное, ни другие не надеялись на такую встречу, на такое открытое общение. Лоуренс потянулся за блокнотом. Рост позволял ему видеть все сразу — белую кипень цветущих вишен, алый кумач у калитки и лица, лица, лица... Седой старик в помятом плаще. Из той тысячи чернобыльцев, которых приняли в свои дома рабочие местного совхоза. Старик молча смотрел на пеструю толпу иностранцев. Телевизионщик в темных очках заметил в этом взгляде, должно быть, что-то особенное. На плече у него — видеокамера. Оттирая коллег, он устремился к старику, сначала «взял» крупно глаза, в которых печаль, а потом опустился на корточки, чтобы заснять общий план. Но вдруг весенний ветер отвернул полу плаща, и все увидели на лацкане пиджака боевой орден. Телевизионщик поспешно скользнул камерой в сторону — не тот, видать, кадр.

Но что сказать? Эвакуация и есть эвакуация. Временная неустроенность и неопределенность, особенное чувство горечи. Оставлено нажитое и обжитое. В Обуховичах, что за Иванковым, пенсионерка Анастасия Даниловна Шульга приняла в дом свой 12 переселенцев. В местной школе девятиклассница из Припяти Вита Аулина сказала, что ребята здесь отличные, она не одинока. Саша Гаврюшин учится в четвертом. «Ты не голоден?» — «Нет, конечно». Тамару Вавиловну Кислую, электросварщицу пятого разряда, встретил в колхозных мастерских. Уже на следующий после переезда день вышла на работу. «Варю пластины, трактора ремонтирую... Сын вернулся из армии. Тоже будет электросварщиком...»

Лоуренс Мартин, глядя на площадь, где, казалось, в это утро собралось все Копылово, сказал мне:

— Я потрясен тем, как ваши люди преодолели трудности...

Но главное преодоление было еще впереди.

Среди первых роботов, которые появились у разрушенного четвертого блока, был этот ЧТЗ — трактор, управляемый по радио. Под защитой бронетранспортера, сквозь боевую прорезь, хорошо виден желтый, словно пасхальное яичко, аккуратный бульдозер.

— Ну, как конек-горбунок?

— Впечатляет...

Люк захлопнулся. У водителя ЧТЗ на груди «радиовожжи» — портативный пульт управления. Машину целиком доставляли самолетом из Челябинска. На Киевском заводе имени Лепсе

установили «органы чувств» — сложное радиоэлектронное оборудование.

И вот, взрыхляя стальным ножом асфальт, подминая обломки железобетона, трактор пошел на радиоактивный вывал. Остановился на верхней точке, словно переводя дух, и вновь вперед и вперед... В кабине ЧТЗ нет никого. Пусто. Водитель трактора сидит рядом с нами в бронетранспортере. Рычагом на пульте посылает радиосигнал, и машина послушно движется, поворачивает, отходит назад. Человеку в ней находиться нельзя. Слишком высок уровень радиации. Но и на расстоянии управлять трактором не легкое дело. Краем глаза заметил, как водитель ЧТЗ мельком смахнул пот.

Этот бульдозер, конечно, не единственный механизм, который использовали для работы непосредственно в опасной зоне. Арнольд Георгиевич Шастин из Белоярска. Обкатывал и подгонял свои роботы на полигоне, в бывших мастерских речного порта. Внутри аварийного блока много конструкций. Немало их и на строительстве саркофага.

— Вот этим агрегатом,— сказал Шастин,— можно членить трубы, листы железа и даже сосуды, емкости. Резак двигается в любом пространственном положении.

Я поднял голову. Механизм прилип к потолку. Слышен ровный гул газовой горелки. Минут через пять падает кусок стальной балки, как ножом оттяпанный. Пахнет кузнечной гарью.

— Ну, теперь на станцию,— деловито говорит Шастин.

Сели в автобус, и по пути знакомлюсь с моим однофамильцем, ростовчанином Юрием Николаевичем Самойленко.

О нем уже тогда ходили легенды. После он был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Так вот, слышал я о «деле Самойленко». Он руководил группой, которая очищала крышу станции от радиоактивных обломков. Сначала туда вышли дозиметристы, пли, как окрестили их, «биороботы». Специальный защитный костюм, датчики...

Необходимо установить действительный уровень радиации, чтобы потом по этим данным определить время безопасной для здоровья вахты.

Битум на крыше оплавился. Крупные обломки накрепко вросли у вытяжной трубы, а дальше еще и еще... Нелегко будет с ними. Ни кран, ни вертолет здесь не подмога. Ручная предстоит работа.

Решили (в который раз!) кликнуть добровольцев. Добрая воля — выше всего. Это когда знаешь, на что идешь и почему идешь. А еще знаешь, что надо пойти и сделать.

Их было десятки, сотни — добровольцев. На эту «теповую», как сказал генерал, работу. У экрана монитора он в который раз объяснял:

— Твой кусок — вот этот, бежать — вот здесь. Назад возвращаться по сирене и как можно быстрее.

Я стою рядом и вижу, как по лестнице на исходный рубеж поднимается очередная четверка. И генерал говорит им:

— Ребятки! Родина требует от вас пятьдесят секунд мужества!

У порога, после этой «пробежки» на крышу, один из них замешкался, и я подал ему руку, как это делают альпинисты в связке...

И вот настал час, все сошлись здесь, на монтажной площадке саркофага. Сейчас, конечно, трудно (да и нет на то нужды) установить точно, кто первым произнес это слово. Думается, оно само выплыло из сути, из судьбы дальнейшей четвертого блока. Его решили похоронить. Но так, чтобы потом иметь доступ ко всему, что происходит в поврежденном реакторе, в боксах и отсеках. Когда об этом зашел разговор с известным ученым-физиком, начальником лаборатории Института атомной энергии имени Курчатова Юрием Васильевичем Сивинцевым, он подтвердил возможность такой идеи.

— На реакторе,— сказал он,— уже ведут термометрию и гамма-дозиметрию. Украинские ученые совместно с московскими специалистами вводят систему сейсмодатчиков. Между Чернобылем и Киевом выделены четыре линии прямой связи, чтобы эта комплексная информация шла на электронно-счетную машину и непрерывно обрабатывалась.

Ныне на АЭС действует специальная служба по технологической эксплуатации саркофага и наблюдению за его параметрами. Это значит, что ученые не упустили свой шанс — ряд НИИ страны организовал в Чернобыле свои экспедиции. У них обширные программы изучения физико-химических процессов в захороненном блоке. Все сведения о результатах измерений идут в единый информационный центр, а оттуда «потребителям» — новому Министерству атомной энергетики, Госатомэнергонадзору, Госкомгидромету, академическим институтам различного профиля, отдельным лабораториям и т. д.

А станция?

В октябре того же 1986 года первый блок после вынужденной остановки вышел на Полную мощность. Запустили его с известной осторожностью, но без лишнего страха. Всё проверили многократно. Потом дал ток и второй. К концу декабря АЭС выработала свыше полутора миллионов киловатт-часов электроэнергии. Эрик Николаевич Поздышев, который возглавлял в этот период коллектив атомной, за внешней невозмутимостью прятал громадную, накопившуюся за эти «пустяковые» недели, усталость.

— Выводы сделаны,— сказал он журналистам на пресс-конференции.— Все действия аварийных служб признать образцовыми. Далее, чернобыльская авария не снимает вопросов развития атомной энергетики. Это естественный процесс. И, наконец, третье и самое главное: только наш общественный строй мог в экстремальной ситуации принять необходимые меры, которые и ликвидировали воздействие такой глобальной аварии...

Последняя встреча в Чернобыле была в канун предзимья. Солнце утром вставало розовое. У дорожных обочин ломко хрустел прозрачный ледок. А яблоня... Листья давно опали, и только на самой верхушке одиноко висит яблоко. Я узнал это дерево, под которым в мае стоял бронетранспортер. Быстротечно время! Была весна, теперь осень...

Дома у меня на книжной полке стоит учебник физики. От Ньютона до наших дней. И последняя, завершающая глава — об атомной энергии. Дальше ничего нет, только обложка. Листая этот учебник, невольно подумал: быть может, атомная энергия и есть яблоко с верхушки? Сладостен поздний плод. А сколько усилий, какие жертвы нужны, чтобы завладеть им и вкусить его! А вот достать только ах как нелегко! Достать... Но — как? Можно по-разному. И только так — нельзя! Нельзя доставать атомное яблочко — по-обезьяньи, палкой. Нельзя — впопыхах, нельзя — с ленцой душевной, с холодным неверием в человека и бездумным поклонением машине. Надо бы, надо об этом помнить! Ибо снова наступит весна, и появятся почки на дереве, а потом и новые плоды. И само дерево поднимется выше. И где-то в поднебесной вышине, в этой кроне, в пору листопада вдруг обнаружится еще неведомое райское яблоко. Какое оно будет, люди?

Словно в калейдоскопе, меняясь, катятся, одно за другим, события. Некогда остановиться, оглянуться... А надо. Хотя бы затем, чтобы найти ответы на многие и многие вопросы, связанные с аварией в Чернобыле. Не грех, думается, было бы в свое время сказать всему честному народу, почему, к примеру, так долго тянули с эвакуацией Припяти, хотя было ясно — этого не избежать? Надо было бы дать (и опять же — гласно!) оценку действиям служб и ведомств, которые внесли в первые дни после аварии столько путаницы в нашу жизнь. Доносились отдельные сведения о якобы наказанных. Но — «якобы»... А на самом деле? И не худо было бы разобраться в том, откуда и каким образом появлялись самые невероятные слухи о Чернобыле? Сбросим «процент» на паникеров и перестраховщиков, чья доля в слухотворчестве, по-моему, все-таки ничтожна. В одном местном печатном органе, например, я прочел о том, как с радостью принимают ключи от новых домов переселенцы из «особой» зоны.

Может, и было так, но я этого не видел. Хотя и бывал неоднократно на сельских «входынах». Может, и были люди, покидавшие без сожаления насиженные гнезда, но таких было мало. С милицейским дозором пришлось исколесить не один десяток километров по чернобыльским проселкам. Пустые улицы и дворы, сады, где зрели и падали никому не нужные яблоки... Надо бы во всем этом хорошенько разобраться. И не только в технических уроках аварии на четвертом блоке. Ведь как получается? Глядишь, уже не ликвидация ее, не черная, до седьмого пота, изнуряющая работа, а сплошной тебе лубочный героизм. Не нравственная распущенность известных всем лиц, которая и привела к беде, а уже просто «разбушевавшаяся стихия атома». Вот уж, воистину, даже аварии у нас — лучшие в мире!

Думаю, обойма таких, назревших и вызревших, как яблоко, вопросов будет со временем пополняться. И каждый выстрел, каждый найденный ответ должен бить без промаха в цель. Нельзя допустить, чтобы в этой выстраданной всеми народами и поднятой правильно теме вдруг появилось смещение прицела. И хватит с нас холостой пальбы. Ее природа известна. Помнится, после очередного репортажа в эфире мне звонили знакомые и просили рассказать еще что-нибудь, но «не для прессы». Откуда это? Парадокс! С одной стороны, люди ссылаются «в газете напечатали», а с другой — «не для прессы». В Чернобыле стоило отключить магнитофон, и человек мигом преображался. Говорил честно и открыто, умно и справедливо. Не для прессы, для меня, грешного. Не в этом ли зазор, возникший давно и отделивший читателя от писателя? Тот пописывает, а этот почитывает...

Говорю об этой стороне дела, потому что касается она меня и нравственно, и профессионально. Наверное, пропуская себя через призму Чернобыля, каждый инженер или рабочий, партийный или советский деятель, просто гражданин наш может обнаружить «свое». В этом — социальная значимость событий, которые потрясли всех нас и нас же заставили посмотреть на себя со стороны. Что, к примеру, в той невероятно трудной и опасной работе на крыше станции? С каким чувством шли на явный риск люди, почти вручную убиравшие куски радиоактивного графита? Говорят, хорошо платили. Но есть места и есть известные способы такую же денюгу зашибить, не подвергаясь гамма-излучению. Или о пожарных. Я специально уточнил у Григория Матвеевича Хмеля тактико-технические данные его машины. Оказалось, струя воды бьет на 15 метров. На такое (это — бесспорно!) расстояние подходили к реактору погибшие пожарные. Знал ли лейтенант Правик об уровне радиации? Наверняка знал. А вот уже нашлись демагоги, которые твердят: кто их туда посылал, на крышу? И то, что было там, глядишь, изобразят на экране в виде

киношного трюка. Вроде бы и стреляют, а мы-то знаем — все актеры целы...

Каждый прожитый день не только отделяет нас от чернобыльских событий, но и приближает к некоей исходной точке оценок пережитого. Не ведая о том, как это будет, все же еще раз осмелюсь напомнить о яблоке с верхушки. Достать его мудрено. И есть опасность того, что иному садовнику возжелается, ввиду определенных трудностей, вообще не иметь кроны. Нет верхушки, нет и яблок па ней. Тех самых, еще не вызревших, чей сок еще бродит в весенних почках, а в завязи лишь угадываются приметы будущего урожая...

Но дерево растет. И в этом — высшая правда и высшее удовлетворение наше в этой быстротечной переменчивой жизни.

Татьяна МАЙДАНОВИЧ

НА КИЕВ

Еще чуть-чуть, еще чуть-чуть до Киева... —
выстукивал последний перегон.

Уже открылись перевалы Змиевы,
где в оны лета злобный жил дракон.

Дышал он огненосным паром, бестия,
хрустел костями людскими до зари...

К норе его, сжимая меч возмездия,
давно пробили путь богатыри.

Съедал он их у подземелья черного,
и черепа катились, как нули...

Пустынно стыли рощи обреченные,
немели птицы, травы не цвели.

Ой, не один отец оплакал доченьку,
покуда змея в землю не вогнал
тот Кожемяка, что, продублен дочерна,
душой не задубел и не охлял.

Скрывал он поначалу думы смелые,
он встал. Себя смолою окатил:
о помощи молили дети малые —
и отказаться не достало сил.

Когда на Рим наваливались варвары,
срывали гуси вражье торжество.
А Киев охранило сердце верное
и дети, пробудившие его.

...О сказка! Твоя тень над нашим племенем:
в чернобыльских чащобах наступил
черед схватиться Кожемяке с племенем,
чтоб дых огня детей не опалил.

«На Киев!» — и навстречу рельсам весело
высоких трав открылся перелог,
где, чтобы синь ребячьих глаз не выцвела,
баюкать их готов «петров батог».

Там, за спиною,— пальмы и магнолии,
дни, от морской соленые воды...
Здесь — отческая нива... О, могу ли я
не детям посвятить свои труды?!

Для них лишь сердце бьется — не замай его!
Лишь с ними рядом в полный рост встаем.
И — позади валы и норы Змиевы.
И — Киев заполняет оком...

Эдуард ПЕРШИН

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

Лондон провожал его овациями и туманом.

Не верилось, что наконец остались позади официальные приемы и изнурительные пресс-конференции, бесчисленные вопросы дошлых журналистов, стрекотня кинокамер и бело-голубые вспышки осветительных приборов... Он пожал руки сотрудникам посольства и, ступив на трап, подумал: «Все. Домой!»

В первое лето трагедии в Припяти побывал корреспондент английской газеты «Стар». В статье-отчете он обратился к своим соотечественникам с таким вопросом: «А если бы Чернобыль случился у нас, смогли бы мы все это пережить, справиться с бедой?» Англичан прежде всего удивил, потряс не столько сам факт мужества и героизма советских людей, а мужество и героизм, проявленные в таком масштабе...

Телятников тогда не мог знать, что спустя три недели из далекого Глазго шотландские пожарные передадут чернобыльским коллегам памятный подарок — символическую скульптуру «Раненый товарищ» с надписью: «Нет большей любви, если кто-то пожертвует своей жизнью ради друзей», и от имени тех, кто укротил огонь, этот дар примет именно он, подполковник Телятников.

Загрохотали двигатели. Сначала как бы неуверенно, а через мгновение — на полные обороты. Телятников, поудобнее устраиваясь в кресле, припомнил, как в посольстве СССР в Англии президент Ассоциации пожарных Великобритании С. Дюрант вручал ему высшую награду этой организации — медаль «За мужество». «Стоп! — скомандовал себе Леонид, — Не так все было...» По привычке он тут да расположил все события этих дней в хронологическом порядке, и получилось, что вначале его наградила «Золотой Звездой» газета «Стар», специальной наградой за необыкновенную храбрость. Затем был прием у премьер-министра Великобритании Маргарет Тетчер, и лишь после этого стало известно, что в советском посольстве ему предстоит присутствовать еще на одной приятной церемонии, во время которой С. Дюрант, вручив награду, по-дружески похлопает его по плечу и скажет: «Я, признаться, думал, что увижу тут двухметрового гиганта, напоминающего вашего Илью Муромца... И тем более приятно вручать эту медаль обыкновенному молодому человеку, такому же, как и все мы, который, однако, совершенным подвигом лишний раз доказал, что самое главное в человеке — его непобедимый дух и вера в свое высокое призвание...»

...В те первые часы, когда подмога еще была в дороге, когда из Киева и районных центров мчались машины, разрывая апрельскую темень всеми включенными фарами, в те первые часы их было двадцать восемь, точнее — сразу после взрыва двадцать семь, потому что двадцать восьмой, командир пожарной части-2 майор Леонид Телятников (он еще находился в отпуске и должен был выйти на службу лишь через день), прибыл на станцию через 25 минут.

Когда он вбежал в главный корпус, пламя уже бушевало на разных этажах, по меньшей мере в пяти местах. Оно могло перекинуться на кабельные каналы, сеть которых опоясывает всю станцию. Телятников немедленно поднялся вверх: пожар охватил уже не только четвертое, но и крышу третьего реакторного отделения.

Лейтенант Правик в сверхэкстремальных условиях безошибочно определил, откуда грозит беда, и организовал тушение пожара со стороны машинного зала и реакторного отделения четвертого энергоблока. Теперь же под угрозой оказался и третий... Вот где крылась смертельная опасность! О последствиях не хотелось и думать... Обстановка, и без того сложная, усугублялась еще и тем, что майор не знал, что происходит внутри главного корпуса четвертого энергоблока. Зато он точно знал, что в этот момент их на станции ровно двадцать восемь, и они — двадцать восемь пожарных — обязаны остановить пламя.

Телятникову не сразу удалось попасть в машинный зал, так как двери оказались запертыми. На лестницах работали бойцы шестой военизированной пожарной части. «Системы технического и противопожарного водоснабжения выведены из строя,— отметил Телятников.— Значит, температура реактора будет повышаться... Скверно, очень скверно...»

— Почему не подаете воду по сухотрубам? — закричал он.

— Пробовали, товарищ майор. Но они все обрушены на верхней отметке.

— Где командир?

— Кибенок побежал к Правик, чтобы скоординировать совместные действия...

— Слушай мой приказ! — закричал Телятников, чтобы его слышали все.— Отсюда — ни на шаг! Приказываю: ни шагу назад! — А сам бросился осмотреть станцию.

Заместитель директора и заместитель главного инженера оказались на месте.

— Что происходит на станции? — закричал Телятников прямо с порога.— Что происходит с реактором?

— А что, собственно, происходит?.. Произошли определенные технические неполадки...

— Неполадки? — прошептал Телятников.— Вы говорите неполадки? Посмотрите в окно!

Заместитель главного инженера подошел к окну и застыл на месте. Он смотрел на разрушенный шатер над реакторным отделением и, несмотря на то, что над энергоблоком стояло характерное свечение, не мог поверить в то, что произошло.

— Неполадки, говорите? — Телятников придвинулся вплотную и пристально посмотрел прямо в глаза заместителю главного инженера. Тот не выдержал взгляда.— Боюсь, что за эти неполадки мы заплатим очень дорого,— прошептал майор и побежал обратно, на крышу, туда, где решалась судьба всего чернобыльского энергетического комплекса.

Ни Правика, ни Кибенка поблизости не было. Люди работали всё так же четко и слаженно. Сверху он увидел, что машины СВПЧ-6 передислоцировались. Значит, Кибенок полностью ориентируется в обстановке и корректирует действия своих людей, согласовывая с действиями людей Правика. «Сколько же ему лет?.. Кажется, они с Правиком одногодки...»

Пожарная часть, которой Леонид Телятников командовал с января 1983 года (прежде он служил в Казахстане), была создана специально для охраны Чернобыльской атомной. Пожарная часть, в которой служил Кибенок, охраняла город энергетиков Припять, и бойцы во главе с лейтенантом прибыли на атомную в соответствии с планом совместных действий, которые неоднократно отрабатывались на учениях.

Они работали в исключительно сложных условиях: дозиметристы уже установили, что не только в помещениях главного корпуса, но и за его пределами уровень радиации во много раз превышает все максимально допустимые нормы; горели химические вещества, в большом количестве выделялись сильнодействующие отравляющие газы, которые забивали дыхание и ограничивали видимость; пожарные работали на высотах от 32 до 70 метров, несмотря на то, что в любую секунду могла обрушиться крыша и усилиться пожар. Они понимали это — и работали до последнего...

Позже подсчитают: с момента аварии караулы противостояли натиску огня почти три часа. Каждый оставался на боевом посту, пока держался на ногах. Машины «скорой помощи» везли пожарных в больницу, но главное было сделано: пожар локализовали. События на станции полностью контролировались, и теперь там уже работали их товарищи из Полесского, Иванкова, Вильчи, Розважева...

А Телятников тем временем спешил в свою пожарную часть, чтобы наконец доложить в управление Министерства внутренних дел республики о том, что произошло. Докладить лично. Нет,

сообщения передавали и раньше, но их пересказывал оператор. Телятников же обязан был про все доложить сам, рассказать о подвиге своих товарищей, он хотел предупредить, что до окончательной победы еще очень далеко, он был обязан сказать, что на станции еще не выработан единый план действий, а отдельные распоряжения просто-напросто противоречат друг другу... И еще он хотел спросить... Да, он имел право на эти вопросы: суровые, безжалостные. Он хотел спросить: как все это могло произойти? Опыт подсказывал, что жертвы неминуемы. Он старался не думать об этом, но мозг подсознательно выдавал информацию. И теперь эмоции сменил страх. Нет, страх не за себя и даже не за товарищей: они исполняли свой долг и исполнили его. Майор гнал от себя мысли, по воображение само рисовало картину возможной, скорее даже неизбежной катастрофы, если бы не те двадцать семь пожарных, которые ценой жизни защитили станцию. Он вдруг ужаснулся: почему ценой жизни? Неужели действительно все так безнадежно?

Устойчивой связи с Киевом не было. Телятникову никак не удавалось связаться с министерством. Он позвал дежурного, и теперь они вдвоем пытались наладить связь. Телятникова душил кашель. Он кашлял так, что, казалось, его слышно за много километров. Дежурный о чем-то расспрашивал, но майор только мотал головой: каждое слово давалось ему с огромным трудом, а он еще был обязан доложить руководству... Докладить и спросить... Да, непременно спросить...

Из числа первых двадцати восьми в больницу он приехал последним. И сразу увидел Правика. Тот спал. Спал крепким сном человека, который отлично поработал и теперь заслужил право на такой крепкий беззаботный сон. А отдохнув, они ходили друг к другу в гости, шутили, вновь и вновь припоминали все, что случилось. Они подначивали друг друга, им было весело... Они радовались, что опять все вместе, что спасли станцию, и им совсем не хотелось думать о том, что именно для них борьба еще не закончена. В те минуты они радовались друг за друга, радовались, что не спасовали, что не изменили в трудную минуту силы, ум, умение и выдержка... И будущее рисовалось им чистым и ясным...

И только медицинские сестры да сердобольные нянечки не смеялись, слушая все их веселые рассказы. Им было грустно, очень грустно, потому что они точно знали, что кто-то из этих молодых, симпатичных, таких славных парней в последний раз видится со своими друзьями, коллегами по работе, боевыми побратимами...

ИЛ-62 набрал высоту, и теперь рокот мощных турбин почти не проникал в салон. Стюардесса разносила газеты и журналы. Телятников выбрал «Стар» и сразу же обратил внимание на

репортаж о церемонии вручения «Золотых Звезд» лауреатам 1986 года. Корреспондент рассказывал о том, как награжденные после вручения наград прибыли на Даунинг-стрит, 10, в канцелярию М. Тетчер, и что премьер-министра не было, так как она несколько задерживалась в парламенте, впрочем, вскоре появилась и — даром что женщина — извинилась перед приглашенными.

Телятников отыскал на полосе свою фамилию. «Вы невероятно смелый человек,— сказала премьер-министр Великобритании.— Мы очень, очень удовлетворены, что наша газета «Стар» наградила вас. Едва только поступило сообщение о Чернобыле, нам рассказали, какую смелость проявили люди, которые там вступили в поединок с огнем, исполняя свой долг».

— И все? — переспросил Телятников у переводчика.

— Все, Леонид Петрович,— ответил тот, внимательно перечитывая текст еще раз.— Что-то не так написано?

— Написано так, но написали не всё...

Поприветствовав гостя и поздравив его с наградой, глава правительства Великобритании вдруг добавила, что радиоактивное облако достигло и Англии, в результате чего в отдельных местностях были загрязнены луга. Телятников на мгновение оцепенел. Из головы вылетели все фразы, которым его научили: еще бы, не каждый день бываешь на дипломатических приемах, да еще и у премьер-министра Великобритании. Ему захотелось рассказать ей, какие то были славные парни, лейтенанты Владимир Правик и Виктор Кибенок, сержанты Николай Ващук и Владимир Тишура, старшие сержанты Василий Игнатенко и Николай Титенок, которые грудью закрыли нейтронную амбразуру, а прощальные салюты над ними потрясли не только души советских людей, но и весь мир, который отныне уже не из теории, а из трагической практики осознал, каковы могут быть последствия, если взбунтуется атом, пока еще сдерживаемый в атомных боеголовках... Он спросил бы у премьер-министра, воспользовавшись словами корреспондента «Стар», смогли бы справиться с такой бедой англичане? Он рассказал бы о том, как вся страна пришла на помощь Чернобылю, как мчались к берегам Припяти эшелоны дружбы с размахистыми надписями на вагонах: «Срочно — Чернобыль!», «Ярославцы — Чернобылю!», «Дальний Восток — Чернобылю!», «Чернобыльцы! Родные! Страна с вами!» И о том, как в то время, когда западная пресса смаковала бредовую идею о неизбежности катастрофы, в активе советских ученых уже имелось несколько вариантов, как отвести зараженную воду из-под реактора. Самый оптимальный — проложить пожарные рукава от отстойников к помещению разрушенного четвертого энергоблока и включить насосную станцию. Шестого мая из Белой

Церкви на АЭС прибыли пятеро пожарных во главе с майором Георгием Нагаевским. Проанализировав обстановку, взвесив все «за» и «против», они решили, что к станции можно подобраться, проложив через радиационные, как через минные поля, дорогу.

Когда три киевские пожарные машины при поддержке капитана Зборовского и его солдат двинулись в направлении станции, было двадцать два часа. Казалось, ну что стоит проложить машинами полтора километра пожарных Рукавов? На тренировке им хватило бы несколько минут. Однако здесь всюду громадные обломки бетона, куски радиоактивного графита, клумбы, заборы, подсобные помещения... Они сделали свое дело. И теперь наступил час команды Нагаевского.

На руках они подкатили насосную к атомной, присоединили рукава, включили двигатель... Через пять часов непрерывной работы Нагаевский сказал: «Держится техника...» И добавил после паузы: «Пока еще держится...» Какие-то предчувствия мучили майора.

Насосную станцию необходимо было заправлять горючим, менять масло, следить за режимом. Полтора километра бегом туда и полтора — обратно. Ночью. В зоне активного радиационного излучения. «Только бы не подвела насосная, только бы не подвела насосная», — пульсировало в мозгу каждого. Они не думали о себе. Они не сомневались, что выдержат любую нагрузку. Опасались — за станцию. Боялись, что не выдержит металл.

А беда подкрадывалась с другой стороны. После первых восьми часов работы приняли решение уточнить радиологическую обстановку. Решение — логичное, верное. Двигается вперед бронетранспортер и... рвет рукава... Запасных нет. Ну разве мог кто-то даже в мыслях допустить, что случится подобное? Вся операция, все титанические усилия, все надежды, казалось, будут похоронены под слоем радиоактивной воды, которая со страшным шипением вырывалась через дыры в рукавах и выливалась на землю.

Что почувствовал в то мгновение Нагаевский, который, вскрикнув, схватился за голову? Что почувствовал капитан Зборовский, который уже, казалось, забыл, что такое сон, и оставалось лишь поражаться, каким образом этот человек еще держится на ногах? Что это было: мгновение общей растерянности?.. Отчаяния?

И вдруг... из бункера выскакивают и мчатся во весь опор к четвертому энергоблоку сержанты Николай Павленко и Сергей Бовт. В руках у них куски металлизированных пожарных рукавов.

— Руки, руки берегите, ребята! — успел крикнуть майор Нагаевский.

Те пятнадцать минут, в течение которых Павленко и Бовт бежали, а потом чинили разорванные рукава, показались вечностью для тех, кто наблюдал за их действиями. А они, скинув рукавицы, ползали на коленях в радиоактивной воде и делали свое тяжелейшее дело. И сделали.

Казалось, что после такого чрезвычайного происшествия уже ничто не может случиться. В конце концов, это было бы просто несправедливо по отношению к измученным людям, которые уже четырнадцать часов откачивали зараженную воду, которые по очереди бегали к атомной, «накручивая» километры, и которые не знали, сколько еще таких рейдов придется выполнить каждому. Они бегали туда и обратно, делали свое очень сложное дело и мысленно заклинали: «Лишь бы не подвела насосная, лишь бы не подвела...»

А она таки подвела. И вновь белоцерковцы бросаются в атаку. И уже работает другая станция. Двадцать девять часов продолжался этот поединок. Двадцать девять часов работали добровольцы.

Восьмого мая в три часа утра обессиленные, но счастливые сознанием исполненного долга, люди принимали поздравления. Опасность была ликвидирована: утреннюю тишину разорвал грохот мощных центробежных насосов, и радиоактивная вода из барботера хлынула в специальные отстойники. В тот же день заместитель Председателя Совета Министров СССР И. С. Силаев, отвечая на вопросы тележурналистов, сказал: «Сегодня твердо можно говорить о новом этапе в работе по ликвидации последствий аварии. Главная опасность устранена, можно работать спокойно. Возможность катастрофы, о которой много писали западные средства массовой информации, теперь исключается...»

Да, Телятников рассказал бы про Георгия Нагаевского и его команду, рассказал бы, как на глазах притихшего зала обнялись они с Георгием на сцене, а потом обратились к собравшимся, и весь зал замер в траурном молчании, отдавая дань уважения тем, кто пожертвовал своей жизнью, но не отступил. А еще сказал бы, что пусть ему отрубили бы правую руку, лишь бы тут вместо него, а еще лучше рядом с ним в этом зале стояли и Правик, и Кибенок, и Титенок, и все остальные чернобыльские пожарные. Ему, конечно же, было что сказать, но, согласно этикету, ему было отведено только пять минут (другим — три), и поэтому он, выслушав премьер-министра, сказал:

— Печально, что радиоактивное облако достигло берегов Англии и нанесло такой ощутимый урон, но, поверьте, когда чернобыльские пожарные ступили в ядерный ад, они думали не о своих овцах и не только о безопасности своих близких. Они думали о людях. О всех людях планеты. И про англичан — тоже.

Ровно гудят турбины. Телятников уже принял таблетку, но сон не идет. Да и как ему уснуть, если не дают покоя ни днем, ни ночью «почему». А их много, тех «почему»... Уже в который раз переспрашивает себя: все ли сделали они для того, чтобы меньше было жертв? И в который раз отвечает сам себе: нет, не все, далеко не все!

Он думал о том, что не было да и не могло быть идеальной организованности на каждом участке той сверхсложной работы. Случалось, что в этой погоне, постоянной погоне за минутами, не всегда выбирали лучший вариант решения, и тогда по ходу дела приходилось исправлять ошибки. И только те первые, та славная шеренга номер один, которая заступила путь огню, только они не имели права на ошибку.

Он размышлял над тем, что сотрудники Чернобыльской атомной, по сути, не были злостными преступниками. Среди них были и неплохие специалисты... «Стоп! — оборвал он себя.— Стоп... А достаточна ли эта категория — «неплохие специалисты»? Нет, недостаточная,— ответил Телятников сам себе.— Недостаточная... Людям, которые отвечали за работу станции, недоставало не только компетентности. Им прежде всего недоставало крепких моральных устоев». Он подумал о том, что при других обстоятельствах разгильдяйство, халатность скорее относятся к категории дисциплины. В данном же случае — это категория моральная.

Парадокс, по именно в одном из чернобыльских кабинетов он как-то прочитал такие строчки: «Умный человек найдет выход из любого трудного положения. Мудрый в таком положении не окажется». Мудрый? Да о какой мудрости можно говорить, если пол на станции покрыт пластиком, который отвечает санитарным нормам, но совершенно противоречит противопожарным, так как в процессе горения в большом количестве выделяются сильнейшие отравляющие газы? Чернобыльские пожарные сполна прочувствовали их воздействие... О какой мудрости можно говорить, если при строительстве станции использовали пенополистирол как утеплитель кровли, хотя Госстрой запретил этот материал из-за его мгновенной воспламеняемости?

В иллюминатор светило солнце, далеко-далеко внизу плыли облака, а Телятников размышлял над тем, что, собственно, пожарные никогда не были в заглавных ролях в этой жизни. Они выходят на авансцену лишь в экстремальной ситуации, название которой — преступное разгильдяйство, которое со временем, трансформировавшись в элементарное пренебрежение безопасностью внезапно подстерегло его товарищей. Таких молодых... Он лежал в кресле и думал о том, как случилось, что па

представленных к правительственным наградам пожарных, в том числе и на Правика, Кибенка, Тишуру, Игнатенко, других, соответствующие инстанции потребовали... «производственные характеристики»? Разве это не кощунство?

Ровно гудели за бортом турбины. Телятников спал. Да, наконец ему посчастливилось уснуть. Авиалайнер мчал его домой, в Киев, где его с нетерпением ждали жена и двое сыновей, а ему снилось, что он летит из Москвы в Казахстан, в небольшой районный центр Тарановский, к родителям. Летит, чтобы отдохнуть после лечения. Вот и Кустанайский аэропорт... Но что это? Каким образом тут оказался отец? Ведь он никогда не выходит даже за ворота встречать сына? Разве это не его слова, что солдат солдата должен встречать дома и только дома?

— Леонид Петрович! Леонид Петрович, прилетели! Ой, до чего ж крепко вы спите... Мы в Москве, Леонид Петрович... — бортпроводница тихонько коснулась руки подполковника.

Телятников открыл глаза. Отец исчез. Вместо него — реальный мир.

— Сколько за бортом? — спросил четко, привычно.

— Минус двадцать восемь.

— Значит, дома... — и улыбнулся. — Долгая дорога домой...

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Сельская местность Киевщины еще не видела такого размаха строительных работ. Сооружается 7 тысяч домов. Свою помощь в атом благородном и гуманном деле населению, пострадавшему в результате аварии на Чернобыльской АЭС, подают области и столица республики. Например, в Бородянском районе строительство ведет Крымская область и Киев, Макаровском — Закарпатская а Ровенская, Яготинском — Ворошиловградская. До 1 октября тысячи семей черновыльцев справят новоселья.

А вот еще одна стройка — на территории в десятки гектар неподалеку от села Небрат Бородянского района. С утра до ночи не прекращается работа. Ведь до 1 октября надо сдать 560 жилых домов с усадьбами, хозяйственными пристройками. Тут трудятся строительные организации Киева и Крымской области,

И. Петров,

7 сентября.

Светлана ЙОВЕНКО

ВЗРЫВ

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ПОЭМЫ

* * *

Жилось нам легко,
 все давалось как в дар,
но выброс достал нас —
 пожар!

В цветущих садах
 тяжелеет нектар,
а ветер — набатом:
 пожар!

Ночь тихо возносит
 в созвездий чертоги
влюбленных,
 поэтов;
сопят лежебоки,—

вращает мечты
мироздания ось...

Но око огня
 прозирает насквозь —
 все:

лень нашу матушку,
впавшую в детство,
невежество сильных
(читай:
самоедство),
свободу от всех,
лихоимства родство,—
Уж если роптать,
Уж если роптать,
то пенять —
на кого?!

Взгляни на себя! —
на округлую вялость,
где боли гражданской
почти не осталось,
не поле духовное —

сплошь целина,
где дума души
в сорняках не видна,—
разбудит ли сердце хоть этот удар:
пожар!

* * *

...Бегут
(завернув по дороге
к сберкассам...) —
кто верхом,
кто низом,
кто возом,
кто ВАЗом,—
как шустрые крысы
бегут с корабля,—
безродные, лишние,
шкуру спасают!..
Народ — *защищается.*
Эти ж —
не знают,
что их,
даже мертвых,
не примет земля!

* * *

Вскрикнула Земля лебяжьим криком:
— Защити от ярости-беды! —
Вышла мать, темна иконным ликом:
— Кто ж, сынок, пойдет, когда не ты?..

Небо полыхнуло, как жар-птица:
— Защити от ярости-беды! —
Вышла с малой крохой молодлица:
— Кто ж, родной, пойдет, когда не ты?..
—

И уже — ни сына, ни супруга.
Встали там, где вспороты поля,
мужество и боль —
равны друг другу.
Дух и Воля. Небо и Земля.

* * *

...Люди в халатах белых,
мой вам поклон земной!
Кто вы — солдаты боли?
Аисты милосердья?
Это сквозь ваше сердце —
линия передовой,
где, не мигая, шарят
пустые глазницы смерти.

Сколько живых кровинок
сквозь микроскоп кричит,
что суждена всего лишь
треть отведенной жизни.
Входит в поэму слово —
жуткое: «лейкоцит».
И обжигает горло,
словно глоток на тризне...

Фельдшеры и медсестры,
санитары, врачи,
племя студентов чистых,
вставших у изголовья,—
вы отстоять сумели
вахту свою в ночи.
Ваши святые души —
вечный укор суесловью.

Кто-то возом,
кто-то ВАЗом,
а герой пока не назван.
Он по краю смерти ходит,
он пожарников выводит.
А у «скорой»-то, ребята,
ноги сами — словно вата,
сердце — смертно,
в горле — дым...
Эти песни —
молодым.

...Люди в палатах белых,
подонками были б мы,
если б забыть сумели

горечь вашей юдоли!
Люди в саванах белых,
в черных объятьях тьмы,
хватит навеки
слез нам
ваших сирот...
и боли.

* * *

В этот май все цветет, словно бредит —
безоглядно, бесстыже, бездонно!..
И с включенными фарами едет
вдоль садов за колонной колонна.

Фары в лица: туда и оттуда.
О процессия боли... Доколе?
Сколько мчится в автобусах люда:
из судьбы — в непроглядность юдоли!

На вокзал, в онкоцентр, в неизвестность.
Стали местом свиданий больницы...
Растревоженным ульем — окрестность,
где незримого мы очевидцы.

Как мытарства постигнуть мне эти?!
Налегке — без вещей и работы...
Как родителям горько! А дети —
любопытны, резвы... Желтороты.

Вновь спидометр печали мотает:
пыль дороги — дороги — дороги...
А по Киеву шепот гуляет
неизвестности, страха, тревоги.

* * *

Пусть небо, как хрупкий ранет,
расколосось,—
в нем ясность! —
ведь срок полугласности
вышел.
Кто храбрых нашептываний —

да не слышал?!
Но сам ты...
Но где же
твой собственный голос?!

Ты, тягу земную не тщась перевесить,
все бури отводишь —
 по громоотводу...
Но, если дыханье не в силах возвысить,
что совесть промолвит —
 тебе
 и народу?
Пусть сердце поэта
 до дна расколосось —
так нож расщепляет
 обитель жемчужин, —
на вече народном
 подъемля свой голос,
я славлю!..
Но голос проклятьем остужен.

* * *

«Важна в науке только цель,
а жертвы...» — Так ли, академик?
Мы о дремучести. Ужель
она страшнее эпидемий?!

Людей — в резекторскую? Тьмы
причин: отчаяние, скука...
На ядерный порог зимы
ужель толкает нас наука?!

Бесценна жизнь, но для того,
кто это знает, не для хамов:
разинь бездумных торжество —
и тонет «Адмирал Нахимов»,
и поезд — под откос летит,
и террикон — надгробьем станет...
Мгновенья смертного магнит
к себе не худших — лучших тянет!
...Убьют. И не за хлеба шмат —
за видео или за шмотки,

как наркоман, акселерат
убьет — из-за бутылки водки!
Спокойно. Подло. Не за честь —
за положение в «высшем свете»...
За все, чего и нет, — а есть,
в ответе — мы. И судьи — дети.

...Живем излишне сыто, всем
довольны, погрязая в лени?..
Короче — никаких проблем?!
Довольно самоослеплений!

«Жертв требует наука»?! Где,
какого идола тупая
плывет колода по воде
и ждет осанны, выдыбая?!

Нет, жертвы требуют от нас
усвоить ужас их уроков...
Но сон души не выжечь враз —
ты, век, не жалуешь пророков.

Хоть запоздало назови
всех тех, кого не именуешь!..
Храм совести на их крови
возносится
не для меня лишь.

* * *

Райком не спит. Все телефоны — всшибку:
здесь, как на фронте, лаконичность дел...
У сыновей нет права на ошибку,
когда пожар над отчиной взлетел.

Вот женщина читает письма, тщетно
воюя со слезами, губы гнет:
из Курска, из Норильска, из Тайшета
спешит сюда народ. *Какой народ!!*

Посылки, переводы, бандероли:
одежда, чай, обувь для детей...
Какая сила
милосердье к боли

чужих людей рождает у людей?

Детишек взять. Примчать на самолете
(о, не за славой в шорохе банкнот!..).
— Полезным быть. Пойду, куда пошлете,—
Тебя я узнаю: *ты — мой народ!*

Не оступился на кривые тропы,
прошел сквозь войны, голод и разброд,—
и Революция — любовью высшей пробы
отметила тебя: *такой народ!*

...Райком не спит. И здесь же, дела ради
приехав — без выкручиванья рук,
ученый муж прикнопит лист тетради...
Читаю: «Академия наук».

Здесь — вахта, что пожизненной стала.
И нет уму пощады потому,
что совести не нужно пьедестала
и указанья сверху — ни к чему...

Но вера есть в тебя, и есть доверье, —
и верный ты нащупываешь путь,
чтоб распахнуть захлопнутые двери
теорий прежних... Только б не заснуть!

Сверять расчеты. Поспевать, но — шагом.
В Москву гнать самолеты на завод.
Не женщиною грезить — саркофагом!
Насосы. Фильтры. Мощь подземных вод.

И вновь цифирь. Она бесстрастно, голо
покажет, где накладка. И опять...
Готов он умереть, ведь подвиг — школа.
Но главный подвиг — жить и побеждать.

На фронте так — сперва по карте к цели
веди карандашом стрелу атак.
На фронте так — в ошибку впасть не смели:
цена ошибки — жизнь. И только так...

Олег ГУСЕВ

УКРОЩЕНИЕ

Передо мной — две фотографии. На первой — разрушенный четвертый энергоблок Чернобыльской АЭС, на второй — момент укладки последнего звена кровли над бетонным укрытием, метко названным саркофагом. Первый сделан в мае 1986 года, когда через несколько дней после аварии удалось добраться туда на бронетранспортере, чтобы через открытый на несколько секунд люк щелкнуть «Зенитом», вторая, ноябрьская, фотография уже не потребовала никаких ухищрений и мер безопасности — я с группой журналистов подошел достаточно близко к сооружению из бетона, укывшему поврежденный энергоблок, и несколько раз запечатлел его.

Между этими кадрами, сделанными в первые дни невероятного напряжения духовных и физических сил всех тех, кто взялся за ликвидацию сложной аварии, а также в не менее ответственные моменты ее завершающего этапа, конечно же, были сотни других сюжетов, запечатлевших борьбу советских людей с разбушевавшимся атомом, процесс преодоления тяжких последствий беды. Но эти две, как когда-то говорили, карточки, мне особенно дороги уже хотя бы потому, что, делая в Чернобыле первый щелчок фотокамерой, я был уверен: обязательно зафиксирую и момент, когда вырвавшийся на волю атомный джинн будет укрощен и надежно упрятан под многослойной защитой. И вера эта зажглась не только на естественном желании дожидаться хорошего, но прежде всего на твердой убежденности в том, что люди, поставившие атом на службу мирным делам, обязательно найдут на него управу в экстремальной ситуации, которая сложилась на ЧАЭС. А ее, твердую убежденность, постоянно высказывали мне во время многочисленных встреч пожарные и шахтеры, верхолазы-монтажники и военные инженеры, физики и художники, биологи и электронщики, ученые-атомщики, словом, и рядовые труженики, и руководители работ по укрощению стихии, без которых не могло быть всего того, что газета «Правда» в передовой статье 16 декабря 1986 года назвала словами «Подвиг в Чернобыле». Поэтому и начну свой рассказ не с деталей, а с выражения оптимистического настроения, главенствующего на станции даже в самые тревожные дни начала мая 1986 года: «Беду отведем, реактор будет обязательно укрощен».

А создавался он, этот боевой настрой, ставший главным стимулом для участников борьбы, на станции и вокруг нее всеми дальнейшими действиями, которые проводились прежде всего на

основе точно разработанной стратегии и тактики наступления на беду.

Именно такой подход поставили в центр своих первоочередных задач и ученые, в считанные часы и дни прибывшие в район Чернобыльской атомной электростанции из самых разных городов страны — от Москвы до Владивостока и, что называется, с колес развернувшие в Чернобыле свои лаборатории, и труженики ряда промышленных предприятий,строек, полей. В самых горячих, в прямом смысле слова, точках устанавливали они сообща сложнейшие приборы, оборудование, другую технику. Так врач, осматривая больного, прежде всего нащупает пульс, чтобы определить состояние, запас жизненных сил. В Чернобыле и Припяти, в десятках сел, попавших в зону опасного поражения, образовался единый фронт сражения с разбушевавшимся атомным смерчем. Против него сплоченным строем встали люди, в чьих анкетах стоят названия множества профессий — физик, радиобиолог, химик... Представителей этих и множества других специальностей объединяло одно понятие — советский ученый. И одно стремление — защитить жизнь.

Символический факт: в момент взрыва на четвертом энергоблоке — а это, как известно, случилось 26 апреля 1986 года в 1 час 26 минут — медики припятской больницы приняли роды у одной из жительниц города. Они сделали все, чтобы молодая мать и ее родившийся при сполохах атомного зарева ребенок побыстрее оказались в безопасности. Вместе с более чем полутора сотнями других срочно вывезенных из пораженной зоны будущих матерей, которые вскоре подарили миру вполне здоровых мальчишек и девчонок. Это ли не символика чернобыльских будней, с первой же минуты трагедии насыщенных верой в торжество жизни? Потому, приближая его с каждой минутой последующих рассветов над Припятью, представители всех профессий, занятых на ликвидации последствий взрыва на АЭС, полностью доверились людям науки, призванным в этом сложнейшем поединке быстро, в кратчайшие сроки, найти единственно правильный выход.

При всем желании как можно полнее осветить эту затяжную, но, к счастью, не затянувшуюся схватку разума со стихией, остановлюсь лишь на тех ее эпизодах, в которых участвовал лично все с тем же «Зенитом», а потом, когда пришлось сменить аппарат (почему — расскажу об этом ниже) — и с «Киевом-15».

...С водителем «Волги» Александром Сафроновым едем в Чернобыльский район. Вот и небольшое село.

Еще недавно в его школе стоял гул ребячьих голосов. Сегодня здесь строгий воинский порядок, прямо в классы связисты протянули

провода. Рядом с глобусом и таблицей Менделеева, возле написанной мелом на доске задачи, решение которой учителю, ввиду срочной эвакуации, пришлось прервать на полуслове, приколата подробная топографическая карта. На ней начертано несколько кругов, последний из которых, охватывающий квадратик с надписью «Припять, АЭС», густо окрашен желтым. Это особая территория — зона поврежденного реактора и станции. Тревожный цвет радиационной опасности и надписи «заражено» на такого же колера флажках, которые мы увидели, подъезжая к селу, по обочинам дорог, наглядно свидетельствует о том, что медлить нельзя. И поэтому сразу же с генералом М. Таракановым прокладываем на карте линию маршрута, по которому предстоит отправиться нам в путь в сопровождении офицера Политуправления Киевского военного округа С. Колесника. Извинившись, генерал углубился в заявки политработников, поступившие из частей.

Сергей Иванович Колесник взял со школьной парты пачку листовок, газеты, цветные карандаши. И вот уже мы мчимся прямо под знакомый всем водителям «кирпич». Дорожный знак запрещает въезд к поврежденному реактору всей технике, кроме бронетранспортеров. Нашим водителем оказался 19-летний вчерашний тракторист, а ныне механик-водитель Алексей Киселев, самый старшин из шестерых детей трудовой донецкой семьи. Нынче он — «бронированный таксист», как представили его пассажиры нашего бронетранспортера — старший инженер управления турбинами Чернобыльской АЭС. А. Шевченко и его спешащие на очередную смену товарищи.

Алексей встретил своих пассажиров у последней автобусной остановки, от которой дальше к трем законсервированным и четвертому, поврежденному, блоку станции в мае можно было добраться исключительно под броневым покрытием. Задраив люки, наш «таксист» сразу же набирает высокую скорость — на отдельных отрезках дороги, особенно у крутого поворота в нескольких сотнях метров от станции, — особо опасные участки. Стрелка дозиметра, измеряющего уровень радиации в нашей кабине, порой зашкаливает, но Алексей на нее почти не смотрит. Да и как ему, а также другим механикам-водителям подразделения, чья задача круглые сутки быть начеку, чтобы в первые же секунды после вызова тронуться в путь, не привыкнуть к повседневным шоферским тревогам; без их помощи не обходятся ни члены правительственной комиссии, ни работники АЭС, занятые на ликвидации аварии. Помогают эти лихие «таксисты» и однополчанам: водителей бэтээров тоже порой приходится выручать из сложных ситуаций. Бывает, что иная машина, особенно ночью, слишком долго петляет по улицам

Припяти, пока не найдет дорогу к дому, и Алексею приходится выручать товарища, часто подходя вплотную к затерявшемуся автомобилю. Сейчас Алексей все чаще поглядывает на спидометр да прислушивается к гулу двигателей: «Нельзя допустить, чтобы на этой трассе они подвели».

А такое бывает. Сверстник Алексея, молодой водитель Ю. Скрюченко почувствовал, что один из двигателей бронетранспортера вдруг стал хуже тянуть, а потом и вовсе заглох, когда БТР оказался в опасной близости от разрушенного реактора. Но Юрий не растерялся: сумел сразу же определить неполадку и быстро запустить двигатель...

— Прибавить скорость! — слышится команда старшего бронемшины, и она вырывается на чистые, просторные улицы Припяти.

Как ни краткосрочны остановки нашей машины на опасной трассе, мой спутник-ученый использует каждую минуту, чтобы записать данные об обстановке, уровне радиации. Ездит он сюда строго по графику, установленному для водителей, потому что даже при самой плотной частоте перевозок работа «бронированных таксистов» организована так, чтобы воины могли не только хорошо выспаться, но и с максимальной пользой провести свой досуг.

Ученый не роптал по поводу таких строгостей. Ведь и здесь никому не позволялось нарушать правила охраны здоровья во имя решения самых неотложных научных проблем. Собственно, не только в подразделении «бронированных таксистов», но и в других частях, где удалось побывать вместе с ученым-физиком, приходилось убеждаться, сколько заботы и внимания к людям проявляли на станции и рядом с ней. Ведь уже в первые дни после аварии были мобилизованы все научные силы для того, чтобы быстрее найти пути улучшения радиоактивной обстановки.

Уезжая в Чернобыльский район, я получил от члена Военного совета, начальника Политуправления Киевского военного округа генерал-лейтенанта В. Арапова обращение Военного совета округа к личному составу, принимающему участие в ликвидации последствий беды на атомной станции. В нем были не только призывы быстрее победить разбушевавшуюся стихию, но и собирать, постепенно приумножая, лучший опыт борьбы с атомом, достойно отмечать наиболее отличившихся: Родина должна знать имена героев. О некоторых из них и продолжу свой рассказ.

— С первых же минут после аварии в зоне станции неукоснительно действует неписанный приказ: «Беречь людей», — подчеркивает первый секретарь Киевского обкома партии Г. Ревенко.— Его выполнению сразу же начала помогать и новая

техника, которую немедленно предоставили людям, вступившим в единоборство со стихией...

Их, выкрашенных в яркую, желтую краску роботов, предназначенных для борьбы с грозной ядерной силой, вначале было не так уж много, но и этим помощникам были несказанно рады.

Смотрю, как в атаку на поврежденный реактор вот-вот должен двинуться первый — огромный, весом в 19 тонн гусеничный бульдозер с маркой ЧТЗ на радиаторе. Все сильнее ревет, набирая обороты, его двигатель, машина срывается с места, но в кабине не вижу тракториста. М. Чибышев, водитель радиоуправляемого трактора, с широким, пока еще не отполированным бульдозерным ножом, созданного рабочими и учеными РСФСР и Украины, наблюдает за своим готовым к бою «электронным помощником» сквозь узкую щель бронированного автомобиля, остановившегося в нескольких десятках метров от «челябинца», там, где уровень радиации значительно ниже. Сейчас он введет радиоуправляемый агрегат в «горячую» зону с помощью небольшого электронного пульта, висящего на груди. Рядом с М. Чибышевым еще несколько человек — механик В. Рукавицын, инженеры В. Курченков и В. Коровин. Они одновременно учатся еще пока трудному искусству дистанционного управления столь мощной техникой и консультируют своего товарища. Михаилу Чибышеву остается по давней шоферской привычке только еще раз оглянуться по сторонам, кивнуть офицеру В. Скачкову, сидящему за рулем бронированной машины и нажать рычаг электронного табло, чтобы находящийся в 150-ти метрах «безлюдный» трактор двинулся дальше по указанному ему маршруту.

— Вперед,— командует сам себе М. Чибышев. И многотонная громада бульдозера спешит по радиоприказу к горе обломков, вывалившихся сквозь разрушенную стену реактора. Нож бульдозера, получив очередное радиозадание, вгрызается в остатки конструкций, расчищает асфальт, оставляя глубокую борозду, и постепенно придвигается все ближе к центру огнедышащего «вулкана». Здесь ввиду повышения уровня радиации нет никакой возможности сгребать вручную свалившиеся с его склонов обломки.

— Теперь вся надежда только на вашего робота,— говорит соседям по экипажу — специалистам филиала НАТИ при Челябинском тракторном заводе — офицер В. Скачков и подводит свой бронетранспортер еще на несколько метров к роботизированному агрегату...

В те тревожные дни даже тяжелая техника в Чернобыльский район доставлялась не только по земле и реке, но и прилетала. Именно так, с помощью ИЛ-76, был доставлен из Челябинска в Киев

и уже нам знакомый серийный ЧТЗ. В Киеве минимум времени, рассказал один из участников разработки роботизированного бульдозера Г. Вулах, потребовалось, чтобы доставить эту машину в Бориспольский аэропорт. «Зеленую улицу» обеспечили ей милицейские машины и оперативность рабочих и служащих Челябинска, отправлявших технику на Украину, и удивительная сноровка киевлян — работников Бориспольского порта, в кратчайшие сроки обработавших срочный груз. Принявшие его рабочие Киевского завода имени И. Лепсе подкатили прямо к самолету свой трайлер, и через несколько минут он уже мчался с крупногабаритной поклажей к их предприятию.

А там, в одном из его цехов, уже собрался научный консилиум, который, по признанию генерального директора объединения «Киевтрактородеталь», Героя Социалистического Труда В. Злобина, видеть здесь еще не приходилось. Дело в том, что пока первый робот-бульдозер убирал груды радиоактивного зараженного мусора, заменив при этом труд сотен людей, второй «челябинец» срочно дооборудовали в Киеве. Перед специалистами заводов и учеными научно-исследовательских институтов столицы Украины ставилась двоякая цель: пока представители предприятий столицы Украины, Челябинска, Калуги, Мелитополя, ряда научно-исследовательских институтов Москвы и Ленинграда будут модернизировать опытную конструкцию робота, «приучая» его к труду, люди, которым предстоит работать в зоне АЭС, здесь же, в цехах должны были овладевать приемами управления новейшей техникой.

Нашлось много желающих принять участие в этой учебе, рассказывал мне тогдашний директор Киевского института автоматики Б. Тимофеев. На помощь сотрудникам института, уже не раз испытывавшим созданную для этого автоматического манипулятора аппаратуру возле припятского реактора, Л. Прядкину, В. Скоробогатько, В. Кошмякову пришли группы новых добровольцев — от лаборантов до докторов наук. Они потребовали, чтобы их немедленно отправили в Чернобыль. И администрации приходилось долго объяснять, почему она не может послать в зону всех подавших заявления. Примечательно, подчеркнул Б. Тимофеев, что случаев отказа от любой продолжительности командировок в Чернобыльский район у нас не было.

Столь же самоотверженно — три-четыре часа короткого сна в гостинице, а затем работа со схемами в заводских цехах и проверка действующих образцов техники в зоне Чернобыльской АЭС — выполняли свои задачи прикомандированные для обеспечения работы бульдозерных роботов специалисты-инженеры В. Бондарь, Э. Черняев, А. Афонин и другие.

— Что особенно радует,— подчеркнул директор челябинского филиала НАТИ А. Авраменко,— это полный творческий контакт с нашими киевскими коллегами и высокие темпы решения любых, в том числе и технически сложных вопросов. Даже самые тугие «узлы» распутывались во много раз быстрее, чем прежде. А о ведомственных барьерах и речи не было: берегли каждую минуту.

Заказы на выпуск очередных образцов радиоуправляемой техники, которой предстояло работать в зоне Чернобыльской АЭС, реализовались в самые короткие сроки. Так, очень быстро на ряде предприятий страны были собраны комплекты аппаратуры для очередной партии бульдозеров. На доставленном поближе к АЭС экземпляре — копии уже действующего с помощью радио ЧТЗ — прошли срочную подготовку механики, водители, работающие в опасной зоне. А в цехах ряда заводов Москвы, Киева, Ленинграда, других городов вне всякой очереди собирали крупные партии изделий, которые так же оперативно отправляли на помощь участникам борьбы с атомной стихией.

Работы, призванные обуздать опасную силу, все активнее вступали в атаки. В первые же майские дни поступили обнадеживающие сведения о большой их эффективности: в условиях повышенной радиации эта техника приносила людям ощутимую помощь. И потому даже в напряженнейшие моменты они все же улучшали минуту-другую, чтобы хоть немного расслабиться, осмотреться, вспомнить первые тревожные часы и дни борьбы с последствиями взрыва на четвертом энергоблоке.

Отступлю от намеченной канвы, чтобы еще раз сказать о такой характерной черте наших людей, как стабильность их настроения на опасную трудную работу. Проявлялась она не только в экстремальных ситуациях, но и в дни, когда напряженность первых испытаний и тревог осталась позади. Особенно много встречал я таких людей в мае и после — на дорогах и строительных площадках особой зоны, но совсем неожиданно познакомился с некоторыми из них в Киеве. Это произошло уже в июне возле одного из городских фотоателье, где делают снимки для документов. В очереди к фотографу я увидел группу молодежи, объединенной, как показалось, не только заинтересовавшим всех разговором, но и каким-то общим сосредоточенно-строгим выражением лиц. Представившись, узнал, что ребята только что выписались из больницы, где проходили обследование после Чернобыля. Мои новые знакомые участвовали в погрузке на вертолеты свинцовых чушек, доломита, других материалов, которые сбрасывали с вертолетов на разрушенный реактор, чтобы побыстрее заглушить его разбушевавшуюся мощь.

Фамилии летчиков, поднимавших в небо винтокрылые машины, обошли всю нашу прессу, их показывали по телевизору. А кто и как нагружал вертолеты этими мешками в первые, наиболее критические часы, когда все надежды были только на лопату да выносливые плечи? Поначалу их оказалось немного — горстка людей из двух управлений, Чернобыльского и Припятского, треста «Южтеплоэнергомонтж». Оказавшись на острие опасности, смельчаки не растерялись. Навстречу огню их повели коммунисты...

А затем были десятки часов упорнейшего труда, когда ни у кого не оставалось даже секунды, чтобы поинтересоваться именем соседа, до боли в пальцах сжимающего рядом с тобой грубую ткань стокилограммового чувала, бегущего с невероятной тяжелой поклажей на спине к грузовикам и вертолетам. И только в больнице, где несколько дней проводился тщательный медицинский контроль участников этого необычного моста «земля — грузовик — вертолет», люди получше узнавали друг друга и обменивались адресами, чтобы поддерживать знакомство, завязавшееся в столь необычной обстановке.

Первую группу рабочих, техников, инженеров, обеспечивших бесперебойное действие спасительного моста, вскоре же после выписки из киевской больницы пригласили в Припятский горком партии: решался вопрос о партийности девяти смельчаков. Двое из этой группы — мастер С. Ткачук, прораб А. Целовальников, — они в киевском ателье как раз готовились сфотографироваться для документов, — рассказывали о тех, кто в числе первых противостоял беде.

— Да, взрыв мы, работающие неподалеку от четвертого блока, отчетливо слышали, — вспоминает мастер С. Ткачук. — Но не придали ему особого значения и продолжали заниматься своим привычным делом. Трудились, пока не услышали крик: «Ребята, на четвертом блоке пожар».

Все бросились к поврежденному реактору... Трудились много часов кряду, не чувствуя усталости.

Никогда не забыть бегущих людей, рева машин. В этом хаосе вдруг я узнал голос В. Буравченко, начальника одного из цехов: «Быстрее, ребята, к реке. Надо песком гасить огонь». Вместе с другими вооруженными лопатами и ломом людьми побежали к Припяти, где уже разворачивались грузовики. Со временем подоспело еще более двадцати человек. Инженер В. Гудым три дня подряд не выходил из особо опасных участков зоны, много раз летал с учеными к реактору. Так же, бок о бок с рядовыми рабочими, трудились коммунисты-руководители Н. Антонщук, В. Гончаренко.

Здесь, в невероятном напряжении схваток на площадке аварийного блока, в грохоте автомашин и бульдозеров, поднимавших густую пыль, было не до того, чтобы вглядываться в лица даже работающих рядом: все понимали друг друга с полуслова. И как только выдалась пауза, монтажники подошли к парторгу с главным для них заявлением: «Просим принять нас в партию».

— Несколько человек, в том числе и я, — говорит А. Целовальников, — подали такие заявления.

А через несколько дней в киевской больнице, где обследовались группы тех, кто работал в зоне промплощадки в первые часы и дни после взрыва, состоялось партийное собрание объединенных парторганизаций обоих монтажных участков» Коммунисты с благодарностью говорили о мужестве и самоотверженности своих беспартийных товарищей. Они, в частности, подчеркнули, что эти люди всюду, где работали и раньше, были на высоте. Анатолий Васильевич Целовальников, например, после окончания Киевского политехнического института трудился на энергетических стройках страны, и везде — отлично. На Чернобыльской станции он возводил все четыре блока. Семья — жена и дети — познакомились с географией страны по его командировочным удостоверениям — РСФСР, Украина, а вот теперь, после участия в работах по ликвидации аварии, Целовальниковы решили навсегда остаться на АЭС.

Его товарищ Сергей Ткачук еще не успел обзавестись семьей. Но тоже думает надолго «осесть» на станции.

Среди множества фамилий участников невероятно быстро налаженного моста для засыпки реактора вспомню еще и эти две: Т. Лебедева, начальник отдела кадров Припятского монтажного управления, Р. Шикинова, начальник отдела оборудования Чернобыльского монтажного управления. Обе — коммунистки, отличные работницы.

Хотя мужчины и не позволили женщинам загружать вертолеты, тем не менее они в один голос утверждали: без наших безотказных помощниц пришлось бы всем худо — с утра до глубокой ночи носились они по погрузочной площадке, разнося питьевую воду, бутерброды. Их задорные голоса: «Еще немного, хлопцы, потерпите, скоро борщом вас накормим!» — будоражили даже самых утомленных изнурительным трудом.

Довольно подробно рассказываю именно об этих людях потому, что, побывав в Чернобыле в более спокойные Дни, вновь услышал знакомые фамилии среди тех, кто отличился на работах по ликвидации последствий аварии на АЭС.

В то время, к примеру, был принят кандидатом в члены КПСС прораб В. Суриков.

Впоследствии молодой коммунист славно потрудился на стройплощадке Зеленого Мыса, что расположена неподалеку от Чернобыльской АЭС, у села Страхолесье. Там же отличился на работе и А. Целовальников. Приняты первичной парторганизацией кандидатами в члены КПСС С. Ткачук, его боевые побратимы — так хочется назвать всех, кто действовал тогда на вертолетной площадке...

...Очередной звонок, раздавшийся в штабе по ликвидации аварии, вроде бы ничем не отличался от десятков других, «раскаливших» аппараты с самого утра. И тем не менее он тотчас же поднял на ноги оперативную группу по дезактивации воды, каждый член которой — от кандидата технических наук А. Шутько до водителя машины лаборатории В. Гончаренко — сразу же занял свое рабочее место. И вот уже машины мчатся по срочному вызову к одному из пунктов специальной обработки техники, что неподалеку от Киева.

На каждом из таких пунктов обрабатывается вся техника — самосвалы, тракторы, бульдозеры, легковые машины, спешащие из Чернобыля в город на Днестре. Воду после этого собирают в баки, цистерны, цементные резервуары, другие «ловушки», так, чтобы ни одной ее капли не попало в окружающую среду. Понятно, что чем больше транспорта, тем быстрее наполняются емкости. А в тот день вся эта техника скопилась возле пункта у Гостомеля. Возникла угроза, что через несколько часов все емкости будут заполнены и мойка прекратится. А это — «пробка» на дороге. Вот чем был вызван телефонный звонок.

Пока оперативный автопоезд спешит к Гостомелю, знакомлюсь с членами его экипажа — кандидаты наук В. Басов, А. Крысенко, инженер-радиолог В. Ковтуненко, компрессорщик А. Исаков. Все они в совершенстве владеют технологией очистки от радиоактивных изотопов отработанной воды. Члены группы и труженики киевских заводов имени Артема, «Стройдормаш», «Дормаш» в кратчайшие сроки на базе мощных автомобилей КамАЗ, и КрАЗ оборудовали своеобразные «кары скорой помощи», которые очищают воду.

В обеспечении бесперебойной дезактивации стоков большая заслуга специалистов Киевского политехнического института, оборудовавших такие передвижные установки современной техникой. Высокой оказалась и эффективность технологии глубокой очистки жидкости в стационарных условиях, разработанная в Институте коллоидной химии и химии воды АН УССР.

— Особенно важно, — сказал один из руководителей штаба Г. Кулаев, — то, что обе технологии не противоречат одна другой и при

умелом сочетании обеспечивают эффективную и экономную очистку воды до кондиций, позволяющих ее повторное использование.

Уже в пути экипажи наших машин вели приготовления к очередной атаке на радионуклиды, оставшиеся в изолированных от внешней среды емкостях после «бани», которой подвергались транспортные средства. Вот и остановка. С машин в резервуар быстро опускают гофрированные рукава, включаются компрессоры, бурлит вода. Вскоре операция завершена...

...Когда машины нашей группы получили приказ возвращаться в Киев, возле помывочного пункта уже разворачивались автополивальки. В их цистерны затачивали воду, только что доведенную «какетами скорой» до нормы.

С этих пор масштабы операций по очистке воды расширялись день ото дня.

Вопросами обеспечения оптимальных условий жизни Чернобыля и Припяти, как и ряда прилегающих к ним поселков и деревень, занялись тоже практически с первых дней после взрыва на АЭС. Вспомню хотя бы поразившее многих объявление у входа в городской кинотеатр Чернобыля — оно ведь появилось в мае 1986 года, когда до перекрытия саркофага было еще далеко: «Приглашаем на очередной киносеанс всех работающих в третью смену».

До этого объявления, рассказывали мне ученые-физики, многим из коллег, весь световой день занятых научными исследованиями, вечером было, что называется, некуда себя деть. И тогда несколько ученых, представляющих союзную академию, встретились с военными и совместно разработали казавшийся в то время — все-таки начало мая! — малореальным план: приступить к дезактивации ряда наиболее нужных для работы и культурного отдыха помещений. В их числе оказался и городской кинотеатр. Военные, как всегда, взялись за дело незамедлительно.

Офицер Н. Гончаренко получил в тот день не совсем обычное задание: обеспечить после дезактивации просмотр фильмов по заявке тех, кто работает в аварийной зоне. Скажу сразу — задача, которую решили воины-химики, была выполнена в срок: картина шла при переполненном зале. А затем последовало предложение увеличить количество сеансов — для того, чтобы все желающие смогли побывать в кино.

Воины-химики, которыми командует офицер В. Колпин, оказались как раз в центре событий: им было поручено провести обеззараживание ряда улиц города энергетиков — Припяти.

...Личный состав подразделений старшего лейтенанта В. Воронина и капитана Н. Кулейкина пускает в ход мощные струи специальных машин — авторазливочных станций, доставая ими до

стен и окон самых высоких домов. Щетками, а где особенно трудно — скребками и даже ножами действуют одетые в специальные защитные костюмы «бойцы чистоты». Они заняты, на первый взгляд, не столь уж сложным делом — моют технику, возвращающуюся с промплощадки. Но, если учесть, что каждый автомобиль, гусеничный трактор или бронетранспортер приносит из зоны поврежденного реактора радиоактивную грязь и смыть ее надо обязательно, то станет понятно, насколько ответственна работа водителей В. Федорычева, Н. Бородинова и других, обслуживающих авторазливочные станции.

— Тесное сотрудничество, помощь и взаимовыручка армейских и гражданских служб в 30-километровой зоне, — отметил генерал-майор М. Зароченцев, — характерная черта обстановки на Чернобыльском плацдарме. Люди стараются максимально помогать друг другу, находя любую возможность, чтобы облегчить труд товарища, создать безопасные условия.

...Куда только ни приводят журналистские стежки-дорожки, по ведут они чаще всего по тверди земной. В этот день мне предстояло осветить еще одну грань работы участников локализации аварии, причем грань весьма необычную — я бы сказал, небесную.

— Рейс, в котором вы будете участвовать со специалистами по борьбе с облаками, — сказал тогдашний начальник Республиканского управления гражданской авиации А. Горяшко, — может состояться только при... плохой погоде в районе Чернобыльской атомной станции. Так что связывайтесь с синоптиками и ждите. А экипаж самолета-лаборатории АН-12 «Циклон», возглавляемый Владимиром Петровичем Шахиным, — в полной готовности.

Вместе с операторами и заведующим группой Центральной аэрологической обсерватории Л. Зонтовым (Москва), который будет управлять предстоящей операцией, мы расселись па картонных коробках с противодождевой смесью и приготовились к ожиданию. Представив оператора В. Ремеха и А. Гаврикова, которым поручено «бомбардировать» облака порошкообразными смесями, Зонтов рассказал, что наш АН-12, а также другие серийные машины, оборудованные специальной аппаратурой, выполняют в районе АЭС ответственную задачу — разрушают дождевые облака, чтобы предотвратить ливни, чьи потоки способны смыть загрязненную почву в прилегающие к АЭС водоемы.

В созданном по распоряжению Госкомитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды специализированном отряде метеосамолетов в состав экипажей входят не только пилоты, но и научные сотрудники. Операторы, которым

предстоит из негерметичной части нашего самолета попадать картонными ящиками со специальными смесями только в цель, готовят для себя спецодежду к полету: меховые куртки, унты, шапки-гушанки, кислородные маски — ведь в момент «бомбардировки» дождевой тучи открываются створки грузового люка и парням придется работать при более чем 40-градусном морозе.

В результате первых сбросов таких «метеорологических бомб» практически полностью прекратилось выпадение обильных осадков над тридцатикилометровой зоной. Но, как и на войне, бдительность на каждом метре наступления было недопустимо ослаблять даже на секунду, хотя десятки коллективов, занятых на ликвидации последствий аварии, уже успели провести большую работу по дезактивации прилегающей к АЭС территории и, в частности, защитить валами реку Припять от дождевых стоков.

...Какой же крохотной — словно тире на листке писчей бумаги — кажется тень от нашего тяжелого самолета, забирающегося все выше по склону черных гор облаков. Но эта «крошка» должна разрушить клубящиеся, готовые вот-вот разразиться нежелательным ливнем многокилометровые Гималаи.

— Подойдем к плотным облакам справа,— говорит командир «Циклона», и сидящий рядом Л. Зонтов согласно кивает. За многие десятки летних часов, проведенных бок о бок с научными сотрудниками, В. Шахин научился с полуслова понимать своих коллег. Так же синхронно со специалистами действуют и находящиеся рядом с нами члены экипажа М. Птицын, В. Калужин, В. Лукьяненко, В. Щеглов.

Командир приглашает меня поближе к его креслу. Вижу, как мы идем лоб в лоб на черную клубящуюся тучу.

— До касания — 100, 50, 30 метров...— слышу в наушниках.

А затем наша машина будто с асфальта на полном ходу выскочила на булыжник. Тряска! Но командир быстро выравнивает АН, и даже в сплошной белесой пелене самолет продолжает идти в строго горизонтальном положении, расстреливая густую мглу меткими бросками «бомбардиров». А фотографии, которые старший инженер В. Платонов успевает сделать через иллюминатор, с максимальной наглядностью расскажут потом, как облака стали расслаиваться, лохматиться, рваться. Снимки проанализируют метеорологи Москвы, а также специалисты Киевского научно-исследовательского гидрометеорологического института, которые уже много лет занимаются разработкой эффективных методов воздействия на грозовые облака.

— Пока что наука еще не умеет с постоянным успехом разрушать дождевые фронты,— замечает Л. Зонтов,— но обезвреживать крупные, поднимающиеся на много километров в небо кучевые образования нам удастся все чаще...

Натужно ревет моторы натрудившегося за пятичасовой полет над охраняемой зоной АН-12: позади почти три тысячи километров, несколько прямых попаданий в кучевую облачность. Большинство «вредных» туч было разгромлено еще на дальних подходах к АЭС.

Улучшающаяся с каждым днем радиационная обстановка позволила до глубокой осени вывозить бывшим жителям зоны свое имущество. Им предоставили новое жилье. Эти же отрадные изменения помогли нам попасть на промплощадку, к самому реактору.

— Вы готовы три часа ходить за мной по этажам станции? — спросил меня и коллегу-правдиста А. Покровского член правительственной комиссии Игорь Аркадьевич Беляев.— Тогда переодевайтесь... Теперь поедem уже не на бронетранспортере, как прежде, а в автобусе.

Длинной показалась нам эта дорога. И дело не в том, что приходилось карабкаться по бесчисленным лестницам, почти на ощупь пробираться по запутанным, а кое-где и затемненным переходам, загроможденным к тому же оборудованием и кабелями,— их омывали потоками воды для начальной дезактивации. Заранее приходилось с точностью до метра не только определять маршрут движения по частично разрушенным помещениям, но и «вычислять» возможную радиационную обстановку па всем его протяжении. Она, мы это видели на дозиметре И. Беляева, не везде здесь одинаковая, как представлялось раньше, а полосатая, точнее пятнистая. Где-то еще не заделано отверстие в стене четвертого блока, откуда и «стреляет» повышенная радиоактивность, где-то поблизости нагромождения зараженных обломков — тогда пятно опасности возрастает в десятки раз. Приходилось только удивляться тому, как ориентировались в этом видимом и невидимом хаосе И. Беляев и сопровождающий нас физик из Института имени Курчатова А. Васильев, но иногда они вдруг предупреждали:

— Здесь, товарищи, прибавьте шаг...— Или: — Вперед — и только бегом!

А потом уже объяснили:

— Знаете, те, кто стремится внести наибольший вклад в порученное им дело, трудятся на станции по два месяца кряду именно потому, что изучили с дозиметристами каждый метр своего участка. Они отлично знают, где надо бежать, а где идти

нормальным шагом. Им же принадлежит и бытующее здесь выражение: «Пройти дозы своими шагами...»

Случилось, что ни один механизм не мог подойти к очередному препятствию, а радиация обжигала даже металл, выводила из строя электронную управляемую технику, в том числе и роботов, о которых говорилось выше. Тогда-то и выручила смекалка, и, разумеется, богатейший, накопленный уже в Чернобыле опыт. Особенно помогал он заместителю главного инженера АЭС Ю. Самойленко — впоследствии ему за мужество и самоотверженность, проявленные в борьбе с последствиями аварии на станции, было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Его коллектив трудился на расчистке крыши машинного зала станции. К радиоактивным обломкам подступиться там было особенно трудно, механизмами, в том числе и роботами, воспользуешься не всегда. Оттого каждый отвоеванный у радиации метр давался с боем, поэтому приходилось применять перебежки совсем как на фронте, занимая каждый новый плацдарм, чтобы уже с него не отступить.

Пройдены первые десятки метров вверх, к реактору. Чем дальше уходим, тем напряженнее становится дыхание, плотнее прилипает к лицу марлевый респиратор. Теперь уже сам, без подсказки, ориентируется, где ускорять шаг. Яснее становится и тактика наступления на радиоактивность. Сначала, как можно было убедиться в этом путешествии, глубокая дозиметрическая разведка, затем. — этому тоже пришлось быть свидетелем на земле — поиски технических решений наиболее рационального и безопасного «овладения» объектом. И вот — прямо перед тобой — участники очередной атаки, требующей мужества, выдержки, строгого расчета от каждого ее участника — как рабочего, так и академика. Причем почти каждый раз им всем и каждому в отдельности надо подыскивать необычное решение, опираясь, разумеется, на самый свежий опыт.

Помнится, наиболее сложные из них обсуждались, как правило, правительственной комиссией, но по-прежнему особо высокой оценки заслуживали как масса проверенных рационализаторских предложений, так и будничное трудовое усердие. Надо было, например, поднять на крышу бульдозер, и его предложили доставить туда вертолетом: и здесь смекалка наших людей не раз выручала. Уже по одним названиям представленных в Чернобыле институтов впору изучать географию страны. Нам рассказывали, например, что только для системы вентиляции захоронения четвертого реактора предложили семь проектов — было из чего выбирать...

Но вот наконец на высоте около 60 метров подходим к пролому, зияющему над сердцевинной поврежденного реактора.

— Бегом! — слышим негромкий голос И. Беляева. — Держитесь поближе к стенам. Выглянуть можно только па секунду, если же хотите сфотографировать реактор, высуньте из окна только руку с камерой и щелкайте. Снимок, правда, не гарантирую, но можете попробовать...

Попробовал, сделал два щелчка, а широкоугольный объектив захватил всю промплощадку — там, внизу, у подножья реактора, быстро подкатывали с бетоном тяжелые миксеры, красные и желтые стрелы кранов тянули к завалу блоки, элементы самих конструкций, где-то в стороне торил тропу по насыпанному недавно холму забрызганный грязью бронетранспортер. Сквозь его триплекс вместе с воинами постоянное наблюдение за ходом кладки вели и ученые. Здесь не дремлет и «голубое око» промышленного телевидения, фиксируя на видеопленку перипетии наиболее сложных операций...

С каждой новой неделей наступления на реактор город Чернобыль становился все более многолюдным: факт, который был виден, как говорится, даже невооруженным взглядом. Теперь сюда, в зону АЭС, все чаще приезжали не только те, кто личными усилиями приближал перекрытие крыши саркофага, борясь с бедой силой ума, мощью машин, натиском единого порыва. Ехали сюда и носители не менее мощных, нацеленных на обеспечение хорошего настроения зарядов. Имею в виду множество встреч с представителями творческих союзов. Сколько было там волнующих встреч с концертными бригадами, мастерами народного творчества, сколько бесед в непринужденном, хотя и строго, соответственно с требованиями воинского устава, обставленном интерьере: свежевystруганные лавки, такой же стол, неподалеку — белый матерчатый экран или кусок фанеры — и кино, и выставки наравне с концертами пользовались огромной популярностью.

Выставка, о подготовке которой мне рассказывал народный художник Украинской ССР Валентин Зноба, тоже была открыта в точно намеченный срок. И не где-нибудь, а в центре Чернобыля. Уже к концу мая в городе жизнь начинала идти своим чередом не только при решении первоочередных задач, но и тогда, когда в повестку дня вставали вопросы досуга людей.

Авиаторы, с которыми вначале довелось встретиться вроде бы сравнительно далеко от АЭС — в Бориспольском аэропорту, много недель водили свои машины над тридцатикилометровой зоной вокруг атомной станции, чтобы закрыть дорогу дождям.

Ежедневно в небе над поврежденным реактором появлялись вертолеты. После того, как летчики-снайперы отработали методику

замера температуры с помощью термопары, спущенной на тросе в жерло ядерного «вулкана», дальнейшие подобные операции не перестали быть опасными. Потому сюда по-прежнему вызывались летать лучшие из лучших. В день, когда я беседовал на вертолетной площадке с руководителем полетов подполковником А. Шабановым, ходили «за температурой» экипажи капитанов В. Лупы и Х. Блина.

— Отличные летчики, славные парни,— сказал о них подполковник.— Впрочем,— поправился он,— не только в небе, но, пожалуй, и на всех участках фронта, в котором тыла практически нет, зато передовая — со всех сторон...

«Чернобыльским грузам — зеленую улицу, работе по ликвидации аварии на четвертом энергоблоке — наивысший накал». Эти призывы, которые видел то на транспаранте, то у стенда, установленного возле здания, где работала правительственная комиссия, как мы убеждались на каждом шагу, выполнялись неукоснительно, в полном объеме и в намеченные сроки.

«Время торопит!» Эти слова тотчас отражались здесь в делах. Каждая команда по рации или совет на беседах специалистов — ведь тоже дело, не терпящее отлагательства. Говорю об этом, вспоминая предельную краткость, скажем, переговоров корректировщика-строителя со своим товарищем — оператором бетононасоса, работающим там, внизу, у основания поврежденного энергоблока. Каждое его действие направлялось по радио из относительно укромного места галереи. Из нее открывалась наиболее полная картина всего процесса укрытия четвертого реактора. И нельзя было не удивляться четкости, с которой трудились в столь необычных условиях те, кто, так сказать, вкладывал свой кирпичик в шатер, которым закрывали поврежденный блок.

Люди понимали: чем быстрее они здесь поработают, тем скорее отодвинется беда. Потому-то здесь любая работа шла споро, в темпах, которые в обычной обстановке считаются невероятно высокими. Спорно, но без спешки. Как отмечено на очередной страничке блокнота, в те тревожные дни практически на каждое организационное или технологическое решение задач, связанных с ликвидацией последствий аварии, все необходимые «команды» — чертежи, схемы, наглядные материалы, в том числе зафиксированные кино-, фотообъективами — выдавались вдвое-втрое быстрее обычного. А разного рода дискуссии первых дней и недель после аварии о том, что и как дальше делать, уже в июне практически почти исключались. Об этом говорили журналистам и члены правительственной комиссии, с которыми удалось побеседовать, и строители, имеющие на каждый день и час точную

раскладку работ, и автомобилисты: «план наступления четок и ясен, дело за тем, чтобы быстрее его выполнять».

В одном из помещений четвертого энергоблока, приспособленном под прорабскую, наверное, никогда прежде не доводилось видеть столько специалистов самых разных ведомств и организаций. Тем не менее — всюду атмосфера деловитости.

После того, как четыре сотни горняков, прибывших в Чернобыль из Московского бассейна и с Донбасса, прорыли тоннель, ведущий к основанию четвертого энергоблока, и, вынув сотни кубометров грунта из-под плиты реактора, создали днище укрытия, работы пошли еще быстрее. Особое внимание было обращено на осуществление плана воздействия одной из его граней — разделительной стены, отгородившей снизу доверху весь корпус здания для того, чтобы отсечь от излучения и загрязнения непострадавшую часть АЭС. Собранная из армированных блоков, обшитых свинцовыми листами и заполненных бетоном, стена с высокой степенью надежности изолировала разрушенный четвертый блок от третьего, где, как и на первых двух, стало возможно вести работы по дезактивации.

Параллельно шла и подготовка базы для создания стены, закрывающей разрушенную часть корпуса четвертого энергоблока. Чтобы лучше представить масштаб подготовки, скажу, что каждый из трех выросших неподалеку от АЭС бетонных заводов был способен обеспечить ежедневные потребности в бетоне при сооружении крупной гидроэлектростанции.

Выполнение работ поручили коллективу управления строительства № 605. «Часть наших товарищей,— рассказывал его начальник И. Дудоров,— в первое время трудилась в зоне повышенного радиационного «обстрела», и, естественно, их рабочая смена длилась всего несколько минут, согласно правилам безопасности. Но цикл работ требовалось вести непрерывный, и мы организовали особый график, нечто вроде «эстафеты постоянного взаимодействия», неукоснительно соблюдавшейся быстрой смены людей и техники.

Во второй половине июля работники управления строительства № 605 уложили первые кубометры бетона возле разрушенной стены реактора.

К концу сентября стена саркофага поднялась гигантскими ступенями до запланированной шестидесятиметровой высоты.

Наибольшую сложность представляла установка первой ступени каскада. После ее завершения толща бетона служила строителям защитой от радиации.

Монтажники в процессе сооружения саркофага пропивали внутренние перекрытия и стены блока вытяжной и приточной вентиляцией. Упрятанное в бетонную толщу ядерное горючее теперь находится под неослабным контролем: в вентиляционную систему вмонтированы дозиметрические приборы, мощные фильтры, не пропускающие даже самые мелкие частицы радиоактивной пыли.

Когда был уложен последний кубометр бетона в тело каскада саркофага, началась следующая, также очень сложная операция — перекрытие четвертого энергоблока.

Успех дела зависел прежде всего от его четкой организации. Работающий одно время начальником управления строительства № 605 лауреат Государственной премии СССР, Герой Социалистического Труда Г. Лыков, — последнего звания он удостоен после перекрытия саркофага, — рассказывал нам, что эту сторону решения сложной задачи обеспечил еще в первые дни один из первых членов правительственной комиссии, ныне Герой Социалистического Труда А. Усанов.

...Двери в помещение, за стеной которого четвертый реактор, не закрываются ни на минуту. Над картами и схемами люди в одинаковых защитных костюмах, масках. Но, несмотря на респираторы, почти закрывающие лица, они безошибочно узнают друг друга: сработанность чувствуется и в лаконичных вопросах, и в той быстроте, с которой прямо на глазах принимаются подчас весьма сложные решения.

Это и понятно, дух наступательности креп день ото дня, и потому вчерашний успех рождает новый. А зиждется он на совестливом отношении к делу, которое, естественно, тотчас выявляет истинных знатоков. Аккумуляция же их опыта и напора не может не ускорять темпы работ, рождает оригинальные подходы к решению ранее не возникавших задач.

Рядом с физиками, заснявшими с вертолета кадры уникального фильма о положении дел на поврежденной станции, часто можно было видеть руководителей специализированных подразделений, которые здесь называют «районами» - А. Бевзу, А. Демидова, К. Тыдыкова. Можно было наблюдать, как приданные им специалисты и рабочие прямо в этом необычном кинозале, за бетонной стеной которого «дозы» были еще высоки, разбирали каждый кадр ленты, а некоторые даже зарисовывали их фрагменты в блокнотах, запоминая тропки и переходы к опасным очагам, по которым придется идти, чтобы «задавить» их бетоном и свинцовыми плитами. И такие вот скрупулезно рассчитанные маневры, — а каждый кадр ленты служил здесь своеобразным компасом, ибо ускорял борьбу с

радионуклидами,— помогали точнее прокладывать подходы мощной строительной технике.

...Поднимаясь па самые разные уровни здания четвертого энергоблока — от первых этажей до последних, где сполохи электросварки высвечивали простоявшие много недель без привычной поливки еще свежие пальмы и фикусы, отмечал, как сосредоточенно, без лишних слов трудятся здесь люди. Хоть и не до перекуров, тем более, что на станции находиться с зажженной сигаретой запрещено, нет-нет, да и соберутся в минуты затишья то у «Молнии» с фамилиями передовиков, то у стенда с фотографиями, прикрытыми пластиковой пленкой, небольшие группки, обсуждая самые свежие новости. Как рассказывал заместитель начальника управления строительства по политической части В. Хапренко, члены восемнадцати временных партийных групп, организованных в каждом подразделении стройки, постоянно заботились как о широкой гласности, когда надо было определить наиболее особо отличившихся, так и об острой критике нерадивых. И это постоянное внимание к нравственной обстановке в коллективе, а только моральных форм поощрения применили здесь около десятка — от почетных грамот до вручения памятных альбомов,— конечно же, не оставляло нас равнодушными, — говорили монтажники, шоферы, диспетчеры.

Глубокая осень позолотила подъезды к станции. Все четче определяются абрисы саркофага. Вот уже на его крыше начались завершающие операции. Осталось более чем на 60-метровую высоту поднять многотонные секции металлической кровли. И не только поднять, но точно уложить на предназначенное каждой секции место, чтобы проделанные в них лючки пришлись над отверстиями, оставленными в перекрытии для вентиляции и ввода контрольно-измерительных приборов, а прикрепленные к секции специальные прокладки аккуратно легли на стык труб перекрытия. Добавьте к сказанному, что сделать это предстояло дистанционно — предстоящую операцию во всей полноте можно было хорошо видеть на экране телевизоров,— и станет понятно, какое напряжение ощущалось на командном пункте, откуда инженеры руководили действиями крановщиков. Непонятным, по крайней мере для посторонних, долго оставалось только одно — как же все-таки успевают быть практически всюду руководители работ В. Дмитриев?

Всего несколько минут назад его видели у основания захороненного блока, где вместе с монтажниками Владимир Матвеевич еще и еще раз осматривал элементы готовящейся к подъему на высоту кровли, а вот теперь Дмитриев вновь у светящихся в полутьме бункера телеэкранов — дает последние

указания главному инженеру участка Н. Хиренову обеспечить полный набор уплотнений и других элементов для монтажа фермы покрытия, чтобы наглухо закрыть путь радиации в атмосферу. И вот уникальная операция близится к концу.

Одним из ее важнейших итогов стал тот момент, когда на аварийном блоке, куда поместили около 300 тысяч кубометров бетона, 6 тысяч тонн металлоконструкций, монтажники уложили последнюю трубу кровли, прикрыв надежной защитой реакторный зал.

...Люди, вооруженные современной техникой, конечно же, большая сила. Но люди, боровшиеся с бедой в первые ее дни и вновь вернувшиеся на АЭС, чтобы довести дело под Чернобылем до конца, сильнее во сто крат. Об этом думал я, наблюдая, как замуровывают на веки вечные аварийный блок мои старые и новые знакомцы — многих из них мы называли уже на газетных страницах.

Другая, «мирная», как говорят на АЭС, обстановка, диктует и другие, житейские, темы многих встреч и бесед. Но и среди них, пожалуй, одним из главных остаются разговоры, а главное — дела, связанные с городами Припять и Чернобыль, особенно сильно пострадавшими в результате загрязнения радионуклидами.

Что же там происходит после сооружения укрытия четвертого блока, положившего конец его опасным выделениям? Если говорить кратко, продолжается эксперимент, суть которого — попытаться доказать на практике, что эти города можно не только очистить от радиоактивной пыли, но и использовать их квартиры вначале хотя бы для расселения групп вахтовиков, другого персонала, обслуживающего АЭС.

И вот мы шагаем по Припяти, где в мае, как известно, находиться было нельзя. Тогда, помнится, ее высотные здания, широкие проспекты, мигающие светофоры на перекрестках удалось разглядеть лишь через триплекс бронированной машины, которую вел донецкий водитель А. Киселев. Теперь же его сверстник курянин Ю. Чистяков, придерживая шапку рукой, прыгает вслед за полковником П. Довгополым из обычного «уазика» на тротуар и оказывается лицом к лицу с солдатами, вооруженными на этот раз... лопатами. У бровки асфальта по улице Леси Украинки, где прошелся их надежный инструмент, воины, которыми командует полковник Б. Чубук, засыпали свежесрытые площадки земли чистым песком, а дозиметрист тотчас замерил фон на этом месте.

«Уровень радиации упал в три, пять, десять раз», — доносится тут и там, пока переходим от многоэтажного здания общежития до расположенного рядом аккуратного помещения кафе.

— Во всех микрорайонах Припяти,— отметил П. Довгопольный,— воины-химики методично «оживляли» дом за домом, улицу за улицей, деревья же очистили специальными машинами. Там, где были клумбы, посаженное пришлось вырывать с корнем и вывозить за городскую черту, в специально отведенные для мусора карьеры. Это сразу же намного улучшило радиационную обстановку. Песок, другие компоненты, которыми пользуются для обновления улиц и площадей дезактиваторы, столь же быстро помогают снижать фон, как и большое старание людей побыстрее очистить город от радиоактивной грязи.

Чтобы получить хотя бы частичное представление о масштабе проводимых в Припяти работ, а они почти повсеместно шли со значительным опережением намеченного графика, назову такую цифру: лишь с балконов многоэтажных жилых домов города вывезено около двух с половиной тысяч машин различного мусора...

Партийные и советские органы страны, постоянно следя за состоянием дел и ходом выполнения планов работ по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, особое внимание обращают на обеспечение четкой реализации всего комплекса мер по этому вопросу, повышения эффективности дезактивации территории атомной станции и прилегающей местности, защиты водного бассейна Днепра. Особая забота — как всегда, о людях. Вот уже в живописном лесу на расстоянии чуть больше 50 километров от ЧАЭС вырос новый город энергетиков Славутич. В нем уже зажглись огни новоселий.

Заботы, связанные с быстрейшей ликвидацией последствий аварии на Чернобыльской АЭС, взял на себя весь советский народ. И этот долг особой важности выполняется с честью. В этом не раз убеждался и лично, фиксируя многие события «Зенитом», а потом другими фотокамерами.

Кстати, в начале этих заметок я обещал рассказать, почему во время поездок в Чернобыльский район сменил ряд аппаратов. Так вот, первый из них я уронил на бегу в густую пыль у подножья реактора. Кое-как отряхнув его, все-таки сделал несколько кадров. Рассказ об этом происшествии услышал один из дозиметристов. Он тотчас же измерил уровень зараженности моей «техники». Его приговор был строгим — радиоактивность «Зенита» опасно повысилась. Пришлось на другой день вооружиться «Киевом». Он-то и запечатлел редчайшие кадры, сделанные на удалении в 30—40 метров от разрушенного реактора, а затем, через несколько месяцев, и тот самый памятный, конечно, не только для автора этих строк снимок: укрощенный, в бетонной коронке, реактор.

Сделан он был накануне торжественного митинга, на котором прозвучали, в частности, слова и о том, что правительственное задание по укрытию поврежденного энергоблока выполнено досрочно. Атомный джинн надежно изолирован от окружающей среды. А саркофаг с «начинкой» стал своего рода исследовательским центром, в котором ведутся дальнейшие поиски оптимальных путей использования атомной энергии в мирных целях.

Владимир ЖУКОВСКИЙ

КОМИССАРЫ

Вместо предисловия

Складывая в стопку накопившиеся за день бумаги, Хапренко мельком взглянул в сумеречное окно: какая там к ночи погода? Хотя бы сегодня не мело. Разгулявшаяся пурга уже пятый день заметала дороги, и добираться до Серебряного Бора было все труднее. Может, заночевать в Чернобыле?.. Устроюсь прямо на табуретках. Не впервые ведь... Нет, пожалуй, поеду! Он вдруг отчетливо вспомнил, что на двенадцать часов ночи заказан разговор с женой. Собирается приехать на день-другой. Да и побриться к утру надо. Не будет же он, начальник политотдела, ходить заросшим...

В неярком свете уличного фонаря неистово носились, словно майские мотыли, крупные снежинки. Гонимые ветром, они с разных сторон налетали на белый абажур, будто именно он стоял на их пути, сдерживая вырвавшиеся из повиновения снежные вихри.

Хапренко представил, как он сядет у окна полупустого автобуса и будет в пути блаженно дремать под монотонное завывание вьюги. Он, никогда не жаловавшийся на здоровье, в последние дни почувствовал — на плечи навалилась усталость. Спал мало, работал, как другие, без выходных...

Его раздумья прервал резкий телефонный звонок.

Взял трубку и узнал голос заместителя начальника управления Валерия Николаевича Кармачева.

— Засиделся? — поинтересовался Хапренко.— Люди домой уезжают — тебе благо: работы, небось, поубавится. А вот нам — в политотделе — наоборот: забот увеличилось. Я, чтоб ты знал, только сегодня около трехсот грамот, писем и благодарностей подписал. Рука ноет. И до мозолей недолго.

— Да ну тебя — расхвастался,— дружелюбно проговорил Кармачев.— Я звоню, кстати, по неотложному делу.

— Зайти? — спросил Хапренко.

— Загляну сам. Без «комиссарской» помощи тут, видно, не обойтись...

— Выкладывай, что там случилось? — устало проговорил Хапренко.

Валерий Николаевич рассказал о том, что из первого района поступают сигналы о неправильном поведении одного из руководителей.

«Неужели бывает под хмельком? — подумал Хапренко, но тут же сам себе возразил: — Нет! Не заметить такое хлопцы из «антиалкогольной» бригады не могли: он лично инструктирует их перед традиционными вечерними рейдами. «Зеленому змию» с первого дня объявили беспощадный бой...»

— Здесь другое,— вернулся к теме разговора Кармачев,— Есть такое понятие как ретивость. Оно — полная противоположность строгости, исполнительности. Кроме грубого окрика, понуждения, товарищ, видимо, ничего иного не знает. Считает, что в сложных условиях Чернобыля о человечности и чуткости можно забыть. А как специалист неплохой.

Хапренко задумался. Таких людей ему приходилось встречать и раньше. На первый взгляд, поступают они вроде бы и правильно. Но такой подход годится разве что для нерадивых. Здесь, где все выкладываются без команд и понуканий, такой стиль руководства вреден. В этом Виктор Никитович убеждался не раз. Уже третий месяц он «в зоне», но не помнит случая, чтобы бетонщик или водитель, дозиметрист или монтажник отказался от самой опасной работы. Бывало, что трудились по две смены подряд, хотя этого никто не требовал. Люди сами понимали обстановку, шли на оправданный риск. Кармачев прав: руководителей грубых и нетактичных нужно ставить на место. Но еще больше следует проявлять заботу и внимание, оказывать дружескую помощь, поддержку.

Нам называли имя этого специалиста. Но Хапренко попросил не указывать его. Инженер он опытный, знающий дело. Осознал, что поступал неверно. После встречи с Хапренко и Кармачевым, которые дали «сутки на размышление», сам пришел в политотдел с «повинной». Да и от монтажников жалоб больше не поступало.

Тысячи людей прошли испытание Чернобылем. Экстремальные условия рождали сложнейшие ситуации, ставили вопросы, решать которые надо было не откладывая. От рабочих и инженеров, конструкторов и ученых требовались — не день и не два — знания и

мужество, терпение и самообладание. О них много и часто сообщала печать, рассказывало теле- и радиовещание.

А совсем рядом трудилась горстка людей, имена которых почти никогда не упоминались. Они, собственно, и сами того не желали, считая это ненужным, излишним. К ним принадлежали работники политотдела 605-го строительного управления — главного подразделения по захоронению радиоактивных обломков четвертого реактора.

Вспоминая тот тревожный апрель, воздадим должное и «комиссарам» Чернобыля.

Более трех с половиной месяцев провел на ЧАЭС парторг управления Виктор Никитович Хапренко. Он слыл душой многотысячного коллектива, был всегда там, где складывалась наиболее трудная обстановка.

Две комнатки в вагончике

Управление строительством разместилось в здании бывшей автостанции — у самого въезда в Чернобыль. Для политотдельцев были выделены две крохотные комнатки в полевом вагончике. Работали здесь по-полевому, а вернее — по-боевому. «Кабинет» парторга до того узок, что трудно пройти между столом и табуреткой для посетителей. Впрочем, это мало волновало Хапренко, ведь настоящим его кабинетом была вся стройка — от чернобыльского речного порта до АЭС.

Парторгу еще не исполнилось и пятидесяти. На нем — черный, как у танкистов, комбинезон, широкий солдатский ремень, тельняшка. Такая одежда здесь «в моде» — просто и удобно. Тронутые сединой чуть волнистые волосы зачесаны назад. Во всем: негромком голосе, в манере держаться — угадывались готовность выслушать собеседника, Дать исчерпывающий ответ, не спасовать перед трудным Делом. Самые добрые слова мы слышали о Викторе Никитовиче и от работников Центрального Комитета Компартии Украины.

Во время первой же встречи секретарь парткома сказал:

— Работники политотдела хотят как можно лучше исполнять свою работу, и кое-что нам удастся. Но не мы главные действующие лица в Чернобыле. Мы познакомим вас со строителями, монтажниками, дозиметристами, воинами. Берите любого, и не ошибетесь...

Стена одной из комнат парткома испещрена яркими листами. Это образцы грамот и благодарностей. Не одну тысячу их увезли с собой чернобыльцы на родину как память о нелегких днях, проведенных на станции. Этот необычный стенд сразу видишь, едва

переступив порог. Значит, не надо тратить время на ненужные пояснения. Взглянул на доску — и все понятно: какая грамота, от имени кого вручается. «Сообщаем, что за активное участие в ликвидации аварии...»; «Сердечно благодарим Вас за самоотверженные действия...»; «Припятский горком партии награждает за активное участие...»; «Решением правительственной комиссии объявляется благодарность...». Так начинались эти лаконичные документы, и на каждом из них подпись также секретаря парткома.

— Сейчас, когда сооружение саркофага завершается, — скажет он, — мы с особой тщательностью ведем эту работу. Человек уходит отсюда, словно с поля боя: как же не сказать ему доброе слово на прощание? Помню, как мой отец, да и все фронтовики, вместе с медалями и орденами берегли благодарности Верховного Главнокомандующего, объявленные в приказах по войскам.

Наш разговор прерывали телефонные звонки. То и дело открывались двери кабинета.

— Я с десятого района, — произнес очередной посетитель. — Вот список людей, которых паша партийная организация рекомендует поощрить. Кому прикажете передать?..

Позже парторг объяснит: этот район строит базу УПТК. Рабочих управления называют «тыловиками». Но и они выполняют важнейшие задания по ликвидации последствий аварии. Оставить их без внимания было бы неправильно.

Зашел еще один посетитель. Это был местный художник. Он без слов передал какой-то рисунок. Парторг кивнул головой. То был образец почетной грамоты для трудовых коллективов, выполнявших заказы Чернобыля. А таких, уточнит Хапренко, сотни. Грамоты договорились оперативно сделать в Киеве с помощью Госкомиздата. На ее титульной стороне — силуэт Чернобыльской атомной. Выполнен рисунок профессионально. А вот внутренние страницы парторга не удовлетворили.

— Здесь, — указал он на одну из них, — хорошо бы показать панораму нынешней АЭС, и обязательно с законченным саркофагом. Такой рисунок будет напоминать владельцу грамоты, что он — участник героических событий.

...Очередной звонок пригласил парторга на встречу с отъезжающими из Чернобыля воинами, участвовавшими в работах по дезактивации населенных пунктов в 30-километровой зоне.

Беседу продолжаем с Александром Буренковым — инструктором парткома. С ним приходилось встречаться и раньше. Это он несколько раз сопровождал журналистов на станцию, знакомил с руководителями стройки, показал места, где еще недавно трудился сам.

Александр — выпускник Харьковского инженерно-строительного института. В свое время он работал мастером на сооружении маслопрессового завода, избирался секретарем партийной организации этой же стройки. Молодого специалиста заметили в райкоме партии и пригласили инструктором.

Более трех месяцев прошло с тех пор, как Александр прибыл на АЭС, на ее важнейший участок — дезактивацию и бетонирование промплощадки. Позже Буренкова, «схватившего дозу», отозвали с четвертого блока. Но он попросил оставить его в Чернобыле.

— Наверное, ничто в моей жизни не запомнится так, как эти дни в «зоне»,— говорит Саша,— хотя и в парткоме оказалось достаточно интересных дел. Особенно оживилась работа с приходом Виктора Никитовича, который заставил всех нас по-новому взглянуть на роль политработника. Он прежде всего потребовал живого общения с людьми. Все у него выходило просто, непринужденно — так, словно он десятки лет знаком с тем или иным человеком.

За оформление и вручение поощрений в парткоме отвечал Игорь Щетинин.

— Даже в такое, на первый взгляд, рутинное дело,— говорит он,— Хапренко внес немало новшеств.

Виктор Никитович хорошо знал, как это часто бывает в жизни: подготовят грамоту, и лежит она неделю-другую в столе, пока не пришлют за ней гонца.

— Нет,— категорически сказал Хапренко на одном из партийных собраний,— мы поступим по-другому. Награды будем вручать героям Чернобыля как можно оперативнее. А тем, кто отъезжает,— немедленно. И еще: награждать только на рабочих местах, в присутствии всего коллектива.

Обыкновенные с виду, простенькие грамоты в Чернобыле неожиданно приобрели особую ценность.

Виктор Никитович уточняет: в сентябре — а в то время работы по захоронению аварийного блока были в самом разгаре — ежедневно выдавали по 300—400 грамот, благодарностей, писем. На площадке, а не в кассах выплачивались и денежные премии.

Умел Хапренко работать сам, но и умел доверять своим помощникам. Не всегда можно было дозвониться к нему или же застать в политотделе. Но кто-либо из его сотрудников находился там всегда. Чаще всего парторга заменял Николай Калякин — инструктор по оргпарработе, бывший пропагандист из города Навои. В Чернобыле ему приходилось заниматься самыми различными вопросами. Так, в конце сентября в управлении состоялось собрание партийно-хозяйственного актива. Готовясь к нему, в парткоме утвердили лишь докладчика. Во всем остальном решили действовать

неформально — отказались от трибуны, от заранее составленного списка выступающих. И еще об одном договорились: «заседать» не более сорока минут.

...Зал районного Дома культуры заполнен до отказа. Почти все коммунисты — «оттуда»: одни в комбинезонах или форменных куртках, другие в защитного цвета робах, белых «докторских» шапочках.

Когда избирали президиум и объявляли повестку собрания, Калякин еще волновался. И только после того, как вслед за докладчиком на сцену один за другим стали подниматься представители районов и служб, он почувствовал: присутствующих объединяло нечто большее, чем просто коллектив людей, съехавшихся из разных уголков страны. В Чернобыле собрались единомышленники, сплоченные общей задачей, общим устремлением — скорее укротить вырвавшийся из-под контроля атом. Были зримы и результаты их усилий: полным ходом велся монтаж перекрытий машинного и реакторного залов, в труднейших условиях устанавливалась разделительная стена между третьим и четвертым блоками, все выше и выше поднимался каскад над развалом. О том, как коммунисты обеспечивают на этих участках свою авангардную роль, и говорилось в немногословных выступлениях. Не забывали ораторы говорить и о том, что беспокоило людей, всю стройку. Досталось смежникам, не в полном объеме обеспечившим фронт работ. Перепало руководителям объектов, которые не всегда крепко объединяли усилия служб и подразделений. Деловой и краткой была резолюция собрания: она уместилась всего в десяток строк. За нее единодушно проголосовали все участники актива.

А вскоре еще раз над рядами собравшихся дружно взметнулся лес рук. По предложению строителей первого района коммунисты постановили перечислить однодневную заработную плату в фонд помощи Чернобылю. А это — не одна тысяча рублей! К этому времени сумма добровольных взносов на 904-й счет перевалила за двести тысяч рублей.

После собрания к секретарю парткома подошли коммунисты.

— Я более сорока лет в партии,— сказал один из них.— Слушал всякие речи, порой длинные и малосодержательные. Сегодня же мы говорили кратко и конкретно. Только по делу. И действовать будем еще энергичнее. Вот так бы всегда! Это пример для перестройки всем партийным работникам!

Виктор Никитович поискал глазами Калякина и одобрительно ему улыбнулся.

К людям!..

Через какое-то время, проведив группу военных строителей, В. Н. Хапренко возвратился назад. И наша беседа продолжилась.

— Сейчас на стройке,— сказал он,— уже не восемнадцать партийных групп, как было вначале, а меньше: часть людей, выполнив свою задачу, выехала к прежнему месту службы. Но коммунистов осталось еще немало, и мы не можем свертывать или ослаблять партийное влияние в коллективах. Прежде, чем будет готов саркофаг, предстоит еще уложить сотни кубометров бетона, тонны металлоконструкций. Сегодня именно здесь проходит, так сказать, наша «линия фронта».

Парторг показывает одну из фотографий.

— Вот сюда,— показал он на темнеющее место в завале,— поднимем «мамонта», этакую семидесятитонную махину — балку. Она станет промежуточной опорой для «большой клюшки», которая перекроет реакторный зал со стороны машинного зала. «Малая клюшка», такая же полуизогнутая ферма, будет смонтирована в районе каскадной стены. И таким образом железобетонное укрытие плотно изолирует разрушенный блок от внешнего мира.

В зимнюю пору рано наступают сумерки. Кажется, совсем недавно в заиндевелое окно проглядывало невысокое солнце, а уже и синие тени легли на редкие февральские снега. С трассы, пролегающей рядом, доносилось натужное гудение машин с грузами на АЭС...

Наш собеседник продолжает со знанием дела говорить о вещах, в общем-то, непростых для непосвященного человека, свободно оперирует специальными техническими терминами.

— Не забывайте: я ведь строитель,— уточняет он,— хотя род наш с деда-прадеда — донецкие шахтеры. В рабочем поселке имени Кирова и поныне живет мать Анастасия Ивановна. Скоро ей — восемьдесят пять. А вот моя семья, скажу вам,— «строительная»: жена — инженер, старший сын — инженер-лейтенант, младший — студент Московского инженерно-строительного института. Вместе с женой заканчивал Ростовский институт, кочевал по стране. Проектировал Новомосковский, Сумгаитский, Ереванский, Яванский химические комбинаты. И вот почти семь лет живу на Мангышлаке, в городе Шевченко. Избирали секретарем парткома стройки, где насчитывалось до полутора тысяч коммунистов. Хорошая была школа!

— Сюда, вероятно, тоже приехали не случайно?

— Наверное, так. Сейчас вся страна живет Чернобылем. Здесь мне, как и другим, пригодился прежний опыт. Скажем так:

нельзя заниматься партийной работой, не зная производства. В то же время ценен и хозяйственник, который имеет стаж партийной работы. Он и людей быстрее поймет, и социальных проблем не обойдет. Правда, у нас, на Чернобыльской, ситуация совершенно особая. Но партийные принципы всегда незыблемы.

— Нам рассказывали, что и вы, и сотрудники парткома едва ли не каждый день бываете в «зоне».

— Без этого нельзя! В Чернобыле многое напоминает фронтовую обстановку, но мы всех предупреждаем: зря не рисковать. Любое дело нужно заранее продумать, просчитать, выверить. Каждый рабочий, кроме того, знает: в трудный момент партийный организатор, да и просто рядовой коммунист, не покинет опасного участка — будет трудиться рядом, придет на помощь.

Чернобыльские будни это полностью подтвердили. Каждое решение и действие продумывали наперед. И все же иногда случалось непредвиденное. В такие моменты по-особому ценились опыт, смелость, дерзость. Помнится, как переживали собравшиеся в бункере руководители, специалисты, ученые, когда во время установки на реакторный зал балки-перекрытия, подвела зарубежная техника. Многотонная конструкция, уже зависшая над крышей реактора, вдруг резко пошла вниз и затем, застопорившись, остановилась: ни вверх, ни вниз. Заменяв трос, опытные специалисты с помощью мониторов подняли гигантскую машину на необходимую высоту. Только специалист сполна оценил бы то, что было сделано: ведь во время устранения аварии на кране его «стрела» выбрасывалась на расстояние до семидесяти метров. Добавим, что и крановщик, и операторы руководили операцией по телевизору. Радиационная опасность не позволяла наблюдать визуально. И все это время от телеэкрана не отходил секретарь партийной организации монтажников В. А. Петров. По две, а бывало, и по три смены не уезжал из «зонь» Вячеслав Александрович и в те дни, когда бетонировалась каскадная стена, перекрывался реакторный зал.

Секретари партийных организаций — надежная опора парторга. Юрий Всеволодович Николаев, Владимир Константинович Велихоцкий, Ростислав Сильвестрович Семенченко, Владимир Васильевич Глебов... Да, как хозяйственники они в полной мере отвечали за дела на своих участках, но чем измерить их деятельность как партийных организаторов? Бетонщик уложил за смену сто кубометров бетона — ему слава; водитель в сложных условиях без задержки доставил на стройку важный груз — честь ему и хвала. Кто его увлек на этот подвиг? Кто позаботился о быте, питании, отдыхе рабочего? По-лит-работ-ник! Именно это с горячей убежденностью

будет доказывать нам Хапренко, будто мы и сами не видели, не знали самоотдачи чернобыльских «комиссаров».

Человеку, в том числе журналисту, впервые попавшему на АЭС в те дни, казалось, что все здесь здорово организовано, все отлажено. Никаких нет отклонений в сторону, а все люди идеальны, без изъянов.

— Скажу откровенно, — заметит Хапренко, — никогда не думал, что найду здесь столь высокий моральный дух. И если говорить о каких-либо нарушениях дисциплины и порядка, то их ничтожно мало: на тысячу рабочих — не больше двух-трех случаев. Знаете, какого наказания у нас страшатся больше всего? Решения отобрать командировочное удостоверение и сообщить об этом по месту работы. Так что лодырей тут нет. Чернобыль быстро определил — кто есть кто.

Постоянно держать руку на пульсе, находиться там, где решается успех дела... Такое требование предъявлено к работе парторга. А, конечно же, не всегда выдерживался известный у военных людей принцип: делай, как я.

Хапренко вспоминает дни, когда сооружалась разделительная стенка между четвертым и третьим блоками. Работали здесь по двое: одни подавал лопатой раствор, другой — укладывал кирпич. Вначале — на корточках, затем — пригнувшись: ведь опасность была совсем рядом. Хорошо, дозиметрист находился тут же, да и прораб с секундомером. Что в этой ситуации мог сделать парторг? Улыбнуться молодому парню, дружески тронуть его за плечо. Может, большего и не требовалось. Просто человек чувствовал за спиной старшего товарища. А в планах... в планах, естественно, все это помечалось кратко: «Выехать в «зону».

Интервью в парткоме

Слово «рубезж», скорее всего, относится к военному языку. Там оно обозначает условную линию, от которой отсчитывается начало или конец какой-либо операции.

В конце декабря благодаря усилиям многотысячного коллектива строителей завершился важный этап восстановительных работ на Чернобыльской АЭС: был укрошен и надежно закрыт четвертый реактор. Как указывалось в сообщении ЦК КПСС и Совета Министров СССР, правительственная комиссия приняла в эксплуатацию комплекс защитных сооружений разрушенного энергоблока. Аварийный реактор перестал быть источником радиоактивного заражения окружающей среды.

Говорилось также о том, что для изготовления саркофага было использовано свыше шести тысяч тонн металлоконструкций и более

трехсот тысяч кубометров бетона... Что стоит за сухими цифрами? Набираем знакомый номер политотдельского телефона...

— Долго рассказывать,— говорит, выслушав нас, парторг.— Да и времени в обрез. Готовим документы для награждения наиболее отличившихся на завершающей стадии работ. Если хотите поговорить конкретнее, милости просим к нам.— И вдруг, как это уже не раз бывало, Виктор Никитович перешел на украинский язык: — Завжди раді бачити...

Снова — те же две малюсенькие комнатухи в полевом вагончике... В первой Николай Калякин стучит на выдавшей виды пишущей машинке: печатает характеристики. Хапренко остается лишь их просмотреть, что-то подправить, подписать. Без его визы начальник управления Иван

Александрович Дудоров документов не примет. Так заведено: в обход парткома не решается ни один вопрос, тем более, когда речь идет о людях.

Поздний вечер. За морозным окном уже не различить ни голых кленовых ветвей, ни одиноко стоящего здания районной «Сельхозтехники». Именно в такие часы, когда спадает дневной накал, к политотдельцам чаще всего и заходят коммунисты. Одни рассказывают о делах на объектах, другие — делятся той или иной радостью, третьи советуются, как лучше решить возникшие неувязки.

Предоставился и нам редкий случай встретиться с командирами стройки, откровенно поговорить с коммунистами.

Первым заглянул начальник одиннадцатого района Александр Георгиевич Беченов.

— У меня знаменательный день! — бросил он с порога.— Сегодня истекают сотые сутки с тех пор, как я в Чернобыле...

— Ты, Саша, конечно, не первый такой герой,— улыбнулся Хапренко.— Но сотня — это в самом деле цифра круглая. Не худо и отметить... бутылкой боржоми.

— Сам я москвич,— представился нам Александр Георгиевич, когда улеглись шутки и разговор пошел о тружениках его района.— Работаю главным инженером в «Главмоспромстрое». А здесь мой объект значится под одиннадцатым номером, хотя он — далеко не второстепенный. Уникальная операция по захоронению поврежденного блока напрямую связана с огромным количеством бетона. Надо отдать должное тем, кто его производил и доставлял в наиболее опасные места. Нам досталось еще более трудное дело — укладка бетона.

Первый бетононасос, рассказал А. Г. Беченов, строители запустили уже седьмого июля. А еще раньше десять операторов, освинцовав кабины, провели на бетонном заводе в Чернобыле

пробные испытания насосов. Они подавали смесь на разделительную стенку между третьим и четвертым блоками. Нетрудно догадаться, как важно было сделать это быстрее.

Главная задача, которая была поставлена на первом этапе,— уменьшить уровень радиации. Для этого надо было воздвигнуть рядом с зияющим завалом многометровую каскадную стену.

К началу августа радиация резко упала. Это позволило установить несколько насосов впритык к пролому. Позднее такие мощные агрегаты, закачивающие бетон, появились в других районах станции.

Оперативно действовала служба снабжения и заправки насосного оборудования. Значительную роль сыграла диспетчерская вахта. Случалось, какой-либо насос выходил из строя. Тут же узнавали, в каком городе он изготовлен, посылали туда телеграмму «молнию». Самолет с новым насосом был еще в воздухе, а в аэропорт уже выезжал мощный МАЗ с машинистом.

— Вот, смотрите,— показал Беченов.— Это справки-донесения в правительственную комиссию о проведенных нашим районом работах.— Сотни пунктов! Только перечисление их заняло бы много времени. Поэтому назову лишь некоторые. Кстати, в сообщениях, переданных по каналам ТАСС, о них уже говорилось. Так вот, скажем, в основные объекты блока на сегодня уложено более трехсот тысяч кубометров бетона. Пятизначными цифрами — непосвященному это трудно представить — помечено количество раствора, использованного в других не менее важных местах. Специалисты района провели, кроме того, ряд уникальных операций.

Беченов порылся в карманах толстого ватника, достал сложенную вдвое бумажку.

— Хотите, почитаю стихи?..

Мы заинтересованно переглянулись.

— Эти строки,— объяснил Александр Георгиевич,— я написал для «Молнии» о Викторе Заведие, лучшем чернобыльском бетонщике...

Кто мог знать в те дни, что пройдет совсем немного времени — и Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и самоотверженный труд, проявленные при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС и устранении ее последствий, бригадиру машинистов-операторов бетононасосов В. И. Заведию будет присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Мужество. Героизм. Самоотверженность. Эти качества проявили в Чернобыле тысячи людей. Вспоминается, в этой связи встреча с начальником стройуправления И. А. Дудоровым.

— Всем, кто принимал участие в ликвидации аварии, пришлось нелегко,— говорил Иван Александрович,— И все же самый трудный этап выпал на долю последней — третьей — смены людей. Им пришлось не только форсировать восстановительные работы, но и выполнить наиболее сложные в техническом отношении операции. Специалисты здесь собрались грамотные. Однако ответственные решения им нередко приходилось принимать лишь по чертежам да по фотографиям. К объекту не подойти — столь высок был радиационный фон. То место, куда намечалось уложить какую-либо конструкцию, можно было рассмотреть только с помощью телекамер, либо же — с вертолета.

Много споров возникло, например, во время установки опоры для укладки труб в перекрытие реакторного зала. Было предложено до десятка вариантов. И, когда остановились на последнем, понадобилось десять дней на изготовление стасемидесятитонного «осьминога» — так называли монтажники опору. За несколько суток смонтировали также конструкцию, окрещенную «мамонтом». Она приняла на себя пятисоттонный груз. Работы выполнялись на огромной высоте, управление механизмами осуществлялось по рации. С помощью телекамер, словно гигантские карандаши, были уложены двадцать семь труб в перекрытие реактора. Этими работами мастерски руководил опытейший инженер-оператор из Челябинска Никифор Ксенофонович Страшевский. Это поистине виртуоз своего дела.

Лучших специалистов направила Родина на ликвидацию чернобыльской аварии. Отбирали только добровольцев.

— Многим из тех, кто побывал в Чернобыле,— сказал Дудоров,— дали отличные характеристики. Не раз бывало такое: человек приезжал работать прорабом, а завершал пребывание мастером, начальником участка. Да и на прежнем месте работы — мы получали письма — их повышали в должности.

...Главный механик стройки Евгений Петрович Павкин зашел в политотдел одним из последних. За ним топтался в дверях молодой парень в шапке-ушанке.

— Слышал я, Виктор Никитич,— проговорил Павкин без всяких предисловий,— что у тебя находятся сейчас журналисты из Киева. Попроси их, пусть напишут о Саше Борке. Ты его, вероятно, знаешь. Из Киргизии приехал. Помнишь его МАЗ номер 30-05, на котором возил к реактору щебень из карьера? По восемь-девять рейсов за смену делал. Машину пришлось отправить на дезактивацию. Парня пересадили на автобус. Его, откровенно говоря, надо бы отправить домой, но он заупрямился: оставьте — и все тут!

Так же неутомим и сам Евгений Петрович. Ему уже под шестьдесят. Урал, Казахстан, Сибирь, Сосновый Бор, что под Ленинградом,— это лишь часть регионов и городов, где Павкин оставил свои трудовые автографы.

— Много видал я строек на своем веку,— говорит Евгений Петрович.— Но, конечно же, ничего сравнимого с этой не наблюдал. Все тут необычно — и размах, и темпы.

И качество. В двадцатых числах октября мы бетонировали контрфорсную стенку. Это сейчас — готовенькая, красивая — она чем-то напоминает знаменитые «быки» Днепрогэса. А тогда... Радиация — не подступишь. Требование же правительственной комиссии — безоговорочно: за несколько дней установить и забетонировать десять вертикальных секций. В каждой из них — более ста тонн. Группы ребят работали всего по пятнадцать минут. Но никто не спасовал: надо — значит надо...

Евгений Петрович помолчал, взъерошил густую седеющую шевелюру.

— Вот возвращусь домой,— сказал он,— уверен: долго не усну по ночам. Будут вспоминаться и укрощенный четвертый. и вся эта прекрасная киевская земля, которую довелось увидеть в такое горестное для нее время. Жаль только, что внуку Женьке (в честь деда назван!) всего год и четыре месяца. Не расскажешь ему о том, чем мы тут занимались, что мастерили. Но ничего. Вот уйду на пенсию, опишу все, как было. Вместе с грамотами, удостоверениями и значками уложу все в конверт и накажу вскрыть лишь тогда, когда он станет взрослым. Сам Чернобыль, а также все, что мы совершили здесь, долгие годы будет волновать людей. Такое не забывается.

Послесловие

От Чернобыля до Припяти — восемнадцать километров. Это расстояние можно за двадцать минут преодолеть на автомашине. Мы же добирались до АЭС значительно дольше. Наш автобус то и дело теснили к обочине грузовые машины — бетоносмесители, цементовозы, мощные КраЗы, военные вездеходы. В запотевших стеклах машин, защищенных свинцом от радиации, мелькали опустевшие хутора и села, голые вербы с налипшими на ветвях комьями мокрого снега.

Сразу за Припятью, оставшейся справа, вырос белый пилон с круглой чашей, увенчанной алыми сполохами огня. Так киевские дизайнеры пятнадцать лет назад символически выразили созидательный труд чернобыльских атомщиков. Внезапный взрыв на четвертом блоке АЭС погасил ее мирную энергию...

В салоне автобуса сидели Хапренко, Беченов, Павкин, другие руководители объектов. Мы направлялись на станцию. Каждый думал о своем. Вдруг Евгений Петрович Павкин попросил остановить машину:

— Крестоподобную сосну никто не видел?..

Пассажиры дружно промолчали.

— Сворачивай вон на ту просеку,— велел Павкин Саше Борку.

Неприветлива была припятская земля в эту пору. Шел мелкий дождь вперемешку со снегом. Слева от дороги, разбитой колесами и гусеницами вездеходов, стояла землеройная техника: здесь шла расчистка участка под склад. По размокшей тропе мы направились в лес. Под ногами уже мягко пружинила опавшая хвоя. И вдруг перед нами, на небольшой поляне, выросла вековая сосна. На трехметровой высоте ее ствол причудливо раздвоился, словно она с горя раскинула руки...

Внизу белая плита с алой звездочкой. И надпись:

«И ты, идущий по весне,

Остановись! И поклонись ей низко...

Да, этой вот сосне.

Сосне, что стала обелиском».

Таяли снежинки за воротом, зябли руки. Люди стояли молча, разгадывая смысл прочитанного. Тишину нарушил Павкин:

— Об этой сосне мне рассказала в Чернобыле одна пожилая женщина... Фашисты повесили на этом дереве не одного патриота. Видите — на раздвоенных стволах, словно на перекладинах, железные крюки? На них гитлеровцы приспособливали веревки...

Каждый из нас вдруг с пугающей ясностью представил ту страшную картину казни. Последние минуты героев...

И подумалось еще вот о чем... Многие из тех, кто живет на Киевщине, возможно, и не узнали бы ничего о сосне — свидетельнице кровавых злодеяний гитлеровцев. Но вот приехал в Чернобыль беспокойный немолодой человек из Сибири, услышал рассказ о ней от местных жителей и не поленился — нашел-таки место гибели патриотов. И не только нашел, но и стал приводить сюда других...

Какое отношение к теме нашего повествования имеет этот неожиданный случайный эпизод, подумает иной читатель? Имеет! Разве сила духа советских людей, не покорившихся захватчикам, иссякла в наши дни? Разве она не проявлялась в годы послевоенного возрождения, на целине, в Афганистане и, наконец, в Чернобыле? Разве убавилось у нас мужества?

...Коротки зимние дни. Снежная круговерть опустила на огромную стройку свой полог, припорошила закованный в бетон и

сталь саркофага, его темно-фиолетовые каскады и ребристые стены контрфорсов.

С Виктором Никитовичем Хапренко сфотографировались «на память» у подножия четвертого реактора.

Еще раз мы увиделись с ним перед Новым годом. Пообедав в рабочей столовой, направились к машине. Он с непокрытой головой, в расстегнутой армейской фуфайке, извинившись, вдруг направился к заросшему жухлым бурьяном полю. У его ног быстро опустилась стая голубей. Хапренко достал из кармана хлебные крошки и стал сыпать вокруг себя. Никто не успел заметить, как нага друг и коллега — репортер Владимир Репик — запечатлел этот миг.

Редкую и необычную для тех чернобыльских дней фотографию мы отправили Виктору Никитовичу, в Москву, где он проходил профилактическое обследование в одной из клиник. Снимок был для него не только приятным сюрпризом, но и добрым напоминанием о многотрудной чернобыльской схватке, за победу в которой он, «главный комиссар Чернобыля», удостоен ордена Ленна.

* * *

Несколько писем написал я в город Шевченко, по адресу В. Н. Хапренко. Хотелось получить о нем весточку. Но ответа не последовало. Круглыми путями спустя год удалось узнать: бывший «комиссар Чернобыля» живет в Москве.

Недавно он позвонил сам:

— Знаю, что разыскивал. Все в порядке на мостике. Работаю в министерстве, руковожу главком. Получил квартиру, приезжай, вспомним не такое уж далекое былое...

Лев ОШАНИН

баллада

Ты вырвалась из сердца поневоле,
По требованию совести людской,
Баллада смерти и баллада боли,
Баллада чистой верности мужской.
Когда бедой чернобыльской пахнуло,
Когда упал наладчик неживым,
Был первым здесь начальник караула
Владимир Правик с воинством своим.
Гляжу в его лицо — вот-вот расправит
Он эту складку меж густых бровей.
Завидный хлопец он, Володя Правик,
Из тех, чье сердце — гордость матерей.
...Сбить надо пламя! Срезать пламя надо,
А то оно собьет — слепое — с ног.
И вот уже взлетел и встал с ним рядом,
Как стриж весенний, Виктор Кибенок.
Еще ладони Вити не отвыкли
От пахнущего зеленью руля.
Он только что летел на мотоцикле,
Кипеньем белым пенилась земля.
И Танино лицо в венке из вишен...
А здесь, за столько метров от земли,
Под ними огненно вздымалась крыша.
Погибели не видя и не слыша,
Они вершили просто, что могли.
Как удивителен мужской характер,
Когда он достигает высоты,
Когда разверзся атомный реактор
И справиться с несчастьем должен ты.
Что будет дальше — понимали оба,
Но был другой реактор недалек,
Им просто очень надо было, чтобы
Не дать огню пройти в соседний блок!
И пламя сбили! Но из-под прищуря
Увидел Виктор, задыхаясь сам,
Как, вдруг присев, провел сержант Тишура
Рукою по горящим волосам.
А у Володи пламя полушалка
Танцует, плещет в суженных зрачках...

Наталка, двухнедельная Наталка,
Такая долгожданная Наталка
На вытянутых Надиных руках...
Со всем, что было бесконечно милым,
Теперь навеки обрывалась нить.
Спассти реактор было не по силам,
Они имели право отступить.
...Мы в памяти панфиловцев проносим,
Но снова, хоть для всех войне отбой,
Их, самых первых, тоже двадцать восемь,
Тех, без раздумья кинувшихся в бой.
И если бы глухой ночной порою
Те парни долг не выполнили свой,
Все было бы непоправимей втрое,
И ты, быть может, был бы неживой.
Их смерть была ступенями победы —
Там, на вершине, светятся они.
И тысячи других рванулись следом,
Чтобы вернуть земле живые дни.
Могло б не быть событий этой ночи,
А сколько жизней отдано и сил
За то, что кто-то где-то был неточен,
За то, что кто-то в чем-то поспешил.
Чернобыль — только маленькая вежа
Растущей в человечестве беды.
Чернобыль — эхо ядерного века
И, может быть, грядущего следы.
Негромкий выброс, а беда какая...
А что, как бомба с пасмурных высот.
Страстям бесчеловечным потакая,
В небытие полмира унесет?..
Не ожидая пышных фолиантов,
Цветы вплетает Родина в венок
Вам, мальчики, герои-лейтенанты,
Владимир Правик, Виктор Кибенок.
Героям прошлых весен нет забвенья.
Все мелкое и злое отстраня,
Тревожные сближая поколенья,
Вновь молодость на линии огня.

Вадим ШКОДА

особая зона

I

Над полноводной Припятью буйно цвели яблоневые сады.

По узкой, влажной от росы тропинке я спустился к реке и медленно пошел вдоль плетня чьей-то усадьбы. Свежий ветерок рябил воду, покачивал плоскодонку, привязанную к дощатым мосткам. Нетрудно было представить себе расположившегося в ней терпеливого мальчишку-удильщика. Или крепкотелую молодницу, занятую на мостках стиркой белья... Но никого не было вокруг. Ни людей, ни привычной для села животины — плещущихся на мелководье уток, коров на пастбище. Лишь дымчатый кот, сидевший у плетня, заслышав шаги, встрепенулся, подбежал ко мне и начал с жалобным мяуканьем тереться об ногу. Он явно соскучился по человеческой ласке... И так же пустынно и тихо было па окраинной улочке, ведущей к майдану, на котором меня поджидал армейский «уазик» — на нем колесила по особой зоне наша небольшая писательская бригада. Зримой и ясной стала картина большой беды, которая ощущалась в Киеве по рассказам очевидцев событий и первым сообщениям в печати. Но, принимая ее разумом, я все не мог примириться с ней душой, поверить в ее жестокую трагическую реальность: казалось — вот за этим поворотом, за этим нежно зеленеющим полем озимой пшеницы, за этим лесистым взгорком вновь откроется глазам привычный мир хлеборобского труда, мир повседневных забот и радостей с капризами ребятни и долгими разговорами стариков, последних школьных звонков, переключкой транзисторов по вечерам у клуба, маленькими тайнами влюбленных... Но село, по которому я шел сейчас, ничем не отличалось от тех, что мы увидели ранее, как только, миновав строгий контроль, оказались на территории, подвластной законам чрезвычайного положения: шлагбаум па въезде, желтые флажки со словом «заражено», забитые колодцы, разгул безнадзорной сирени за наглухо запертыми калитками. Впрочем, вот я вижу распахнутые ворота, они словно приглашают — не стесняйтесь, люди, заходите. Может, в доме кто-то есть? Загляну-ка во двор... Мотоцикл «Ява» у крыльца, ведро с высохшим раствором извести, за сараем уложена аккуратная поленница дров, воткнут в колоду топор. На бельевой веревке, протянутой от навеса крыльца к летней кухоньке, голубеет забытая впопыхах детская майка. Под присмотром голенастого петуха бродят по двору куры... Все выглядит так, словно бы ушли, как обычно,

хозяева этой хаты на работу, а ребяташки их отправились на последние уроки в школу.

...В старенькой сельской школе и состоялась первая встреча с теми, кто руководит непосредственно на месте событий оперативной группой по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

В учебном классе с портретами корифеев отечественной литературы на стенах, за явно тесными для них столиками сидело несколько офицеров, о чем свидетельствовали их форменные фуражки,— знаков различия на комбинезонах не было,— и все они, с печатью озабоченности на лицах, сдержанные и молчаливые, поначалу показались мне похожими, как братья. Навстречу поднялся сидевший за учительским столиком человек постарше остальных (к слову, внешностью и голосом он напомнил мне опытного авторитетного учителя, привыкшего к вниманию окружающих), поздоровался и назвал себя:

— Заместитель начальника Политуправления округа Тараканов Михаил Петрович.— Мы представились.— Так... Журналистов мы уже принимали. А вот писателей видим здесь впервые. Присаживайтесь, товарищи! Через минуту я в вашем распоряжении.

Осматриваюсь, отмечая невольно необычность обстановки. Рядом с грамматическими таблицами висят топографические планы и схемы радиационной обстановки, на коричневой школьной доске выведено мелом: «Форма донесения». Иные его понятия — «дозы облучения», «рентген», «сведения представлять»,— я уверен, ранее никогда не звучали в этом классе. В простенке между окнами — плакат: «Лауреаты премии имени Павла Тычины «Чувство семьи единой». Как же емко и глубоко звучит здесь это крылатое выражение выдающегося украинского поэта! Беда, случившаяся на берегах Припяти, коснулась болью сердца каждого советского человека, не оставила никого безучастным,— мы с новой силой ощутили себя единой семьей, сплотившейся еще тесней в дни суровых испытаний: множество убедительных, волнующих свидетельств тому и в особой зоне, и далеко за ее пределами.

Мои размышления прервал генерал Тараканов.

— Теперь можно и побеседовать... Слушаю вас!

— Расскажите, пожалуйста, о задачах, которые поставлены перед вашей группой. Как они решаются?

— Главная задача нашей службы — содействовать скорейшей ликвидации последствий аварии в 30-километровой зоне отселения и на самой атомной станции. Выполняем различные задания правительственной комиссии, перевозим грузы и людей на АЭС, обрабатываем технику, которая подвергалась воздействию радиации,

проводим дезактивацию зараженной местности. Все работы ведутся оперативно, мужественно и умело, как в боевой обстановке. А по сути, она и есть такой... Должен сказать, что особый район разделен на секторы — так называемые зоны ответственности. Такая же, личная, зона ответственности есть у каждого, кто прибыл сюда по долгу службы или зову сердца. Заявляю с полной уверенностью — абсолютное большинство солдат и командиров, действующих в особой зоне, проявляют отличную выучку, психологическую и физическую закалку, высокие моральные качества. Это касается и тех, кто, образно говоря, еще вчера мирно трудился на «гражданке», а сегодня, проявив исключительную сознательность, добровольно встал в строй, на деле показал единство народа и армии, верность идеалам нашего общества. Поверьте, что это не просто красивые слова. За ними — самоотверженность и героизм тысяч людей, умиривших взбесившийся атом.

— В печати уже сообщалось о подвиге припятских пожарных, о смелых действиях сотрудников милиции и медицинских работников во время аварии на АЭС... Но ведь сейчас обстановка стабилизировалась, не нужно бросаться в огонь, чтобы предотвратить еще большую беду или спасти товарища. Не так ли?

— Вы правы лишь в какой-то мере... Конечно, экстремальность ситуации (когда единственный выход — смертельный риск, на который отпущены секунды), миновала, но и сейчас обстановка зачастую ставит перед нами жесткие временные рамки, требует единственно верного решения, быстроты и решительности в действиях. В политических донесениях постоянно упоминаются имена многих отличившихся солдат и офицеров.— Наш собеседник раскрыл толстую тетрадь.— Выбор, как говорится, богатый. Прежде всего назовем тех, кому посвящены боевые листовки, выпущенные Политуправлением КВО... Рядовой Вячеслав Захаров. Военный водитель. За мужество, проявленное при выполнении интернационального долга в Афганистане, был награжден знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». Проводил радиационную разведку зараженной местности, смело и хладнокровно действовал в зоне повышенной радиации вблизи 4-го энергоблока... На самом сложном участке трудился взвод, которым командовал прапорщик Владимир Алексеевич Бобовский. Забыв об усталости и бессонных ночах, таящейся рядом опасности, оп личным примером увлекал подчиненных. Перекрыв все нормы, взвод досрочно провел дезактивацию территории, прилегающей к поврежденному реактору, подготовил плацдарм для строителей.

В комнату вошел смуглолицый плотный человек в зеленой робе и, сняв фуражку с расшитым золотом околышем, подсел к столу, весело прищурился.

— Гости из Киева?.. Это хорошо... Моя фамилия Шевченко. Зовут Станиславом Николаевичем.

— Знаменитая у вас фамилия!

— Намек понял... Нет, к великому Кобзарю никакого родственного отношения не имею. Более того, по национальности я русский. Но, как всякий русский человек, знаю и люблю поэзию Тараса Григорьевича. Корни-то у нас, у восточных славян, общие, язык и культура — тоже из одного семени. Против исконных врагов всегда вместе боролись. Вместе свою государственность укрепляли... Еще со времен Киевской Руси так повелось!

— «А Князеве поле — держава, наречена Русью», — задумчиво проговорил Леонид Горлач.

— Звучит афористично... Откуда это? — заинтересованно спросил Шевченко.

— Не считите за нескромность, Станислав Николаевич, — это строка из моей исторической поэмы про Ярослава Мудрого «Ночь в Вышгороде». Больно она созвучна вашим словам... Раз уж зашла об этом речь, добавлю, что наши народы не раз помогали своим братьям — западным славянам в их борьбе за свободу и независимость. Вот лишь один факт — я вспоминаю его в своем новом романе «Славянский остров»: во время гуситских войн выдающуюся роль в разгроме полчищ тевтонских крестоносцев сыграли русские и украинские полки, пришедшие на помощь чехам.

— Дружба и братство — дороже богатства! Вечная истина... Вот и здесь, на чернобыльской земле, мы вновь убедились в годину испытаний в ее правоте. — Шевченко промокнул лоб платком. — Еще лишь середина мая, а жарыща уже как летом. И комаров расплодилось — жуть. Совсем заели, чтоб им!.. — Усмехнулся. — Однако я отвлекся с вами, друзья. — Он повернулся к Тараканову, углубившемуся в какие-то бумаги. — Михаил Петрович, эксперимент с плугом подготовлен. Вот-вот подъедет комиссия.

— Отлично!.. Вам, товарищи писатели, я бы посоветовал тоже посмотреть на эксперимент.

— А в чем его суть?

— Наша цель — не только ликвидировать последствия аварии, но и сохранить при этом как можно больше народного добра — технику, постройки, посевы. В этом ряду стоит и задача быстрого возвращения в хозяйственный оборот колхозных угодий — хлебных нив, пастбищ. Исследования показали, что территория закрытой зоны заражена радиацией неравномерно. Есть довольно

обширные участки с низким уровнем. Если почву на таком участке обработать специальными дезактивирующими веществами, а затем вспахать его — радиационный уровень понизится на нем в несколько раз, то есть станет нормальным, совершенно безопасным.

— Это интересно и очень важно.

— Что еще?.. Посмотрите, как действуют в сложной обстановке воины-химики. Ответственным делом занимаются строители... Советую вам также поближе познакомиться с подразделением, которым командует капитан Бородин. Он и его люди находятся здесь с первых дней аварии — проводили радиационную разведку, теперь обеспечивают перевозку личного состава и персонала АЭС к поврежденному реактору. Нагрузка у водителей огромная — иногда им приходится ездить по 15—16 часов в сутки, при этом преодолевать на маршруте участки, на которых для стрелки дозиметра не хватает шкалы... Чем они не герои? Но должен заметить — слов «героизм», «подвиг», «самопожертвование» в особой зоне вы не услышите.

II

За густыми ветвями сосен, вплотную подступивших к перекрестку, мелькнул темно-зеленый бронетранспортер, за ним второй. Офицер Вовк, сидевший рядом с водителем «уазика», заметил:

— Хлопцы из подразделения Бородина. Поехали с новой сменой на АЭС.— Несколько секунд он наблюдал, как медленно оседает шлейф тяжелой пыли, поднятой промчавшимися бронемашинами.— Советую надеть респираторы. Не стоит глотать радиоактивную пыль. Добавлю, что эта гадость накапливается в листве и траве.

Я недоверчиво посмотрел на уютную полянку в россыпи синих незабудок и отцветающих пушистых одуванчиков: неужели она грозит бедой неосторожному?

Вскоре лес расступился. Мы остановились неподалеку от ворот с резной деревянной вывеской «Сказочный». Раньше тут отдыхали дети работников ЧАЭС. А теперь?

Дежурный КП-2 Алексей Мусиенко проверил наши документы, и мы оказались на территории бывшего пионерлагеря. Торопились куда-то люди в белых шапочках. По боковой дорожке, огражденной натянутой веревкой, двигалась машина «скорой помощи».

— Прошлым летом мы вручали здесь очередному лауреату премию журнала «Барвинок». Сколько было шума, веселья, песен,— тихо проговорил Василий Моруга.

В просторной комнате, где разместился партком, было довольно многолюдно. Людские голоса заглушал громкий Щebet волнистых попугайчиков, снующих внутри высоких, от пола до потолка, вольер. Любимцы детворы, доставлявшие им когда-то немало радости, птицы вносили в атмосферу строгой деловитости и собранности ноту былой беспечности.

Нами занялась полнолицая женщина в белом спецкостюме, кадровый работник АЭС Нина Александровна Химач. Мы уселись за длинный стол, и она стала подробно отвечать на все вопросы.

— В ту трагичную ночь на смене было несколько десятков человек. Все до одного с честью выполнили свой гражданский и служебный долг. Я подчеркиваю это — все они с риском для жизни сделали все возможное и невозможное, чтобы предотвратить развитие аварии, спасти станцию от еще больших разрушений. При этом те, кто остался на ногах, оказали своевременную помощь пострадавшим, помогли эвакуировать их из аварийной зоны...— Нина Александровна взяла пачку густо исписанных листков.— Вот короткие характеристики на каждого нашего товарища... Если интересуетесь подробностями — вам поможет Владимир Алексеевич Бабичев. В качестве начальника смены он осуществлял оперативное руководство станцией с 6 утра 26 апреля, приняв ее от Акимова, дежурившего ночью. Сейчас он подойдет.

Я взял верхний листок (они были разложены не в алфавитном порядке), прочитал:

«Гражданкин Анатолий Николаевич. Член КПСС. Старший оператор. 1938 года рождения, на АЭС с 1976 года. Награжден орденом Трудового Красного Знамени и двумя медалями. Проявил находчивость и смелость в зоне большого уровня радиации при определении источника поступления воды, затапливающей нижние отметки 3-го блока. По его информации течь была устранена».

Еще один листок.

«Василенко Олег Ярославович. Член КПСС. Начальник смены 2-й очереди. Заступил на вахту утром 26 апреля. Организовал четкую работу смены, проявил личную храбрость... Не покидал станцию двадцать часов».

— В представлении не все сказано,— заметила Нина Александровна.— Как вы понимаете, Василенко получил повышенную дозу рентген, попал в больницу. Немного подлечился — и снова на станцию... Под стать своим коллегам-мужчинам проявили мужество и полное самообладание и женщины, работницы АЭС. Только вот почему-то в печати мало говорят о них.

— Мы готовы исправить эту ошибку.

— Вот, к примеру, оператор спецводоочистки Лидия Андреева. В тот страшный день она простояла на вахте 12 часов, обеспечивая подачу химически обессоленной воды на блоки, что необходимо для охлаждения остановленных реакторов. Под стать ей действовала Мария Лопаносова, которая несла двойную нагрузку, — на участке химводоочистки не хватало людей... А разве не заслуживает похвалы Лида Ооновская, техник турбинного цеха? — Она тепло посмотрела на молодую женщину, которая, сидя в сторонке за маленьким столиком, что-то подсчитывала на калькуляторе. — Мать двоих детей... Могла бы уехать с ними, но, как видите, осталась здесь, помогает нам в налаживании нормального быта на базе — питания, отдыха.

— Не нужно про меня, — подняла голову молодая женщина, — Вы лучше про Сашу Акимова напишите. Какой это был прекрасный человек.

— Почему — был?

— Умер он... в Москве, в больнице, — глухо проговорил Владимир Алексеевич Бабичев, минутой раньше подсевший к нам. — За три недели, прошедшие после аварии, мы потеряли уже несколько своих товарищей... А тогда...

Осмотрев аварийное помещение и установив приблизительно масштаб разрушений, я вернулся на пульт управления блока, где все еще нес дежурство начальник смены Александр Федорович Акимов. Говорю ему: Саша, обстановку я уяснил, можешь уходить... Сдавай смену. Нет, возражает, побуду еще немного. Вдруг понадоблюсь тебе... И все мне что-то подсказывает, советует. Вижу — уже сознание теряет. Позвал я санитаров. Унесли Акимова на носилках... — Бабичев, бледный, осунувшийся, помолчал. — Вот, прочитайте характеристику на него, утвержденную в парткоме АЭС. — Он заглянул в листок и сам начал читать: — «...Тов. Акимов первым определил ситуацию как радиационную аварию большого масштаба. Принял все меры для вывода персонала из зоны разрушения. Лично, не считаясь с опасностью для жизни, определил состояние механизмов и значение параметров непосредственно по месту размещения оборудования... Организовал блокирование помещений вокруг зоны разрушения, чем предотвратил распространение радиоактивного заражения. Оберегая жизнь подчиненных, Акимов прибегал к их помощи лишь в тех случаях, когда не мог выполнить работу один».

Я слушал его глуховатый размеренный голос, и в памяти всплывали очень похожие строки другого документа, переписанного мной в блокнот несколько минут назад.

«Бабичев Владимир Алексеевич... Один из наиболее грамотных специалистов аппарата управления, требовательный и энергичный

руководитель. Производил осмотр состояния главных циркулярных насосов, питательных узлов барабан-сепараторов, арматуры подачи питательной воды... в условиях тяжелой радиационной обстановки и смертельной опасности обрушения поврежденных строительных конструкций».

Там, в пионерлагере, в самом конце разговора, я наконец решился спросить Бабичева, знал ли он об уровне радиации в аварийной зоне.

— Конечно... По пути на свое рабочее место я заглянул на щит средств радиационного контроля. Там находился заместитель начальника отдела труда и техники безопасности АЭС Геннадий Николаевич Красножен. Он полностью ввел меня в курс дела.

— И все-таки вы пошли в опасную зону...

— А как же иначе? И я... И другие. Все мы отлично знали, что нас ожидает... Но за нами были наши близкие, паши дети, наш чудесный город Припять...

* * *

Много позже я узнал, что в числе награжденных работников ЧАЭС есть и Владимир Алексеевич Бабичев. Родина отметила его подвиг орденом Дружбы народов.

III

Переваливаясь на рытвинах и ухабах проселочной дороги, наш запыленный «уазик» пересек молодую сосновую посадку и наконец выбрался на ровное, накатанное до блеска асфальтированное шоссе. По нему в обе стороны двигались два нескончаемых параллельных потока — огромные трайлеры и мощные самосвалы, громоздкие рефрижераторы, машины спецназначения, автокраны, юркие микроавтобусы, длинные колонны цементовозов и бетономешалок с включенными фарами. Поражало разнообразие номерных знаков — Подмосковье и Кавказ, Белоруссии и Молдавия, Поволжье и Прибалтика, Урал, Средняя Азия и, конечно же, Украина: Донецк, Днепропетровск, Харьков, Ровно, Одесса, Львов... Наглядная и убедительная картина помощи, которую оказывает вся страна Чернобылю. Позже, работая над очерком, я дополнил свои впечатления материалами прессы, освещающими события на берегах Припяти. В первые же дни после аварии на АЭС сюда были доставлены спецрейсами Аэрофлота свинец из Свердловска, жидкий азот из Волгограда и Балашихи, срочные грузы из Тамбова и Армавира. Литерные поезда с важным оборудованием отправились в адрес атомной станции из Бийска и Чимкента, Кишинева и Гомеля.

Борьбу за ликвидацию последствий аварии плечом к плечу повели донецкие шахтеры, и проходчики из Подмосковного бассейна, и киевские метростроевцы, челябинские машиностроители и ученые из Ленинграда. Сотни и сотни трудовых коллективов страны перечислили свой однодневный заработок в фонд помощи чернобыльцам.

— Мы восхищаемся мужеством советских людей и их организованностью, проявленными в сложнейшей обстановке,— сказал находящийся тогда в Киеве Майкл Давидоу, корреспондент газеты «Дейли уорлд», центрального органа Компартии США,— У нас, на Западе, правая печать распространяет небылицы о случившемся на Чернобыльской АЭС. То, что мы здесь видим, начисто опровергает злопыхательские домыслы. Вызывают уважение те колоссальные усилия, которые предпринимаются для обеспечения безопасности людей, заботы об их здоровье, для ликвидации последствий аварии.

...Стрелка спидометра колеблется на цифре 70. Но вот наш водитель сбросил газ, а затем и вовсе притормозил, осторожно объехав асфальтоукладчик. Могучий бульдозер разравнивает груды щебня на обочине. Несколько человек в ярко-оранжевых жилетах, с респираторами на лицах заняты выравниванием полотна. Трасса на Чернобыль станет шире.

— Откуда вы? — спрашиваю чернявого бульдозериста в узорчатой тубетейке.

— Таджикистан! — сверкнул белозубой улыбкой парень.

И вновь наш «уазик» влился в плотный транспортный поток, набрал скорость.

Невольно вспомнилось — совсем недавно, перед Майскими праздниками, ехал я в таком же армейском «уазике» вместе с известным украинским писателем Юрием Бедзиком в одно из подразделений для проведения литературных встреч с воинами. Такие встречи — давняя добрая традиция Союза писателей СССР, и мы охотно откликаемся на приглашение Политуправления КВО побывать в очередной раз в гостях у солдат, посмотреть, как они служат, рассказать им о своих литературных делах.

Был последний понедельник апреля. Ничто не предвещало беды. Ласково светило солнце, на сельсоветах алел кумач лозунгов, слышалась бравурная музыка.

Но шоссе сквозило пустотой. Лишь обогнало нас несколько машин «скорой помощи». И тревога кольнула сердце, приглушила беззаботное настроение. Юрий Дмитриевич, задумчиво поглядывая в открытое окно «уазика», начал вспоминать, как пришлось ему, семнадцатилетнему солдату-минометчику, сражаться осенью 1943

года в этих местах. Тридцать дней изматывающих боев на Букринском плацдарме, передислокация, форсирование Днепра, клокочущего разрывами бомб и снарядов, и ночная атака на Лютеж...

Позже, в разгар встречи писателей с воинами, в Ленкомнату заглянул дневальный, назвал несколько фамилий — па выход! И. о. командира роты, старший лейтенант Игорь Ильин объяснил: эти солдаты должны ехать на смену товарищам, которые уже сутки заняты на аварийных работах.

Так мы впервые въявь соприкоснулись с бедой, случившейся на припятских берегах, ощутили её горячее дыхание, серьезность обстановки.

Повинуясь дорожному указателю с надписью «ПУСО», «уазик» свернул с трассы и подкатил к поляне, на которой уже находилось несколько машин — серый от пыли цементовоз, самосвалы и милицейский микроавтобус. ПУСО — это пункт санитарной обработки транспорта, следующего от атомной станции за пределы особой зоны. Контроль на дорогах здесь строгий. Автомобиль с избыточным радиационным фоном за новым грузом уже не поедет. Как вот эти две «Татры», приютившиеся поодаль у кромки леса.

— Дежурство на пункте круглосуточное, — сказал Денисов. — Главное в нашем деле — бдительность. А техники все прибавляется. И нагрузка растет. Но ничего, справляемся. Народ подобрался у меня исключительно добросовестный...

Очередная бетономешалка, залепленная ошметками грязи, остановилась в специальной колее, и трое солдат, облаченных в специальную прорезиненную одежду, в бахилах и с респираторами на лицах, начали обрабатывать ее тугими струями воды, смешанной с моющими средствами. Мутный поток устремился по желобам в резервуары. Зараженную воду из них потом откачают и увезут в специальные места захоронения радиоактивных отходов.

Бетономешалка заблестела, как новенькая. Дозиметрист проверил ее прибором — чисто. Офицер поставил в путевом листе штамп, свидетельствующий о том, что машина прошла дезактивацию. Путь для нее открыт. А в колею, устланную полиэтиленовой пленкой, уже въезжал, нетерпеливо пофыркивая мотором, высоченный трайлер из Вышгорода, везущий тяжелые панели.

— Вячеслав Николаевич, очевидно, и люди, обрабатывающие зараженную технику, в свою очередь, тоже подвергаются воздействию радиации?

— Безусловно... Как положено в зоне, у каждого из нас имеется индивидуальный дозиметр, показывающий, какую порцию облучения получил его владелец за сутки. Эти данные заносят в специальную карточку учета, заведенную на каждого

военнослужащего, они суммируются... Превышение определенной нормы запрещено.— Собеседник улыбнулся.— К тому же и мы сами постоянно проходим «санобработку». Банька у нас на славу!

Эти слова припомнились мне вечером, когда плескался я под горячими струями душа, устроенного в просторной палатке.

Вообще, армия обосновалась в особой зоне добротной и даже с некоторым уютом — не на день прибыли сюда, жить и трудиться придется здесь месяцы. Особенно это бросилось в глаза, когда мы побывали в подразделении военных строителей, которым командует И. М. Китайгородский. Ровные ряды туго натянутых палаток, щиты с газетами, посыпанные песком дорожки, мостки, уголки отдыха. В клубе — наглядная агитация, свежие газеты, журналы, есть библиотечка, телевизор. В столовой — идеальная чистота.

С Китайгородским приходилось мне встречаться и раньше — загорелый, бодрый, он с удовольствием показывал свое хозяйство, расспрашивал о киевских новостях, знакомил на ходу с подчиненными, выслушивал доклады и тут же отдавал новые распоряжения.

Подошел плечистый подтянутый офицер, представился:

— Замполит Плешаков.

— Присоединяйтесь к разговору, Анатолий Алексеевич,— сказал Китайгородский.— Ведь корреспонденты больше по вашей части.

Мы уселись на скамеечку в тени развесистой ольхи. Щебетали птицы. Журчал в густой траве ручеек. И странным контрастом Этой мирной картине звучали слова офицеров, рассказывающих мне о боевых делах подразделения, лишь скупой перечень которых говорит сам за себя: расчистка промплощадки АЭС, обваловка берега Припяти, подвозка грузов к 4-му энергоблоку, прокладка в зоне повышенной радиации трубопровода для подачи жидкого азота к аварийному реактору, строительство бетонных дорог к атомной станции и новых пунктов санитарной обработки техники.

— Отлично проявили себя на прокладке трубопровода командир роты старший лейтенант Владимир Андреевич Живилов и замполит лейтенант Николай Желейкин, командир взвода старший лейтенант Василий Мельник, заместитель командира роты старший лейтенант Игорь Варняга,— сказал командир подразделения.— Проявили смелость, мастерство, четко руководили подчиненными.

Замполит добавил:

— Офицеры личным примером показывали солдатам, как нужно действовать в сложной и опасной обстановке. И, отмечу, берегли и берегут людей... А пополнение прибыло к нам просто замечательное — старший сержант Юрий Кулина, рядовой Анатолий

Беспалый, рядовой Богдан Гайда. Некоторые работали раньше на АЭС — к примеру, Иван Мартыненко, Олег Бабицкий. Теперь им выпало возвращать станцию к новой жизни... Мечтают после службы продолжить работу на ней. Уверен, что так и будет.

Мы прощаемся. Пора в Киев. И я думаю, что обязательно вновь приеду сюда — в особую зону, к особым людям, вершащим необычные дела, о которых они не любят говорить громких слов. И о себе рассказывают скупно. Но знать о них мы должны как можно больше. Знать обо всем, что происходило и происходит в особой зоне. Чтобы воздать должное каждому. Чтобы запечатлеть во всей полноте всенародный подвиг, заступивший дорогу беде, вновь ярко явивший миру силу, красоту и негибимость советского характера.

IV

По обеим сторонам накатанного шоссе тянутся просторные заснеженные поля с путаницей заячьих следов, стынут в сонном оцепенении белые рощи, то и дело мелькают щиты с предостерегающими надписями «Въезд на обочину запрещен», порядком выцветшими за эти долгие десять месяцев. Они давно привычны глазу.

Писательская бригада, свободно разместившаяся в армейском «уазике», второй день колесит по тридцатикилометровой зоне, жизнь в которой подчинена особым суровым законам. Юрий Ярмыш то и дело раскрывает записную книжку — он здесь впервые, и ему все вновь, необычно, и хочется как можно подробнее зафиксировать впечатления. Для меня же многое знакомо — пришлось побывать в зоне и в майские дни, когда в садах, подобный снежному вихрю, кружил, не падал ароматный яблоневый цвет, и в разгар лета, когда под тяжестью созревающих плодов прогнулись ветви деревьев, и поздней осенью, — яблоки осыпались на землю, и некому было их собрать. Да и нельзя... Но немало плодов осталось висеть в гуще крон. Почернели от жестоких январских морозов, и даже птицы их не трогают. Черные яблоки...

Конечно, снежные заносы изменили приметы ландшафта, не все угадывается с первого взгляда. И еще одна характерная деталь обстановки — на широких, реконструированных за короткий срок дорогах нет уже того бесконечного грузопотока в сторону АЭС, который я наблюдал здесь весной и осенью прошлого года, поменьше стало техники на площадках ПУСО и перед шлагбаумами контрольно-пропускных пунктов.

Означает ли это, что работы по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в основном завершены и все трудности

остались позади? К середине ноября закончился наиболее ответственный и самый напряженный этап — был сооружен железобетонный саркофаг, в котором навеки погребен разрушенный реактор. Вновь дали ток первый и второй энергоблоки. Возводится новый город атомщиков. Но многое еще нужно сделать, чтобы ввести в строй 3-й энергоблок, полностью выполнить программу по восстановлению пострадавших сельскохозяйственных угодий, вернуть людям производственные сооружения, хозяйственные постройки и жилье, подвергнувшиеся дезактивации.

И по-прежнему велика тяжесть и ответственность, лежащая на плечах воинов, действующих в 30-километровой зоне, по-прежнему находятся они на переднем крае борьбы с невидимым коварным противником.

— На смену тем, кто трудился здесь весной и летом, пришли новые люди,— говорит подполковник А. Н. Штоколов. Мы встретились с ним в Чернобыле, в здании бывшего партийного комитета, где все теперь напоминает боевой штаб.— Но неизменными остались мужество и самоотверженность, верность солдатскому долгу. Живем, если так можно выразиться, на волне мая. Посмотрите политдонесения — в каждом факты стойкости и героизма, новые имена тех, кто действовал смело, решительно, не терялся в опасной ситуации. Конечно, речь идет не о лихости, бездумном риске. Мы многому научились за прошедшие месяцы...— Анатолий Николаевич помолчал. У него усталый вид, ясно, что человек недосыпает, находится в постоянном напряжении.— Поезжайте на станцию... Там для вас столько интересного материала — роман можно написать.

— О романах говорить рано. Много еще нужно понять, осмыслить, прочувствовать,— роняет реплику Степан Костяной.— Тема чернобыльской трагедии, особой зоны — тоже особая и требует вдумчивого, ответственного подхода.

— Полностью с вами согласен!.. Но документалистика и публицистика по эту тему нужны сейчас, нужны постоянно.

Следующий наш разговор состоялся в одном из кабинетов административного корпуса ЧАЭС. Был он доверительным и обстоятельным. И не было необходимости с опаской поглядывать па часы. Невольно вспомнилось, как в мае я лишь мельком увидел разрушенный реактор из бронетранспортера, промчавшегося - мимо корпусов АЭС на большой скорости. Нынче же, выйдя из «уазика» неподалеку от станции, мы спокойно сфотографировались на фоне каскадной стены четвертого энергоблока, естественно, надев респираторы.

Однако вернемся к разговору в кабинете АЭС. Вижу, что моя просьба назвать лучших солдат и офицеров поставила

генерал-майора А. Я. Грубого в затруднение. Переглянувшись со своим заместителем по политической части (позже я узнал, что им довелось вместе выполнять интернациональный долг в Афганистане, и вот вновь свели их жизненные пути на трудном рубеже), Александр Яковлевич взял пачку рапортов. Записываю называемых им людей, с горечью понимая, что не смогу даже упомянуть их всех в очерке, иначе он просто превратится в длинный список отличившихся.

Среди тех, кого назвал хозяин кабинета,— офицер Михаил Николаевич Скакунов. Подразделение, в котором он служит, находится на переднем крае сражения с разбушевавшимся атомом. Опытный, широкоэрудированный специалист, умелый организатор. Отличается высокой требовательностью к себе, считает, что наилучший пример для подчиненных — личный пример, выдержка, принципиальность.

— В зоне я два месяца, а кажется, что уже несколько лет — настолько здесь насыщен заботами и трудами каждый день — рассказывает Михаил Николаевич. — Особая зона — особая школа жизни. Человека она, как рентгеном, насквозь просвечивает. В данном случае не условным, а настоящим, вездесущим, растворенным, кажется, в самом воздухе. Задача ясна, как на фронте,— нужно обнаружить и ликвидировать противника. Кто сказал, что это легко и просто? Порой, как на войне, требуются добровольцы. Команда — шаг вперед. И этот шаг делает весь строй!.. Здесь я вновь убедился, что люди у нас в подавляющем большинстве замечательные, обладающие чувством высокой гражданской ответственности и коллективизма, отличающиеся идейной убежденностью и стойкостью. Когда они видят доверие к себе и доверяют командиру, с ними можно горы свернуть.

— Вероятно, немало сложностей и в организации труда и быта солдат подразделений? Многообразие задач, условий, параметров, меняющаяся обстановка...

— Вы правы,— кивнул Скакунов.— Сложность есть... в рамках общеобязательного порядка все время что-то уточняется, корректируется, дополняется. Решение очередной задачи намечается лишь после тщательного изучения реальной обстановки с учетом, что опасные факторы должны быть сведены к минимуму... Вы, конечно, знаете, что люди в зоне постоянно меняются. Все вновь прибывшие проходят специальное обучение, инструктаж и, лишь сдав зачеты, допускаются к работе. Общий режим — подъем в пять часов, выход колонны из лагеря (людей перевозим в утепленных «Уралах») — в 6.30. На АЭС мы прибываем в 8 утра. Подразделение разбивается на группы — у каждой свое задание. Продолжительность смены зависит прежде всего от уровня радиации: час, полчаса, а то и несколько

минут... Работами на реакторе руководит Владимир Алексеевич Тимошин — знающий, умелый офицер. Под стать ему — политотделец Юрий Павлович Федоров: на самых трудных участках, на «горячих» точках — он всегда рядом с воинами. И, конечно же, впереди всех на блоке — дозиметристы-разведчики, которыми командует капитан Николай Николаевич Маков. Это люди безупречного долга.

— Хотелось бы увидеть их в деле. Это возможно?

— Попробуем,— Собеседник помолчал.— Только... вот что: на АЭС ваше намерение будет осуществить сложно. Сами понимаете... Проще сделать это где-нибудь на открытой местности, во время проведения радиационной разведки. Подразделение, где вы сегодня будете, как раз этим и занимается.

Михаил Николаевич вышел проводить нас. Навстречу по длинному белому коридору шла невысокая женщина в очках и белом халате. Он приостановил ее.

— Знакомьтесь... Наша главная кормилица, директор столовой...

— Славгородская Александра Ивановна,— протянула руку женщина. Улыбнулась: — Будете брать интервью?

— Было бы очень интересно.

— Давайте-ка я сначала накормлю вас. Время-то обеденное!

Ну кто откажется пообедать в столовой атомной станции?

Пока официантка Лилия Капица накрывала на стол, я задал несколько вопросов Александре Ивановне: что греха таить, мало мы говорим и пишем о работниках тыла, о тех, кто кормит, одевает, обслуживает персонал АЭС, ремонтников, воинов подразделений, участвующих в ликвидации последствий аварии. А ведь успех общего дела во многом зависел и зависит и от них — снабженцев, поваров, пекарей, прачек, почтальонов. Отдельная, особая тема особой зоны. Записывая краткие ответы директора столовой, я окончательно утвердился в этой мысли.

— Вначале, с первых дней беды, мы возили сюда горячую пищу в термосах, — рассказала она.— Столовую на станции открыли в декабре. Кормим более двух с половиной тысячи человек — так что только успевай поворачиваться!

Мы убедились — успевают на славу: чисто и уютно в столовой, качество блюд отменное, выбор — на любой вкус. Как-то забылось, что совсем рядом — 4-й энергоблок.

Поблагодарив гостеприимных хозяек, мы отправились дальше.

Над рядами утепленных палаток курились сизые дымки. Бодрая деловая атмосфера царила и в кабинете командира части, подполковника М. В. Ядрышникова. Звонили телефоны, то и дело заходили офицеры в темно-зеленой полевой форме — докладывали, выслушивали новые приказы, советовались по текущим вопросам. Невольно вспомнилось фронтовое выражение — «хозяйство такого-то». Наблюдая за работой штаба, я подумал: слишком приблизительное у многих из нас представление о командирской должности, о той моральной и физической нагрузке, которую постоянно несет человек в офицерских погонах — будь он комвзвода, или комполка, или еще повыше, суть не в количестве звездочек-звезд, а в характере самой службы, в мгновенной готовности к решительным действиям, в чувстве тревожной ответственности за судьбы, настоящее и будущее подчиненных тебе людей. Это чувство, казалось, Ядрышников в полной мере испытал в Афганистане, где не раз приходилось ему отдавать своим мотострелкам боевые приказы. Солдаты видели, что командир бережет их, первым с автоматом в руках бросается под пули душманов, хотя это и не совсем по уставу. Но иначе он не мог. Память о тех днях — орден Красной Звезды и ноющие к непогоде раны... Пришел черед Чернобыля — и Ядрышников вскоре понял: здесь не легче, а в чем-то, пожалуй, и труднее, чем там, в призавшей на помощь стране. Михаил Викторович сам сказал об этом в дружеской откровенной беседе после нашего литературного выступления перед воинами подразделения. Речь в нем шла о неразрывной связи Советской Армии с народом, о наследовании героических традиций, о святости солдатского долга. И разговор с командиром части оказался естественным продолжением большого разговора, завязавшегося в армейском клубе. Кстати, как я узнал случайно, в эти дни Ядрышникову исполнилось сорок лет. Откровенно говоря, я думал, что он старше.

Рано утром подполковник уехал с колонной па станцию. Мы задержались в части — у каждого нашелся здесь свой интерес: кто пошел к химикам, кто в штаб, чтобы основательней разобраться в обстановке, кто в казарму к отдыхающим солдатам. Я же, сменив гражданскую одежду на воинское обмундирование, присматривался к бронированной машине, на которой мне предстояло проехать по одному из постоянных маршрутов радиационной разведки. Всего их четыре — протяженностью до 60 километров. Они проложены по шоссе и проселочным дорогам, просекам, бывшим полевым станам. В определенных точках производятся замеры уровня радиации — до 140 на маршрут. Полученные данные наносятся на

карту. В итоге — полная и ясная картина радиационной обстановки в районе.

— В последние месяцы, после ноября, она вполне благополучна,— сказал старший экипажа Павел Солошенко.— Уровень на местности везде близок к норме: наглядный результат проведенных армией мероприятий.

Подошел рослый сержант с прибором на ремне через плечо. Мы познакомились. Василий Волощук, родом из поселка Верхнячка Черкасской области, там же и работал до службы машинистом тепловоза. В зоне уже третий месяц. Замерял горячие точки на АЭС, в Припяти. Всякое бывало...

Из люка БРДМ выглянул водитель, ефрейтор Александр Сасин — все готово.

— Прощу! — сделал приглашающий жест Солошенко. Гулко зарокотал мотор.

— Ну как, набрались новых впечатлений? — спросил меня спустя несколько часов Ядрышников.— Что скажете о службе дозиметристов-разведчиков?

Был он чем-то озабочен. Тронул болтавшийся на моей шее респиратор. Медленно проговорил:

— Приезжаю на станцию, иду в цех, где заканчивается смена. И что же вижу — мои солдатики без респираторов! «Вы что же, говорю, друзья, нарушаете порядок, правила техники безопасности?» — «Так ведь, товарищ подполковник, респираторы мешают...» — «Все равно нельзя. Вы находитесь в зоне особого режима...» В общем, провел дополнительный инструктаж с заступающими на смену, предупредил старших — неукоснительно соблюдать все правила безопасности. Расслабляться в нашем деле нельзя.— Он помолчал,— Золотой у нас народ: стойкий, надежный, готовый к любым испытаниям... Но жизнь у каждого одна. И мы должны беречь друг друга — везде и всегда.

Высоко в небе плыли белоснежные облака: Отливали яркой голубизной сугробы. Морозец, словно наверстывая упущенное в феврале, пощипывал щеки, перехватывал дыхание. И все-таки явственно ощущалось: пришла весна, пора надежд, пора возрождения.

Иван ЧУМАК

МЫ ЕХАЛИ С ПОЭТОМ...

Мы ехали с поэтом на Чернобыль.
Текло шоссе — развилка за развилкой.
Мотор гудел спокойно...
Но с чего бы
душа горит и стонет каждой жилкой?

Цветут сады, но замолчали птицы,
тюльпан алеет, словно знак тревоги
Как будто кто-то в зелени таится...
Но никого не видно у дороги.

Не устают накатывать батально
тугие ритмы транспортного хода.
И люди — в белом.
Белым — как бинтами...
А вы — солнце, капелькою йода.

Как тяжелы вы, белые одежды!
А за Полесским каменщики споро
выводят школу. Значит, есть надежда.
И дети наши — вера и опора.

Ты чистотой души был озабочен?
Сегодня впрямь: ступи — земля застонет.
Асфальтом заливают скос обочин —
следы неизгладимые хоронят.

Брели коров бесхозных вереницы
и таяли в лугах —
ни силуэта...
Лишь пыль осела густо на ресницы
и на уста — солдата и поэта.

Какая ноша налегла свинцово
на улицы, проселки и чертоги...
Как тяжело сердцу, жаждущему слова!
Мы ехали с поэтом — на Чернобыль.

Валерий ЛЫМАН

ракурс

На моем монтажном столе лежит киноплёнка. Она уже была в эфире. Давно.

Тогда, зимой, мы снимали телевизионный фильм о бригаде монтажников-высотников, которые работали на строительстве пятого энергоблока Чернобыльской АЭС.

Это был рассказ о жизненной позиции молодых рабочих и их бригадира, депутата Верховного Совета СССР Владислава Васильевича Бокова.

Падает снег на голубые ели, новые дома, лица прохожих. Улицей города идут наши герои — жизнерадостные, молодые, как и большинство жителей Припяти, средний возраст которых двадцать шесть.

Камера провожает их до гигантской стройки, потом стремительно взлетает ввысь на тридцать восьмую отметку, где работает бригада. Отсюда открывается широкая панорама, вспыхивают огни электросварок, тяжело ревут двигатели самосвалов, плавают стрелы кранов.

За кадром диктор бодрым голосом рассказывал о покорителях мирного атома, о досрочном пуске четвертого энергоблока и строительстве пятого. Величественные линии электропередач, сплетения проводов, трансформаторы.

Да нет, были в нашем фильме и проблемы. Вот одна из них. На белом фоне движется темный силуэт. Лица его мы не видим — это тень. Кто-то оставляет свой коллектив навсегда.

После сдачи четвертого энергоблока тут сложились довольно непростые обстоятельства: отгремели оркестры, объект перестал быть пусковым, а значит, и изменилось отношение к нему.

В сооружении первой на Украине атомной электростанции принимали участие многие организации: заказчики, проектировщики, поставщики строительных материалов, технологического оборудования. От четкого взаимодействия этих китов и зависело, какими темпами будет идти строительство.

Рекордным оно было на четвертом энергоблоке. Тут все делалось одновременно: строители возводили стены, а спецмонтажники монтировали свое оборудование, поэтапно, быстро, очень быстро. Все были довольны.

Учитывая накопленный опыт, руководство из Припяти взяло повышенные обязательства построить досрочно и пятый, в 1986 году. Инициатива была поддержана везде.

Почему мы выбрали для съемок бригаду Бокова? Наверно, потому, что трудились в ней на совесть, легкого хлеба не искали, за славой не гонялись.

Именно через таких людей нам и хотелось вникнуть в те сложные проблемы, которые появились на строительстве после пуска четвертого.

— Нельзя служить на корабле, члены экипажа которого живут только своими интересами,— говорил нам бригадир.— Он затонет. Так и в нашей работе монтажников-высотников. Ведь работаем мы в достаточно неблагоприятных условиях: в дождь, снег, под ветром. В такой работе характер испытывается на прочность, а человека видно сразу. Если он пришел только заработать деньги — толку не будет. А вот тот, кто уважает себя, кто ценит дружбу и единство, тот настоящий монтажник.

Разговор со строителями происходил не на их рабочем месте, слишком высоко им приходилось работать, хотя сами они считали, что надолго задержались внизу.

Стройку лихорадило... На отдельных участках работы прекращались, людей перебрасывали на другие, но и там они не были загружены в полную силу.

Упала производственная дисциплина, появились прогулы, пьянство. Кто бездельничал, ожидая, пока ему найдут работу, а кто, махнув на все рукой, шел искать лучшей жизни в другом месте.

Руководство обвиняло их в том, что они, получив квартиры, участки под дачи, оставляли коллектив в тяжелый час, а они — руководство, которое не может обеспечить нормальный фронт работ. Стрелка текучести кадров ползла вверх.

Из бригады Бокова не ушел никто. Она стойко переживала трудности, которые не могли их не волновать.

— Как прошел рабочий день? — спросили мы у монтажников.

— Думаю,— ответил Михаил Коршак,— что каждый трудовой день начинается с настроения человека. Человек будет заинтересован, когда его обеспечат работой. Есть она — будет заработок, будет быстро идти время. А так что выходит? Ничего. Бригада почти парализована, нет поставок.

Нет, причина их простоев была не в поставках. Ребята не догадывались об этом, разговаривая с нами на площади нового города, который вырос на их глазах. Архитекторы планировали его с любовью. Тут все было удобно и красиво.

Первыми стройку подвели проектировщики. От директивных сроков сдачи документации они отстали настолько, что вывернули наизнанку всю технологию проведения работ. Обо всем этом мы

узнали несколько позже в кабинете одного из руководителей строительства.

— Мы даже, если честно, не можем предъявить претензий поставщикам,— сказал он.— Потому что у нас с ними сложились дружественного характера отношения. Они идут навстречу.

А вот проектировщики института Гидропроект, особенно центрального московского, срывают все графики и ставят под угрозу введение энергоблока. И самое главное — наносят убыток моральный, не говоря о материальном, тем, что мы не можем правильно по-инженерному подготовиться, нет документации.

Черная тень... Почему этот образ, который родился во время съемок в Припяти, так волнует меня сейчас?..

Перед кинокамерой люди часто чувствуют себя неловко. Поговоришь, расскажут обо всем откровенно, просто, но стоит только направить объектив, как человек теряется: слова часто слетают с уст сухие, речь становится корявой. Мы знаем эту психологическую загадку и поэтому иногда прибегаем к маленьким хитростям.

— Внимание, сейчас мы с вами проведем репетицию, пожалуйста, просто. Мотор.

Вместо репетиции проводим съемку. Так было и тогда.

Черная тень... Ага, вот этот синхрон с прорабом на строительстве АЭС.

— Конечно, есть такой факт, как поздняя поставка чертежей. Бывает, после того, как получили, их размещают на заводах, а это уже идет на какой-то квартал, какой-то год, а эти инструкции нужны сейчас. Берем ответственность на себя, делаем очень много замен, потом это согласовываем, потому что вовремя не поставили, чего-то не хватило, поскольку стоять мы не можем, нам нужна работа, мы должны строить и нужно выполнять план.

Стоп мотор. Что случилось с нами? Выполнять план любой ценой на строительстве атомной электростанции?! Вот так...

Фильм был в эфире почти за год до аварии. К сожалению, на эти слова никто не обратил тогда внимания, не вызвали они тревоги и у нас. Наверно, привыкли к героям, которые берут ответственность на себя. Они кочуют по страницам газет, появляются на экранах телевизоров, воплощаются на сцене. И где-то звучит ирония над тем, кто скрупулезно следует инструкции, кто пунктуально выполняет технические указания. Они считаются буквоедами. И у кого-то уже сместилось понятие, что в век научно-технического прогресса самоуверенная ответственность, когда не хватает знаний и опыта, а решения принимаются бездумные, становится безответственностью.

Эту пленку привезли из архива. Вот она, передо мной. Четвертый энергоблок, пульт управления, машинный зал, огни

электросварок, самосвалы и черная тень, которая растворилась в белом поле. Безразличная ко всему.

Ребятам из бригады Бокова мы пообещали, что проблемы, которые их волнуют, мы обязательно поднимем в нашем фильме. А еще мы договорились с ними о встрече в следующем году, на пуске пятого.

Но время распорядилось по-своему.

Дорога в Чернобыль в мае уже была дорогой особого значения, попасть туда съемочной группе было сначала непросто. Оформление пропусков, объяснения; кто-то вообще сомневался, стоит ли рассказывать об аварии на атомной электростанции, не наше дело, неправильно могут понять.

Перестраховщики... Разве не они говорили нам, что проблемы строительства атомной слишком острые, что их не стоит давать в эфир, разве не из-за них не отснято на пленку ни одного кадра эвакуации населения из Припяти, из тридцатикилометровой зоны вокруг АЭС, не показано мужество людей в те первые, самые трудные минуты и дни. Нет на пленке водителей, вывозивших людей, вертолетчиков, которые укрощали реактор.

Потом, немного позже, снимали их. Но разве можно сравнить кадры солдат, которые идут в атаку, с кадрами, когда они делятся своими впечатлениями после атаки? Что-то мы утратили навсегда.

Май. Чернобыль. Это уже другой фильм. На монтажном столе весело бегут кинокадры, ровно двадцать пять в секунду. Зафиксированы мгновения жизни. Их можно просматривать много раз, анализировать, изучать.

Секундами измерялся подвиг вертолетчиков над бушующим реактором. Вот он, под нами: заглушённый, но не укрощенный. Вертолет завис над ним только на одну минуту, это нужно командиру корабля капитану Попову, чтобы сделать замер радиоактивного фона, а нам отснять эти кадры.

Я останавливаю бег пленки. Если бы можно было так остановить жизнь, чтобы вернуться опять к той отметке, когда действия безответственных экспериментаторов еще не дошли до последней черты. Жизнь не кино.

Внизу развалины, заваленный мешками кратер, безлюдные улицы Припяти. Какими печальными становятся города, когда их покидают люди. Пустошь.

Да нет, это только на первый взгляд: где-то там, внизу, сквозь твердь земли к реактору пробиваются шахтеры из Донецка и Новомосковска, дорогами едут тысячи автомашин, спешат поезда, возводятся палаточные городки, разворачиваются заводы. Страна спешит в Чернобыль.

Среди тех, первых, кто по боевой тревоге поднялся в воздух, чтобы вступить в борьбу с атомом, который вышел из-под контроля, был летчик Николай Андреевич Волкозуб.

Задание, которое он получил, было исключительно сложное — измерить температуру в реакторе. Да, это было опасно: вертолет, попадая в режим источника с большой тепловой отдачей, мог утратить свои аэродинамические свойства и камнем упасть вниз. И все это в зоне высокого излучения.

Знал ли об этом Волкозуб? Конечно. Необходимую информацию ученые дали своевременно.

В экстремальных ситуациях люди ведут себя по-разному. Одни убегают от опасности прочь, оставляя беду на других, другие вступают с ней в борьбу. Тут все зависит от силы духа, от самой жизни, которой жил человек раньше: была ли она наполнена эгоистическими мыслями, или поднималась к общечеловеческим вершинам.

Час испытания отмел все фальшивое, оставив самую суть.

В особой зоне мы разыскивали наших давних знакомых: монтажников-высотников и их бригадира.

Нам важно было узнать, как встретили они этот час: поддались панике и убежали при первом дыхании грозы, забыв о совести, долге и людях, как это сделали некоторые, или мужественно вышли навстречу опасности.

В глубине души не верилось, что слова, которые они говорили перед кинокамерой, были неискренние, что их корабль дружбы и единства пошел ко дну.

Среди тысяч, которые приехали сюда по первому зову, найти их было сложно.

Штаб по ликвидации последствий аварии. Люди в спецодежде: белой, черной, темно-синей. Утомленные лица, красные от недосыпания глаза министров, известных научных деятелей, генералов. Кто есть кто — не узнать.

Пищит где-то рация, чертежи на столах, технические расчеты, короткие перекуры на воздухе и снова работа.

Автолавка с книгами. Хемингуэй, Шевченко, Чехов... Покупают — дефицит. Бронетранспортеры, черные лимузины, незнакомые люди. Строители и шахтеры, врачи, химики, специалисты самых разных профессий, чей опыт, знания и мужество так нужны здесь, на передовой.

— Кого снимать? — спрашивает оператор.

«Вот эти, с калькуляторами, — думаю, — инженеры, а те двое, что оживленно разговаривают, — физики, а возможно и партийные работники».

— Снимай всех. Этого заслуживает каждый.

О работе штаба уже писала пресса, первые репортажи передали в эфир корреспонденты редакции информации.

А могли они быть и намного раньше. Уже второго мая тут, на площади, стояла спецмашина Украинского телевидения. В ней находилась самая современная техника, которой располагали журналисты. Портативная камера с видеоманитофоном могла зафиксировать все кульминационные события тех часов, о которых уже начинало говорить человечество.

Телеоператоры Валентин Юрченко, Юрий Жуков, редактор Виктор Павлюк тщательно готовились к съемкам,— провести их запретили.

Теперь трудно установить фамилии тех ретивых администраторов, которые взялись решать, что можно снимать телевидению, а что нет. С уверенностью можно сказать одно: гласность они понимали по-своему, если вообще хотели усвоить это понятие, которое только входило в наш обиход. Немного позднее их подправили, но время уже было упущено бесповоротно.

На телевизионных экранах прошло немало документальных фильмов о Чернобыле. Были среди них и удачные, были и такие, что вызывали сомнения, возражения.

К этим событиям, видимо, будет обращаться еще не одно поколение кинематографистов, осмысливая по-своему героизм и трагедию тех дней.

Но не будет в их фильмах ни одного документального кадра о людях, которые покидали навсегда свои родные дома, не будет той тысячной колонны автобусов, мчащейся от Припяти, и той яростной вертолетной атаки, которой до сих пор еще не видел мир.

Светится экран, крутится пленка. Ярко светит солнце, белым цветом разлилась киевская весна 1986 года, такая прекрасная, зеленолистая. Не верится, что рядом случилось что-то чрезвычайное, в окружающей природе ничто не выказывает тревогу, только глаза людей.

Аллеей парка идут двое: молодой генерал-летчик и военный корреспондент. Навстречу весело прощebetала детвора, впереди каникулы, поездка к морю.

Генерал Антошкин только что прилетел с АЭС и пробует сейчас поделиться своими впечатлениями перед объективом. Он еще не знает, что Родина назовет укрощение реактора — подвигом, и немного позднее ему будет присвоено звание Героя Советского Союза. Не знаем этого и мы. Это его первое интервью.

Антошкин. Такого сложного и ответственного задания ни мне, ни моим помощникам выполнять не приходилось. Оно было

уникальным, можно сказать, единственным в мире. Мы понимали, что для того, чтобы закрыть реактор, нашим летчикам необходимо проявить немало мужества, находчивости, профессионализма.

Задание мы получили в первый же день, 26 апреля, и уже в ночь на 27-е вылетели на его выполнение. Чтобы понять мужество наших летчиков в борьбе с этой разбушевавшейся стихией, представьте: двадцать два раза в день на небольшой высоте, в зоне самой сильной радиоактивности, люди открывали люки и, глядя почти в самое пекло, сбрасывали туда мешки с песком и свинцом, сбрасывали руками; специальные подвески, парашюты придумали потом. Летали с утра до поздней ночи, не считаясь ни с чем, несмотря ни на что.

Экипажи полковников Нестерова, Серебрякова, Яковлева, капитанов Лейна и Войтко долг свой выполняли с честью. Никто из них не дрогнул, не отступил.

Я понимаю генерала, трудно ему найти нужные слова, чтобы ярко рассказать об этом подвиге воинов, ничего такого в нашей истории еще не было, а мировая литература всех времен и народов даже и о подобном не писала.

Парадоксы XX столетия... Человечество открыло атомную энергию, подчинило ее, а когда она вышла из-под контроля, укрощает мешками. Выяснилось, что это единственный способ в критической ситуации, другого нет. Мешки против стрел, против пуль, против смертоносных лучей. Как далеко мы зашли в техническом прогрессе и как мало у нас гарантий, что прогресс этот когда-нибудь не обернется против нас.

Нет, к сожалению, на Земле таких кнопок, с помощью которых атомные лучи возвращались бы назад, а есть совсем другие, от которых может взорваться планета.

За тысячелетнюю историю своего существования человечество приобрело опыт, как бороться с огнем, знало, что такое землетрясения и извержения вулканов. А радиация? Нет, не заложен в нашем генетическом коде опыт борьбы с тем, что сами создали. Невидимый враг. Человек его не чувствует, воспринимает только разумом, с помощью приборов.

Мы не нашли для нашего фильма такого высокого художественного образа, чтобы передать тревогу и переживания тех майских дней, когда детей своих люди берегли от солнца, от воздуха, от природы!..

Какой беззащитной становится Земля всего лишь от аварии одного небольшого реактора, а что же тогда говорить о тех ядерных арсеналах, которые существуют с нами рядом.

Возможно, когда-нибудь кто-то и попробует воссоздать тот эмоциональный шквал, так пусть лишь не забудет, что вызван он был нашим незнанием. То, о чем и думать не могли, стало суровой реальностью.

Наш студийный «рафик» едет по оставленным людьми селам, засеянными хлебом полям, зеленым лугам. На огородах еще копошатся куры, которых эвакуированные жители не успели вывезти, в прудах плавают гуси. Ласковый теплый день, ничего угрожающего. Но желтые флажки и специальные знаки, установленные воинами, предупреждают: «На обочину не съезжать — радиация».

Навстречу едут бронетранспортеры, бетономешалки, грузовики с номерными знаками многих областей.

Тысячи едут сюда, чтобы противостоять грозной опасности. Шахтеров из Тульской области Гаяра Шайдулина и Александра Кузнецова мы снимали сразу после смены. Были эти смены короткими и напряженными. Рабочие пробивали туннель под реактор.

Нам не нужно было прибегать к всевозможным хитростям, чтобы говорили люди во время съемок прямо и откровенно. Высокое напряжение Чернобыля исключало всякую фальшь.

Гаяр Шайдулин. Ночью за мной прислали машину. «Чего вдруг?» — думаю. В кабинете директора шахты нас собралось семеро. «Дело такое, товарищи,— сказал директор,— Чернобыль просит вашей помощи, выезжать нужно срочно. Кто не хочет — может отказаться». Поехали все, не успели даже и с родными попрощаться. Работаем, сил своих не жалеем. Не стыдно.

Александр Кузнецов. На совесть все работают, отлично, с душой. Только не успевают за нами бульдозеристы отгрести всю массу, что вынимаем.

Жаль, что лимит пленки не позволили нам запечатлеть все встречи, которые происходили в те майские дни, рассказать обо всех тех, кто самоотверженно вступил в бой с опасностью.

Люди, которые трудились в районе ликвидации последствий аварии, были обычными, а вот чувства их были особенными. Такие чувства возникают тогда, когда от твоих действий зависит судьба многих других, когда воля твоя и разум не поддаются панике, а, глядя опасности прямо в глаза, вступают с ней в единоборство.

И она отступает, дивясь силе людской.

Героями тут себя не считал никто, а трусов вообще быть не могло, как не было деляг, шкурников, приспособленцев.

Когда человеку доверяют, ждут от него решительных действий, возлагают надежду, он может сделать невозможное.

Общие, средние, крупные планы... Спецодежда, дозиметрический пункт, студенты политехнического с приборами в руках. Проверка автомобилей на радиоактивность. За черту зоны могут выйти только «чистые». Респираторы на лицах. Воины-химики. Они заступили на боевую вахту сразу после пожарников. Совсем юные офицеры и солдаты — те, кто еще ни разу не применял свои знания и умения на деле. Резиновая одежда, жара.

Инспектор ГАИ Петр Швец. Сотни машин к реактору и от него. Движение четкое.

— Здравствуйте,— это уже встреча с вертолетчиком Борисом Александровичем Нестеровым, одним из тех, первых,— вы только что вернулись с отдыха. Как здоровье?

— Спасибо, отличное. Претензий не имею.

Пункт дезактивации. Бетономешалки. Сколько их тут?

Физик Николай Дмитрюк только что с АЭС. Дозиметрический контроль. Голос за кадром: «Все нормально. Поймал немного».

Связист на столбе. Репродуктор, им установленный: «В Чернобыле продолжается героическая вахта...»

Молодой солдат присел на траву: «Разве ж так можно, сынок, радиация».

Бульдозеристы, новая дорога к реактору, которую они прокладывают.

Идут уставшие строители, работают тут за двоих, за троих.

Тяжелые самолеты в воздухе, моют Припять.

Вдруг смех возле машины, громкий, задорный.

В одном из московских редакторских кабинетов хотели вырезать этот эпизод: «Там такое несчастье, а люди смеются. Они что, не понимают?»

Отстояли. Когда люди смеются во время опасности, они непобедимы.

Сколько часов в сутках? Лишний вопрос, когда идет работа в экстремальных условиях.

Последний эпизод фильма: палаточный городок, вечер. Рабочие отдыхают после напряженного трудового дня. Неподалеку стоят бронетранспортеры, на которых они приехали сюда. Дымит полевая кухня.

За столиком с лекарствами сидит медсестра Елена Васильевна Бугрова. Работает тут с первых дней мая, сама из Сум. Сейчас делает анализ крови желающим.

Солнце уже село за горизонт. Световой режим не позволял проводить съемку, но мы рискнули.

— Елена Васильевна, как отнеслись родные к вашей поездке сюда?

— С пониманием. Когда беда, каждый из нас должен проявить свою инициативу, чтобы помочь стране. Если не я, то кто же.

Как хорошо, что этот эпизод вышел, потому что в словах этих было сказано самое главное — ответственность каждого из нас перед своей совестью, перед Родиной.

То, что случилось, стало испытанием на стойкость, когда каждый должен был быть готовым дать ответ: «Я и никто другой».

Закончилась пленка, погас экран.

Наших давних знакомых, ребят из бригады Владислава Бокова, в те дни мы так и не нашли, хотя знали, что работают они где-то тут, в тридцатикилометровой зоне, что в час испытания за чужае спины не прятались, вели себя Достоинно. Но все же верится, что встреча с ними состоится в другом месте, на строительстве новой атомной.

Жизнь, как и прогресс, не остановить.

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

О присвоении звания Героя Советского Союза
лейтенанту внутренней службы *Кибенку В. Н.*
и лейтенанту внутренней службы *Правику В. П.*

За мужество, героизм и самоотверженные действия, проявленные при ликвидации аварии на Чернобыльской атомной электростанции, присвоить звание Героя Советского Союза (*посмертно*):

Лейтенанту внутренней службы Кибенку Виктору Николаевичу

Лейтенанту внутренней службы Правику Владимиру Павловичу

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

А. Громыко

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

Т. Ментехнашвили

Москва, Кремль, 25 сентября 1986 г.

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

О присвоении звания Героя Советского Союза
майору внутренней службы *Телятникову Л. П.*

За мужество, героизм и самоотверженные действия, проявленные при ликвидации аварии на Чернобыльской атомной электростанции, присвоить майору внутренней службы Телятникову Леониду Петровичу звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»,

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

А. Громыко

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

Т. Ментешашвили

Москва, Кремль, 25 сентября 1986 г.

Леонид ГОРЛАЧ

ГНЕЗДО

ПОЭМА

Рубеж колючей проволоки строгий.
Дозиметрический контрольный пункт.
А рев машин груженых на дороге
Сжимает горло, как тяжелый жгут.

И пыль на сосны серая садится,
Кружится над накатанным шоссе.
Опалены жарой и ветром лица
На этой придорожной полосе.

Куда вы, хлопцы! Стойте, погодите,—
Вокруг такая щедрая весна!..
Но стонет шлях усталый, и водитель
Не знает тоже отдыха и сна.

Летят, летят машины на Чернобыль,
На встречу с гарью, с черною бедой.
Но без тревоги, кажется, особой
Взлетает жаворонок над травой...

Спокойно пара аистов летает
Над срубом придорожного гнезда.
И в клещи мысль берет, не отпускает:
Так где же затаилась тут беда?

Чернобыль, может, вымыслы-химеры,
Кошмар, навеянный гриппозным сном?
Но все идут в Чернобыль «бэтээр»,
Хоть и не слышен орудийный гром.

Здесь наши офицеры и солдаты
Оружие не носят при себе.
Так где же те враги и супостаты,
Что с ними в грозной встретились борьбе?

Вокруг весна цветет и зеленеет,
Она такая дружная пришла...
А от раздумий мозг деревенеет:
Зло существует, а не видно зла.

Здесь шли бои, сражались партизаны,
На крошево крошили тут врагов.
Пылали села, кровенели раны,
Шел лютый бой у этих берегов.

Но вновь полешуки землянки рыли,
Спасения искали у земли,
И сами свой священный мир творили,
Из пашни сами всходами росли.

И снова села у дороги встали,
Укоренилась твердь полешука.
Руин и горьких пепелищ не стало,
Осталась только память на века.

Земля людей спасала... Где же ныне
Спаستись, уйти в какую глубину?
Немеют неба дальние вершины,
Река уносит хмурую волну.

А солнце зной никак не поубавит.
Живицей пахнут сосны на корню.
Как оптимистом быть себя заставить,
Осилить неуверенность свою?

И как себя причислить к тем героям,
Что здесь рванулись первыми вперед?
Народа боль, печаль мою утроив,
Со мною в зону бедствия войдет...

Дорога жизни — узкая полоска,
Нельзя ни шагу в сторону свернуть.
Высокий лес, где сосны да березки,
Как щит, нам ограничивает путь.

В густых садах румянятся черешни,
Но к их плодам уже не подходи.
О дух весенний, чудотворец вешний.
От Украины горе отведи!

Теперь нельзя землянки вырыть снова.
Зажечь огни убогих каганцов.
Здесь респиратор да загар суровый
На лицах офицеров и бойцов.

Но такова уж человечья доля:
Прогрессу никаких препятствий нет.
Переживать нам остается с болью
За эту зону горестей и бед.

За тех людей, за доблестный характер,
Что весь в словах: «А кто же, как не мы?»
Идут бойцы спокойно на реактор,
Не устращась его смертельной тьмы.

Автобус, тридцать раз уже омытый,
Проглатывает спутников моих.
Ревет мотор горячий деловито,
Колеса мнут асфальт без никаких.

Поток машин со щебнем и цементом.
Звон трубовозов, гулкий, как набат.
Под запыленным воинским брезентом
Дозиметристов суточный наряд.

А рядом — несколько собак бродячих
Еды-приюта просят у людей.
Железом знай звенит асфальт горячий,
Как бы к земле прикованный Антей.

Но вот уже виднеется Чернобыль.
Я был зимой тут, даже воду пил
Из этой вот криницы, чистой пробы.
Теперь криницу целлофан накрыл...

Как страшно видеть и не тронуть воду
В таком краю, где реки и пруды!
Кто ж оторвать посмел от губ народа
Глоток живой, целительной воды?

И словно в эти самые минуты
Я слышу, кто-то шепчет горячо:
— Мы не цари природы, а, по сути,
В невольниках у атома еще...

И кто докажет, что неправда это?
Сидящие на формулах мужи,
Что все открыли будто бы секреты
И поперек им слова не скажи?

Смотрю я на Чернобыль, землю вижу
Во всем богатстве красоты живой,
В тепле квартир, в прохладе спелых вишен
И что отныне стала нежилой.

Безлюдной улицей на Припять едем,
Тревожное молчание храним.
И аисты летят за нами следом,
Как будто в небе безопасно им.

И снова мысль меня гнетет и давит:
Вернутся ли они в свое гнездо,
Коль тот, четвертый, люди не заставят
Остыть, осесть на каменное дно?

Мы, люди, что? Мы — мужества солдаты.
Но аисты нам, может, не простят
И подожгут, как в сказке, наши хаты,
И отомстят за гибель аистят.

А воробей, который так беспечно
В отравленной купается пыли?
Судьба, не уделяй нам славу вечно,
Коль правду убережь мы не смогли!..

И появился город из-за леса
Видением, придавленным к песку.
Открыла даль туманную завесу,
Нам показав широкую реку.

А над рекой — громада из бетона,
Опутанная сетью проводов.
Трубы высокой дымная колонна
Касается пролетных облаков.

И тот, четвертый, черною злобою
Стоит над зеленью весенних трав,
Всё заслонив минувшее собою
И все надежды наши растоптав.

Разрушенный бетон, и арматура
Торчит из покореженной стены.
Все это смотрит горестно и хмуро
На синеву небесной вышины.

— Туда нельзя,— сказал мне мой начальник.
Он скуп на слово и суров лицом.
Уселись хлопцы, как в горячий чайник,
В наш «бэтээр», оправленный свинцом.

Мы двинулись вперед сквозь перелесок,
Вздымая пыль столбом что было сил.
А ветерок весенний куролесил
И пыль куда-то дальше относил.

Тут свой контроль, своя тут зона в зоне.
За нею — смерть незримая лежит,
Хотя и тут с надеждой иллюзорной
Кому-то надо действовать и жить.

Вокруг пустынно, только одинокий
Дозиметрический оставлен пост,
Как оголенный бурей жестокой
На берегу единственный утес.

Туда-сюда проходят вертолеты,
И ноша их тяжелая видна.
Гудят небес лазурные высоты.
Так с кем идет воздушная война?

Зачем я здесь стою, а где-то кто-то
Идет в атаку рядовым бойцом
Или сидит в кабине вертолета,
Груженного азотом и свинцом?

Скажи мне, мой народ, моя держава,
Хотя б на миг открой мне свой секрет:
Коль есть у них на этот подвиг право,
То почему лишен его поэт?

Вы скажете: мы бережем поэтов,
Певцов эпохи бережем ряды...
А я б хотел упасть на землю эту
На этой грани атомной беды,

Стать частью той земли, что чашу горя
И горькой доли выпила сполна.
Кибенок, Правик — истинно герои.
За гибель их гнетет меня вина.

Где были те, что так рапортовали
О том, что, дескать, все идет на лад,
Что свысока смотреть беспечно стали
На своенравный атомный заряд?

Их образумит смерть героев, муки
Еще живых и будущих калек?..
Пусть у лжемастеров отсохнут руки.
Цена их спеси помнится вовек.

Я мог бы и про аистов на крыше,
Про соловьев лирический напев,
Но то, что здесь и видел я, и слышал,
Рождает горький и бессильный гнев.

И как могу я выводить рулады,
Произносить дежурное словцо,
Коль за измену хлопцы, за неправду
Мне плюнут обязательно в лицо!

Давай-ка, Миша, мой солдат-сыночек,
И мы с тобою на четвертый блок!
Но мой водитель говорить не хочет
И ворошит волос упрямый клок.

Он лишь сказал, что нет ему приказа,
А без него — берите вот ключи...
Я про себя тогда подумал сразу:
Молчат слова, когда гремят мечи...

А ночь уже коснулась мертвой зоны
И окунула в темень Терехи.
Прошили звезды полог небосклона,
И травы стали сонны и тихи.

И лишь в походной бане из-под тента
Выходит пар, как седовласый дед.
Из узких щелей мокрого брезента
Сочится тусклый желтоватый свет.

Промчит порой патруль автомобильный.
Лучами фар по хатам проведет.
И вновь покой, тревожный и немирный,
На припятскую землю упадет.

А соловьи в сиреневом расцвете!
А жаворонка ранний перезвон!
Не верится порою, что на свете
Все это правда, а не тяжкий сон.

Вот эта женщина, я вижу, пробежала,
Что прорвалась сквозь многие посты,
И у колючей проволоки ржавой
Солдата просит: — К хате пропусти!

Я только загляну, я только стану
На тот порог, что выстрогал мой брат...—
И наплывает, словно из тумана,
Сквозь сетку слез смутившийся солдат.

Он сам бы рад пустить хозяйку к дому,
Но говорит, что «надо потерпеть»...
И что сказать солдату молодому,
Когда за этой проволокой — смерть?!

А над селом радиостанций мачты,
И зуммеры тревожно в ночь летят.
И в школьном классе занимает парты
Подразделение молодых солдат.

Идет урок, как с должною опаской
Бойцам дезактивацию вести.
Двадцатый век учительской указкой
Укажет им нелегкие пути.

И в этом мире, темном, полузрячем,
Не удержать сомненья в берегах:
Четвертый блок мы в саркофаг упрячем,
Но как нам в саркофаг упрятать страх?

Да, пролетят стремительные годы.
Вздохнет земля, вернуться люди в дом.
Но будем помнить тот урок природы,
Что пережили мы с таким трудом.

И будем чтить великие законы,
Чтоб мудро шаром управлять земным,
Чтоб не оставить страшной мертвой зоны
Потомкам и наследникам своим.

НАИВЫСШИЙ СУДЬЯ - СОВЕСТЬ

«Теперь нас ждали новые встречи. Уже не с дозиметристами, не со строителями, не с ремонтниками, а с эксплуатационниками АЭС. Впрочем, разные эти специальности зачастую сочетались в одном лице. Вот и Валерий Петрович Захаров, который в день нашего приезда руководил работой смены на первом блоке...»

*(Из корреспонденции «Энергия Чернобыля».
«Правда» от 15.12.1986 г.)*

«За самоотверженные действия при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и проявленные при этом мужество, профессиональное мастерство, высокую политическую сознательность».

*(Из благодарственной грамоты, врученной Захарову В. П.
Припятским горкомом Компартии Украины и исполкомом
Припятского горсовета народных депутатов),*

Наша беседа с Валерием Петровичем Захаровым, сорокадвухлетним инженером, кому в числе других сотрудников АЭС довелось работать на станции до взрыва на четвертом блоке, в трудные дни аварии, в период подготовки станции к новому пуску и в последующий период, проходила в его повой, временной квартире сразу же после приезда его с очередной вахты. Несмотря на трудную рабочую пятидневку он старался выглядеть свежо, бодро, хотя глаза его все же то и дело выдавали накопившуюся за вахту усталость.

— Валерий Петрович, о событиях на Чернобыльской АЭС много написано, весь мир знает о массовом героизме, коллективном подвиге советских людей. Хотелось бы из первых уст, от очевидца, участника этих событий, услышать нечто другое: что вы лично ощущали, чувствовали, о чем думали в первые часы и дни аварии, где находились в момент взрыва, чем занимались?

— Я работал тогда начальником смены блока 2. Ночью с 27-го на 28 апреля должен был заступать на смену. Жили мы — жена

Люда, дочка Диана (11 лет) и я — в Припяти, от АЭС три с половиной километра. В субботу решили сходить на базар. Вышли из дома — город какой-то не такой: милиционеры с противогазами, непонятное движение машин... О взрыве мы ничего еще не знали — я спал крепко: допоздна читал «Пожар» Валентина Распутина... Бывают же такие совпадения! Глядя на милицию, подумал, что в городе какие-то учения — то ли по плану гражданской обороны, то ли милиция отработывает свои задачи. Жена задержалась на рынке, а когда вернулась, уже на пороге расплакалась. «Ты чего?» — спрашиваю. «Авария... Есть погибшие». Трудно было поверить. «Взрывы на АЭС исключены,— мелькнуло в сознании,— гарантия...» Позвонил на второй блок начальнику смены Малинину. Он долго молчал, видимо, подбирая слова. «Чего в нашей жизни не бывает»,— сказал осторожно. Я понял, что дело плохо. Позвонил Гаврилину, который работал ночью. «Серьезно...» — ответил он одним словом. Голова пошла кругом: что же могло случиться? О тех масштабах аварии, которые были на самом деле, даже подумать не мог. «Вероятно, где-то что-то сорвалось, упало, кого-то придавило»,— решил.

В воскресенье по внутренней связи объявили об эвакуации города. Взять самое необходимое и питание на три дня. Но, конечно же, мы, оперативный персонал, остались. Даже мысли не появилось уехать. У нас ведь блок. Там нашу смену ждут.

Семья уехала. Прощались грустно. Жена заплакала в автобусе. Но, в общем, было спокойно. Никакой давки, спешки. Милиция смотрела за порядком, но вмешиваться ей не пришлось. Куда уезжают? Никто не знает. На сколько? Только пожимают плечами. От этого появилось ранее незнакомое нашему послевоенному поколению чувство тревоги. Подумалось в ту минуту: «А как же в войну люди уезжали, уходили, убегали в неизвестность, бросая родные места, все нажитое, спасаясь от фашистов? Какой же непостижимо великой была эта всенародная драма!» Здесь все, смотрю, совсем по-другому, все относительно спокойно, и то леденеет душа... Правда, тревогу усиливало то, что к тому часу я уже знал, что четвертый блок разгерметизирован и что авария — общая. А что это значит — хорошо себе представлял.

— Валерий Петрович, не смогли бы вы назвать самый напряженный, драматический, что ли, для вас момент за все время тревог, связанных с аварией?

— Назову два таких момента. В 23 часа мы выехали из города на спецавтобусе на смену. Проезжаем мимо четвертого блока (метров пятьсот от него), смотрим на здание. Темно, мрачно, а воздух над корпусом светится. Багрово-красный, тревожный, словно какая-то чудовищная адская машина вырабатывает смертельный

огненный яд. Было жутковато. Ведь все понимали, что это за свет... Второй раз испытал такое же чувство, когда возвращались со смены. Проезжали уже с другой стороны блока с «лепестками»-респираторами на лицах. Пожалуй, на душе было еще тяжелее и тревожнее. Вспоминаю и третье неприятное впечатление: пустой, мертвый город... Зашел в квартиру — никого, удручающая тишина. Прислонился к дверному косяку и долго стоял, обессиленный и опустошенный, глядя на дочкин рабочий столик...

— Как было дальше, Валерий Петрович?

— Отдохнул — и снова на ночь. Питание дома еще было: жена приготовила с запасом, словно чувствовала предстоящую долгую разлуку. Следующую ночь оставаться в Припяти нам уже не разрешили. После смены завезли на часик домой собрать вещи — и подальше нас от опасности, в пионерский лагерь. Оттуда привозили на работу. Когда подошли очередные три выходных дня, разыскал в Полесском районе семью (товарищ имеет машину, помог). В хате Владимира Кураксы скопилось тринадцать человек, но жили дружно — хозяева оказались людьми высокой нравственной пробы. Потом жена с дочкой уехали в Днепродзержинск к родным. В выходные дни я, когда мог, навещал их.

На станции в это время произошла реорганизация, составили новый график работ. Собственно, работа как таковая потеряла свой изначальный смысл, но мы дежурили, поддерживали реакторы в режиме консервации, то есть в подкритическом состоянии, отводили от них выделяющееся в активной зоне тепло. Эта работа оказалась психологически куда труднее, чем дежурства в обычных условиях. Думаю, вы меня понимаете... Мы ведь уже знали, в каком опасном месте все время находимся. Надо сказать, в эти трудные для всех нас дни люди проявляли друг к другу большую душевную теплоту. Поддерживали у товарищей бодрость духа, заботились об их здоровье. Тут хочу отметить наших медиков. Молодцы! Дотошно и бережно следили и сейчас следят за нашим здоровьем, запрещают работать, если замечают хоть что-нибудь опасное для организма. Однажды старший инженер управления блока член партии Астахов Виктор Васильевич па дежурстве потерял сознание. Врачи помогли ему очнуться, велели покинуть рабочее место. А он — нет. Я не разрешил ему работать, стал вызывать машину, а он махнул рукой и говорит: «Не надо никакой машины. Она может понадобится другим!» И был на смене до конца. Сейчас, после лечения, врачи снова разрешили ему работать. Мы знаем, что психологическое напряжение полностью никак не снимешь. Но мы знаем и другое — никто, кроме нас, не сделает того, что нужно сделать. Ну, скажем, кому было готовить первый блок к пуску, как не нам? Или провести

испытания реактора, аналогичных которым не было еще в практике? Люди хорошо понимают это, и чувство долга не позволяет никому расслабляться ни на минуту.

— Ну, а были слабые духом, Валерий Петрович?

— Были. Об этом писали газеты. Но когда читаешь о незнакомых людях — это одно, а вот если подобное происходит рядом — очень удручает. Осадок в душе на всю жизнь остается... Когда наши семьи садились в автобусы, ко мне подошел один специалист из нашей смены (фамилию не называю, так как он позже возвратился на АЭС) и, потупившись, спрашивает: «Как мне быть, Валерий Петрович?» — «Не понял,— поворачиваюсь на его голос,— о чем вы?» — «Ну... уезжать ведь велено». — «Да,— отвечаю,— велено, но не нам...» Потом подумал: «А ведь оговорок никаких не было, выходит, что всем можно уезжать, даже оперативной смене». «Вот что,— говорю ему,— приказа оставаться никому не было, но есть высший судья — совесть наша... Кто же вместо нас на смену поедет?» Он пожал плечами, глаза его потухли, молча ушел куда-то в толпу... На смену мы поехали без него. А ведь на хорошем счету числился человек. Вот и попробуй раскуси в обыденной жизни человека до конца. Не так-то просто. Пуд соли надо съесть, в передрыгах, в беде вместе побывать, тогда только, возможно, и выявишь, кто есть кто.

— Валерий Петрович, последний вопрос: что такое вахта, которую вы сейчас несете? Как это все выглядит?

— Смены работают так. Из дому на спецавтобусах едем в поселок Зеленый Мыс на пять суток. Оттуда нас — на время смены — возят на АЭС. Через пять суток — домой. Здесь находимся около недели. Врачи, медосмотры, занятия в спорткомплексах — все это обеспечено. Все побывали с семьями в отпусках. На юге, в хороших санаториях. Там нас тщательно — в который раз — обследовали. Я заметил: кто много занимается спортом — легче переносит радиационное заражение. Я люблю спорт, стремлюсь поддерживать в себе физические силы. Сейчас па Чернобыльской АЭС очень дружный, испытанный в беда коллектив. Работает с хорошим настроением, радиационный фон все время понижается. От имени нынешних эксплуатационников хочется сказать большое спасибо всем, кто принимал и принимает участие в ликвидации аварии и ее последствий.

*Интервью взял
Степан Костяной*

Василь ЮХИМОВИЧ
**падают каштаны,
падают...**

Беда — незвана и нежданна,
и не подвластна никому...
Так что же, в Киеве каштана
теперь уже не подниму?

Одни в Крыму, другие — в Потии,
с детишек не спуская глаз...
Ну, а плоды лежат в дремоте,
как в пасху крашенки, лоснясь.

Стучат, как в кузнице стучали...
Упал — сверкает, огневой,
как будто отлакировали
поэты рифмами его.

Чем пособить родному краю?
На Старокиевской горе
опять каштаны собираю,
что б там ни пряталось в ядре!

Иные — прочь... Их дум зигзаги
не уследить — сплошной туман...
Трещат колючки саркофагов:
щелк — и каштан, щелк — и каштан!

В науке вновь неразбериха:
какой то след оставит плод?..
А он — свой плащ долой! — и тихо,
душа доверчивая, ждет...

Владимир РЫБАЛКО

ПО СЛУХАМ И АВТОРИТЕТНО

Любая весть из Чернобыля никого не оставляла равнодушным: шла ли речь о строительстве укрытия поврежденного реактора, сооружении жилья для чернобыльцев, или о пуске молчавших несколько месяцев первого и второго энергоблоков станции. О награждении героев, проявивших самоотверженность и мужество при ликвидации последствий аварии, или о концерте, сборы от которого переданы на счет № 904...

Заметный интерес вызывал и приезд на Украину зарубежных гостей. Это связано с целым рядом причин. И прежде всего — с той шумихой, которая была поднята на Западе в связи с аварией, особенно на первом этапе ликвидации ее последствий. Пользуясь слухами и бог весть какими данными, буржуазные средства массовой информации нагородили горы лжи и инсинуаций по этому поводу. Им не раз и не два подпевали и продажные писаки из украинских националистических изданий, свивших свои гнезда в США, Канаде, других капиталистических странах.

Вот почему каждый визит в нашу республику гостей из-за рубежа, посещение Чернобыля, их объективная оценка того, что произошло на АЭС, трезвый анализ осуществленного комплекса восстановительных мер — это убедительный ответ всем клеветникам и недругам на их злонамеренные выпады. Чернобыль видели своими глазами гости из США — бизнесмен и общественный деятель Арманн Хаммер, известный специалист по радиологической медицине доктор Роберт Гейл, французский сенатор, профессор Жак Валад, английский министр энергетики Питер Уокер, руководители профсоюзов Великобритании, другие политические, государственные и общественные деятели. Радужно принимали работники станции, жители Киева, труженики области зарубежных журналистов: только в нынешнем году АЭС посетили более ста представителей печати, радио и телевидения практически со всех континентов.

Сразу после аварии и спустя более чем полгода побывал на Чернобыльской АЭС генеральный директор Международного агентства по атомной энергетике (МАГАТЭ) Ханс Бликс. Гость Советского правительства доктор Бликс приурочил свой последний визит к окончанию основных работ по ликвидации последствий аварии на станции. Его посещение ЧАЭС, как отметил сам ученый, стало не только своеобразным актом «отмены чрезвычайного положения», вызванного аварией, но и началом не менее важной работы по координации совместных усилий государств в укреплении

системы безопасности мировой атомной энергетики. И МАГАТЭ, отметившее в этом году свое 30-летие, призвано сыграть здесь важную роль.

Лучше раз увидеть

...Снежные метели, захлестнувшие в те январские дни всю Украину, помешали руководителю МАГАТЭ добраться в район Чернобыля вертолетом. Но, как говорит украинская пословица, нет худа без добра. Х. Бликс и его спутники, направляясь на станцию автомашинами, лично убедились в том, что поврежденный реактор, расположенный в 150 километрах от Киева, не отравляет больше окружающей среды. Возвратилась в нормальное русло и жизнь тысяч людей, их хозяйственная деятельность, в том числе в ряде населенных пунктов 30-километровой зоны. Правда, в некоторых селах, находящихся в непосредственной близости от атомной станции, все еще закрыты окна и двери, но и здесь жизнь не остановлена. Специальные подразделения ведут дезактивацию сельскохозяйственных и жилых строений, оборудования фермских и складских помещений, техники.

У административно-бытового корпуса АЭС гостя встретил главный инженер станции Николай Штейнберг. После окончания Московского энергетического института он более десяти лет работал в Чернобыле, затем был переведен на Балаковскую атомную, но, когда узнал об аварии, попросился на родную станцию.

Во время дружеской беседы гостю рассказали о проведенных на АЭС крупномасштабных мерах, позволивших исключить заражение окружающей среды. Надежно изолирован и принят в эксплуатацию комплекс защитных сооружений вышедшего из строя реактора. Уже дают промышленный ток два действующих энергоблока, выработавших на то время более трех миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Осуществлены мероприятия по обеспечению безопасной эксплуатации АЭС. Ведутся работы по дезактивации третьего блока, помещений и оборудования станции, прилегающей территории, в том числе городов Припяти и Чернобыля.

Между главным инженером АЭС и руководителем МАГАТЭ состоялся заинтересованный диалог о проблемах эксплуатации станции.

- Сколько на станции смен?
- В сутки работает две смены операторского персонала.
- Если я правильно понял, неделю они работают здесь, а затем на пять дней уезжают.

— Дежурят четыре смены на АЭС, а пять суток отдыхают в Киеве.

— За рубежом волнуются, задают вопрос: 12 часов — большой рабочий день. Нет ли в этой связи каких-либо неприятностей?

— Таким графиком персонал доволен. На наш взгляд, потому, что у людей достаточно дней для отдыха в кругу семьи. Но мы считаем, что все-таки надо переходить к обычному — доаварийному графику работы.

— И когда это вы думаете воплотить в жизнь?

— На нормальный рабочий день перейдем, ориентировочно, в конце этого или в начале будущего года, после переселения в новый город Славутич, который уже строится.

— Расскажите, как ведутся радиационные проверки, медицинское обследование энергетиков?

— Четкая система в этом отношении была заведена и раньше. Контроль осуществляется после окончания смены. Медицинское обследование проводится в соответствии с требованиями инструкций Минздрава. Естественно, что особо тщательно проверяется операторский персонал и работники блочных щитов, реакторного цеха, машинисты турбин.

— Те дозы, которые они сейчас получают, выше, чем были раньше?

— Они лишь немногим выше. Но разрешение на пуск блока мы получили только после того, как обстановка гарантировала санитарные нормы.

— Предпринимаются ли какие-либо меры предосторожности?

— Особые меры не нужны.

— А что осуществляется в связи с несколько повышенной радиоактивностью вокруг станции?

— Как уже говорилось, территория первого и второго реакторов доведена до санитарных требований передвижения персонала, который эксплуатирует действующий ввод, ограничена этой зоной. В районах же, где продолжается дезактивация, работают другие специально подготовленные люди.

— Ветер, пыль несут «грязь» в те области, которые не были подвержены радиации... Как с этой проблемой?

— Пылеподавление велось и ведется постоянно. Сейчас помогает в этом снег. Большие площади покрыты особым составом, который гасит запыление. Со всей территории вокруг станции снят и надежно захоронен грунт. На его месте уложены бетон и асфальт. Если не изменяет память, только в районе реакторного блока

«лежит» почти 25 тысяч кубометров бетона и почти столько же — в районе торца машзала. Это была большая работа.

— Мы увидели, что люди все еще носят респираторы. Это из-за наступивших холодов?

— Скорее по привычке.

— У вас хорошо налажен вахтовый метод эксплуатационников, для главного персонала какой распорядок?

— В основном — непрерывная работа с короткими паузами на отдых.

— Вы живете в Чернобыле?

— Да.

— А вахтовый персонал?

— «Вахтовики» проживают в поселке Зеленый Мыс, который построен буквально за несколько месяцев и находится в 60 километрах отсюда. В Чернобыле живет также ряд работников, которые занимаются дезактивацией.

— После пуска двух энергоблоков наблюдались ли какие-нибудь отклонения в работе оборудования? Остановки, скажем?

— Была пара кратковременных остановок турбин из-за появления присоса в конденсаторе. Но это пустяки. По реакторной установке замечаний нет.

— Из подробного доклада МАГАТЭ мы ознакомлены с мерами, которые предприняты у вас для ликвидации последствий аварии. Какие действия по дезактивации предпринимаются сейчас?

— Основная задача — подготовка третьего энергоблока и работы по дезактивации пятого и шестого реакторов.

— Что делается конкретно по третьему блоку?

— Состояние оборудования в основном удовлетворительное. Сложности связаны только с восстановлением прежнего уровня радиационной обстановки. Поскольку этот реактор находился рядом, загрязнение оказалось несколько выше, чем на первом и втором.

— А вы занимались сооружением саркофага?

— Его возводили многие специализированные организации страны и нашей республики. Основные работы выполнило строительное управление № 605, где были сконцентрированы высококвалифицированные кадры. Конечно же, наши люди также были заняты в этих уникальных операциях.

— Мне рассказывали, что этот объект полностью передан станции?

— Правильно. Для его обслуживания создано специальное подразделение, состоящее из небольшого количества людей.

— Какая в нем температура?

— Максимальная, которую мы в эти дни зафиксировали, чуть больше ста градусов. Саркофаг оснащен постоянно развивающейся системой. Вот на одном из рисунков показано расположение датчиков. Сюда входит температурный контроль, контроль гамма-излучения, нейтронный контроль. Датчики расположены как над непосредственно активной частью, так и за стенами, а также под реакторным пространством. Общее количество датчиков — несколько сотен.

— У вас есть доступ туда?

— Да. Имеются специально организованные каналы. Разработаны схемы, которые подают воздух, фильтруют его. Обеспечиваются тридцать восемь кубометров воздуха в день. Сейчас вентиляционные системы отключены. На улице зима, и в целом температура там очень невысокая. Вполне хватает естественной вентиляции. Забор воздуха осуществляется на уровне земли. Вот показана температура над развалом — шесть градусов. В помещениях под реакторным пространством она, естественно, выше.

— А радиационный контроль?

— Датчики, контролирующие поток нейтронов, показывают нормальный, естественный процесс. Система очистки воздуха имеет надежные фильтры, а также газодувки.

— Радиоактивность захватывается этими фильтрами?

— Безусловно. На этой таблице представлены изотопы, в основном, как видите, короткоживущие. Среди многочисленных устройств, контролирующих объект укрытия, есть системы, обеспечивающие полную безопасность. Все они сдублированы или имеют даже многократное резервирование. Эти системы установлены в расчете на гипотетический случай.

— Приходилось ли их использовать хотя бы один раз?

— Нет. И надеемся, что не придется...

Ханс Бликс побывал в машинном зале и на блочном щите управления АЭС. Руководитель смены первого энергоблока 33-летний Виктор Кучеренко, который работает на станции уже более десяти лет, доложил руководителю МАГАТЭ о том, что блок несет электрическую нагрузку в миллион мегаватт и работает без существенных замечаний.

Отвечая на вопросы гостя, Виктор Кучеренко рассказал, что инженерный персонал, операторы, другие работники станции прошли переподготовку, отборочный медицинский контроль, аттестованы к работе в условиях повышенной требовательности, строжайшего соблюдения технологической и производственной дисциплины.

— Все мы научены горьким опытом,— подчеркнул начальник смены,— и сделали все, чтобы исключить повторение подобного.

На микролитражном автобусе гость и сопровождавшие его в поездке ответственные сотрудники МАГАТЭ совершили поездку к четвертому реактору. При этом они не пользовались какими-либо защитными приспособлениями, так как в этом не было необходимости.

Ханс Бликс побывал в Совете Министров Украины. Состоялась беседа, в ходе которой генеральный директор МАГАТЭ был ознакомлен с тем, что сделано партийными, советскими и хозяйственными органами республики и страны по устранению последствий аварии, обеспечению безопасности населения и нормального функционирования народного хозяйства в прилегающих районах.

Результатами визита удовлетворены

В ходе состоявшейся в пресс-центре МИД СССР встрече с руководителями МАГАТЭ его генеральный директор Х. Бликс сообщил, что, как и в первый приезд, делегации МАГАТЭ были показаны все объекты Чернобыльской АЭС. В первую очередь, заметил он, нас, конечно, интересовали вступившие в строй первый и второй блоки станции. Мы посетили их во время работы агрегатов на полном ходу и получили у главного инженера АЭС подробную информацию о всех изменениях, внесенных в технологию, а также в системы безопасности. Вывод, который я сделал вместе с коллегами — моим заместителем Л. Константиновым (СССР) и руководителем отдела ядерной безопасности МАГАТЭ М. Розеном (США), — нас удовлетворил. Практически все наши предложения, все рекомендации МАГАТЭ относительно дополнительных мер безопасности энергетических реакторов полностью учтены.

Говоря об аварийном реакторе, Х. Бликс отметил, что он закрыт и не представляет опасности. В подтверждение своих слов генеральный директор МАГАТЭ сообщил, что он и сопровождавшие его в поездке ответственные сотрудники агентства имели обстоятельные беседы с руководителями АЭС, посетили работающий реактор. При этом они не пользовались какими-либо защитными приспособлениями, так как в этом не было необходимости.

Генеральный директор МАГАТЭ отметил, далее, что на Украине 24 поселка уже прошли дезактивацию и могут принять людей. Два поселка уже заселены. Продолжается дезактивация населенных пунктов в Белоруссии. Однако в рамках

10-километровой зоны не предусматривается пока быстрое возвращение жителей. Что не касается обстановки за пределами 30-километровой зоны, то можно с уверенностью сказать, что уровень загрязнения в этом районе весьма низкий. На АЭС и вокруг нее работа по дезактивации практически завершена.

Был задан вопрос об уровне загрязнения воды и земли как в рамках 30-километровой зоны, так и за ее пределами. Отвечая на него, Х. Бликс подчеркнул, что здесь показатели весьма обнадеживают. Они гораздо ниже имеющихся лимитов. А еще важнее, заявил он, нам представляются те меры, которые были приняты для обеспечения того, чтобы весенние паводки не привели к увеличению уровня радиации. Для этого возведены многочисленные дамбы.

Доктор М. Розен остановился на некоторых оценках технического и радиационного состояния сооружений Чернобыльской АЭС. По его мнению, третий блок станции, находящийся в непосредственной близости от аварийного блока, может быть пущен после завершения дезактивационных работ во второй половине текущего года. Мы находились, сказал он, в непосредственной близости от четвертого блока, заключенного в бетонный саркофаг, и констатировали, что выбросы радиоактивности здесь составляют три милликюри в день, что в десять раз меньше уровня, образуемого в результате нормальной эксплуатации АЭС.

Нам сообщили, сказал М. Розен, что принятые здесь дополнительные меры обеспечения безопасности приведут к некоторому повышению расходов на получение одного киловатт-часа электричества, и это вызвало у нас чувство удовлетворения, ибо речь идет о цене жизни, или, как у вас сейчас говорят, о человеческом факторе. В этой же связи, подчеркнул он, мы высоко оценили усилия советских инженеров, нацеленные на более строгие регламенты работ персонала атомной станции.

Отвечая на вопрос о мерах, которые принимаются по охране здоровья населения, участники пресс-конференции сообщили, что медицинский контроль установлен над большим количеством людей. Он будет продолжаться и впредь. Обсуждается необходимость созвать Международное совещание экспертов, чтобы разработать методологию медицинского контроля.

Международное сотрудничество на уровне МАГАТЭ, которое вступило по инициативе СССР в новый этап, заявил Х. Бликс, принесло хорошие плоды. Государства-участники извлекли из аварии соответствующие уроки, проявили интерес к выработке режима безопасности на АЭС. Разработаны две международные

конвенции, которые, кстати сказать, СССР одним из первых ратифицировал.

На вопрос: «Считаете ли вы реальным наше существование без ядерного оружия?» — генеральный директор МАГАТЭ сказал:

— Хотя наша организация занимается мирным использованием атомной энергии, она накопила солидный опыт, который может пригодиться и для успеха переговоров в области разоружения. Я оптимист и считаю, что сейчас важен каждый встречный шаг на пути к безъядерному веку. Чернобыль в каком-то смысле может быть здесь примером и нового мышления, и взаимного доверия, которое было нами так ярко продемонстрировано в последние месяцы в области безопасной эксплуатации атомной энергетики.

Когда сходятся показания дозиметров...

— Я нахожусь под большим впечатлением от визита на Украину, в частности от посещения Чернобыльской атомной станции,— сказал в беседе с автором этих заметок известный американский физик, профессор Гарвардского университета Ричард Вильсон.

Гость из США был участником февральского московского форума «За безъядерный мир, за выживание человечества». После окончания его работы он познакомился с жизнью советских людей, изъявил желание побывать на Украине. Вместе с Р. Вильсоном в поездке в Киев и Чернобыль был корреспондент газеты «Лос-Анджелес таймс» Роберт Шир.

Р. Вильсона и Р. Ширу принял новый директор Чернобыльской АЭС М. П. Уманец, который до недавнего времени работал на Ленинградской АЭС. Гости были ознакомлены с ходом ликвидации последствий аварии на станции, сооружением защитного укрытия на поврежденном энергоблоке, проинформированы о принимаемых мерах по устойчивой работе вновь пущенных в эксплуатацию первого и второго блоков. В машинном зале и на блочном щите управления они беседовали с руководителями смен, операторами, другими специалистами, обслуживающими сложную технику.

— Направляясь в СССР,— продолжал доктор Р. Вильсон,— я захватил с собой ряд материалов, подготовленных Институтом ядерной энергии. В них говорится о мерах по безопасной работе ядерных реакторов, а также о тех областях ядерной энергетики, где возможно прямое сотрудничество наших стран. Мне было очень приятно узнать, что и в Советском Союзе образован научно-исследовательский институт в области управления ядерным синтезом.

Искренне признателен за предоставленную возможность посетить Чернобыльскую АЭС. Конечно, интересно было бы побывать здесь в другое время — не в период после аварии. Вместе с тем приходится удивляться тому, как быстро советским ученым и специалистам удалось устранить последствия взрыва на станции, снизить уровень радиации. Это я могу засвидетельствовать своим, американским, дозиметром, показания которого полностью совпадают с вашими данными. Все это — впечатляющий успех и большая заслуга всех, кто участвовал в сложных и ответственных работах по захоронению поврежденного реактора.

— Как вы оцениваете, доктор Вильсон, доклад СССР, представленный в МАГАТЭ, о причинах аварии и о мерах, принимаемых в Советском Союзе по предотвращению подобных случаев?

— Я знаком с этим докладом. Там было много ценных идей. И каждая серьезно изучалась нашими специалистами. Мы уверены: вы предприняли и продолжаете предпринимать все необходимое, чтобы такой инцидент никогда больше не повторился. Мы сообщаем, что должны сделать все, чтобы ядерная энергетика развивалась. Меня поражает, как быстро вы приняли эффективные меры по усилению техники безопасности на АЭС. Это свидетельство высоких знаний советских специалистов. После аварий на АЭС в США и здесь, в Чернобыле, появилось немало скептиков по поводу дальнейшего использования атомной энергетике. Я не разделяю подобных утверждений. Остановить ее развитие уже практически нельзя. Надо резко поднять уровень безопасности АЭС, повысить ответственность персонала, учить его. Советская сторона добилась в этом многого.

— Господин Вильсон, вы сказали, что замеры вашего дозиметра совпали с показаниями дозиметра советского производства. Мир наверняка только выиграл бы, если бы чаще совпадали точки соприкосновения в советско-американских отношениях.

— Да, это счастливое совпадение. Но оно не случайное. И американскому, и советскому народам нужен мир. Только сообща мы можем выжить. Убежден: мы можем и должны для этого сотрудничать. Не надо относиться друг к другу с подозрительностью, как это было в последние годы. У нас немало общих забот, мы многое сумели бы сделать вместе, многому научиться один у другого. Лично я очень заинтересован в совместной работе по созданию безопасных ядерных реакторов. Что-то лучше знают советские ученые, в чем-то вперед ушли наши специалисты. Это естественный процесс. Поделиться опытом в этом важном деле — наш долг. И, поскольку от

взаимоотношения наших стран во многом зависят судьбы всего мира, мы должны вместе на него работать и не жалеть для этого сил.

В разговор вступает Роберт Шир:

— Нам не так много удалось посмотреть в Киеве, однако город мне очень понравился. Самое же основное — поездка в Чернобыль. Люди, которые, сопровождали нас, проявили большую заботу, предоставили возможность сделать фотографии на станции. Ее руководители очень честно, прямо и откровенно беседовали с нами и предоставили полную информацию.

— От нас действительно ничего не утаивали, — добавляет Р. Вильсон, — Хочу сказать и то, что обстановка на станции была весьма открытой, демократичной. Такой, какую исповедует нынешнее руководство и его лидер — Михаил Горбачев. Именно такой должна быть вся наша работа. Поэтому мы очень довольны поездкой на Украину.

— Поделитесь, пожалуйста, мыслями о форуме в Москве, в котором вы участвовали.

Р. Шир: Самое сильное впечатление состоит в том, что я узнал позицию Советского правительства по тем вопросам, которые обсуждались на форуме. Его организаторы дали нам возможность встретиться с большим количеством людей, включая и тех, которые и не во всем согласны с политикой Советского государства. Диалог в Москве был очень конструктивным и обоюдополезным. Такая возможность случается не часто. Не было никакой пропаганды, заранее определенных установок. Все обсуждалось свободно. Мне лично очень понравился такой честный и прямой дух дискуссий.

Р. Вильсон: Полностью согласен с тем, что сказал мой коллега. Многие из нас не предполагали, что на форуме появится возможность столь открыто обмениваться мнениями. Меня к тому же удовлетворили встречи и беседы с советскими учеными — Велиховым, Соколовым. Нам будет о чем рассказать по возвращении домой. Нашим странам лучше жить в мире, чем накоплять смертоносное оружие. Это простой вывод, но другого не дано. Очень важно, чтобы слова не расходились с делами. Если Советский Союз говорит нечто и выполняет то, что было сказано, то это более безопасно, чем испытывать ядерные устройства. И таким образом можно действительно проверять правильность слов. Например, одной из таких проверок явилось то, что нам позволили посетить Чернобыль, за что мы весьма признательны. А то, что совпали показания американского и советского дозиметров, то это также проверка па пользу дела мира.

Николай ТЕРЕН

Что такое «падло»?

— Как тебе спалось, Бетти?

— О! Здесь так спокойно, такой чистый и чудесный воздух! Я давно так сладко не отдыхала! Милый мой мистер Плут, я сяду на подоконник и буду наблюдать, как поднимается солнце. Рассказывают, что в Японии во время восхода солнца небо становится темно-синим, а потом превращается в светло-голубое, точно такое, как твои глаза...

— Ты стала гораздо нежнее, Бетти!

— Я очень соскучилась по тебе, Джимми! Я ждала нашей встречи, как ждут дождя в пустыне...

— Мы были в разлуке всего год...

— Мне он показался вечностью. В последнее время я потеряла всякий контроль над собой и почти каждый день позванивала твоему мистеру Блуду и спрашивала, когда могу приехать к тебе...

— За работой время летит быстрее...

— У тебя было много работы? Я внимательно просматривала наши газеты и не находила твоих репортажей... Так, краткие информации, как заячьи хвосты... И наш счет...

— Это была не работа, а настоящая каторга. Там, на родине, я готовил репортажи о пожарах и грабежах, убийствах и изнасилованиях. И все печатали. Я по-настоящему был удовлетворен работой, чувствовал себя репортером, умеющим схватить главное, подать материал упруго, красиво, захватывающе... А тут — бедность на сенсации. В Союзе не устраивают забастовок, уличных стачек с блюстителями порядка, демонстраций протеста... Я не имею ничего пристойного, дабы дать простор своему вдохновению, фантазии, наблюдениям. А мистер Блуд требует, приказывает, угрожает, советует: «Слушайте людей, черт бы вас побрал! Вступайте в контакт с инакомыслящими, верующими, интриганами, демагогами, сплетниками, фантазерами, только не спите там, не отдыхайте на лаврах. Вы не на курорте. А хороший отдых надо заслужить, дорогой Плут!»

— Бедный мой Джимми, милый мой Плуттик! А я... сердце предсказывало мне нехорошее, но все решила по-женски. Думала,

встретил здесь какую-то красавицу и забыл о своей Бетти... Я готова на все. Я буду помогать тебе, милый, всем, чем смогу...

— Подожди, какая-то ранняя птичка звонит по телефону.

— Разреши мне, Джемми, послать эту гостью подальше! Я так хочу побыть с тобой наедине...

— Не забывай, где мы находимся, Бетти.

Плут поднимает трубку, слушает, что-то нервно записывает и возбужденно соглашается, переспрашивает. Наконец заканчивает разговор и орет, как сумасшедший: «Хра-а-а!» Он подхватывает Бетти на руки и, не переводя дыхания, кладет ее в кресло, выкрикивая:

— Наконец-то и нам улыбнулось счастье! Все-таки есть бог на свете, если не дает нам заплесневеть!

— Что случилось, Плуттик?

— Сегодня мистер Блуд оценит, в конце концов, мистера Плута. Сегодня и навсегда он соблаговолит изменить свой гнев на милость. Пиши, Бетти.

— Я готова.

— Почему ты смотришь на меня какими-то стеклянными глазами? Слушай и пиши: «На самой мощной советской атомной электростанции — Чернобыльской — случилась катастрофа. Страшный взрыв поднял в воздух все энергетические блоки. В ядерном пламени сгорели тысячи людей, опустошены близлежащие города и села Белоруссии и Украины. Древний город Киев напоминает безлюдную Хиросиму после атомной бомбардировки. Радиация распространяется по всему свету, по всему земному шару. Русские сеют смерть на головы невинных людей Западной Европы, Скандинавии...»

У Бетти дрожит рука.

— Мне страшно, Джимми, я прикрою окна.

— Иди, дорогая, успокойся. Я допишу сам.

Плут садится за стол и рьяно заканчивает репортаж. Поднимается, перечитывает, что-то вычеркивает, дописывает. Он весь в работе. Он уверен, что мистер Блуд оценит его старание. Высоко оценит! Пока Бетти принимает лекарство, влажным полотенцем вытирает лоб и лицо, пока она закрывает окна и проверяет, не осталось ли щели, он работает на телетайпе, передает сенсацию своим потребителям. Потом встает, потирая руки, и удовлетворенно, почти истерически, хохочет.

Бетти сконфужена.

— Джимми, ты радуешься чужой беде?

— Я радуюсь своему счастью. На наш счет наконец-то что-то да капнет. Я чувствую, что это надолго и на этом деле хорошо можно будет нагреть руки...

— Но там же люди...

— Люди! Во все времена, во все века гибли они вследствие обвалов, оползней, землетрясений, пожаров, аварий, взрывов, столкновений, отравлений и еще сам дьявол знает от чего, но человечество, понимаешь, человечество уцелело. И сейчас человечество не погибнет, а среди него и мы с тобой. Можешь быть уверена. Мы сможем стянуться на приличную виллу, современный лимузин... Так ли это плохо, Бетти?!

— Ты написал, что русские сеют смерть по всей планете...

— Зачем тебе политика, Бетти? Ты же не дипломат, не государственный деятель, а всего-навсего жена аккредитованного репортера... Его первая помощница и вдохновительница...

— Правильно, Джимми, я не дипломат, но я же человек, который способен думать, сочувствовать... Скажи мне, как это так, что по телефону ты разговаривал меньше минуты, а свой репортаж передавал полчаса?

— Это уже профессионализм, Бетти. Это, родная моя, от бога. Кто не умеет воображать, додумывать, фантазировать, то есть одевать факт в красивую и удобную для него одежду, тот не может быть репортером. Я, например, никогда не научусь готовить такой ароматный и вкусный кофе, как это делаешь ты. Разреши, Бетти, воспользоваться твоим талантом.

Бетти идет готовить кофе и раздумывает вслух: «Боже праведный, что с нами будет? С туристами, прибывшими сюда в этот недобрый час?»

Мистер Плут прислушивается к словам жены и чуть ли не прыгает от радости.

— Бетти! Ты — гений! Ты — настоящее вдохновение!

Та смотрит на мужа, ничего не понимает, разводит руками. А мистер Плут тем временем накручивает телефонный диск, с кем-то связывается и интересуется, как ведут себя иностранные туристы в России. Слушает, что-то конвульсивно записывает, бросает трубку. Вновь подхватывается и уже сам себе:

— Никогда я не употреблял с утра коньяк, но такая удача! Такой успех!

Наливает глоток.

— Будь здорова, моя вдохновительница!

Опрокидывает рюмочку и быстро пишет, повторяя написанное вслух:

— «Туристы покидают Россию. Да, сегодня большая группа иностранцев досрочно закончила свое пребывание в Советском Союзе и вернулась на родину. Каждый турист оставил свою одежду, сувениры, прошел через пункт дезактивации, получил специальную

одежду, прежде чем сесть в самолет. Подобная процедура повторилась и после приземления на родную землю...»

Бетти держит поднос с чашечками кофе. Она бледная, руки ее вибрируют так, что кофе проливается на поднос. Плут смотрит на нее, берет поднос и ставит на стол.

— Успокойся, милая. Выпей кофе и успокойся, прошу тебя.

— Они на самом деле вылетели? Или это твоя фантазия?

— Вылетели. На самом деле вылетели. Их отозвали...

— А мы? Почему нас никто не отзывает?!

— Мы с тобой, родная моя Бетти, будем работать в поте лица.

Каким же надо быть простачком, чтобы в такой момент, когда деньги сами плывут в руки, отворачиваться от них?!

— Я мечтала быть женщиной. Женщиной-матерью, рожать детей...

— И будешь матерью, будешь рожать...

— Каких детей? Пораженных радиацией?!

— Верь мне на слово, дорогая моя Бетти, если бы нам что-то угрожало, нас с тобой здесь бы уже не было и никто бы не спрашивал нашего согласия об этом. Как и наших дипломатов — моих информаторов — тут не осталось бы ни единого...

— А туристы?

— Это так, для паники...

— Кому нужна эта паника?

— Бетти, ты вновь склонна к политике... Когда мои репортажи опубликуют газеты, представь себе, кто решится отправиться путешествовать по Союзу? А это значит, что опустеют авиарейсы, гостиницы международного класса, рестораны... И опять — потери. Если нельзя брать с собой даже одежду, побывавшую на русской земле, значит... Значит... Подожди, Бетти, у меня, кажется, родилась новая идея.

Плут уже в который раз бежит к телефонному аппарату, крутит диск, наводит какие-то справки, консультируется, кладет трубку и снова истерически смеется. Бетти приходит в ужас.

— Что с тобой, Плутик? Случайно ты не заболел от этой радиации или больше чем надо выпил коньяка?

— Эх, Бетти! За удачу! За тебя, Бетти! Ты привезла мне настоящее вдохновение! Следующий мой репортаж о том, что зарубежные партнеры разрывают с Советским Союзом контракты об экспортных поставках из России продуктов питания, оборудования и т. д., зараженных радиацией...

— Тебе об этом сказали информаторы?

— Нет, они поблагодарили, что мои идеи направлены в правильном русле. А это означает — санкционировали... Теперь я знаю, уверен, что если кто и не догадался это сделать — сделает!

— Я начинаю быть политиком, мой Плутик!

— Рад, милая Бетти, что ты такая умница. Прошу тебя, не смотри на меня глазами благодетельницы. Мы и они — идейные противники. Подрыв какого-либо авторитета нашего противника — финансового, морального, политического — льет воду на нашу мельницу либо ослабляет ее, а значит, уменьшает угрозу...

— Какую угрозу?!

— Уничтожить нас, наш народ, наших друзей, нас с тобой...

— Джимми, я убеждена, что ты перепил коньяка...

— Пусть будет по-твоему, но мистер Блуд, в конце концов, и наш президент так думают, вернее, я думаю так, как и они...

— Тебе надо отдохнуть, Джимми.

— Передам вот этот репортаж и завалюсь спать. Впереди — большая работа. Будут еще пресс-конференции, беседы, интервью, аналитические статьи. Еще много чего будет!

— Будет, Плутик, будет, а сейчас отдохни.

Бетти подходит к окну, осторожно открывает штору и Удивленно-радостно обращается к мужу:

— Плутик, подойди-ка сюда.

— Что там еще?

— Иди посмотри, люди, как и вчера прогуливаются улицами и бульварами, с детьми и без них...

— А зачем все это мне?

— Ты же сеешь ужас, страх, а они...

— Я работаю, Бетти.

— Работай, а я выйду на улицу, как и они, погуляю в парке.

— Иди,— равнодушно показывает на двери Плут, усаживаясь отдыхать.

После больших трудов и выпитого коньяка мистер Плут надолго захрапел. Бетти растормошила его, когда солнце уже клонилось к закату.

— Ну, что там еще? — приоткрыл глаза Плут.

— Вот мистер Блуд телетайпом прислал тебе горячее поздравление и сердечную благодарность...

— Я знал, что это будет. И неужели ради этого ты меня разбудила?

— Нет, нет и нет! Ты объясни мне, Джимми, что такое «падло»?

— Падло? — Джимми наконец широко открыл глаза.— Зачем тебе такие нюансы чужого языка? Тем более, что это гадость...

- Я тебя очень прошу, объясни популярней.
- Ну, это то, что гниет, разлагается... Одним словом, дрянь. Зачем это тебе нужно?
- Понимаешь, Джимми, там, в парке, очень живо разговаривали люди. Я подошла к ним. Мужчина, которого все слушали, сказал: «Да, два часа тому назад я был в Киеве. Люди, конечно, очень взволнованы аварией на одном энергоблоке в Чернобыле, но город живет в своем обычном ритме, готовится к проведению велогонки Мира». Я не удержалась и спросила: «Так это выдумки, что Киев — мертвый город?» А он ответил: «Рассказывают, что какое-то падло передает за границу всевозможные путанные сообщения, но, как говорится, пес воет, а месяц светит...» Ты слышишь? Он так и сказал: «Сообщения Плута». Выходит, ты теперь не только Плут, но и падло?! А я твоя падлюка? Так по-ихнему?
- Бетти. Бетти, какое мне дело до того, сгорел тот Киев или дотлевет, кто там концы отдал, а кто умирает, какая нам разница, кто и как нас называет?! Не было бы у них беды, не узнали бы мы с тобой этого творческого счастья!

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Вчера первый блок Чернобыльской АЭС включен в энергосистему страны. Случайное совпадение. Энергопуск первого блока Чернобыльской АЭС осуществляется ровно через девять лет после того, как он впервые дал ток.

Трудовое наступление чернобыльцев продолжается.

2 октября

Николай БАКЛАНОВ
Андрей ПРАЛЬНИКОВ

КАК ЛЕЧИТЬ ЗЕМЛЮ

Поля вокруг Чернобыля стоят неубранными, закрыты ворота ферм. И к этому безлюдью, к тишине привыкнуть, пожалуй, труднее всего.

Эвакуация. Теперь уже всем стало понятно, что это — надолго. Для людей, покинувших опасную зону, поставлены тысячи домов.

«Село Берестянка построено трудящимися Крымской области. Июль — август 1986 г.»—надпись на камне при въезде в новый географический пункт Бородянского района. Удобные коттеджи с водопроводом, газом. На участках — хозяйственные постройки. И кое-где уже посажены первые деревца, еще прутьики. Таких поселков много. Люди обживают, работают. Но что же будет там, откуда они приехали? Что будет с землей «за чертой»? Что вблизи от нее?

Беседа в Госагропроме Украины началась со знакомства с картами. Вот одна из первых — на 10 мая: принято считать, что к этому времени выпали на землю все радиоактивные частицы. Черным цветом закрашен участок в самом центре: здесь уровень поднялся выше 20 миллирентген в час. Красная зона — выше 5 миллирентген, голубая — выше 2, а ниже — зеленая. Другие карты, уточненные, детальные — по стронцию и цезию, созданные специалистами различных служб, институтов.

— По этим картам отрабатывается система ведения сельского хозяйства с учетом радиоактивного загрязнения,— говорит первый заместитель председателя Госагропрома УССР А. Ткаченко.— Загрязнение, как видите, легло пятнами, неравномерно. Та территория, что попала в черную зону, отчуждается. На какой срок? Это покажет время.

Практически ничего из урожая не убрали и в других районах 30-километровой зоны. Здесь есть вполне благополучные участки, но необходимо перестраховаться, лучше пожертвовать продукцией на 24 тысячах гектаров сельхозугодий, расположенных в красной зоне. К тому же здесь занимались в основном животноводством, а весь скот был вывезен сразу после эвакуации населения.

А вот для голубой и зеленой зон созданы подробные рекомендации. Составлены они с учетом биоклиматических условий районов, чтобы рассчитывать рацион животных, содержащихся па

откорме или на молочных фермах. Есть и временные рекомендации по обработке почвы к севу уже под урожай будущего года.

Вместе с ученым из ВНИИ сельскохозяйственной радиологии Н. А. Лоциловым мы ездили по районам, собирали главных агрономов, беседовали об особенностях работы, о том, как пользоваться различными данными, таблицами.

Рассказывает ученый.

— На пятилетку определена программа комплексных научных исследований по проблеме «Рациональное ведение агропромышленного производства на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате аварии на Чернобыльской АЭС». Потребуется заложить немало опытов, чтобы определить, насколько эффективно снижается подвижность радионуклидов. Как переходят вредные для здоровья вещества из почвы в различные части различных растений. Как и сколько их попадает в организм животных по пищевым цепочкам...

Вопросов — сотни. Многими вещами мы раньше просто не занимались. К примеру, выяснилось, что крыжовник, смородина накапливают большую дозу, чем другие ягоды. А помидоры, огурцы, редис, собранные в самое «горячее» время, после того как их как следует мыли и отделяли ботву, становились совершенно «чистыми».

Вопрос А. Ткаченко:

— В печати сообщалось о тронном контроле за продуктами, установленном с первых дней после аварии. Что это такое, действует ли он сейчас?

— Да, такой контроль не отменен: и в поле, и на базе, и в магазине. Есть еще и четвертая ступень — санэпидстанции. Их вывели из структуры Госагропрома, чтобы обеспечить независимость работы.

Создавать подобную систему дозиметрического контроля пришлось на ходу. За 10—12 дней подготовили полторы тысячи человек из специалистов с высшим образованием, имеющих опыт отбора проб, — химиков, биологов. Помогли сотрудники Киевского университета, Института ядерных исследований, обработавшие тысячи образцов, трудившиеся без выходных.

— Вы говорите о централизованном контроле: в магазинах, на крупных рынках. А как в селах, где все — со своего огорода?

— Закончены и последние обследования во всех селах, примыкающих к зоне, откуда выселены люди, — объясняет Н. Лоцилов, — составлены таблицы, по которым можно рассчитывать уровни загрязнения всех продуктов по каждому селу, на любом приусадебном участке.

Во время поездок мы разъясняли хозяевам: вот картофель, скажем, у вас вполне пригодный, уровень загрязненности — незначительный. Но вы должны, выкопав, сразу убрать его, не держать на загрязненной земле. То же самое с яблоками, сливами...

— Эти таблицы раздали депутатам сельсоветов, провели лекции,— говорит руководитель Госагропрома республики, — объясняли, что 22 села решено полностью снабжать привозными продуктами. Те, кто не хочет пользоваться своими, с участка, может продать их колхозу на корм скоту. А все, что нужно, купить в магазине. На корма будет переработана и часть урожая хлеба. Уже выстроилась технология: смешивать такой корм с загрязненным, а за два месяца до сдачи переводить животных на абсолютно «чистый». За это время ткани организма освобождаются от цезия: выводит его клетчатка.

Клетчатка полезна и нам с вами, поэтому сегодня рекомендуется есть побольше яблок. Мы сейчас пустили первую линию по производству таблеток из яблочного порошка. Вот попробуйте. Такая таблетка — одно среднее яблоко. Для лекарства вкус вполне сносный. Порошок будем использовать в кондитерской промышленности, его можно добавлять в хлеб, творог, другие продукты. Делается порошок из полноценных яблок, клетчатка сохраняется целиком, а хранить его проще и «навязывать» потребителю можно в больших количествах.

— Как снабжается продуктами Киев? Откуда их привозят?

— Из разных районов республики. И все они гарантированно «чистые». Некоторую дозу радиации киевляне получили, и в профилактических целях сейчас следует избегать даже незначительно загрязненных продуктов. Так будет до нового урожая: он покажет — менять это положение или продлить.

— Александр Николаевич, были сообщения о том, что в 30-километровой зоне летом начинались сельскохозяйственные работы. Почему их прекратили?

— Мы попытались окучивать картофель. Делалось это вахтовым способом, на специально подготовленной технике. Было предположение, что после обработки снизится фон на полях. Сначала фон действительно упал до нуля, а через несколько дней стал прежним, большой перенос радиоактивных пылевых частиц. И от таких работ отказались.

Сейчас на Киевщине тактика другая. Начнется настоящая осень, и дожди придавят пыль, можно будет приступить к рекомендованным работам по дезактивации: вносить в почву цеолиты, доломиты, другие вещества, калийно-фосфорные удобрения, связывающие стронций. После этого нужно тяжелыми

плантажными плугами перевернуть пласты земли толщиной на несколько сантиметров больше пахотного слоя. Радиоактивные вещества окажутся законсервированными на глубине, где без доступа воздуха процесс минерализации практически, не происходит.

Потом обрабатываемую землю засеем такими культурами, у которых корни не достанут до связанного осадка. Мы не можем сейчас утверждать, что 30-километровая зона станет приносить пользу сельскохозяйственному производству. Но все это нужно сделать и после наблюдать за развитием растений, за тем, как они поглощают радиоактивные вещества. И только тогда можно будет сказать, годятся выращенные культуры или их следует скосить и захоронить.

Приступим к делу, когда будет закрыт реактор и уляжется пыль. Работать будем вахтовым методом — на границе с «красной» зоной, в Полесском районе, уже готов поселок для механизаторов, собрана техника. Но очень мало тракторов с герметизированными кабинами, кондиционерами. Не хватает для людей надежных и удобных респираторов. Поэтому и приходится ждать непыльной погоды.

— Как работают жители деревень, которые были эвакуированы, а сейчас вернулись в свои дома?

— Убрали картошку, которую используют на корм скоту. Молочное животноводство здесь сейчас не ведется. А на полях, на тех участках, которые определены как «чистые», — все обычным порядком. И, тоже ставший обычным, медицинский контроль.

Дмитро ПАВЛЫЧКО

ЛИСТОК

Не с левитановских полотен,
а из чернобыльских долин
навстречу явор, златороден,
идет, как грозный паладин.

Он безоружен пред судьбою.
Но — трепет в сердце и траве:
идет он, как солдат из боя, —
несет обрубок в рукаве.

Свою оторванную шуйцу —
и неживую, да в сукне...
Идет — и очи его жгутся.
Он что-то хочет молвить мне.

В короне солнечного блеска,
он листьяев сбрасывает дрожь.
Не подходи, кричу, так близко —
одним листком меня убьешь!

Не виновен я, что так случилось,
что раскололась неба твердь
и в ветвь, что золотом лучилась,
вселилась атомная смерть!

— Виновен! — Чудится мне, что ли?
Идет он, скорбный и немой.
А я... Сжигает в отчем поле
меня листок любимый мой.

* * *

Не каждая печаль, не каждый плач
обязан с кровью перейти к потомкам.
Сгинь, месть, взойдя в рыдании негромком.
Тоска разброда, жало свое спрячь!

Но не растай, полесская баллада,
в дезактивате бодреньких словес,
звонящих, будто под дождем болото,
певучих, словно новенький протез.

Не проходи, запомни поименно,
кто жертв науке жаждал невпопад,
не сдерни креп, склоняющий знамена,
где дух живой, а не пасьянс цитат!

Не пропади в раю казенной «липы»
первопрестольных ангелов и муз,
не превратись в кликушеские всхлипы,
которыми торгует смелый трус.

Собою будь. Рубцуйся скорбью, рана.
Чтоб знали все сожженные дотла,
что черная энергия урана
в сиянье горькой правды перешла!

Юрий ЩЕРБАК

последнее предупреждение

Прошло не так уж много времени с момента аварии на Чернобыльской атомной электростанции.

Но каким далеким, идиллически безмятежным представляется нам теперь тот дочернобыльский мир — спокойный, неторопливый, годами, кажется, пребывающий в полусонном, снисходительном, вседозволяющем благодушии. Мир без катастроф, жертв, без стрессовых ситуаций, которые выпали на долю миллионов людей.

Для всех тех, кто прямо или косвенно был причастен к трагедии Чернобыля, время словно бы расколосось на две неравные части: до двадцать шестого апреля 1986 года и после. Одна из героинь моей повести Анелия Перковская, секретарь Припятского горкома ЛКСМУ, сказала: «Это очень напомнило войну. И у нас, у всех работников горкома, так и осталось это разграничение: до войны и после войны. Мы так и говорим: Это было до войны».

Прошло два года, а кажется — десятилетий, беспримерных по напряжению всех физических и душевных сил, по глубине и интенсивности мыслей и чувств, тревог и надежд, охвативших не только тех, кто работал в зоне, но и всех, кто находился в огромном — воистину глобальном — радиусе вокруг атомного реактора.

Время, минувшее после аварии, особенно первые, самые тяжелые месяцы, длившиеся, казалось, вечность, при желании легко разделить на несколько этапов, периодов, стадий (называйте как угодно), со своими особыми чертами и приметами, своими четко очерченными сроками — от изумительной по красоте, в белоснежном цветении садов и разливе рек украинской трагической весны восемьдесят шестого года, которая войдет во все учебники истории, во все хроники человечества, до глубокой туманной осени, когда в Чернобыле состоялся митинг: закончились работы по возведению саркофага — сооружению, закрывшему наконец разлом четвертого блока.

Год — секунда в истории человечества, год — не очень большой срок и в жизни человека. Сколько их было, этих забытых или полузабытых лет, ничем особенным не запомнившихся, не вписавшихся в нашу память, бесследно капнувших в Лету... Но за этот год — нет, не за год, за несколько месяцев всего, мы все как-то стремительно повзрослели, стали жестче и требовательнее к себе и к тем, кто принимает ответственные решения, к тем, в чьих руках —

человеческие жизни и судьба природы; мы стали по-другому, более серьезному счету оценивать дела и поступки, совершенные в эти месяцы, слова, произнесенные и напечатанные в это трудное для нашего народа время.

Ибо слишком высокую цену пришлось и еще придется заплатить за Чернобыль.

Думаю, что сегодня даже там, где сходилась вся разнообразная информация о событиях, выплеснувшихся за пределы чернобыльской зоны, за пределы Украины и Белоруссии, — даже там в полной мере и во всех деталях еще не могут оценить настоящие масштабы событий 1986 года.

Полное осмысление того, что произошло (вспомним Великую Отечественную войну) — дело будущего, возможно — далекого будущего. Ни один писатель или журналист, вне зависимости от степени его информированности, не способен сегодня постичь всего. Придет время, когда чернобыльская эпопея (меня все время не оставляет мысль, что мы имели дело с эпопеей, которая своими грандиозными масштабами касается коренных вопросов народного бытия — жизни и смерти, войны и мира, прошлого и будущего) предстанет перед человечеством во всей своей трагической полноте, в благодарных жизнеописаниях подлинных героев и в презрительных характеристиках преступников, по чьей вине произошла авария с такими тяжелыми последствиями (их всех необходимо назвать поименно!) — в скупых и точных цифрах и фактах, во всей сложности жизненных обстоятельств и служебных тайн, человеческих надежд, иллюзий, в неоднозначности моральных позиций, занимаемых участниками событий. Думаю, что для создания такой эпопеи необходимы новые подходы, новые литературные формы, отличные, скажем, от «Войны и мира» или «Тихого Дона», какими они будут? Не знаю. Никто не знает.

А пока... А пока наш долг — предложить читателю материал документальный, рассказы очевидцев, раздумья тех, кому довелось побывать в зоне и в прилегающих к ней районах. Но каким бы документализмом ни отличались предлагаемые читателю заметки, меня все время не покидает мысль, что мы имеем дело с фантастикой. Почему? Да потому что совершившееся в Чернобыле не имеет аналогий и прецедентов в истории человечества — оно было событием фантастическим. Кажется, и без Чернобыля наш бурный и драматический XX век уже исчерпал себя, свои возможности, кажется, он завершился досрочно, в форсированном темпе, сложил свои полномочия и уступил дорогу новой глобальной эпохе тревог человечества, попавшего в зависимость от своего же научно-технического могущества. Чернобыльский взрыв ввел

человечество в новый период развития цивилизации, о возможности которого лишь смутно, интуитивно догадывались писатели-фантасты. Подавляющее же большинство рационально мыслящих, оптимистически ориентированных ученых технарей-прагматиков в силу ограниченности своей фантазии и самоуверенности ничего подобного предвидеть не могли, да и не хотели, наверное. Только отдельные, самые дальновидные ученые в последнее время начали задумываться над катастрофическими возможностями неимоверной концентрации промышленных и научных мощностей. Мне довелось брать интервью у известного советского ученого, члена правительственной комиссии по ликвидации последствий чернобыльской аварии Валерия Алексеевича Легасова, который уделил этой проблеме большое внимание.

Находясь в районах чрезвычайного положения, видя, какое огромное горе постигло десятки тысяч людей, я часто вспоминал наши литературные дискуссии о современной теме в прозе, о будущем романа или новеллы, о положительном герое, необходимости «изучения» (!) жизни и прочих материях, казавшихся нам тогда очень важными. Какими же схоластическими и далекими от жизни оказались они там, в зоне, когда на моих глазах разворачивалась невиданная драма, когда человеческая сущность — как это было на войне — обнажалась с предельной быстротой; вся маскировка слетала с людей, как листья с деревьев под действием дефолиантов, — и тогда велеречивые болтуны, призывавшие на собраниях к «ускорению», к активизации «человеческого фактора», оказывались самыми заурядными трусами и подонками, а незаметные трудяги — настоящими героями.

После того, что я узнал и увидел в Чернобыле, мне казалось, что я уже никогда не возьмусь за перо: все традиционные формы, все тонкости стиля и тайны композиции — все это казалось мне бесконечно далеким от правды, искусственным и ненужным. За несколько дней до аварии я закончил роман «Причины и последствия». И хотя отдельные его ситуации по странному стечению обстоятельств оказались созвучными с тем, что вскоре довелось увидеть (конечно, при несоизмеримости масштабов событий), но и роман как-то быстро угас в моем сознании, отодвинулся куда-то назад, в «мирное время».

Все поглотил Чернобыль.

Точно гигантский магний, притягивал он меня к себе, волновал воображение, заставлял жить зоной, ее странной, вроде бы искривленной действительностью, думать только об аварии и ее последствиях, о тех, кто борется со смертью в клиниках, кто пытается

укротить атомного джина в непосредственной близости от реактора. Мне казалось невозможным, подлым стоять в стороне от событий, принесших моему народу такое горе. Долгие годы до апреля 1986 года преследовало меня чувство вины за то, что я — коренной киевлянин, писатель, врач — прошел мимо трагедии своего родного города, случившейся в начале 60-х годов: мокрый песок и вода, скопившиеся в Бабьем яру, в котором городские власти хотели создать место для увеселений (!), прорвали плотину и хлынули на Куреневку, вызвали многочисленные разрушения и человеческие жертвы. Долгие годы молчала украинская литература (и я вместе с ней) об этой катастрофе, и только недавно Олесь Гончар в рассказе «Черный яр» и Павло Загребельный в романе «Южный комфорт» обратились к событиям того страшного предвесеннего рассвета... Почему же я молчал? Ведь мог же собрать факты, свидетельства очевидцев, мог найти и назвать виновников несчастья. Не сделал этого. Возможно, не дорос тогда до понимания каких-то простых, очень важных истин. Да и слово мое не заметили бы — ведь оно тогда было слабее комариного писка: за плечами имелись только первые публикации в «Юности», «Литературной газете», «Литературной Украине», еще только писал я свою первую повесть «Как на войне»... Говорю все это не для оправдания, — ради истины.

Чернобыль я воспринял совсем по-другому — не только как свое личное несчастье (мне, в принципе, ничего не угрожало), а как самую большую после Великой Отечественной войны трагедию в жизни моего народа. Никогда бы не простил себе молчания. Правда, выступая как специальный корреспондент «Литературной газеты», видел я свою задачу слишком узко: рассказывать о медицинских аспектах аварии, писать о врачах, принимавших участие в ликвидации ее последствий. Однако сами события заставили меня постепенно расширить круг поисков, встретиться с сотнями разных людей — пожарными и академиками, врачами и милиционерами, учителями и эксплуатационниками АЭС, министрами и солдатами, комсомольскими работниками и служителями культа, американским миллионером и советскими студентами.

Я слушал их рассказы, записывал их голоса на магнитофон, потом, расшифровывая эти записи, еще и еще раз поражался правдивости и искренности их исповедей, точности деталей, меткости суждений. Перенося эти магнито-записи на бумагу, я старался сблечь и строй речи, и особенности терминологии или жаргона, и даже интонацию моих собеседников. Мне казалось очень важным сохранить документальный, невыдуманный характер этих человеческих свидетельств.

Мне хотелось сберець правду. Предлагаю читателям фрагменты документальной повести «Чернобыль».

Суровая проверка

Сразу же после эвакуации Припяти «столицей» зоны стал Чернобыль. И слово «Чернобыль», уже в те дни вышедшее на первые страницы мировой печати, миллионноразово повторенное на всех языках, приобрело свое подлинное географическое значение: именно отсюда осуществлялось управление всеми работами по ликвидации последствий аварии, отсюда шли сообщения о ситуации па аварийном реакторе, отсюда направлялись бронетранспортеры и бензовозы в сторону АЭС.

Чернобыль.

Небольшой милый провинциальный украинский городок, весь в вишнях и яблонях. Летом тут любили отдыхать киевляне, москвичи, ленинградцы. Нередко приезжали на все лето, семьями, снимали «дачи», а точнее — комнаты в деревянных одноэтажных домиках, готовили на зиму соленья и варенья, собирали грибы в щедрых близлежащих лесах, загорали па ослепительно чистых песчаных пляжах Киевского моря, рыбачили. И казалось, удивительно гармонично уживается здесь красота полесской природы и упрятанные неподалеку в бетон атомные жерла четырех блоков АЭС.

Казалось...

Приехав в Чернобыль в те майские дни, я (да разве только я?) вроде бы заглянул в удивительный, невероятный мир Зазеркалья, окрашенный в невидимые и потому еще более зловещие тона повышенной радиоактивности. Увидел то, что накануне еще трудно было представить даже в фантастических снах, хотя все было в общем-то в достаточной степени буднично. А потом, в последующие разы, когда бывал здесь,— все уже казалось привычным.

Но впервые...

Это был город без жителей, без звонких детских голосов, без обычной, по-районному неторопливой жизни. Были плотно закрытые ставни и опечатанные жилые дома, учреждения, магазины. На балконах пятиэтажных домов около пожарной части стояли велосипеды, сушилось белье. В городе не осталось домашних животных, по утрам не слышалось мычание коров, только в первое время бродили одичавшие собаки (позже их удалось ликвидировать) да кое-где бегали уцелевшие куры. И беззаботно щебетали птицы в листве деревьев. Птицы не знали, что пыльные листья стали тогда источником повышенной радиации.

Петраш О.В., врач, капитан внутренней службы МВД (возглавил в те дни медицинскую группу МВД УССР):

— Помню Чернобыль в первые дни после эвакуации. Это теперь в нем много людей, а тогда, 4—5 мая, одних из города эвакуировали, другие — строители — еще не начали работать. Я попал в такую своеобразную «пересменку». Так вот: когда в городе среди бела дня не видно людей — это производит просто-таки жуткое впечатление. Вымерший город, после эвакуации в нем были собаки. Рядом с общежитием, в котором я жил, находился жилой дом и песочница для детей. Там, в песочнице, были брошены мяч и кукла, они там и остались... Навсегда. Очень странно себя чувствуешь, когда занимаешь брошенное помещение. Наши сотрудники милиции жили во 2-й школе Чернобыля, это рядом с райкомом партии. Красивый дом старой застройки. Заходишь туда — а доска мелом исписана, детским почерком. И еще бросались в глаза детские стенгазеты. Заходишь в класс — газета «Звездочка» 2 «б» класса. Выпущена к Майским праздникам... В этой экстремальной ситуации я заметил, что восприятие мирных деталей обостряется.

Но даже покинутый Чернобыль не был мертвым. Он жил и боролся. Но жил по суровым и абсолютно новым для всех нас законам чрезвычайного положения атомной эпохи. В городе и вокруг него было сосредоточено огромное количество техники: мощные бульдозеры и тракторы, автокраны и скреперы, канавокопатели и бетоновозы. Напротив райкома партии, рядом с памятником Ленину, замер бронетранспортер, из которого выглядывал молодой солдат в респираторе. Под пятнистыми маскировочными сетями разместились штабные радиостанции и военные грузовики. А перед райкомом и райисполкомом, откуда осуществлялось руководство всей операцией, стояли десятки легковых автомобилей — черные «Волги», «Чайки», — словно шло обычное совещание на высоком уровне. Часть этих машин, «набравших» радиацию, потом пришлось оставить в зоне. Навсегда... На подступах к Чернобылю работали многочисленные посты дозиметрического контроля, на которых велась строгая проверка автомобилей и тракторов, на специальных площадках солдаты в зеленых костюмах химической защиты дезактивировали технику, выходящую из зоны. Поливалки щедро и непрерывно мыли улицы. Многочисленные регулировщики ГАИ стояли на улицах, точно так, как на многолюдных киевских магистралях в предпраздничные дни.

Масловский Б. П., начальник Республиканского управления государственной автоинспекции МВД УССР, полковник внутренней службы:

— В Чернобыле мы с самых первых дней приняли участие в эвакуации населения, вывозе материальных ценностей, транспорта, обеспечении безопасности перевозок, сопровождении негабаритных грузов, идущих по трассе, вахтовых смен на АЭС. Все это ГАИ, ГАИ, ГАИ... Но главная наша задача: обеспечить безопасность проезжающих по дорогам, повысить пропускную способность самих дорог. И одновременно — забота о том, чтобы люди вели себя как следует, не рисковали попусту жизнью, чтобы не «заразились» в пути. Дело в том, что многие водители даже сегодня не понимают (разговор наш происходил в напряженные дни «чернобыльского» лета-86. — Ю.Щ.), что могут подвергнуться действию радиации, которой они не ощущают. Не задумываются об опасности и идут с превышением скорости. Поток воздуха поднимает с обочин пыль, и люди вдыхают ее. Потому и просим, чтобы в этих местах ехали с меньшей скоростью, чтобы закрывали окна в машинах. Но некоторые этого не делают... Мы выпустили листовки с призывом к водителям: «Будьте осторожны, берегите свое здоровье...» Наши люди — инспекторы ГАИ — работают что надо, невзирая на опасность. Самоотверженно и мужественно. К сожалению, некоторые водители управляют транспортом в нетрезвом виде. Возможно, сыграла свою роль сплетня о том, что вроде бы алкоголь помогает, что красное вино очищает кровь от стронция. Мы провели профилактическую работу в этом плане, очень остро реагировали на факты употребления спиртных напитков — и это дало свои результаты. К сожалению, в зоне случаются дорожно-транспортные происшествия. Причина — превышение скорости, сон. Люди устали, засыпают за рулем. Поэтому мы обратились к медикам, чтобы помогли нам, чтобы усилили контроль за состоянием водителей, выходящих на трассу...

Сотрудники ГАИ... Сам автолюбитель, я знаю, как много неприятных слов подчас произносят... в адрес работников ГАИ. Я тоже грешил этим. Но когда увидел, как они часами стоят в серо-синих комбинезонах под палящим чернобыльским солнцем, с обожженными, кирпично-красными лицами, в облаках пыли и управляют потоками автомобилей,— проникся к ним уважением. Потому что Госавтоинспекция выполняет наряду со своими прямыми обязанностями еще и сугубо медицинские функции, защищает наше с вами здоровье. Чернобыльская авария только острее это выявила. Вскоре после встречи с Борисом Петровичем Масловским я вспомнил его: ехали в зону. Мой спутник выставил из окна дозиметр — небольшую красную пластиковую коробочку, похожую на мини-компьютер. Время от времени дозиметр попискивал и на его табло выскакивали цифры. Абсолютно приемлемые. Но вдруг, нарушая все предупредительные и запрещающие знаки, грузовик,

следовавший за нами, резко съехал на обочину, подняв облако пыли. И тотчас тревожно запищал дозиметр: показатели радиоактивности увеличились в несколько раз.

Петраш О. В.:

— Сотрудники ГАИ обеспечили организацию не имеющей аналогов в мировой практике транспортной операции по безопасной эвакуации населения из зоны. И самого большого уважения заслуживает полковник Масловский. Мне пришлось работать рядом с ним, я видел, как много сил и здоровья отдал он, чтобы в сложнейших условиях обеспечить безопасность на дорогах. Борис Петрович стремился побывать везде, где возникали угрожающие ситуации. Ему пришлось неоднократно выезжать на АЭС, мотаться по зоне и за ее пределами. Посмотрели бы вы, какой у него был тогда измученный вид, серое лицо, чувствовалось, что он на пределе своих сил. Наконец наш врач доложил мне, что у полковника Масловского не все в порядке со здоровьем — его необходимо немедленно выводить из зоны. Учитывая все объективные обстоятельства, я написал рапорт с требованием отправить его на обследование в Киев. И что вы думаете? Встречает меня Масловский в Иванкове и говорит с обидой в голосе: «Ты что это, доктор, отстраняешь меня от работы? Я ведь здесь необходим...» Провожу разъяснительную работу, мол, вам здесь больше оставаться нельзя, но тут подбегает к нему сержант, сидевший на рации, и докладывает: «Товарищ полковник, у иванковского моста столкнулись автомобили, у одного из них загорелся мотор!» Борис Петрович на полуслове прерывает наш разговор и летит туда. А вечером снова вижу его — на оперативном совещании, он снова работает. Как, по-вашему, могут ли плохо работать подчиненные, если руководители подают такой вот пример?

О себе Олег Васильевич говорит неохотно. Рассказывает о товарищах, о тех, кому пришлось сразу же после аварии броситься в тревожный водоворот событий, проявить мужество и мужскую твердость характера, отдать все свои силы — и физические, и психические (спали тогда по 3—4 часа в сутки) — для выполнения сложных и разносторонних боевых заданий Министерства внутренних дел УССР.

В один из палящих июньских дней, когда на небе свирепствовало безжалостное солнце и не было даже намека на облака (такова была воля людей, безжалостно уничтожавших тучи в зоне АЭС с помощью специальной химической обработки неба), мы с Олегом Васильевичем Петрашем выехали в Чернобыль на желтом «жигуленке» с темно-синими полосами и надписью «ГАИ». В Чернобыле, в помещении районного отделения внутренних дел, где размещалась медицинская группа оперативного штаба МВД, пас

встретил майор внутренней службы Геннадий Петрович Дикий и немедленно повел переодеваться. Белый настоящий хирургический комбинезон, белые матерчатые полуботинки «атомщиков», белая шапочка и респиратор — униформа, объединявшая и уравнивавшая в те горячие дни...

Майор Дикий уже был здесь 29 апреля. Рассказал, в каком возбужденном состоянии находились люди, впервые прибывшие в зону: все неизвестно, все дышало тревогой. В июне ситуация коренным образом изменилась - и на лицах людей появились улыбки, уже можно было услышать шутки. Этому способствовал и тот факт, что стараниями майора Дикого, других медицинских работников МВД удалось разместить в удобном месте, организовать полноценный отдых, наладить хорошее питание. Ведь в зоне, как на войне, все имеет значение, здесь нет мелочей. Одним из основных факторов, с помощью которых удалось добиться победы над радиацией, было хорошее настроение работавших здесь людей.

Вскоре мы отправились в «святая святых» всех служб МВД СССР — в прославленную, всем известную благодаря телерепортажам пожарную часть Чернобыля. Красивое, чуть ли не коттеджного типа здание части, облицованное светлой плиткой. Красные пожарные машины с номерами нескольких областей Украины. Мытый-перемытый, еще мокрый асфальт двора, под которым медленно поднимались волны горячих испарений. Идеальная чистота и порядок внутри, там, где жили и дежурили бойцы. И шесть портретов в черных рамках — память о тех, кто защитил нас от горя большого:

Герой Советского Союза лейтенант Владимир Павлович Правик.

Герой Советского Союза лейтенант Виктор Николаевич Кибенок.

Сержант Николай Васильевич Ващук.

Старший сержант Василий Иванович Игнатенко.

Старший сержант Николай Иванович Титенок.

Сержант Владимир Иванович Тишура.

Шесть портретов в черных рамках, шестеро прекрасных молодых людей глядят на нас со стены пожарной части Чернобыля, и кажется, что взгляды их скорбны, в них застыли горечь и укор. И немой вопрос: как могло такое произойти?

Но это уже теперь кажется нам, живым, всем тем, кто выходит на боевое задание, бросая молчаливые взгляды на портреты в черных рамках. Той апрельской ночью, в хаосе и тревоге пожара, не было во взглядах этих мужественных людей ни скорби, ни укора. Некогда было. Они работали. Они спасали атомную станцию, спасали Припять, Чернобыль, Киев, всех нас.

...Начальник медпункта полярной части Чернобыля Анатолий Борисович Черняк рассказал нам о тех медицинских и психологических проблемах, с которыми ему пришлось здесь встретиться. В те дни возле реакторов АЭС велось круглосуточное дежурство пожарных, готовых в любую минуту броситься на борьбу с огнем. Кроме того, сводному отряду пожарных пришлось принять участие в борьбе с «обычными» пожарами - это было время, когда в зоне горели торфяники. И, как многое в зоне, эти «обычные» пожары тоже были необычными: ведь дымы от них несли в себе аэрозольные частички радионуклидов, а этого допустить никак нельзя было... Случались ожоги, травмы, нужно было осуществлять постоянный контроль за общим состоянием организма пожарных, следить за кровяным давлением, которое нередко подсакивало даже у закаленных людей, осуществлять строгие меры по профилактике пищевых отравлений.

Познакомились мы с начальником управления пожарной охраны МВД УССР генерал-майором внутренней службы Филиппом Николаевичем Десятниковым и начальником отряда пожарных полковником Евгением Ефимовичем Кирюханцевым. Полковник Кирюханцев — подтянутый, интеллигентный человек мужественной красоты — прибыл из Москвы, найдя здесь, на чернобыльской земле, новых боевых побратимов — пожарных Харьковщины и Днепропетровщины, Черкасчины и Хмельничины.

Девиз Кирюханцева — максимально быстрое выполнение операций на объектах, чтобы предельно сократить дозу радиации, полученную бойцами. Все операции тщательно планировались, проводились репетиции с секундомером. Полковник Кирюханцев рассказал мне, что в их части незадолго до нашего приезда состоялся очень необычный, но крайне знаменательный товарищеский суд. Судили двух бойцов за то, что они... «хватанули» на два рентгена больше, чем имели на то «право», выполняя определенную операцию. Мы только переглянулись с О. В. Петрашевым: еще в мае этих пожарных, вероятно, похвалили бы, назвали героями. В июле их уже наказывали. Так стремительно менялись времена в зоне, менялось само отношение к понятию «героизм». И большую пользу в этом сыграла медицинская служба.

Мы ездили по зоне, наблюдая, как под суровым контролем медиков работают и налаживают свой быт подразделения МВД: в их функции входила не только пожарная служба и наведение порядка на дорогах, но и дежурство на КАП, охрана общественного порядка и имущества тех, кто был эвакуирован из зоны... Проезжая опустевшими селами, ощущая всем своим существом их мертвую жуткую тишину, мы убедились, что эти села не брошены на произвол

судьбы: повсюду можно было встретить патрули в серо-синих комбинезонах — полевая форма милиции.

У села Страхолесье, где дислоцировалось подразделение милиции, его командир — майор милиции Станислав Сергеевич Носко с гордостью показал нам свое «хозяйство»: выстроенную собственными силами за считанные часы баню (пригодились кем-то брошенные баки), благодаря чему появилась возможность после нелегких патрульных дежурств помыться в теплой воде, смыть с тела радиоактивную пыль; столовую, обтянутой со всех сторон прозрачной пленкой, чтобы внутрь не попадала пыль; залитые цементом дорожки школьного двора — когда-нибудь пригодятся детям, которые сюда вернутся. Станислав Сергеевич рассказал, как много значило в тех очень непривычных для милиции полевых условиях теплое, подбадривающее слово медиков, само их присутствие рядом, их авторитетные советы, касающиеся методов профилактики.

Леонид Иосифович Богай, начальник медицинского управления МВД, полковник внутренней службы, рассказал:

— Хотел бы подчеркнуть, что врачи и средний медицинский персонал ведомственной охраны здоровья стояли рядом с полярными — они не только провожали и встречали их после боевых операций, но и вместе с ними постоянно выезжали в опасные места, туда, где могла бы понадобиться медицинская помощь. Это касается также других подразделений, которые несут и, наверное, еще долго будут нести свою непростую службу в зоне и вокруг нее. Вот почему на нас лежала и продолжает лежать огромная ответственность: организовать работу так, чтобы не только полностью выполнить задание руководства, но и сохранить здоровье сотрудников МВД, — ведь в зону прибывали и продолжают прибывать на смену друг другу люди из всех областей республики... Уже 26 апреля ряд сотрудников управления были мобилизованы и направлены в Припять и Чернобыль для охраны общественного порядка и одновременно для решения целого комплекса проблем сугубо медицинского плана. Так что наши офицеры в те дни выполняли, так сказать, двойную работу — милицейскую и медицинскую. Народ относился к врачам с особым доверием, ведь на их петлицах люди видели знак медицины — чашу со змеей. Слово врача успокаивало. Это была не заурядная санитарно-просветительская работа, а настоящая просветительская деятельность. Одним из первых выехал в зону инспектор управления Фарбун Николай Андреевич, который трудился, не жалея ни сил, ни здоровья. В первые же дни в зоне находился заместитель начальника управления Владимир Ефимович Кириченко, другие товарищи.

Надо было сформировать медицинские бригады, научить людей трудиться в новых условиях, ознакомить их с ситуацией

непосредственно на месте событий, организовать поставку медикаментов. Большую работу провели также наши гигиенисты и эпидемиологи, например, начальник санэпидстанции Николай Степанович Домарадский. Среди тех, кто трудился в те дни с полной отдачей, хочу назвать заведующую кардиологическим отделением республиканского госпиталя МВД, заслуженного врача УССР Инну Павловну Санькову.

Леонид Иосифович задумался, вспоминая те тревожные весенние дни. Ему есть что вспомнить: первого мая он работал в селе Копачи. Никогда не забудет, как из репродукторов неслась праздничная музыка, а рядом, в поле, работали люди — засыпали песок в мешки, грузили их в машины. Неподалеку размещалась вертолетная площадка, откуда с грохотом взлетали винтокрылые машины, беря курс на Чернобыльскую атомную — сбрасывать песок в жерло четвертого реактора...

Доктор Хаммер, доктор Гейл

Наш вертолет берет курс на Чернобыльскую АЭС. Позади остался прохладный простор Киевского моря, огромный даже по авиационным меркам. Тень вертолета, словно призрачная сенокосилка, очень мирно ползет по зеленым лугам. Здесь много озерец, речушек, заток — идеальное место для рыбалок. Но наш зеленый, с красной звездой на борту вертолет Ми-8 предназначен не для прогулок и пикников. Маршрут его суров.

— Отсюда начинается зона,— показывает министр здравоохранения УССР Анатолий Ефимович Романенко. Пассажиры вертолета — известный американский бизнесмен и коллекционер, давний друг Советского Союза доктор Арманд Хаммер и выдающийся специалист в области радиационной медицины профессор Калифорнийского университета доктор Роберт Гейл — припадают к иллюминаторам. Слева проплывают аккуратные провинциальные домики Чернобыля. Впереди белеют сооружения АЭС, знакомые миллионам людей по фотографиям и телевизионным кадрам.

Сквозь замысловатое плетиво проводов, опор, подсобных строений, подъездных путей проглядывают лысые, как будто срезанные ножом, участки поверхности земли. Дезактивация. Пассажиры нашего вертолета напряженно всматриваются в магическую картину, магнитом притягивающую взгляды: черный провал четвертого реактора. Такое навсегда останется в памяти, будет возвращаться в снах, тревожить душу.

Совершив полный круг над реактором, вертолет на небольшой скорости летит над Припятью. Белый, прекрасный город,

многоэтажные дома, пустые, вымершие улицы, «Жигули», оставленные на площадках перед коллективными гаражами, скопление грузовых автомобилей — все неподвижно и противоестественно. К этому трудно привыкнуть.

Смотрю на часы: 18.43. Тени домов растут, где-то в районе четвертого реактора вспыхнул огонек электросварки, словно маленькая заря надежды.

Визит доктора Хаммера и доктора Гейла в Киев начался утром 23 июля 1986 года. Арманд Хаммер прибыл сюда на собственном самолете «Боинг-727», в котором проводит почти половину жизни: неутомимый восьмидесятивосьмилетний бизнесмен ежегодно «накручивает» на самолете, оборудованном всем необходимым, до 500 тысяч километров, руководя сложным и многоотраслевым хозяйством компании «Оксидентал», президентом которой он является. Вместе с Хаммером прибыла также его супруга и биограф Джейн Брайсон — фотограф и журналист, создавшая первый том отлично иллюстрированной книги, носящей выразительное название «Мир Хаммера». Заглянув в эту книгу, можно в очередной раз убедиться, насколько ярка и удивительна жизнь этого человека: фотолетопись жизни Хаммера запечатлела встречи с подавляющим большинством выдающихся государственных и общественных деятелей XX века. В этом списке — президенты, короли, премьер-министры, известные актеры, музыканты, художники, спортсмены. Но открывает и венчает этот список имя Владимира Ильича Ленина, с которым Хаммер встретился в 1921 году. Эта встреча сыграла в жизни молодого начинающего бизнесмена решающую роль: приветливость и мудрость великого вождя революции произвели на Хаммера неизгладимое впечатление, определили всю дальнейшую его жизнь в качестве глашатая дружбы и взаимопонимания между американским и советским народами.

Мне довелось брать первое интервью у Арманда Хаммера для телепрограммы «Актуальная камера». — Я очень удивлен. Киев так красив, тут столько цветов,— говорит Хаммер по-русски с выразительным американским акцентом.— В своем родном городе (Лос-Анджелесе) моя жена не видела так много цветов, как здесь, в Киеве. Наверное, люди па Украине очень любят цветы.

Оценивая перспективы развития американо-советских отношений, он подчеркнул:

— Известно, какие усилия прилагает СССР для предотвращения ядерной войны. Мы должны стремиться жить в мире друг с другом. Нам нужно не военное противостояние, а мирное сосуществование. Полезно обмениваться достижениями науки, культурными ценностями.

Мы — в кардиологическом корпусе Киевской клинической больницы № 14 им. Октябрьской революции. Надев белоснежный халат, вспомнив свою медицинскую молодость (Арманд Хаммер с гордостью рассказывает, что он по образованию врач), гость вместе с Робертом Гейлом в сопровождении врачей совершает обход отделения, в котором после аварии на Чернобыльской АЭС находились на обследовании и лечении те, кто побывал в опасной зоне. Все эти люди сейчас здоровы, но за их состоянием ведется постоянный медицинский контроль, осуществляется диспансеризация. В день визита Хаммера и Гейла в отделении находились на плановом повторном обследовании лишь пять пациентов.

С каждым из них сострадательно и задушевно разговаривает доктор Хаммер, которому ассистирует Роберт Гейл: месяц назад, будучи в Киеве, Гейл уже осматривал этих больных.

Мильгевский Степан Павлович, водитель автобуса одного из киевских АТП, принимал участие в эвакуации жителей Припяти и Чернобыля. Он живо беседует с Армандом Хаммером, говорит, что чувствует себя хорошо, уже работает.

— Вы герой? — спрашивал Хаммер.

— А как же! — смеется Мильгевский. — Если нужно будет, еще поедем.

— Не дай бог, пусть лучше не понадобится! — суеверно машет руками американский миллионер. Он желает всем пациентам здоровья, а Вере Дмитриевне Дзюбенко, которая жила в нескольких километрах от АЭС, рассказывает о своем первом приезде в нашу страну шестьдесят пять лет назад.

— Вам не дашь ваш возраст, вы отлично выглядите, — улыбается Вера Дмитриевна.

— Когда мне будет сто лет, я приеду к вам и спрошу, как ваше здоровье, — шутит Хаммер.

А в Музее медицины УССР доктора Хаммера ожидал сюрприз: после просмотра небольшого документального кинофильма о двадцатых годах (гость внимательно всматривался в памятные ему картины разрухи, голода, эпидемий — вспомнил, наверное, свою молодость и первый приезд в Советский Союз) Хаммеру показали стенд с фотографией В. И. Ленина с дарственной надписью «товарищу Арманду Хаммеру». Рядом снимок молодого бизнесмена, не побоявшегося приехать в «страну большевиков». И в июле 1986 года Хаммер, вопреки советам всех тех, кто пугал его, не побоялся приехать в Киев, полететь в Чернобыль.

Перед вылетом нашего вертолета в Чернобыль, пока уточнялся маршрут, я долго разговаривал с доктором Хаммером. На мой вопрос,

что чувствует он сейчас не как бизнесмен (ходом дел, а именно торговлей с Советским Союзом, гость очень доволен), а как врач, Хаммер ответил:

— Я удовлетворен тем, что видел, особенно вашими больницами. В них работают способные, опытные врачи. Ваши больницы ни в чем не уступают первоклассным больницам в Соединенных Штатах. Я думаю, что люди в Америке не знают этого. Очень важно, чтобы они знали, что в случае аварии, подобной чернобыльской, есть возможность оказать населению помощь. То, что вы эвакуировали население, было очень разумным, это хорошо.

После облета четвертого реактора Анатолий Ефимович Романенко предложил Хаммеру провести медицинское обследование состояния его здоровья. Лукаво улыбнувшись, Хаммер сказал:

— Дайте мне вашего врача, и я сам его обследую.

Но, конечно, не только в атмосфере шуток проходит визит наших гостей в Киев. Совсем наоборот, выводы, сделанные Хаммером, были очень серьезными. К примеру, подводя итоги своих впечатлений, он сказал:

— Я хотел бы, чтобы как можно больше людей знали, что я увидел во время полета в район Чернобыльской АЭС. Я увидел город Припять, где жили тысячи людей, где большие красивые дома, зеленые улицы. И теперь все это — пустое, безлюдное. Там даже белье висит, потому что у людей не было времени взять свое белье. Я видел, как ведутся восстановительные работы, чтобы не было больше проблем с четвертым реактором. И я подумал, что если такое могло произойти в результате аварии только на одном реакторе, что же будет, если разразится термоядерная война? Это же будет всеобщим самоубийством. Вот почему мы должны сделать все, чтобы ядерный пожар никогда не вспыхнул. Если президент Рейган приедет в вашу страну, я хотел бы, чтобы он посетил Киев и Чернобыль. Пусть он увидит то, что увидел я. Тогда, я думаю, он никогда не будет даже говорить о возможности ядерной войны. Такой урок мы должны вынести из чернобыльской трагедии.

Вечером того же дня Арманд Хаммер с супругой вылетели из Киева в Лос-Анджелес.

А доктор Гейл с семьей остался на несколько дней для того, чтобы встретиться с киевскими коллегами, отдохнуть в нашем городе, ознакомиться с его памятниками архитектуры и истории. Ведь в первый визит в Киев, в июне, Роберту Гейлу было не до развлечений: надо было прежде всего проконсультировать группу больных, находящихся тогда на лечении в Киевском рентгенорадиологическом институте. В июле больных уже не было: после окончания лечебного

курса их выписали в хорошем состоянии — об этом Гейлу рассказал профессор Леонид Петрович Киндзельский, лечивший облученных.

И потому утром следующего дня, побегав, как всегда, почти час по киевским паркам над Днепром (те, кто видел снятый нами телевизионный фильм, наверное, запомнили, как бежит под теплым и щедрым июльским дождем американский профессор), доктор Гейл вместе с женой Тамар, трехлетним сыном Планом, дочками — семилетней Шир и девятилетней Тал — поехал в Киевский научно-исследовательский институт педиатрии, акушерства и гинекологии, чтобы познакомиться с его работой. Гостей встретила директор института — академик АМН СССР профессор Елена Михайловна Лукьянова, председатель украинского отделения международной организации «Врачи мира за предотвращение ядерной войны».

В этом едва ли не самом важном месте на земле — месте, где рождается человеческая жизнь, где ведется борьба за продолжение рода человеческого, — дети доктора Гейла очень быстро познакомились с маленькими пациентами, обменивались подарками, вместе спели песню «Пусть всегда будет солнце», потом маленькая Тал играла на скрипке, а Шир сожалела, что пет фортепиано, — она бы тоже показала свое искусство...

А Роберт Гейл вел в это время профессиональные беседы с педиатрами, акушерками, учеными. Особо сильное впечатление на гостя произвел разговор с профессором Данилом Юлиановичем Кривченей — известным кардиохирургом, руководителем хирургического отделения института, которому тысячи детей и матерей обязаны здоровьем и жизнью.

В отделении реанимации мы долго стояли над пластиковыми кувезами, подключенными к сложной технике: здесь лежали крошечные создания — будущие дети века XXI, которым еще неведомы тревоги и надежды, волнующие сегодня нас, врачей советских, американских, всех честных людей мира.

— Институт охраны материнства и детства — уникальный медицинский центр, — сказал Гейл, — Мне не приходилось видеть учреждение с таким высоким уровнем оборудования и врачебной практики. Здоровье детей — наша общая забота сегодня и в будущем. И я очень рад, что у меня установились хорошие контакты с академиком Лукьяновой, которая руководит этим институтом и является активной участницей международных форумов медиков, где решаются не только научные вопросы, но и насущные проблемы мира.

...Быстро пронеслись дни наших встреч с доктором Гейлом — этим благородным человеком, одним из первых в мире

откликнувшись на чернобыльскую беду, протянувшим руку помощи советским медикам. У себя в Калифорнии доктор Гейл руководит клиникой, в которой оказывает помощь больным такой коварной болезнью, как лейкоз (белокровие — тяжелое заболевание крови). Нередко доктор Гейл делает пм пересадку костного мозга. Гейл говорил мне, что привык глядеть смерти в глаза. И тем большей радостью наполняется его сердце, когда больные — чаще всего дети — выздоравливают. «Ради этого стоит жить», — говорит он.

Этот сорокалетний стройный и смуглый американский врач, философ, исследователь, приобрел огромную популярность как в Советском Союзе, так и у себя на родине, в Соединенных Штатах: ведь авария в Чернобыле отозвалась болью в сердцах миллионов людей.

Музей Великой Отечественной войны, Музей народной архитектуры и быта УССР в Пирогове, филиал Музея В. И. Ленина... Разные этапы нашей истории, разные грани жизни, с которыми знакомился Роберт Гейл. Во время посещения филиала Музея В. И. Ленина Гейл обратил внимание на символическую статуэтку на столе вождя: сидящая на книге Дарвина «Происхождение видов» обезьянка внимательно разглядывает человеческий череп. Интересна история этой статуэтки. Во время своего второго посещения Москвы Арманд Хаммер передал В. И. Ленину эту приобретенную в Лондоне скульптуру. Рассказывают, что Владимир Ильич, принимая подарок, сказал: «Вот что может произойти с человечеством, если оно будет продолжать совершенствоваться и наращивать оружие уничтожения. На Земле останутся одни обезьяны».

Таково было пророческое предупреждение вождя. Опасность для жизни человека неизмеримо возросла в наши дни в связи с угрозой атомной войны. Вот почему так страстно, так актуально звучит вывод, сделанный доктором Гейлом по поводу аварии в Чернобыле:

«Если сравнительно небольшая авария привела к таким потерям и стоила бесценных человеческих жизней, то молено только себе представить, что случится, если атомное оружие будет использовано сознательно. Думаю, что все мы — и врачи, и не врачи, — хорошо осознаем потенциальную опасность ядерной войны».

Последнее предупреждение

Ровно сто лет назад, 2 июля 1887 года, находясь в Рославльском уезде Смоленской губернии, где-то километров за 300 от Чернобыля, Владимир Иванович Вернадский, впоследствии выдающийся

советский ученый, академик, первый президент Академии наук Украины, писал жене:

«Наблюдения Эрстеда, Ампера, Ленца положили начало учению об электромагнетизме, невыразимо сильно увеличившем силы человека и в будущем обещающем совершенно изменить строй его жизни. Все это исходило из наблюдений над особыми свойствами магнитного железняка... И у меня является вопрос: нет ли подобных свойств у других минералов... и если есть, то не откроет ли это нам целый ряд новых сил, не даст ли нам возможности новых приложений, не удесятрит ли силы людей?.. Нельзя ли вызвать неведомые, страшные силы в разных телах...»

Эта цитата взята из интереснейшей статьи И. И. Мочалова «Первые предупреждения об угрозе ядерного омницида: Пьер Кюри и В. И. Вернадский», напечатанной в 3-м номере журнала «Вопросы истории, естествознания и техники» за 1983 год. Омницид — это сравнительно новый термин, обозначающий всеобщее убийство людей.

В письме молодого 24-летнего выпускника физико-математического факультета Петербургского университета за 10 лет до открытия радиоактивности А. Беккерелем содержалось, пожалуй, первое в истории человечества предупреждение о надвигающейся новой эре, той, которая сегодня так больно задела нас в Чернобыле, суля полное уничтожение человечества (омницид) в случае военного использования ядерной энергии.

Всю жизнь В. И. Вернадского волновала поначалу неясная, а потом все более и более осязаемая перспектива использования этой страшной силы:

«Мы, дети XIX века, на каждом шагу свыклись с силой пара и электричества, мы знаем, как глубоко они изменили и изменяют всю социальную структуру человеческого общества. А теперь перед нами открываются в явлении радиоактивности источники атомной энергии, в миллионы раз превышающие все те источники сил, какие рисовались человеческому воображению. Невольно с трепетом и ожиданием обращаем мы наши взоры к новой силе, раскрывающейся перед человеческим сознанием. Что сулит она нам в своем грядущем развитии?.. С надеждой и опасением всматриваемся мы в нового защитника и союзника» (1910).

«Радий есть источник энергии, он могучим и мало для нас еще ясным образом действует на организм, вызывая вокруг нас и в нас самих какие-то непонятные, но поразительные по результатам изменения... Странное чувство испытываешь, когда видишь эти новые формы материи, добытые гением человека из недр земли. Это

первые зернышки силы будущего. Что будет, когда будем получать их в любом количестве?» (1911).

И вот в дни, когда по Киеву еще ходили дозиметристы и всерьез обсуждался вопрос о проведении сплошной дефолиации (освобождения от листвы) знаменитых киевских каштанов и тополей, я пришел в дом, в котором в 1919—1921 годах работал Владимир Иванович Вернадский. На здании Президиума Академии наук УССР висит мемориальная доска в память этого гениального человека: казалось, он подошел к окну президентского кабинета и пытливо глядит на нас из глубины киевского прошлого, когда извозчики цокали мимо этого дома по брусчатке и мало кто еще в мире слышал это слово: радиация. И уж вовсе никто всерьез не относился к пророчествам ученых.

Я пришел к вице-президенту АН УССР, академику Академии наук Украины, известному советскому ботанику, лауреату Государственной премии СССР и Государственной премии УССР, депутату Верховного Совета Украины Константину Меркурьевичу Сытнику. Вот что он сказал:

«Это трагедия, большая трагедия народов, которая коснулась непосредственно сотен тысяч людей. Возник новый экологический фактор. Я бы не преувеличивал его, но еще хуже — его недооценивать. Конечно, нельзя допускать, чтобы мы, увлекшись обсуждением чернобыльской проблемы, забыли о том, что сегодня продолжают дымить заводы Украины, что продолжается загрязнение Днепровского водного бассейна химическими и металлургическими предприятиями. Однако новый фактор, связанный с аварией, существует, и это фактор отрицательного свойства. Люди очень обеспокоены его существованием, и это естественно. Большинство населения никогда не интересовалось, каковы предельно допустимые нормы окиси азота или сернистого ангидрида. Зато их очень интересует сегодня уровень гамма-, бета- и альфа-излучения. Это объясняется тем, что мы годами говорили о трагедии Хиросимы и Нагасаки, мы подробно рассказывали об огромной опасности для человечества, связанной с радиоактивным излучением. Люди постепенно все это накопили в своем сознании и относятся к радиоактивности как к фактору большого риска. Тут существует некий психологический феномен, некий разрыв между эмоциями и знаниями. Все знают, что в результате промышленных выбросов в окружающую среду попадают канцерогены, но это не вызывает особых эмоций. Иное дело радиоактивность. Настрой у людей весьма тревожный — ведь люди боятся за своих детей, внуков, потому что мы много говорили о генетических отдаленных по-

следствиях. С этим надо считаться и ученым, и средствам массовой информации.

Каковы уроки Чернобыля? Есть сугубо научные уроки. Но один из главных — это урок нравственный. В связи с аварией в Чернобыле резко усилилась горечь, разочарование наукой. Ведь вы тоже об этом говорили на съезде писателей Украины?

— Говорил.

— Хотя дело не столько в пауке, сколько в нравственных качествах отдельных ученых. Есть ученые — великие ученые, заслуженные, уверенность которых переросла в самоуверенность. Эти ученые убеждали всех в абсолютной безопасности реактора типа РБМК-1000. Хоть реакторы эти и несовершенны. На совершенном реакторе такое но произошло бы... Очень часто бывает такая ситуация: есть два-три ученых, приблизительно в одних званиях и чинах. Один из них говорит категорически «нет», а два других — «да»! Что делать тем, кто принимает решения? Они, естественно, выбирают тот ответ, который им больше по душе.

К сожалению, тот ученый, который сказал «нет», не всегда стремится отстоять свою точку зрения, бороться за истину, выступать на высоких форумах и т. д. Даже он не хочет ценою душевного комфорта конфликтовать с могущественными людьми и ведомствами... Вот вам, писателю и ученому, тема: проследите корни такого разного поведения крупных специалистов. В чем причины?.. А в результате чернобыльская история бросила тень на науку. Особенно на ее нравственное лицо.

Пожалуй, главный урок Чернобыля состоит в том, что любой, даже самый малый моральный изъян ученого, любые уступки совести должны жестоко наказываться. А мы ведь забыли о том, что когда-то непорядочному человеку руки не подавали. Когда-то. Но ведь сейчас в тысячи раз возросла ответственность ученых за их собственные открытия и за экспертизу огромныхстроек. Ученый должен в огонь идти за свои идеи, свои убеждения. Но часто ли такое увидишь?»

Вот какие разговоры велись в здании, освещенном именем В. И. Вернадского, сказавшего в 1922 году:

«Ученый не машина и не солдат армии, исполняющий приказания, не рассуждая и не понимая, к чему приводят и для чего эти приказания делаются... Для работы над атомной энергией необходимо сознание ответственности за найденное. Я хотел бы, чтобы в научной работе, такой, казалось, далекой от духовных элементов человеческой личности, как вопрос об атомах, этот моральный элемент был осознан».

Чернобыльские маршруты привели меня и в Москву, туда, где 40 лет тому назад, 25 декабря 1946 года, начал работать первый в Европе уран-графитовый атомный реактор Ф-1 — «физический первый». Тогда это была окраина Москвы, Покровско-Страшнево, и стоял здесь густой сосновый бор. Впрочем, сосны и сейчас есть. Теперь здесь раскинулась территория Института атомной энергии им. И. В. Курчатова.

Я пришел к Валерию Алексеевичу Легасову, академику, члену Президиума АН СССР, первому заместителю директора и директору отделения института, лауреату Ленинской и Государственной премий СССР. Основные научные интересы Валерия Алексеевича связаны с ядерной технологией и водородной энергетикой, химией плазмы и синтезом соединений благородных газов. Но в 1986 году имя академика Легасова звучало на весь мир в связи с ликвидацией аварии в Чернобыле. Валерий Алексеевич приехал в Припять в первый же день аварии. Беседа наша длилась более двух часов. Приведу лишь небольшой отрывок из нашего разговора.

— Задумываясь над уроками Чернобыльской аварии, я прихожу к парадоксальному выводу; не знаю, согласятся со мною коллеги или будут камни в меня бросать, но я пришел к выводу, что все это произошло потому, что мы чрезмерно увлекались техникой. Прагматически. Голой техникой. Но техника, которой мы гордимся,— первая атомная станция Игоря Васильевича Курчатова, самолеты Туполева, техника, что финишировала полет Гагарина,— она была создана людьми, которые стояли на плечах Толстого, Пушкина, Достоевского. Люди, создавшие ту технику, были воспитаны на очень гуманных идеях. На прекрасной литературе. На высоком искусстве. На прекрасном и правильном нравственном чувстве. На яркой политической идее — идее построения нового общества, на той идее, что это общество является самым передовым. А вот в последующих поколениях, пришедших им на смену, много инженеров стоит на плечах «технарей», видит лишь техническую сторону вопроса. Мне кажется, что общим ключом ко всему происходящему является то, что долгое время игнорировалась роль нравственного начала — роль истории нашей, культуры — а ведь все это одна цепочка. Все это, собственно, и привело к тому, что часть людей на своих постах могла работать без должной ответственности. Низкий технический уровень, низкий уровень ответственности тех, по чьей вине произошла авария,— это не причина, а следствие. Следствие их низкого нравственного уровня.

И еще хочу сказать о надежности общей и технической культуры. Это неделимые вещи. И, конечно, необходимо возродить чувство нового, чувство критичности. Был такой период, когда

некоторые внешние условия мешали этому. Но вот сегодня у нас — самый благоприятный период. Ничто не мешает возрождению самых лучших отечественных традиций в науке, технике, культуре... И последнее, что хочу сказать,— о молодых людях. Конечно, приходилось сталкиваться с разными ситуациями, иногда не очень приятными. Но среди молодых в Чернобыле были такие, которые вызывали настоящее восхищение. У нас уже писали о героизме пожарных. Некоторые, читая, ругались, что они слишком долго и напрасно находились на отметках и зря получили большие дозы облучения. Но это — настоящий героизм, причем оправданный, потому что в машинном зале — там был и водород на генераторе, и масла... Они не позволили распространиться пожару, который привел бы к разрушению соседних блоков. Это был не спорадический героизм, они работали здорово... А как трудились военные летчики! Это действительно подвиг. Они безукоризненно работали, и профессионально, и как угодно. В химических подразделениях было очень много молодых парней. На их плечи легла разведка. Они действовали бесстрашно и точно. Вы знаете, там все было очень гармонично. Молодежь вела себя там достойно. И физики — и наши, московские, и ваши, киевские,— лезли в самое пекло. Я бы сказал, что молодые люди работали там со вкусом, проявляя высокие человеческие и профессиональные качества...

Какие уроки необходимо вынести из Чернобыля? С таким вопросом я обратился еще к нескольким людям, известным в мире науки и культуры.

Воробьев А. И., член-корреспондент АМН СССР, известный врач-гематолог:

— В связи с аварией на Чернобыльской АЭС необходимо сделать однозначный вывод. Не только ядерная война, но даже «обычная» война ядерных держав становится нереальной. Человечество должно отказаться от средневековой психологии, состоящей в навязывании своей воли с помощью кулака. Ничего иного для нас не остается. Потому что, если разбомбить только атомные электростанции обычными боеголовками без ядерных зарядов и только в одной из европейских стран, не станет Европы, не станет Северной Африки и очень многого еще не станет в Азии. Думаю, что после этой аварии должно исчезнуть средневековое мышление человечества... Очень многое требует переоценки. Авария оказалась слишком ответственной по своему охвату огромных масс людей. И хотя количество жертв ограничено, а большинство из пострадавших остались живыми и выздоравливают,— авария эта показала нам масштабы возможной катастрофы. Это должно буквально переформировать наше мышление — мышление каждого

человека, кем бы он ни был — рабочим или ученым. И все же ни одна авария не бывает случайной. А значит, необходимо понять, что атомный век требует полного искоренения халтуры. Он требует такой же точности, с какой рассчитывают траектории ракет. Атомный век не может быть только в чем-то атомным. Очень важно понять: люди сегодня должны знать, к примеру, что такое хромосомы, так же хорошо, как знают, что такое двигатель внутреннего сгорания. Без этого жить нельзя. Хочешь в атомном веке жить — живи с новой культурой, с новым мышлением.

Фредерик Пол. Американский писатель-фантаст. В конце 1986 года он побывал в Киеве. Я помнил его еще со времен VIII съезда советских писателей в Москве, где Пол выступал с речью как вице-президент Всемирной ассоциации писателей-фантастов. В белом костюме, с галстуком- «бабочкой», седой и элегантный, он напомнил мне одного из литовских киноактеров, исполнявших роли американских миллионеров. Пол — один из самых популярных в США писателей-фантастов, автор более 30 романов, лауреат международных премий — приехал в Киев с готовым романом о событиях в Чернобыле.

Приехал для уточнения кое-каких деталей.

Роман он написал не научно-фантастический, а абсолютно реалистический. Действующие лица — начальник АЭС, его заместитель.

Мы встретились с Полом сначала в гостинице «Днепр», потом у меня дома, к концу вечера он уже звал меня Юрием, а я его Фредом — обращение «мистер» было отброшено как слишком официальное, не соответствующее уровню достигнутого взаимопонимания.

Кроме меня, Пол встречался еще с рядом украинских писателей, вел беседы с физиками, пожарными. Он расспрашивал об увиденном в Чернобыле. Из его вопросов я понял, что ему катастрофически недостает деталей — нет, не технических (в конструкциях АЭС и реакторов он, бывший инженер-химик, отлично разбирается, намного лучше меня), а сугубо бытовых, зрительных, пластичных, без которых немислима настоящая проза: ведь сюжет, самый смелый и головоломный, — это всего лишь скелет, а детали — это мускулы, превращающие сюжет в живое, реально очерченное тело. Как оказалось, многое из того, что нам кажется само собой разумеющимся, Фредерику было неизвестно. Впрочем, оно и понятно.

Но его принципиальные суждения были очень точны.

— Когда меня, писателя-фантаста, — сказал Пол, — спрашивают о будущем, я отвечаю: «А может, будущего и вовсе не будет? Если вспыхнет война или если взорвутся атомные станции и

все это погубит природу? Может произойти нечто похожее на татаро-монгольское нашествие, и человечество остановится в своем развитии». Да, может произойти масса катастроф, и никто не может загадывать на будущее. Но все мы надеемся на лучшее. Ведь мы люди, и должны сделать будущее — будущим. Есть много путей для создания прекрасного будущего, есть миллионы вариантов его формирования. Но я писатель, поэтому я выбираю один путь и говорю об этом. Что я делаю в своих книгах? Я стараюсь опробовать один из путей моделирования нового мира... Я написал роман о событиях в Чернобыле. Это не научно-фантастический роман. Я хочу, чтобы в нем прозвучала правда о Чернобыле. Чернобыль — не научная фантастика, это один из негативных путей, которым человечество не должно идти. Ситуация в Чернобыле должна всем показать опасность ядерной энергии для человека. Технология ядерной индустрии очень сложна, и человек, контролирующий эту сумасшедшую энергию, не имеет права на глупости. Дело не только в Чернобыле, такое может произойти в любой стране мира. В США тоже происходило нечто подобное. Развитие ядерной энергетики должно сурово контролироваться, потому что мы имеем дело с необратимыми вещами — мы должны уделить огромное внимание мелочам, не забывать, что мелочь может привести к мировой трагедии. Авария в Чернобыле — последнее предупреждение человечеству.

Последнее предупреждение.

Я не хочу больше никого комментировать, не хочу доказывать, разъяснять, убеждать, кричать и предупреждать — потому что предупреждают и кричат мои герои — герои этой повести, реальные люди, которые глубоко пережили трагедию Чернобыля, независимо от того, далеко ли они были от места событий, или работали рядом с реактором.

Они все сказали, и их слова не требуют пространных комментариев.

И если их слова, их правда не будет услышана, если все останется по-старому, если мы будем учиться «чему-нибудь и как-нибудь», если будем работать, как работали, — безответственно, халтурно, если карьеру в обществе будут делать верноподданные циничные и безграмотные подхалимы, а не умные порядочные люди со своими самостоятельными взглядами и убеждениями, — то это будет означать, что мы ничему не научились, что уроки Чернобыля оказались напрасными.

И тогда свершатся новые Чернобыли, новые «Адмиралы Нахимовы», новые горькие потрясения нашей жизни.

Предупреждение Чернобыля — как вполне реальный образ того, что может ожидать человечество в случае ядерной войны,— должно быть услышано не только профессиональными политиками всего мира и военными, держащими пальцы на ракетных кнопках, а каждым без исключения человеком, независимо от его возраста и социального положения.

«Предотвращение ядерного омницида — самая неотложная задача человечества в наши дни. Однако огромному большинству людей все это еще недостаточно ясно. Иными словами, многие из тех, кто говорит, что знает об опасности, в действительности не верит в ее реальность». (Квасил Б., Фукс Г., Ржиман Й., Сомервиль Дж., Гайко В. «Говорят ученые: ядерный омницид — угроза всему живому». В кн.: «Кто и как может отстоять мир». Прага, Мир и социализм, 1981).

Хочется верить, что после Чернобыля человечество яснее поймет, что может с ним произойти, если начнется обмен ударами ядерной дубинки.

...В опустевшей Припяти, где еще в начале прошлой весны жило около пятидесяти тысяч преимущественно молодых людей (средний возраст жителей города — 26 лет), мы зашли в центральный пункт охраны города. Дежурный офицер милиции сидел за пультом сигнализации. В соседней комнате начальник патруля распекал за что-то сержанта. Все было так обыденно. На фанерном щите перед дежурным висели связки ключей. Название улицы — и желтая связка входных ключей от домов. По количеству ключей можно было понять, на какой улице побольше домов, на какой поменьше.

Так вот, я не хотел бы, чтобы на центральном пункте марсианской охраны Земли (милицейском или полицейском — неважно) висели связки ключей от опустевших и покинутых навсегда стран. Не хочу, чтобы где-то в общей связке под названием «Европа» поблескивал ключик от моей земли, от Украины.

Я устал от этой повести, которую писал днем и ночью, словно меня подгоняла какая-то дьявольская сила, устал от голосов моих героев, все время звучащих в памяти, устал от разговоров о Чернобыле, от всех тревог и перенапряжений 1986 года.

Как символ того странного мира, в котором мы побывали в прошлом году, висит в моем гараже белый комбинезон, подаренный мне в Чернобыле. По правилам, наверное, надо бы выбросить его, ведь я ходил в нем в зоне, но не могу: он дорог как память и зловец как предупреждение. И когда вечером я, включая фары, въезжаю в гараж, передо мною появляется ослепительно-белый призрак — призрак, что бродит нынче по чернобыльским полям и киевским квартирам...

Хватит об этом!

Поэтому хочу закончить свою повесть одним идиллическим воспоминанием: после всего того, что увидел в зоне и вокруг нее, после мертвого молчания брошенных сел (не знаю почему, но особенно тронули меня сельские кладбища, эти «тени забытых предков», куда не придут больше живые), после больничных палат и взглядов тех, кто лежал под капельницами, после скачков стрелок на дозиметрах, после опасности, притаившейся в траве, воде, деревьях, я в конце мая выехал на два дня из Киева. Мчал на восток по опустевшему шоссе Киев — Харьков, останавливаясь лишь на заставах, чтобы пройти дозиметрический контроль.

Я ехал в Миргород — повидать дочь и внучку. Тот самый Миргород, о котором писал Николай Васильевич Гоголь:

«Чудный город Миргород! Каких в нем нет строений! И под соломенной, и под очеретяною, даже под деревянного крышею; направо улица, налево улица, везде прекрасный плетень; по нем вьется хмель, на нем висят горшки, из-за него подсолнечник выказывает свою солнцеобразную голову, краснеет мак, мелькают толстые тыквы... Роскошь!»

Как давно это было! Из какого наивного и безмятежного времени пришли эти слова! Но и в мае 1986 года Миргород был прекрасен. Прекрасен тем, что никакой радиации — ну хоть чуть-чуть повышенной — здесь не было. И никто не рекомендовал здесь закрывать окна.

Начиналось майское предвечерье, когда воздух в Миргороде напоен ленивыми ароматами разомлевшей за день земли. Я вышел на берег небольшой речки Хорол, лег в траву, прикрыл глаза. Услышал рядом любовные трели лягушек, ощутил свежесть травы и близость воды. На противоположном берегу мычали коровы, ожидая, когда отдадут свое горячее молоко жестяным ведрам. И вдруг я понял, что такое счастье.

Это трава, в которую можно лечь, не боясь радиации. Это теплая река, в которой можно искупаться. Это коровы, молоко от которых можно свободно пить. И провинциальный городок, живущий размеренной жизнью, и санаторий, по аллеям которого медленно прогуливаются отдыхающие, покупают билеты в летний кинотеатр и заводят знакомства, — это тоже счастье. Только не все это понимают.

Я ощутил себя космонавтом, возвратившимся на Землю из далекого и опасного путешествия в антимир.

В эту минуту меня позвала одна моя знакомая и дала какое-то растение, вырванное с корнем. Ничего примечательного: грубые темно-зеленые листья и толстый ствол, словно бы подкрашенный

фиолетовыми чернилами. Это растение называлось «чернобыль». Горек был его привкус.

*В ПРЕЗИДИУМЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
УКРАИНСКОЙ ССР*

За самоотверженную работу по ликвидации аварии на Чернобыльской атомной электростанции и устранению ее последствий, строительству жилья для эвакуированных из этой зоны Президиум Верховного Совета УССР присвоил большой группе работников почетные звания Украинской ССР и наградил Почетной Грамотой и Грамотой Президиума Верховного Совета Украинской ССР.

Почетной Грамотой и Грамотой Президиума Верховного Совета Украинской ССР награжден также ряд объединений, предприятий и организаций.

31 декабря.

Владимир ЯВОРИВСКИЙ

Эта земля - еще жива

Отрывок из романа
«Мария с полынью в конце столетия»

По больничному двору ветер гонит бланки рецептов, обрывки марли, пустые коробочки от лекарств, валяются потерянные больными шлепанцы, в асфальт втоптана вата.

Только что в Москву отправили еще одну группу облученных, нуждающихся в особой помощи, остальных развезли по ближайшим районным больницам. Несколько медиков-мужчин выносят к «рафам» мешки с лекарствами, ящики с инструментами — всё, что можно вывезти без долгой мороки. Они медлительны и несуетливы, но не по профессиональной привычке, а оттого, что за двое суток очень устали» Да и куда им теперь спешить: и больница, и город уже опустели. В палатах гуляют сквозняки, больничные стены, кажется, излучают вобранное за несколько лет человеческое страдание и не могут свыкнуться с тишиной: неужели в этом городе все здоровы? : — Печать не забудьте, Владимир Александрович! Без печати мы не лечебное учреждение, а цыганский табор...

Из дверей выбегает врачиха с мужеподобным лицом.

— А Паливоду? Паливоду в морге? Кто ж его похоронит? Неужели там оставим? Жена звонила, что не уехала, что идет сюда с двумя детками. В столярке есть гроб, Владимир Александрович.

Маслюк наступил на желтую костяшку домино, упавшую со стола, за которым отдыхали водители, вдавил ее в асфальт.

— Позвоните в штаб, Пузачу. Пусть выделяет машину. Машину и несколько человек. Скажите, что у нас уже нет сил. Ни поднять гроб, ни выкопать яму... Я, по крайней мере, на это уже не способен.

Из-за речки, от ее поймы, на город накатывался туман. Кричали жабы, и их голоса бились в опустевших домах, как в фантастических резонаторах. Ночные поезда мчались мимо городского железнодорожного вокзала, не останавливаясь.

Автобус с медиками последним вылетает из города. За ним что есть силы, вывалив язык, мчится старая, с облезлыми боками овчарка.

Володя Маслюк чуть ли не впервые за несколько лет заметил на арке при выезде из города надпись: «Счастливого пути!» Сник, прижался щекой к холодному окну, закрыл глаза.

Овчарка все больше и больше отставала от последнего автобуса.

Густая, хоть режь ее ножом, ночь навалилась на окольные леса и на Городища. Хаты, где еще живут люди, где есть хоть одна человеческая душа, светятся. Только заброшенная усадьба у кладбища, по которой шмыгают лисы с лисицами, поблескивает мертвыми окнами. Да покинутые дачи. Незрячий Сократ глядит на дорогу, и пластмассовый подсолнечник под окном физика, не повернув головы к восходящему солнцу, все смотрит на север, в сторону города.

Выкупанные Даркой голые дети лежат на печи. Мария нашла в сундуке недоношенные штанишки и рубашечки своих сыновей, Даркино платье. Одарка молча крутит старый, гремющий «зингер», укорачивая и ушивая одежду для ребят. Мария сидит под фотографиями своего рода, смотрит, как догорает свеча в стакане с пшеницей.

Федор ведрами носит воду из криницы, наливает ее в бачок, пустые банки, корыто, выварку, чугуны. Попаливал, наполнил водой все, что попало на глаза. Заглядывает в криницу, будто оттуда должен появиться Микола — самый добрый и самый терпеливый из всех его братьев. Наваливается на сруб, немо что-то произносит в далекую влажную глубину, но оттуда никто не откликается. Федор вытаскивает еще одно ведро воды, закрывает криницу крышкой, обтягивает сруб полиэтиленовой пленкой, старой клеенкой и заколачивает гвоздями. Удары его молотка гулко разносятся над Городищами, и мама всякий раз вздрагивает под фотографиями их рода. Опять этот холодный звук, будто торопливо заколачивают крышку гроба.

Постреливая мотором, у ворот Мировичей останавливается обшарпанный мотоцикл с коляской, из которого до сих пор торчат рулоны невывезенных лозунгов. С сидения соскакивает бригадир, ногою распахивает калитку, поднимается на освещенное крыльцо. Запыленные яловые сапоги, синий надтреснутый шлем на голове, кожаная пилотская куртка.

— Забыл, вы же деда Ивана поминаете, моего предшественника...

— Уже и сына... Миколу...— ответила Мария.

— Значит, не врут ребята, значит, правда, что Микола не на ту кнопку нажал и реактор разнесло.

— Теперь, бригадир, много правды. Успевай выслушивать ее и отличать от обмана. Не говори лишнего, бригадир, а коль зашел — то садись и помяни обоих...

— Не время, не время расслаживаться. Стоя окроплюсь, работы этой ночью много...— Он, не сбросив даже шлема, выпивает

налитую чарку, сосет кислый огурец, стараясь не задеть больной зуб. Дарка держит на руках своего Руслана, собираясь переодеть его в перешитые штанишки. Стоит под старой семейной иконой, на которой женщина тоже держит голого мальчика на руках.

— Вообще, говорят, поступила команда: отступить! В глубь страны! В соседний район. Но — организовано. Отступить только побригадно, селами, с крупным рогатым скотом. Мелкий скот оставлять врагу, радиации. Прет, как малахольная, зараза! И нет ей преград. Теперь слушайте инструктаж: выдоенную и накормленную корову завтра загнать в летнюю конюшню возле фермы. На шею скотине нацепить бирку с адресом и фамилией... хозяина. Для людей будут два автобуса, комфортабельные. Брать всех живых. И — только харч. На три, четыре, пять, шесть дней. Паспорт, копейку, какая есть. За панику — штраф! Рублей по двести штрафа за панику.

Он налил себе еще чарку, выпил, занюхал хлебом, чтоб не тревожить больной зуб, и вышел из хаты. Уже с порога добавил:

— Тысячу восемьсот тридцать две курицы оставляем. Несушки. Кто мне их спишет? Кто?

На городищенском кладбище стоит грузовик, тускло вспыхивают огоньки сигарет. Рядом с могилой старого Мировича выросла свежая, только что насыпанная в темноте двумя мужчинами.

— Извини, Дмитро, что вот так...

— Набрешут потом писаки: звучали прощальные залпы. А мы и яму выгребли всего лишь по колено...

— Мы сегодня, Дмитро, собирались заливать фундамент Для твоей дачки... Еще и поспорили: делать погреб или нет?

Ты боялся, что половодье будет заливать. Зальет, Дмитро, ох и зальет теперь. Я был неправ...

— Нужно хоть Софию довести до Ивангорода. Как доберется с двумя детьми? Нам-то ведь — туда.

— Нет-нет, я побуду рядом с ним. А вы езжайте. Побуду... Не собаку зарыли. Вон село светится, переночую а завтра опять приеду на могилу. Простите, что и помянуть нечем... — произнесла Дмитрова жена, принимая к себе двух маленьких деток.

Федор стоит возле заколоченной криницы, как привидение. Держит ведро с водой и смотрит па темную дорогу, по которой должна прийти (некоторые говорят, что уже пришла) беда из города. Его зоркий глаз рассмотрел в густой темноте какую-то фигуру с двумя вроде бы подкрылками, волочащимися по земле. Может, это оной есть? Хотел спрятаться за криницу, но постеснялся, оперся на ее крышку и ждал. А потом, чтобы не так было страшно, пошел навстречу. Когда Федор нервничал — должен был что-то делать,

потому и пошел с полным ведром воды. И наконец разглядел: двое малышей ведут за руки женщину в черной одежде, в черном платке. Напились воды и пошли за ним, вроде бы не удивившись его немоте.

В сенях взлаял Пушок и замолк, улегся на фуфайку.

— Наталка вернулась...— произнесла Мария, даже не пошевелившись за столом.

На пороге появилась заплаканная женщина с двумя детьми — мальчиком и девочкой. Поняла — оттуда.

— Садись, дочка, ужинай. Беда бедою, а есть нужно. И тебе, и детям. Есть, чтобы жить...

Тихий провинциальный райцентрик Ивангород уже обо всем знает. Его улицами проехали сотни автобусов с эвакуированными, он и сейчас содрогается от тяжелых грузовиков, тягачей, бульдозеров, которые с включенными фарами движутся туда, в сторону города и атомной. В районном Доме культуры работает штаб, который расселяет эвакуированных, помогает родственникам и близким найти друг друга. В районной гостиничке ночуют министры и генералы, райкомовцы, не выходя из своих кабинетов, спят по несколько часов в креслах в своих кабинетах.

Старенькая районная больница гудит, точно столичный вокзал. Девочка в школьной форме спрашивает у людей, стоящих в очереди к женщине-дозиметристке:

— Кому здесь сдавать кровь? У меня первая, самая распространенная группа. Быстрее говорите, а то папа сейчас догонит...

В длинном коридорчике под стенами сидят женщины. Не хватает стульев, и некоторые стоят у порога, нервно поглядывая на часы над кабинетом с надписью: «Гинеколог».

— И муж хотел второго ребенка. Да кто же знал? Кто мог знать?

— Нет, оставлять нельзя. А что, если, не дай бог, не такой родится, куда его тогда? Пусть лучше сейчас, пока не видела, пока не родила, пока ему все равно...

— И я тоже решилась. Вот только выдержит этот мужичок? Ведь еле на ногах стоит. А нас вон еще сколько. Может, хоть яблочко у кого есть, чтоб подкрепить его?

— У меня шоколадка. Только сынок надкусил. Здесь купила, не зараженная,— говорит пухленькая дамочка Наталке, которая сидит рядом с нею, судорожно сцепив пальцы рук на коленях.

— Если ты и на блоке была — надо делать! Я полдня в очереди за импортными рубашками для мужа простояла — и то страшно. Еще наплодишь крепеньких крикливеньких и дебелиньких

слизнячков... Не бойся. Думай, как тебе было тогда хорошо, вот и не будет больно...

— Да замолчите вы, ради бога! От вашей болтовни голова, как реактор, вот-вот разорвется. Это ведь только блок разнесло, а что, если бомбу кинут?

Отворяются двери гинекологического кабинета. На пороге — маленький, сухонький человечек. Медсестра вытирает его усеянный потом лоб, а он устало произносит:

— Нечипоренко Наталья Петровна...

— Съешьте шоколадку...— предлагает болтливая толстуха и передает доктору через Наталку плитку.

Ревут на все Городища и откликаются эхом в лесах и перелесках моторы грузовиков и автобусов, колеса буксуют в вязком песке, ревет скот, пуская по ветру тонкую, как паутина, слюну. Кудахчут перепуганные куры, которых хозяева стараются поймать и прирезать, визжат свиньи. На темени гипсового, глядящего па дорогу Сократа сидит пестрый мотылек.

Заколоченные криницы, точно слепцы, уставились в голубую неизвестность.

На изгороди Мировичевого двора сидят пятеро ребяташек (возле Тарасика, Руслана, Лиды двое Паливодиных — Дмитрик и Нина), как пять нот на линейках. Одежда на них нелепая, мешковатая — потому что все перешито наспех, на глаз, со взрослых.

Федор в хлеве чешет скребком Мавру и прижимается щекой к ее теплому боку: ты, Мавра, как я, немая, но все понимаешь, поговори со мною.

Вчера после обеда в Городища пришла Олеся. Ничего не стала рассказывать, упала на диван под старой иконой и уснула. Сегодня ее разбудил Андрюха Кудыпошлют: его дочка-десятиклассница должна вот-вот разродиться, а сельский фельдшер куда-то уехал на своей машине, добираться в Ивангород нечем. Ушла и до сих пор ее нет. Андрюха, говорят, сел на велосипед, перебросил через плечо ружье и подался в Тридни искать экономиста, чтобы тот шел смотреть, похож или не похож на него ребенок.

Мария сажает в печь в больших черных формах хлеб домашнего замеса. Дарка ей помогает.

— Успеем, мама? А вдруг придется все так и оставить?

— Вы уезжайте, дети. Уезжайте подальше от беды. А я с Маврой, курами, Пушком и котенком останусь. Хлеб допеку. Наталку дождусь. Что со мною, старой калошей, сделается? Бог не отвернется — черт не схватит.

— И не говорите такого, мама! Не говорите, а то я тоже никуда не поеду. Слыхали же: Мавру привезут туда, куда и нас.

Хозяйская скотина да три сотни колхозной — кто бросит такое добро? Привезут. Говорят, Андрюха остается, чтобы эвакуировать скот, я ему бутылек занесу — он и присмотрит за Маврой.

— А что, как начнется телиться?

— Сами же говорили, что ей еще две педели ходить.

— Я тоже не поеду, Мария Гнатовна, если вы останетесь, — сказала София Паливода, прибирая со стола еду и складывая остатки ее в корзину, чтобы взять с собой в дорогу. — У меня отец с матерью на Полтавщине, но поеду с вами.

— Как же я все это оставлю? Кому? Немец в войну приходил, страшно было... Жег, вешал, расстреливал, но земля оставалась нашей. Земля, вода, хлеб, воздух, лес прятал нас и защищал. Дважды хоронились от облав в стогу и на чердаке. А куда теперь бежать, если напасти не видно и не слышно? Огород не досажала, девять дней по Миколу не справила, а там и Ивановы сороковины... Пули не летят, бомбы не рвутся, сады зацвели, речка проснулась, а ты — беги! Семьдесят лет с этой земли не сходила, а теперь, жива-живехонька, бросай ее? И куда ж этот глупый мирок летит? Куда его несет?

Архип-тракторист колол во дворе двух своих кабанов. Обсмалил их паяльной лампой и теперь потрошит. Ему помогают сынок-школьник и жена в клеенчатом фартуке, забрызганном свиной кровью. Все трое закопчены, перепачканы жиром и требухой, суетятся, точат ножи, готовят корыто, выварки, банки под мясо и сало.

— Да не копайтесь, черт вас побери, а то уедут без нас. Вот купили бы темно-синий «жигуленок» — поехали б сейчас куда захотели, а так... выбрасывай половину мяса собакам...

— Не надо было, Архип, пускать под нож сразу двоих. Одного прирезал, а другой не сдох бы в хлеве, оставила б ему отрубей с бульбой... Куда все это девать, такое свеженькое? Кто и почем его купит?

— Хоть бы ты не подвывала! И так сердце кровью обливается. Будет с нами мясо, сало — не пропадем. Думаешь, нас там ждут? Что-то продадим эвакуированным, добавим на книжку, может, беженцам будут давать машины без очереди, как потерпевшим...

Бригадир с милиционерами заходит во двор к Мировичам.

— Тетка Мария, скока можно тянуть кота за хвост? Ведите корову на ферму! Дарка, гони свой выводок к автобусам, а то шоферюги нервничают, чуть не писяют кипятком. Надо переезжать в соседний район, в тот, с которым соревнуемся. Чувствую, в том году он обгонит нас. Раз-два — поехали! — выпалил бригадир.

— Выводи детей, София! А ты, Дарка, хлеб из печи вынимай. Федор, хату закрой, курам насыпь зерна, поставь пугало, чтоб вороны грядки не расковыривали. Подметите пол, возвращаться надо в чистую хату. Я отведу Мавру... И не командуй туточки, бригадир! Не вагон поезда оставляем, а хату, в которой жизнь прожила, родную землю. Кто я без нее? Это такие свистуны, как ты: раз-два и отрубил.

— А ваши? Все, кроме глухонемого, сбежали из Городищ. На легкую жизнь, на удобства — в город...

— Ты моих не тронь. Пусть не святые, но и не мусор.

— Дядька Иван тоже когда-то командовал. До сих пор в селе помнят...

— Лучше тебя знаю, но он уже на кладбище. Откомандовал. А ты еще только во вкусходишь. Иди подгоняй соседей.

У автобуса шум, гам, нервное бибиканье водителей. Вошли и заняли места только школьники — вот, собственно, и вся городищенская молодежь. Да еще глухонемой Федор. Остальные — люди старшего возраста — деды, бабки.

— Не спешите, может, еще отменят, может, прибудет нарочный из района, а нас уже нет...

— Не мутите людей! Вам, старым, все равно, а нам жить хочется,— огрызнулась жена Архипа-тракториста втаскивая в автобус мешок. Мешок рваный, и из дыры выглядывает обсмаленное и оскаленное свиное рыло.

— Мы вам что — жить мешаем? Живите себе! Детками обрастайте, все наше вам останется. Ничего туда не заберем... А ты даже свиную голову тянешь с собой.

— А что будете там есть? — спрашивает Архипова жена.— Ведь не на курорт собрались.

— Это же второй день пасхи... Завтра всем селом на кладбище пошли бы, своих помянули. И на кого мы их оставляем?

— Вечером дочка с детками в отпуск приезжает. Из самого Архангельска. Приедет, а хата опечатана. Подумает: посадили отца за что-то...

— Городища перевелись, чтобы город жил. Детей ему отдали, а теперечки и город неперспективный, уже неделю радиация по нему гуляет.

Подбегает запыхавшийся бригадир:

— Товарищи, товарищи! Прощального митинга не будет! Поехали! Пока расселитесь — и скотину подвезут. Милиция будет беречь ваши хаты как зеницу ока! Вперед! По машинам!

Мария обнимает за шею Мавру, прижимается к ней щекой и заводит в загон на ферме.

— Ноги на машине расставляй широко, чтоб в дороге не растрясло. Я тебя самая первая встречу. Не ложись в кузове — затопчут...

Дарка в автобусе раздает домашний хлеб.

— Берите, берите! Еще горяченький. Мама на прощанье испекла и велела раздать.

Федор подхватывает маму, которая, добежав до автобуса, с трудом переводит дыхание, помогает ей подняться и сесть в новенький, уже ревущий моторами «Турист».

Тарасик что-то рисует на запыленном автобусном стекле.

Олеся держит в руках сверточек с только что родившимся сыном десятиклассницы. Печально глядит в окно, за которым ветер обрывает с яблонь цвет, обрывает и вместе с песчаной пылью несет туда, к кладбищу. Цвет и песчаная пыль бьются в окно, за которым виднеется ее грустное лицо.

Автобус тронулся, колеса запрыгали по выпуклым корневищам. За ним потянулся шлейф пыли и опавшего цвета.

Миновали кладбище с двумя свежими, одна возле другой, могилами. Покосившуюся убогую надпись «с. Городища».

Пыль и цвет.

И гипсовый Сократ из-за оконной шторы...

На центральной улице районного городка, вне зоны, тесно от озабоченных прохожих. Большинство в защитных костюмах, с дозиметрами, медицинскими саквояжами, противогазами на поясе, милицейскими погонами поверх робы.

Дома, деревья, окна почты пестрят объявлениями:

«Штаб завода «Юпитер» в 7 «а» классе школы № 1».

«Колхоз «Отчизна» Великобагачанского района на Полтавщине приглашает семьи на постоянное местожительство. Предоставляем дом, корову, огород, мебель. Правление колхоза».

«Мамочка! Я — здесь, ул. Шевченко, 12. Люся Лопатюк».

«Кто без паспорта — возьмите справку. В кассе кинотеатра. Круглосуточно».

«Государственная денежная помощь выдается в эвакуированных жэках. В школе-интернате».

«Кто потерял перстень — обратитесь в книжный магазин!»

Очередь за государственной денежной помощью. Женщины с детьми, мужчины, старики и бабки.

У окошечка кассы Степан, Дарочкин муж, просовывает кассирше документы и доверенность.

— Я, жена, двое детей. Вместе — четверо. По двести — это будет восемьсот рубчи́ков. Хоть оденемся да сумеем выехать к родителям в Херсон. Доверенность заверена в сельсовете, при свидетелях. Ребенок приболел, так я сам приехал... с доверенностью...

— Да не торохтите, дядька. Не слепая. Выдам. Только помолчите. За двое суток пальцы опухли чужие деньги считать. Расписывайтесь.

Степан, стараясь быть как можно более незаметным, отходит от кассы, воровато оглядывается, не бросилась ли за ним вдогонку кассирша, и исчезает в толпе прохожих. Выныривает уже на выезде из райцентра, «голосует грузовикам, мчащимся на восток.

— И тут, гады, сухой закон ввели. У людей горе, тут бы радиацию снять, расслабиться... Ничего, с деньгами не пропадем... Остановись же, корешок! На пол-литра кину!

Притормозил, свернув на обочину, какой-то бензовоз, Степан помчался к нему...

У порога хаты Мировичей воет Пушок. Воет тонко, пронзительно, изливая свою собачью тоску и безнадежность.

Колонна тяжелых скотовозов кромсает придорожные корневища, и они брызжут соком. В кузовах ревет скотина. Колонна медленно исчезает в лесу.

Андрюха и Мирон, вызвавшие задержаться в Городищах, чтобы вывезти скотину, садятся на брошенный под загоном с хозяйской животиной воз и достают бутылку. Андрюха пьет из горлышка, Мирон же вытаскивает сигареты из обернутой целлофаном пачки с надписью «Космос», наливает в пачку и только потом пьет.

— Не жалеи! У Мировичей после поминок остался почти полный ящик. И повод-то какой — внук родился.

— Не болтай! Ведь опечатано, мильтоны шныряют. И неудобно как-то... Я знаю, где моя ведьма закопала. Теперь можно вытащить...

Но тут невесть от чего за загородкой переполошились хозяйские коровы. Метнулись в сторону Андрюхи и Мирона, но мужички замахали руками, кепками и отогнали. Тогда стадо бросилось в противоположную сторону, разметало подгнившие жерди, ограда рухнула, и скотина кинулась врассыпную.

— Андрюха! Тюрьма будет! — крикнул Мирон и рванул коровам наперерез.

Большинство калиток замотаны проволокой, забиты или заперты на защелки, и скотина, разбежавшаяся по своим дворам, стоит у ворот.

Мирон с Андрюхой сгоняют ее снова к центру села, на выгон. Мавра идет впереди. Ограда разломана, что теперь делать?

— Идея! Погнали па кладбище, там же есть забор! — кричит Андрюха.

Они загоняют коров на городищенское кладбище, с чувством выполненного долга закрывают кладбищенские ворота.

Мавра обнюхивает две свежие могилы.

Людмила Минович (она все еще носит траур — муаровую ленточку через лоб) на приеме у Юрия Осауленко — заместителя председателя эвакуированного горисполкома.

— Как же мне быть, Юрий Александрович?

— Немного подождать. Вы же видите, какое светопреставление. Разыскиваем людей, вывозим всех, кто сейчас не нужен на атомной, размещаем прибывающих на ликвидацию аварии, милиция наводит в зоне порядок, вылавливает мародеров, отправляет детей на юг. Шок уже миновал — но столько навалилось дел... Берите обычную помощь, а уже потом, как жена погибшего, получите разницу. Сами видите: ситуация не из простых. Все знаем, что Николай Иванович погиб смертью героя, но свидетельства-то о смерти нет. Посоветуюсь с юристами, и поможем вам. Шок миновал — поможем...

— А с квартирой как будет?

— Вам, как жене погибшего, как мужественной женщине, скажу правду: зимовать в городке не придется. Это точно. Государство ни о ком не забудет, а о вас — тем более. Думаю, вам дадут квартиру в областном центре без всякой очереди. Мы об этом позаботимся. Пусть только кончится это столпотворение.

В безлюдные, притихшие под полуденным солнцем Городища подошли новые скотовозы. Остановились у кладбища. Водители выбросили трапы. .

Андрюха и Мирон бегают между могилами, вылавливают коров и тащат их на веревках по трапу в кузов. Мавра упирается, Андрюха саданул ее сапогом под брюхо, корова застонала и — пошла. Последней. Встала у заднего борта.

Из села к машине бежит Мирон. С трехлитровой банкой самогона в руках. Любовно устанавливает банку на сидении, заскакивает в кабину сам.

— Поехали! У Миновичей хата не заперта, только... боязно... милиция...

Скотовозы переваливаются па корневищах, водители набирают скорость, не церемонятся: не людей - скотину везут.

Воет Пушок у порога. Кудахчут куры на птицеферме, в небе уже висит коршун.

У огромной лесной лужи водитель последнего скотовоза резко притормозил, а потом нервно газанул. Мавра не удержалась на ногах, навалилась на задний борт и... перевернулась через него, тяжело упала на песчаную дорогу.

В кабине этого не заметили.

«Чертово колесо» потихоньку, вроде бы сонно, поворачивается вокруг своей оси. Машинист не поставил его на тормоз, и ветер постепенно раскрутил эту машину. Колесо пронзительно повизгивает осью, раскачивает пустыми люльками. Скрипят оставшиеся незапертыми двери подъездов. Голодные коты и собаки копошатся в мусорниках. Понурые, обессиленные вороны сидят на перилах балконов. Вертолеты, разворачиваясь над городом, поднимают ветер, и он тербит афиши, гонит улицами бумажки от мороженого, обрывки газет и целлофана, окурки.

На кухне, за столом своей квартиры, сидит старичок с орденскими планками на лацкане пиджака. Сегодня утра перекрыли воду, но он успел набрать полную ванну. Так что жить еще можно. Электричество не отключают, холодильник работает, как-то продержимся! Нашел стопку газет, которые невестка складывала не читая, и принялся их просматривать. Теперь никто на него не покрикивает, никому он не мешает, и впервые городская жизнь пришлась ему по душе. Вот только в куреве приходится себя ограничивать, потому что квартира не проветривается, нельзя открывать форточки — радиация. Окна плотно зашторены из-за того, что включена накрытая большим влажным полотенцем настольная лампа, — приходится маскироваться, а то, чего доброго, засечет милицейский патруль.

Осторожно отводит краешек шторы, чтобы выглянуть на улицу. Сквозь щель видно бегущую реку, старую лодку, уткнувшуюся носом в песок, ту самую пустую лодку под покосившимся грибком, где они сидели с Ксенией.

Читая газеты, он начинает жить назад, от последних дней апреля к его началу, к концу марта — назад, назад, назад! Газет надолго хватит, на подоконнике кухни их целая кипа. Последняя — новогодняя.

Сухая, присыпанная песком, который натрусили из своих сеток вертолеты, дорога к атомной. Монотонно бухают на стыках бетонных плит колеса армейской бронемашины, поблескивают на солнце узкие оконца-бойницы, к которым припало несколько пар глаз.

— Наденьте противогаз, Александр Иванович,— говорит Пузач, наклоняясь с заднего сидения к Мировичу. Тот не отзывается, и приподнявшийся Пузач, сгибаясь в низкой кабине броневика, натягивает противогаз па лысую голову, на подбородок Мировича.

Академик что-то отвечает ему, но из-под маски слов не разобрать. Пузач напряженно вслушивается.

— И вы... поберегитесь...

— Мне, Александр Иванович, уже все равно... Члены правительственной комиссии разговаривают со мной, как с подсудимым. Кто-то их против меня настроил... Врагов при моей должности хватает...

— Разберутся... Но как же вы Миколу моего не уберегли? Мама не простит.

— Вы как-нибудь да выпутаетесь. Герой. А я десятая спица в колесе. Замолвите за меня наверху словечко...

— Быстрее! Жми па всю катушку! Вскочили в зону прострела! Зашкаливает! — кричит доселе невидимый дозиметрист водителю бронемашины — маленького росточка пареньку, с нежным, почти детским лицом. Тот проворно бросает тяжеленный броневик вперед, да так, что у высокого Мировича дергается голова в противогазе, и Пузач придерживает ее руками за затылок.

Стараясь не приближаться, промчались они мимо руин реактора. Промчались на огромной скорости, под защитой брони, но Мировичу и этого было достаточно.

— Правда! Теперь уже вижу, что правда! Мой блок... Впервые в истории цивилизации... в таких масштабах...

Мария хочет сунуть водителю в руку трешку, но тот отказывается:

— Идите вы, бабушка, со своим мусором... А то отвезу туда, где взял!

Мария выбирается из кабины и сворачивает в лес.

...То, что ее Мавры нет, она увидела и почувствовала еще издалека. Хозяева разбирали коров, но Мавры среди них действительно не оказалось. Андрюха божился:

— Не продавал я ее, зараженную. И кто ее купит? Лучшее место на скотовозе выделил. Сбежала, зараза...

Швырнула в его пьяную рожу горсть песка, но он этому даже обрадовался: не подаст бабка в суд.

Городища расквартировали в Княжьем Любече — небольшом, но зажиточном селе, чей люд подрабатывает в колхозе, а живет с приусадебных участков, и прежде всего — с огромных теплиц, в которых выращивает ранние овощи для горожан. Мировичей с детьми разместили как раз у такого хозяина, на втором этаже его

домины, похожего па Ивангородский дом быта. Не успела Мария познакомиться с возившимся в теплице хозяином, как привезли скотину. Что есть духу мчалась за Маврой — и не нашла. Как же так — все мы перебрались в безопасное место, а Маврушу оставили? Столько лет кормила нас молоком, была членом семьи, а теперь бросили ее, тельную, бедную и беспомощную, в радиации, на волчьих зубы? Нет, надо ехать искать, а то совесть замучит.

....Увидела милиционеров на мотоцикле — и залегла в перелеске, втиснулась в землю, наверное, неподалеку от муравейника, потому что трава здесь просто кишит ими. Муравьи заползают в рукава, бегают по щекам. Это ведь еще не зона, — «туточки ж еще живут люди — я боюсь? Вокруг свои люди, чего я, как ворюжка, прячусь?» А все-таки переждала, пока протрещал мотоцикл, и только потом поднялась, отряхнула с одежды муравьев и двинулась дальше.

...Молоденький солдатик везет ее в танке по понтонному мосту, переброшенному через маленькую речушку. Не сказала, что пробирается в зону. «Подвези, сыночек, я не «за спасибо», на сигареты дам...»

«Я, бабушка, Азербайджан. У нас украинска денга не ходит. Нельзя денга дават, бабушка, беда...»

...Уговаривает невзрачного, с острым, как топор, личиком человечка:

— Чего тебе бояться? Я у берега выйду, а ты назад. Зато будет у тебя на правом берегу бабка Мария, хоть каждый вечер в гости приезжай: и накормлю, и напою, а главное — жинка не захватит, потому как речка. Захочешь — наберешь картошечки, у меня в погребе полная засека. Перевези старуху. Век помнить буду. Все твои грехи замолю...

— Идите, бабуля, к черту на рога! Запретили по речке лодкам плавать. Вам время о смерти думать, а не плыть на тот зараженный берег... — бурчит человечек, но по его лицу видно: размякает. И потому Мария оживает.

— Пойду, пойду к черту! Только на правом берегу. Ну, перевези ты меня, перевези, а уж до рогов его я сама, сынок, доберусь...

— И откуда вы на мою голову взялись. Не бабка, а муха осенняя, смола, подогретая чертом. Носит вас тут нелегкая...

Отвязывает лодку, вставляет в уключины весла, сбрасывает брюки и рубаху (если лодку конфискуют — домой вернется вплавь). И везет.

— Но если только обманете, бабуся, и помрете... Вы у меня смотрите, как радиацию разгонят, в гости пожалую... Заставили нас криницы позаколачивать, но я из своей воду беру, пьем - и ничего.

Все ближе и ближе родной берег с лесом, за которым спрятались Городища. Сердце у Марии билось часто и тревожно, она уже ничего не слыхала.

Бронемашина с Мировичем и дозиметристом мчит улицами безлюдного города. «Нельзя такие достижения науки, человеческого разума доверять проходимцам, карьеристам, авантюристам!» — сказал Александр Иванович Пузачу при членах правительственной комиссии. «Но к этой категории относится и ваш родной брат Николай», — огрызнулся Пузач. «Микола — жертва преступного приказа. Он виноват лишь в том, что беспрекословно подчинился вашему распоряжению».

Масштаб аварии потряс Александра Ивановича. Он понял, что ответ придется держать на уровне самых высоких инстанций, и потому завтра в Москве будет просить, чтобы его ввели в рабочую комиссию по ликвидации последствий аварии. Да еще, нужно докладывать. По-современному, беря вину и на себя, но — в меру, в меру, чтобы не зарваться. В конце концов, я и так уже наказан — суровее не придумаешь: погиб брат Микола, брат Григорий лежит в лучевой...

Мирович припал стеклянными глазами противозага к амбразуре броневика: нагромождение безлюдных домов, замки на дверях магазинов, учреждений, в щелях между бетонными плитами тротуаров, стимулированная радиацией, вымахала буйная трава. Брошенные во дворах детские велосипедки, ползунки на балконной веревке. На дверях городской гостиницы надпись: «Свободных мест нет», а двери опечатаны. На клумбе, неистово пылающей расцветшими тюльпанами, пасется брошенная хозяевами коза, забежавшая сюда с городских окраин. В высохшей чаше фонтана несколько дохлых воробьев. С десятков откормленных крыс чинно, никого не боясь, пересекли дорогу. Разбитая «Волга» под столбом, в который она врезалась. Рекламный щит кинофильма «Контрудар» над входом в кинотеатр, крест-накрест забитом досками. Сквозь высаженную витрину ресторана два милиционера выводят подростка с блоками сигарет под мышкой.

Городская Доска почета, под козырьком которой уже лепят гнездо ласточки. Солнечный отблеск от огромного стекла Доски почета резанул Александра Ивановича по глазам, и он под противозагом невольно сомкнул веки.

Раскрыл глаза.

На него пристально смотрел Микола.

Глаза брата поймали его сквозь узкую щель в броне и не отпускают. Держат крепко.

Александр Иванович кладет руку на плечо водителя, на голый солдатский погон, и тот резко тормозит. Минович суетливо старается открыть люк над головой, но молчаливый дозиметрист хватается за руки.

— Вы что? Здесь сорок пять рентген! Где-то легло пятно или попал кусочек горючего! Мы всегда мчимся здесь аллюром!

Солдатик погнался к выезду из города, но перед Александром Ивановичем продолжали стоять глаза брата. Несколько раз он заслонял ладонью застекленную щель, но Миколины глаза все так же всматривались в него. И хоть вроде бы прощающим был этот взгляд, все равно глаза пекло, а руки на острых коленях дрожали.

Бронемашина съезжает с асфальта на песчаную лесную дорогу, ведущую к Городищам. «Добро пожаловать». Стандартная украинка заученно улыбается, держа на рушнике хлеб. Свежая, подрисованная к Майским праздникам. «Добро пожаловать».

Кладбище, где лежит отец. Не успел рассмотреть отцову могилу.

У двора Миновичей солдат разворачивает броневик. Заколоченная криница. Бурьян вымахал выше окон и загородил их. Настежь распахнутый хлев. Заросшая травой тропинка. Стена, исцарапанная то ли котами, то ли лисицами,— следы ведут к дыре под стрехой. В навозной куче роятся сонные, ошалелые куры. Тут же лежит пузатая, разомлевшая от сытости и тепла лисица. Не испугалась, только лениво повела глазом и следит. Куры ходят, переступая через ее хвост, гребут сухой навоз, пыля в глаза и морду лисице, но та равнодушно поглядывает на них, словно пасет их, дожидаясь, когда в ней снова проснется голод. Пугало на грядках, в засаленной фуфайке с растопыренными руками, кажется, хочет обнять того, кто ступит на грядку. Вместо головы старый прокопченный котелок на палке, прикрытый старой шляпой. На плечах — вороны.

«Мама всегда оставляла ключ на столбике, под пустым ведром... Нет ведра, значит, и ключа не оставила... Моя пуговина закопана... в зоне...»

Худой, обвешанный репьями, с исцарапанной мордой Пушок выскочил из бурьяна и, поднявшись на ступеньки крыльца, свирепо рычит на незнакомую машину.

Александр Иванович махнул водителю: поехали. Большие виновато-серые глаза Микола снова смотрели на него, будто Микола старался распознать: брат это под противоголом или нет?

Затрещало под тяжелыми колесами бронемашинны корневище, брызнуло соком па броню, песок. В лесу, в песчаной колее, лежал мертво-рожденный теленочек, подле которого выжидающе расселись голодные псы и вороны. Объехали, ломая кусты орешника и глода, выскочили на трассу, где поблескивала черной краской «Волга».

Александр Иванович долго вытаскивает из бронемашинны свое неловкое тело, водитель и дозиметрист подсаживают его в люк. Мирович перебирается в машину, но противогаза не снимает.

Что-то мешает ему дышать и думать, а что именно — забыл: Миколин ли взгляд, или резиновая маска на лице?

В Княжий Любеч, куда эвакуировались Городища, автолавка привезла для переселенцев дешевую одежду. Торгуют у клуба, разместившегося в старой церкви, с которой снимали кресты, починили дырявые купола, поштукатурили, а затем оборудовали в ней залы для танцев и для кино. Городищенцы примеряют ситцевые платья, простенькие халатики, слежавшиеся на складах мужские брюки и рубашки.

Федор под забором клуба обкашивает бурьян. Он ждет маму. Чтобы меньше нервничать, чтоб быстрее бежало время, одолжил у хозяина косу и сражается с крапивой и полынью возле клуба. Обдав его горячей песчаной пылью, рядом останавливается микроавтобус с надписью: «Телевидение». Федор продолжает косить. К нему подскакивает корреспондент с микрофоном, бородатый человек наводит на него кинокамеру.

— Мы знаем, что вы эвакуированы из опасной зоны, что вы родной брат погибшего на трудовом посту Николая Мировича и брат героя-пожарника Григория Мировича, который не дал огню перекинуться на соседние блоки и спас всех нас от еще большей беды. Вы пережили потери, эвакуацию, но уже приступили к работе... Наверное, вас с братьями так воспитали? Что можете об этом сказать?

Лицо Федора напряглось, на скулах резко обозначились и заиграли желваки. В глазах вспыхнуло страдание немого, который старается что-то сказать. Хочет, да слова умирают не родившись. Молча смотрит на камеру.

— Хорошо, тогда скажите, мечтаете ли вы вернуться в родное село? Ведь это временные трудности, которые необходимо перебороть?

Из-за спины Федора высовывается головка Тарасика.

— Дядька Федор все знает и понимает, но не говорит...

Мария как раз вышла к тропинке, ведущей к Городищам, как услышала гул мотора и увидела — из села вырвался зеленый танк, только на резиновых колесах. Наученная за долгий свой путь из

Княжьего Любеча до Городищ осторожностью и страхом, что ее могут вернуть, отошла в лес, спряталась за толстые стволы сосен. Зачем было нас вывозить? Все цветет и зеленеет, как и в Князьем Любече. Берег — как ковер, не вытоптаный дачниками. Тихо, хорошо, теплая земля под ногами — только жить и жить».

Бронемашина обдала ее горячей бензиновой гарью, обсыпала песком из-под колес. Из узенькой щелки на Марию глянули огромные ужасные и холодные стеклянные глаза. Не заметили ее за сосной, слава богу, не заметили, пусть себе едут. Для них зона, а для меня родная земля... Хоть бы скорее стемнело, чтобы потихоньку зайти в свою хату, она защитит, примет, согреет душу. Пусть только стемнеет.

Может, и Мавра ждет, разродившись в хлеве...

Вышла на полянку, густо поросшую чернобылем. Невдалеке, под крутым берегом, тихо всплескивала речка, над головою сплелись кронами сосны. Знала и любила это место, но давно здесь не была. Потому что за лето его вытаптывали дачники, прячущиеся здесь от зноя, оставляющие головешки от ночных костров. Теперь здесь зеленело, как тогда...

...Май. Хрущи запутываются в косах. Только начнешь дремать, а уж хоть один, да обязательно шевелится, шуршит возле уха. Маленький Сашко засыпает, едва коснувшись подушки, но всякий раз успевает попросить: разбуди, когда тато придет с войны... Я хочу из его автомата пострелять...

Городища уже отпраздновали Победу. Два дня играла гармошка на площади, где сейчас автобусная остановка. Гармониста и кормили с рук, и поили, чтобы только играл без перерыва. Цвели сады и золотилась пыль, взбитая ногами танцующих. Ходила на круг и Мария с Сашком, танцевала до упаду так, что на плечи, на лицо, на голые икры налипала песчаная пыль и домой она возвращалась обессиленная и золотистая, словно отлитая из янтаря. Укладывала Сашка, а сама в полночь бежала к реке, чтоб искупаться и к приезду с войны Ивана быть чистой. Вот здесь оставляла одежду, здесь под месяцем растирала свое молодое тело грубым домотканым рушником, слушала речку, и лес, и саму себя, с трудом веря, что пережила такую войну, что ее Иван живой, что все самое страшное уже миновало. Теперь только и жить, множить детей да любить своего Ивана.

В тот день, в мае, Мария затеяла на речке большую стирку — здесь, под берегом, на гранитном валуне. Ног под собой не чуяла, навалив на рядно кучу чистых занавесок, простыней, Ивановых и Сашенькиных рубашек — выстирала все, что нашла в хате, точно

войну со всего смывала. Пришла на эту поляну и вытянулась на мягком чернобыле. И, наверное, успела задремать.

Проснулась, почувствовав, что кто-то, дыша прямо в лицо табачным перегаром, склоняется над ней. Подхватила, увидела незнакомые черные усики. И изо всех сил залепила ладонью по смуглой мужской щеке. А он смеется и качается на молодой траве.

— Ура! Вот это, вижу, моя Мария!

Иван! Живой Иван! Ноги слабеют, и она падает па него.

Поляна раскачивается под ними, как шаткий челн на воде. Шершавые Ивановы поцелуи (усы колючие и щекотные одновременно!). Отлетела в кусты Иванова палочка. Усмиренная мужскою ласкою и опьяневшая от радости, только и успела прошептать:

— Иваночку! Медаля отстегнулась и колет меня в грудь булавкой...

А в феврале, на сретенье, уже качалась под потолком их хаты зыбка с Миколою. Качалась, как часовой маятник.

— Ой Микола... Микола... В радости тебя зачала и легко родила. Думала — будешь самым счастливым... А теперь хоть бы косточки твои найти и похоронить на нашем кладбище. У твоего товарища, Паливоды, хоть могилка есть, к нему смогут прийти на поклон жена, детки. Придут Дмитрик и Нина, если путящими вырастут в этом безумном мире, где мы на свою же голову столько всего наготовили... — произнесла Мария вслух. Легко нашла то место, где лежала с Иваном на двенадцатый день мая сорок пятого, и, упав на колени, опустила на теплую землю, с облегчением вытянув свое уставшее тело.

Увидела под кустом уже полинялый женский платочек, вышитый по краям красным крестиком. Где ж я его видела? Кажется, у Олеси. Действительно, у Олеси. В прошлом году купила в лавке батиста, нарезала его на носовые платочки и обшила крестиком. Когда же она туточки побывала? В этом году, недавно... Наверное, когда деда хоронили... Засунула платочек в карман пиджака: выстираю и отдам внучке.

Мария проснулась от того, что кто-то дышал ей в лицо. Спокойно открыла глаза и увидела перед собою... исцарапанную мордочку Пушка. Он, радостно скуля, лизал ей руки и лицо, качался в бурьяне, ползая вокруг нее. Мария ловила его руками, прижимала к груди: какой же ты худой, все косточки можно пересчитать... Сейчас пойдем домой, накормлю тебя...

Почуяв людской дух, пузатая, разжиревшая лиса лениво и неохотно поднялась с навозной кучи, посветила глазами и отошла к усадьбе дачников. Улеглась под кустом калины, на которой висят

старые носки, стоптанные башмаки и пляжные шапочки,— но калина все равно зацвела. Лиса лежит и следит за Марией.

Опасливо оглядываясь, неся на руках собачку (ох и въедливый же щенок, лиса всю морду ему порвала, а он все старается ее выжить со двора!), женщина входит и хату.

Князьим Любечем помчала машина «скорой помощи», круто развернулась у двухэтажного помпезного, но безликого и, кажется, лишенного души дома, хозяева которого приняли на временный постой Мировичей» Железные ворота, железный высокий забор. Откормленный псина выскочил на кирпичную будку, встал лапами на ворота и залаял, брызжа слюной на мигающий красный крест над передним стеклом машины.

Хозяин недавно вернулся с киевского базара и теперь сидел в просторной комнате за столом, разглаживая ладонями мятые деньги и раскладывая их на кучки, чтобы легче было считать. Кого там несет? Кого-то еще хотят подселить? Пятерых детей взял, старуху, двух молодиц, девку, глухонемого. Для районной газеты интервью брали... Кого там принесло?

К ним, в цыганский табор, гости. Кликнул квартирантов. Вышла одна из молодиц... Надо посчитать деньги. Только одна полусотенная купюра, остальное — мелочь бумажная. Правда, много.

Одарка вышла к машине. Человек в белом халате, наброшенном поверх костюма, направился ей навстречу.

— Вы из Мировичей? Нужен брат или сестра Григория. Срочно! Утром его будут оперировать — пересадка костного мозга. Брат или сестра. В аэропорту ждет самолет.

— Федя! Федор! Нам надо ехать спасать Григория.

Но Федор уже стоял за спиной Дарочки. В темноте он не мог понять, о чем идет речь, но чувствовал: кому-то надо помочь, кровь отдать, или кожу, или, может, саму душу... Надо!

— Вот только попрощаюсь с детьми.— Одарка метнулась в дом. Олеся и София Паливода выгребли последние рубли, насильно всунули ей в руку. Поцеловала сонных детей и выбежала на улицу.

Свирепый псина снова встал лапами на ворота и долго лаял вслед «скорой помощи», из которой выглядывали Дарка и Федор.

— Может, много этого мозга нужно... так мы вдвоем, с братом, с Федором, - повторила Дарочка еще раз.

Свет Мария не включала — в селе дежурит милиция, увидят — и вывезут. Поела холодной почерневшей картошки, оставшейся в чугуне с поминок. Достала из холодильника остатки колбасы и

накормила Пушка. Он глотал не жуя, с веревочками, давился и скулил.

В хате к ней понемногу возвращалась уверенность. Здесь все было родным, защищало, возвращало мыслями к той, доаварийной жизни. Ей казалось, что эти стены знают о ней все, помнят ее молодой и сильной, как весенняя вода, больной, как болото, упрямой, как бараний рог, доброй и всепрощающей. Они слышали ее бабий вой до полуночи, когда Иван загулял с Настей и та родила от него Василя. Только стены и знали, что я ему, паразиту и юбочнику, все прощу, только бы вернулся домой, не повыцарапываю его цыганские зенки, не плесну в его писаную рожу кислотой, а нагреею воды, чтобы отмылся, чтобы не несло от него Настей. Наверное, радиация пропекла каждую косточку хаты, но держится отчий дом, не падает.

Мария подумала, что теперь ей жить — только ночью, как сове, днем на улицу не покажешься. И ничего туточки не изменишь. Набрала в погребе мешочек картошки, оделась в черное и принялась досаживать огород. «Если бы можно было позвать Мавру, обкричала бы весь лес, она бы услышала меня, пришла, но должна молчать, как Федор. Ищи, Пушок, Мавру, ищи, не вертись рядом со мною...»

Сажала ровными рядами, в неглубокие ямки, потому что картошка из погреба, не прогретая на солнце, едва лишь выбросила худосочные ростки. Ничего, земля согреет. Беда, конечно, бедою, но картошка родить долита, без картошки нельзя, без нее и войну не пережили бы.

Когда Пушок настораживал уши, внюхивался в ночь, Мария поспешно пряталась за пугало и замирала не дыша, а потом снова принималась за работу: сажала вдоль дорожки подсолнухи, сеяла бурак, укроп и петрушку — возвратятся дети и внуки, а у нас в огороде все растет. В дом вернуться, а не на пепелище. Першило в горле, но кашлять боялась. Пушок куда-то подался. Только бы бездомные собаки не порвали ему бока, слышала, гицели будут их отстреливать по вымершим селам, надо Пушка в хате запереть.

С огорода пошла в хлев — может, Мавра уже ждет меня? Нету. Сонные куры сидели по краям пустых яслей. Одну за другой перенесла их на насест, а то туточки их и лиса, и куница достанут. Куры не кричали, не кудахтали, только хрипло шипели и трепыхали крыльями. Села па спинку яслей: господи, сколько ж у нее всегда было забот по хозяйству, а тут раз-два — и уже делать нечего, хоть руки складывай и в гроб ложись. Может, сходить к Ивану с Дмитрием? София говорила, что сегодня у них как раз девять дней. Одна баба на все Городища — вот тебе и поминки.

Мария хочет набрать охапку сена в другом конце хлева, бросить его в ясли, может, придет-таки Мавра, и натыкается рукою на что-то

твердое под стенкою. Быстро разгребают сено — под оббитой глиняной стеною стоял дубовый крест. «А я, Иван, все у тебя допытывалась, куда делся дубовый брус, что остался с того времени, как строили крыльцо? Он пропал, когда ты начал худеть и таять на глазах. Так вот почему ты запирался по ночам в клетушке, курил, кашлял и что-то строгал. Значит, знал». Настя сказала. Она как раз тогда умирала, и я погнала тебя: иди попрощайся, ирод! Передавали, Настя велела: не задерживайся туточки, потому что я там тебя жду, уже без Марии... Отшлифовал дуб, проолифил. Дерево сухое, вывяленное — аж звенит. И радиация его не возьмет...»

Мария отвязала от металлического кольца в яслях веревку, обмотала ею крест, перекинула концы веревки через правое и левое плечо и взвалила крест на себя. Тяжело ступая и пошатываясь, пошла со двора.

Крест тер спину, вдавливался в позвоночник, но она, сцепив зубы, хватаясь рукой за забор, несла его, маленькая и сгорбленная, через вымершие Городища, в которых завывали голодные собаки, трепыхали крыльями куры, спавшие на деревьях, сновали по дворам лисицы. У заборов уже отцветали деревья, крест все время задевал поперечиной за низко растущие ветви, и цвет осыпал Мариины плечи, ее черный платок, сам крест, мокрые от пота руки, посиневшие под врезавшейся в них веревкой.

«Я и там, Иван, найду тебя с Настей, уведу от нее, только, на твое счастье, — не имею права сейчас умирать. Видишь, что делается? Там лежать может каждый, а ты бы попробовал здесь пожить... Никудышная я стала, а крест точно каменный. В первое военное лето, когда думала, что стала вдовой, мешок картошки аж в Киев носила, чтобы выменять на хлеб. А к утру домой возвращалась. А сколько дубовых колод перетаскала из лесу во двор... Запаршивела баба. Чего они так испугались этой радиации — ведь нету ее или я плохо вижу?»

Она часто останавливалась, опускала крест на землю, замирала под ним, прислушивалась, как он давит на нее всей своей тяжестью. Временами казалось, что вот-вот он совсем ее придушит, что она уже никогда не поднимется. Но понемногу успокаивалось сердце, выравнивалось дыхание. Мария мысленно вроде бы заговаривала крест, чтобы он стал легче, потому что она должна его нести, а значит — не стоит ему сопротивляться, ведь лучше быть крестом на могиле, чем сгореть в печи...

И таки дотащила его до кладбища, опустила на землю и увидела, что могилы Ивана и Дмитра вытоптаны и перепачканы коровьими лепешками. Сгребла высохшие кизяки, отнесла их под

забор, откуда на нее зарычал пес, дремавший у кучки куриных перьев. Она с ним заговорила — и он успокоился.

Долго подгробала песок на обеих могилах. Делать это голыми руками было трудно, и потому она объединила могилы в одну, тем более что по ночному времени Дмитра похоронили слишком близко от Ивана. Вырыла посредине углубление, на веревке подтащила крест к могиле.

«Если повстречаешь, Иван, Миколину душеньку, не скупись на ласку — приголубь, успокой, а то знаю я тебя: только бы наряды раздавать да покрикивать. Хоть теперь пригрей. И Миколу, и Дмитра. О них, бедненьких, сегодня газета из Москвы написала. Иду я сюда, домой, милиционеры мне повстречались, не пропускают. А один сидит на мотоцикле и газету читает. А с газеты на меня смотрит Микола... И Дмитра впервые увидела. Говорят, если бы не наш Гриць с товарищами, то всю область пришлось бы вывозить... Не поверили, что я их мать, завернули, но я лесом обошла. Потому что у них карта, а у меня ноги дорогу знают. Вывезли нас, Иван, отсюда. Далеко, за сто километров. Хорошо, что земля у нас большая, а кабы маленькая, тесная? Куда тогда ехать? За границу? Проситься к чужому пароду? А если он не примет, посчитает за нахлебников? Куда тогда? На Луну? Так ведь и там то же самое... с земли ночью видно, как брат на брата вилами замахивается, помнишь, видели мы, когда простаивали с тобой у моих ворот и ты одну меня любил? Вот каким, Иван, стал мир после твоей смерти. Нельзя в нем оставлять детей одних. Должна жить как проклятая...»

Из последних сил Мария подняла крест, поставила его вертикально, подгробла ногою песок, обтоптала и без сил повисла на дубовой перекладине.

Домой вернулась, когда над Городищами, над лесом, над зоной светало. Заперла двери на засов и, не раздеваясь, легла на скрипучий диван. «Проснусь ли, если засну? Чего не сделала? Картошка уже растет, крест стоит, Пушок накормлен. Отчего это меня так мучает тишина? Потому что никого, кроме тебя, в Городищах нет. А, вот оно что — часы не идут. Не достает их монотонного тиканья, не засну без него».

Встала, подтянула гирьку, качнула маятник. Теперь можно жить. Задерни занавеску на окне, может, милиция будет делать обход, заглянет.

Мария подошла к окну. Задернула занавеску, и в это мгновение залаял Пушок у порога. Вот и все, похозяйничала!

Дрожащей рукою сделала щелку, чтобы выглянуть в окно. И — увидела перед собою белую Маврину звездочку на лбу. Посреди белой звездочки запеклась кров.

«И откуда только оно берется, такое тупое, бездушное?» — думала Ольга Мирович, изнемогая от ожидания, а вахтер их специализированной больницы продолжал внимательно изучать ее удостоверение. Знает же Ольгу в лицо, а корчит из себя пограничную заставу. Наконец поверил!

— Я вам свое фото подарю, изучите на досуге. Меня больные ждут... — сказала, пряча удостоверение, но вахтер промолчал, проверял документы уже у медсестры из ее отделения.

Знала, что больница на особом режиме, что дай волю вахтеру — и он будет проверять даже биографии сотрудников, но за десятку пропустит постороннего. Знала, но... не сегодня, не сегодня...

В полночь Григорию стало совсем плохо. Вчера у него начала темнеть кожа, появилась пигментация. Только пересадка костного мозга! Только пересадка. Только молодой, сильный мозг! Федор! Группы Григория в больничном банке нет... Есть Федор... Найду ли его?

Ольга приоткрывает двери бокса, где лежит Григорий.

На белой подушке, на пододеяльнике, по белому пластиковому полу рассыпались его черные кудри. Как черная пена, упавшая на снег. Видела, как лысеют на глазах молодые парни, понимала, что это произойдет и с ним, но... Ведь еще вчера, перед уходом домой, причесала... Прядку волос он сейчас стискивал в почерневшем кулаке правой руки, свободной от капельницы. Почему-то подумала: скажу санитарам, чтобы не выбрасывали волосы... Наталка просила отдать ей... если это произойдет. Произошло. Сегодня снова встретит меня, когда выйду из больницы, и будет просить: спасите! Солгать не смогу. Наталку тоже необходимо обследовать... Хватанула и она.

Григорий лежал, отвернувшись лицом к стене, лысая, с потемневшей кожей голова втиснута в подушку, шея сморщилась и покрылась пятнами. Не глядя на свою руку, он с трудом поднял ее, разжал кулак, из которого посыпались кудрявые волосы, упали на лысую голову, а с нее — на подушку.

— Не мучай себя этим, Гришуня. Вон Сашко всю жизнь, считай, без чуба — и ничего. Любила и люблю. Твоя Наталка вчера сказала: если я отбила его у всех соперниц, то отобью и у белокровия. Сейчас прилетит Федор. Оперировать тебя буду я. В присутствии известного американского хирурга. Так что выскочим, Гришенька. А чуб для мужчины — лишняя роскошь, только морока с ним. Еще свадьбу твою отгуляем...

— А почему не приедет Микола? Почему ты мне ничего не говоришь про Миколу?

— Они все эвакуированы. Из города, из района. Сашко вчера туда летал, был в Городищах - всех вывезли в безопасное место.

Начались работы по ликвидации последствий аварии. Вся страна поднялась. Наверное, Микола там. Сашко и Наталья рвутся к тебе, но ты же знаешь — нельзя. Ни один посторонний человек не имеет права переступить порог пашей больницы.

Григорий слабой рукой перебирает опавшие на подушку волосы, складывает их в кучку. Медленно повернул лицо — оно полностью стало землистым, под глубоко запавшими глазами черные круги, на лбу резкие, изломанные над переносицей морщины.

Двери бокса приоткрылись: молодой ассистент позвал Ольгу.

— Мы еще соберемся в Городищах, еще потопчем спорыш на твоей свадьбе...

— Ольга. Если я выживу, дети у меня будут? Не обманывай, я выдержу...

— Извини, главный вызывает. Наверное, американец приехал. Тот, что шутит: атомный век — это век больших семей, чтобы было у кого брать костный мозг, иначе не выживем. Я сейчас вернусь, Грицько. Я мигом...

«Теперечки пусть выгоняют меня из Городищ или вывозят. Все равно,— подумала Мария после того, как отдала Мавре полведра последней, набранной еще Федором воды, но корова не напилась.— Живем, считай, на воде, а умирать будем от жажды». Хотела обмыть распухшее Маврино вымя, в котором запеклись молоко и кровь на царапинах (сколько же ты шла, Мавруша, лесами и чащами, и не перехватили тебя, не поймали?). А воды нет, криницу Федор заколотил, как домовину. Бок у Мавры ободраный, отпарить бы, а ее и напоить нечем. Дожилась: считали воду врагом, а теперичка жажда мучает...

Мария вспомнила, что в погребе есть березовый сок, Федор в марте наносил из лесу. Подогрела его, распарила Маврино вымя. «Сок чистенький, не зараженный, Федор набирал еще до аварии. Не бойся Мавра, терпи. Теперечки всем тяжело: и людям, и скотине. Всем, у кого есть душа, больно...»

Осторожно касалась Мавриных затвердевших сосков, гладила их, прощупывала, разминала. Корова оглядывалась на нее, толкала губами в плечо, вздыхала и постанывала. Первое молоко было кровавым, потом по ведру ударили малиновые струйки и только после этого белые, но пена поднималась бледно-вишневая, густая, пузыри не лопались, а, превращаясь в шарики, выпадали из подойника.

На пороге хлева жадно принюхивается к молочному духу Пушок, его белый, весь в репейниках хвост подмел землю дочиста.

— Не подлизывайся, не дам. Откуда мне знать, где Мавра паслась? Наталья говорила, что сейчас молоко — отравка. Не уговаривай меня, не дам, и сама пить не буду, хоть и мучит жажда.

Мария идет с ведром на задворки, выливает молоко в кусты чернобыля. Зеленые злаки тут же становятся белыми, потом на глазах седеют, потому что стебли и листья его покрываются серебристой пленкой. Молоко по стеблям стекает на землю, собирается в ямки, наполняет их до краев. Уже не молоко, а рыжая сукровица течет дальше, оставляя жирный, ржавый след. Пушок нюхает его и глядит на Марию. Потекло под старую яблоню, под ее растрескавшийся, побеленный известью ствол.

«Даже когда все наши Мавры паслись на полыни, все равно было молоко. Кривились, но пили. И сил прибавлялось. А теперь отравка».

Она снимает со стены фотографии своего рода, вынимает их из рамок и складывает на столе. Дети улыбаются ей, притворно дерутся, беззаботно позируют, мальчики демонстрируют силу и отвагу, Дарочка — тихую покорность. Все они перед нею, молодые, красивые, еще не битые жизнью и временем, напоминают Марии о том, что и она не всегда была бабкой, потому что все они пошли от ее молодой крови.

— Что с тобою будет, семья моя? Разорвало, разбросало тебя, словно большую и страшную войну пережили. С убитыми, ранеными, пропавшими без вести. И без земли остались, будто войну эту проиграли. Злые языки болтают, что и Сашка могут посадить, снять его с Героя. Неужели только Федя останется, потому что все они были там?.. Неужели только Федор? Он не сможет рассказать никому, кто мы, Мировичи, такие. Как жили? Что исповедовали? Почему исчезли?

Завязывает фотокарточки в белую простенькую хустку, пустые рамки развешивает по местам и долго сидит под ними, закрыв глаза и покачиваясь перед погасшей свечой, оставшейся на столе с поминоком.

— Теперь можно идти. Теперь я нужна в Княжьем Любече. Туточки уже нет жизни. Ни мне, ни Мавре, ни Пушку. Там хоть похоронят по-человечески... Надо идти. Мавра подвернула ногу, но нужно, потому что туточки уже ни травы нет, ни воды.

Она еще раз перебрала фотокарточки, нашла одну большую, на которой вся семья снята у хаты (на Иваново пятидесятилетие приехал даже Сашко из Москвы), и выставила ее в окно хаты — пусть выглядывают на улицу.

Достала из сундука одежду, приготовленную на свои похороны, затолкала ее в полиэтиленовый мешочек, положила туда же узелок с фотографиями и вышла из хаты.

Заперла ее, положила ключ на столбик, накрыла подошником. «Чтоб не искать потом, когда вернемся, не забуду — всю жизнь там прятала».

Вырвала пучок чернобыля, тоже сунула его в мешочек. Обвязала Маврины рога веревкой, оставила открытым хлев, чтобы куры прятались от лисиц и яйца несли на обед, когда вернемся...

Крепко замотала на руке другой конец веревки, прицепила Мавре на рог мешочек и смело, не крадучись уже, никого не боясь, направилась в сторону речки. Мавра прихрамывает, но тащится за хозяйкой. Пушок трижды оббежал хату, надышался запахом родного двора и помчался за ними.

Мавра порывается напиться из реки, но Мария удерживает ее за рога.

— Не дури! Нельзя, Мавруша! Это уже не та вода. Думаешь, я бы не набросилась на нее сейчас? Потерпи. Переплывем, и напою тебя из первой чистой криницы...

Мария заходит по шею в воду, Мавра упирается, но ее тащат что есть силы. Нервничает, гребет песок и хрипло лает Пушок, но, увидев, что Мария с Маврой уже поплыли, бросается в речку.

Она выросла у реки, с детства умела плавать, но намокшая одежда тащила ее вниз, руки слабели, она часто глотала воду, захлебывалась ею и потому ухватилась за Маврин рог, и корова не оттолкнула ее, но, кажется, даже старалась помочь.

Непокрытая, белая, будто облитая Мавриным молоком, женская голова плыла рядом с коровой, рога над которой торчали наподобие антенн. Мешочек подпрыгивал на волнах и поблескивал, словно чешуя огромной рыбы, несущей на себе женщину к противоположному берегу.

Течение сносит их, они перестают сопротивляться воде. Тяжело сопит Мавра, свободной рукой Мария ловит за шерсть Пушка, и тот отчаянно молотит лапами, чтобы не утонуть.

Речка вынесла их на узкую песчаную косу, и они попадали на мели. Мавра пила воду, и Мария уже не запрещала ей этого, она лежала, положив голову седую на мокрый песок, а тело оставалось в воде, в теплой воде, тихо ласкающей ее ноги и руки, будто их облизывал новорожденный теленок. Пушок вытряхивал из шерсти капли, брызгал Марин в лицо, но она не сердилась — спаситель мой маленький, не оставил меня...

Виталий АРАПОВ

ПОДВИГ

Самоотверженные действия советских людей по ликвидации последствий аварии на АЭС газета «Правда» назвала подвигом. Воистину справедливая оценка.

Первый удар на себя приняла военизированная пожарная часть АЭС. Пожарные сражались изо всех сил. Они понимали, на что шли, оказавшись в самом пекле смертоносной радиации. И героически отразили натиск огненной стихии, не дав свершиться худшему — распространению пожара на соседние блоки.

Что и говорить, тяжкий им выпал жребий. Но за плечами у них были дети, жены, матери, близкие, весь отчий край, который они заслонили собой. Майор Л. Телятников, лейтенанты В. Правик и В. Кибенок, старшие сержанты И. Бутрименко и В. Игнатенко, сержанты В. Тищук, Н. Титенок, рядовые Н. Ващук, А. Половинкин и другие защитили саму жизнь.

Суровый экзамен держали все. От председателя правительственной комиссии до рабочего, от генерала до солдата. Ибо все, каждый на своем месте, решали исключительно ответственные задачи.

В мужественной борьбе в Чернобыле участвуют авиационные, химические и другие специальные подразделения Краснознаменного Киевского военного округа. Они ведут радиационную разведку, дезактивацию Припяти и Чернобыля, других населенных пунктов, промышленных сооружений, дорог и техники, подвозят различные грузы в район станции, выполняют работы в зоне реактора. Каждый исполнен желания внести свой посильный вклад в ликвидацию последствий аварии и глубоко убежден в успехе. Ведь нет такой стихии, которая бы не покорила силу человеческого разума, воинского духа.

В сложных, или, как сейчас говорят, экстремальных условиях во всем величии и полноте проявляются наш советский характер, лучшие черты вооруженных защитников Родины. С чувством высочайшей ответственности и долга воины идут на выполнение заданий, связанных зачастую с предельным напряжением духовных и физических сил, зная, что своими действиями они предотвращают беду, спасают жизнь многих людей.

В основе многих боевых и трудовых подвигов народа, воинов нашей армии всегда лежала и лежит высокая идейная убежденность. Она ярко проявилась в величайшей из побед человечества — в победе Октября, в разгроме интервентов и белогвардейцев, в великой

победе над германским фашизмом. Она — в создании турбин Днепрогэса, домен Магнитки, в строительстве газопровода Уренгой — Помары — Ужгород и стройке века — БАМе, в преобразованиях Нечерноземья, в создании рукотворных морей и космических кораблей. Она — в экономическом и оборонном могуществе Страны Советов, в нерушимой дружбе и интернациональном единстве наших народов, в красоте нашей жизни.

Небывалой идейной стойкости и мужеству советского человека всегда поражались его недруги. И ничем не могут ее объяснить. В бешеной злобе они вырезали звезды на телах бойцов революции, жгли огнем, пытали раскаленным железом и, сатанея, хрипели: «Отрекись!» В ответ звучало гордое и непоколебимое: «Нет!»

В годы тяжких испытаний Великой Отечественной войны, смертельной опасности, когда решался вопрос, быть или не быть Стране Советов, когда необходимо было решительно подняться навстречу будущему огню, шагнуть в него, выстоять в борьбе и победить, раскрывались лучшие черты советского человека — подлинного патриота и интернационалиста. Эта главная традиция жива и поныне.

События на Чернобыльской атомной электростанции всколыхнули всю страну. Советские люди, как и всегда в трудное время, протянули руку помощи тем, кто непосредственно занят в ликвидации аварии. С пониманием и сочувствием следит за ходом работ на АЭС и мировая общественность. Но враги мира и прогресса развернули злобную кампанию клеветы, сея неприязнь и недоверие к нашей стране, ее миролюбивой внешней политике. Нашу беду антисоветчики использовали в своих человеконенавистнических целях. Смешны потуги империалистических крикунов бессовестно исказить правду о событиях в районе Чернобыля. Никакой паники, как утверждал кое-кто на Западе, здесь нет и не было. Наши люди вновь предстали во всем своем мужестве и величии, работают уверенно, проявляют образцы подлинного героизма.

...Представитель правительственной комиссии поставил задачу командиру отличной механизированной роты коммунисту капитану Петру Павловичу Зборовскому:

— На аварийном реакторе создалась критическая ситуация. В специальном резервуаре под ним, возможно,— вода. Если не выдержит бетонное основание, может случиться непоправимое. Вам предстоит в кратчайший срок найти правильное решение и организовать откачку воды.

— Я понял вас,— ответил офицер.— Приступаю к выполнению задачи.

Почему же такая ответственнойшая работа была поручена капитану Зборовскому?

Решающую роль здесь сыграли его морально-политические и деловые качества,— говорит генерал-майор А.Ф. Суятинов,— умение быстро ориентироваться в сложной обстановке и принять единственно верное решение.

Командуя трубопроводным и пожарным взводами, а затем и ротой, офицер приобрел богатый опыт. На тактических учениях, занятиях не раз действовал в сложных ситуациях и выходил победителем. Теперь ему предстояло применить знания и практические навыки в бою с разбушевавшейся атомной стихией.

Бронетранспортер доставил капитана Зборовского и двух добровольцев — младшего сержанта П. Авдеева и ефрейтора Ю. Коршунова — к месту, где предстояло проникнуть в помещение, ведущее к резервуару. Приборы радиационной разведки показывали, что безопасным пребывание у бетонной стены может быть не более нескольких минут. Смелчаки начали работу, сменяя друг друга. Но вот отверстие проделано, и капитан Зборовский шагнул навстречу неизвестности. Вскоре он предложил правительственной комиссии надежный вариант откачки воды, который был утвержден.

После тщательной подготовки к работе в зоне повышенной радиоактивности началась борьба с серьезной опасностью — водой под реактором четвертого блока. И постоянно коммунист Зборовский показывал личный пример. Глядя на командира, четко действовали офицеры В. Котенев, А.Злобин, П. Акимов, младшие сержанты А. Олейник, Б. Нанава, ефрейтор В. Молодцов, рядовые М. Гарифулин, А. Марчарян, А. Ахмедов и другие воины. Все они с честью выдержали испытание. Через некоторое время капитан П. Зборовский докладывал заместителю председателя Совета Министров СССР И. Силаеву о том, что большая часть воды откачана. От имени Центрального Комитета нашей партии и Советского правительства товарищ Силаев объявил мужественному офицеру и его подчиненным благодарность.

На оправданный риск шел военный летчик-снайпер полковник Николай Андреевич Волкозуб.

В очередной сводке Совет Министров СССР сообщил: «В течение 10 мая на Чернобыльской АЭС продолжались работы по ликвидации последствий аварии. В результате принятых мер существенно снизилась температура внутри реактора...»

Но каким образом удалось замерить температурный режим? Ведь не спустишься в огнедышащее жерло с градусником! Именно такую манипуляцию с прибором и требовалось проделать. Созрело

решение: опустить его с вертолета на подвеске. Задание крайне сложное и опасное. От пилота требовалось высочайшее мастерство и мужество. Этими качествами в полной мере наделен офицер штаба ВВС округа, военный летчик-снайпер, мастер вертолетного спорта, коммунист, полковник Н. Волкозуб. Его тридцатилетняя работа авиатора, высокая личная дисциплина и исполнительность отмечены орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени.

На задание он шел с сознанием степени риска. Она была высокой. Обстановка вынуждала летчика к работе в крайне критическом режиме. Но в том и сущность подвига, что ради спасения других человек сознательно рискует собой. Всего шесть минут потребовалось полковнику Волкозубу, чтобы с высоты более 300 метров прицельно опустить в реактор закрепленную на тросе термопару. Потом он еще выполнял полеты над кратером. Каждый был очередным испытанием воли и мужества воздушного бойца.

Воспитанные Коммунистической партией, всем укладом нашего социалистического образа жизни, в духе принципа «один за всех и все за одного», все участники ликвидации последствий аварии проявляют высокие моральные и профессиональные качества. Партгруппорг роты, водитель бетоновоза, старший сержант А. Журавлев сделал в район реактора десятки рейсов; секретарь парторганизации подразделения, старшина И. Мирошниченко, являющийся техником роты, днем и ночью готовил машины к очередным рейсам в район АЭС, сам не раз выезжал на задания; заместитель командира роты по политической части лейтенант С. Уткин показал пример деловитости, активности; секретарь комсомольской организации ефрейтор С. Гайдаенко самоотверженно трудился на обваловке реки Припять, ограждая ее от дождевых потоков.

Буднично, по-деловому, сохраняя выдержку и самообладание, идут воины навстречу опасности, трудятся напряженно, возвращаются, отдыхают, готовятся к повой трудовой смене. Никто из них не пасует перед трудностями, не ропщет, никому и в голову не приходит где-то укрыться, отсидеться. Наоборот, каждый стремится быть в эпицентре событий, брать на себя ношу потяжелее.

В один из первых дней после аварии, когда обстановка на атомной станции трудно поддавалась прогнозированию и для снижения температуры реактора требовались немедленные действия, группа воинов получила задачу смонтировать установку, с помощью которой предстояло подать сжиженный азот к четвертому блоку. Поставив задачу, политработник попросил задержаться

коммунистов. Вместе с ними был и комсомолец лейтенант О. Бильский.

— Прощу считать меня коммунистом,— сказал молодой офицер. Его душевный порыв был искренним, слова шли от сердца.

Выполняя сложные задачи, воины равняются на коммунистов. В политическом отделе Н-ской части обобщен опыт работы секретаря партийного бюро батальона, капитана А. Диденко. Немногословный, выдержанный, он увлекает людей, заботится о них, находится всегда рядом с воинами.

Техническое подразделение работало круглые сутки. Когда потребовалось ночью накормить людей, капитан Диденко поехал в часть, находящуюся за десятки километров, объяснил обстановку поварам, и те поняли политработника. Посреди ночи капитан Диденко прибыл к своим подчиненным с горячей пищей.

С большой теплотой отозвался рядовой А. Звенигородский о партийном вожаке, но не сказал, что сам, соревнуясь с коммунистом рядовым Ю. Кучерявым, десять часов не покидал кабину экскаватора.

Чем сложнее комплекс решаемых задач, динамичнее обстановка, тем активнее, целенаправленнее проводится партийно-политическая работа, тем разнообразнее ее формы. Офицеру-связисту В. Ратию памятно раннее утро в полевом лагере. Командир сказал самые добрые слова в адрес офицера и его подчиненных, которые обеспечивали связь непосредственно от поврежденного реактора. Затем политработник перед строем зачитал письма сыновей Владимира Филипповича Ратия. Оба они — Эдуард и Валерий — выполняют интернациональный долг в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Они писали: «Мы вместе с тобой сейчас на переднем крае. Только что вернулись после сопровождения колонны с хлебом в очищенные от душманов районы. Теперь дехкане могут обрабатывать свои поля, засеют их. Мы понимаем, что тебе и твоим товарищам сейчас тяжело. Но уверены: выстояте...»

Да, выстояли! Чернобыль — это зона особых человеческих отношений. Людей здесь роднит и сплачивает обстановка, чем-то напоминающая фронтовую. И солдаты, и офицеры постоянно находятся в боеготовности номер один. Каждый вступит в борьбу не задумываясь, без колебаний.

«Я и мои товарищи,— говорил в первые после аварии дни старшина роты спецобработки прапорщик Валерий Удоденко,— выполняем свой долг в районе Чернобыльской АЭС. Трудности, с которыми столкнулись, не назовешь обычными, а работу безопасной. Даже по моим старшинским меркам людям трудно. Видимо, только в

таких ситуациях можно глубже понять силу преданности советского человека Родине, увидеть его заботу о своей земле, о своих соотечественниках. Когда нужно идти на самый опасный участок, то у командира роты одна трудность: кого послать? Ведь все дружно, как один, делают шаг вперед!»

Убедительно сказал прапорщик о тех, кто возвращает к жизни Чернобыльскую АЭС. Именно такие люди служат и в его, и во многих других подразделениях. Что же движет ими, вдохновляет на самоотверженность? Прежде всего — глубочайшее понимание огромной личной ответственности за судьбу народа, за состояние всего края, прилегающего к району АЭС. Ради этого они готовы и на изнурительный труд, и на подвиг. Об этом убедительно говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, выступая по телевидению: «С полным основанием могу сказать,— подчеркнул он,— при всей тяжести случившегося ущерб оказался ограниченным в решающей мере благодаря мужеству и мастерству наших людей, их верности своему долгу...»

Да, на таких сыновей Родина-мать может положиться. Они не жалеют своих сил. О красоте души нашего человека сказано немало. Чернобыль высветил новые краски. Никто из нынешних воинов и даже их отцов на войне не был, не видел противника в глаза, не смотрел ему в лицо. Они — уже второе поколение, не знавшее войны. И вот обрушилась беда с потерями. Правда, враг совсем иной, невидимый, как в засаде. Но от этого он кажется еще более страшным и жестоким, более коварным и изощренным. И никто не дрогнул из этих парней.

Самоотверженный труд, героические поступки и благородство души участников ликвидации аварии заслуживают самых добрых слов. Высокую оценку солдатам Чернобыля дал начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. Д. Лизичев, посетивший район АЭС. Встретившись с командно-политическим составом и партийным активом, он интересовался ходом работ на территории станции и в 30-километровой зоне, беседовал с воинами об условиях труда, быта, досуга, медицинского обеспечения, их планах и настроении.

— Мы приложим все силы,— заявил рядовой Владимир Искалин,— чтобы в кратчайшие сроки выполнить ответственное правительственное задание. Мои товарищи не считаются ни с чем: работают добросовестно, самоотверженно, столько, сколько требует обстановка.

Узнав, что один из воинов, водитель сержант Н. Сергиенко, подал заявление в парторганизацию с просьбой принять его в ряды КПСС, генерал армии А. Д. Лизичев сказал:

— Уверен, партийный билет попадет в надежные руки. Вы это доказываете сейчас своим трудом.

За смелые и самоотверженные действия по ликвидации последствий аварии Н-ская часть награждена Вымпелом министра обороны СССР за мужество и воинскую доблесть, многие воины удостоены премий председателя правительственной комиссии, награждены ценными подарками командующим войсками Краснознаменного Киевского округа. Сотни солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров отмечены грамотами, подарками, благодарственными письмами Киевского областного и городского комитетов, Чернобыльским, Припятским и Ивановским райкомами партии, Советами народных депутатов. Среди тех, кто заслужил почетные награды, майор Е. Ишин, капитан В. Доля, старший лейтенант В. Петелин, старшина Г. Тараненко, младший сержант Ю. Шамрай, рядовые Г. Задолжанский, Н. Верик, И. Логвиненко и другие.

В условиях сложной обстановки у советских людей вновь с обостренной силой проявилось чувство семьи единой, рожденное великой и нерушимой дружбой народов нашей страны, монолитной сплоченностью трудящихся и вооруженных защитников Родины.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

14 января в Кремле член Политбюро ЦК КПСС. Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко вручил высокие государственные награды участникам сложных и ответственных работ по ликвидации аварии на Чернобыльской атомной электростанции, удостоенным звания Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда.

Ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» получили подполковник внутренней службы Л. П. Телятников, генерал-майор авиации Н. Т. Антошкин, генерал-полковник В. К. Пикалов, ордена Ленина и золотые медали «Серп и Молот» — бригадир, машинист-оператор бетононасосов В. П. Заведий, начальник управления строительства Г. Д. Лыков, заместитель начальника цеха строящейся Ростовской АЭС Ю. Н. Самойленко, заместитель министра среднего машиностроения СССР А. Н. Усанов.

Вручив ордена и медали, А. А. Громыко сказал:
Дорогие товарищи!

Сегодня Родина славит людей необычного подвига — тех, кто проявил героизм в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции.

Да, Чернобыль был нашей общей болью. Но он же стал символом победы советского человека над стихией.

И сегодня мы воздаем должное всем, кто внес достойный вклад в решение этой исключительно сложной и ответственной задачи, кто во имя этого шел на подвиг.

Прежде всего хочу отметить, что этот подвиг массовый, общенародный.

Вместе с тем наша партия воздает должное каждому отдельному человеку. Нет безымянных героев. У каждого из них свое лицо, свой характер, свой конкретный подвиг.

Вот почему орденами и медалями награждена большая группа участников схватки со стихией. А сегодня вручены награды тем, кто удостоен звания Героя.

От имени Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства горячо поздравляю вас и в вашем лице всех награжденных за участие в этой небывалой по своему напряжению работе.

Товарищи, ваш самоотверженный и героический труд снискал вам глубокое уважение и признательность со стороны всего советского народа. Вы являетесь продолжателями славных традиций советских людей в служении Родине, примером для нашей молодежи.

Позвольте в заключение передать самые лучшие пожелания всем вам, а также вашим родным и близким лично от Михаила Сергеевича Горбачева и от всего советского руководства.

При вручении наград присутствовали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР П.Н. Демичев, заведующие Отделами ЦК КПСС Н.И. Савинкин и И.П. Ястребов, секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т.Н. Ментешашвили.

(ТАСС).

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

ВЕНА, 16. (ТАСС). Здесь в Венском международном центре началась четырехсторонняя встреча представителей Советского Союза, Соединенных Штатов, Японии и Европейского экономического сообщества по вопросам осуществления предложения СССР о международном сотрудничестве в области управляемого термоядерного синтеза. Данная встреча является практическим результатом инициативы, выдвинутой Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым в ходе его встреч на высшем уровне в 1985 году с президентом Франции Ф. Миттераном в Париже и президентом США Р. Рейганом в Женеве.

Участники нынешнего совещания обсудят вопросы, касающиеся совместного проектирования международного термоядерного реактора, представляющего собой одно из основных перспективных направлений дальнейшего развития мировой энергетики.

Советскую делегацию на встрече возглавляет заместитель председателя Государственного комитета по использованию атомной энергии СССР Б. А. Семенов.

17 марта 1987 г.

МУЖЕСТВО И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Год, прошедший после аварии на Чернобыльской АЭС, был наполнен великим напряжением для тысяч специалистов, трудившихся на ликвидации ее последствий, вернувших в строй энергоблоки станции. Мужеством и ответственностью были продиктованы и меры, принятые Советским правительством для максимальной информированности советской и международной общественности: за год было проведено свыше десяти пресс-конференций, опубликовано в газетах и журналах страны более 450 материалов.

На состоявшейся 22 апреля в пресс-центре МИД СССР пресс-конференции с сообщением о результатах предпринятых усилий и о состоянии работ на станции выступил министр атомной энергетики СССР Н. Ф. Луконин. Он подчеркнул, что для изучения причин аварии, осуществления аварийных и восстановительных мероприятий были задействованы лучшие научные, конструкторские, производственные, строительско-монтажные и эксплуатационные организации страны. В СССР были приглашены представители МАГАТЭ, которые ознакомились с положением дел на Чернобыльской АЭС и принимаемыми мерами по ликвидации последствий аварии.

Первоочередные меры предусматривали локализацию выбросов радиоактивных веществ в атмосферу, на территорию АЭС и окружающую местность, включая бассейны рек Припяти и Днепра. В результате активного воздействия на аварийный блок выбросы радиоактивных веществ в атмосферу были в основном прекращены к 9 мая 1986 года. Максимальные уровни загрязнения находились в радиусе около 10 км от АЭС, кроме того, образовались загрязненные полосы в направлении на запад и север средней шириной 10—15 километров. Дальнейшее распространение радиоактивности было локализовано в результате широкомасштабных мероприятий по пылеподавлению, дезактивации и захоронению образовавшихся радиоактивных веществ. В бассейне реки Днепр были осуществлены огромные по масштабу работы, направленные на охрану водного бассейна, построено и задействовано более 130 защитных дамб, каналов, ловушек донных отложений.

В кратчайшие сроки был разработан проект и проведены уникальные монтажно-строительные работы по созданию объекта

«Укрытие» («Саркофаг»), что полностью исключило возможность попадания радиоактивных веществ в атмосферу из аварийного энергоблока. Разработаны и осуществлены системы технологического контроля за аварийным блоком, радиометрического, дозиметрического, нейтронного контроля. Созданы также системы дополнительного контроля за объемом аварийного блока, предусмотренные для научно-исследовательских целей. Тщательное наблюдение за четвертым энергоблоком позволяет утверждать, что состояние его безопасное и находится под полным контролем.

Следующим этапом работ на Чернобыльской АЭС было проведение мероприятий по повышению безопасности реакторов первого и второго энергоблоков и осуществление их пуска. Разработаны и внедрены технические меры по повышению быстродействия и эффективности системы аварийной защиты. Подобные работы проведены также на всех блоках АЭС с реакторами типа РБМК, что исключает техническую возможность повторения аварии, подобной чернобыльской.

Внесены серьезные коррективы в методику подготовки персонала АЭС. Организованы дополнительное обучение и переаттестация, введен новый порядок подготовки и переподготовки работников АЭС. Большое внимание уделено созданию и совершенствованию специальных тренажеров для повышения квалификации кадров атомных станций. Вводится обязательный контроль за психофизиологическими характеристиками эксплуатационного персонала. Укрепляется учебно-исследовательская база этих вузов. Тем самым в цепи взаимодействия «человек — машина» повышено внимание к человеческому фактору.

Последующий пуск и эксплуатация первого и второго энергоблоков, сказал министр, показали их высокую надежность.

К настоящему времени на Чернобыльской АЭС выработано более 6,5 миллиарда киловатт-часов электроэнергии. Вместе с тем работы по ликвидации последствий аварии на станции продолжаются. Идет тщательная дезактивация и ревизия оборудования третьего энергоблока с целью проведения его профилактического ремонта.

Нынешняя весна — этап ответственной работы, связанной с предотвращением возможной миграции радиоактивных загрязнений во время весеннего паводка. Благоприятный прогноз ученых о возможности предотвращения загрязнения рек весенним паводком подтвердился.

Еще один незакрытый фронт — продолжающееся медицинское обследование. Созданный в Киеве специальный радиологический

центр ведет постоянное наблюдение за состоянием здоровья лиц, проживавших в прилегающей к месту аварии зоне, работающих на территории АЭС.

Заботой окружены люди, которых авария коснулась непосредственно. За год для эвакуированного населения заново построено 50 поселков, 13 тысяч домов усадебного типа, выделено 8 тысяч квартир в городах Киеве и Чернигове. Для эксплуатационников Чернобыльской АЭС ведется строительство нового города — Славутича. В этом принимают участие союзные республики.

Стратегическая линия в развитии атомной энергетики в СССР, подчеркнул далее министр, остается без перемен. Мы предлагаем увеличить выработку электроэнергии на АЭС к 1990 году в два раза по сравнению с 1985 годом и к 1995 году — более чем в три раза. В настоящее время в СССР, кроме действующих, строится одиннадцать атомных электростанций, в основном в европейской части страны. Широкомасштабное внедрение атомной энергии в СССР предусматривает также развитие использования реакторов на быстрых нейтронах с возможностью воспроизводства ядерного топлива.

Непререкаемый урок Чернобыля, напомнил Н. Ф. Луконин, состоит в том, что в условиях дальнейшего развертывания научно-технической революции вопросы надежности техники, ее безопасности, вопросы дисциплины, порядка и организованности при эксплуатации сложной техники приобретают первостепенное значение. Хотя по своим масштабам и последствиям авария на Чернобыльской АЭС не идет ни в какое сравнение с ядерным взрывом, она показала всему миру, насколько опасна энергия атома, вышедшего из-под контроля. Ее тяжелые последствия напомнили об ответственности всех государств за предотвращение ядерной угрозы.

Один из первых вопросов, заданных журналистами, касался проведенных в Пермской области атомных взрывов в мирных целях. Отвечая корреспонденту газеты «Фрайе вель», председатель Государственного комитета по использованию атомной энергии СССР А. М. Петросьянц сказал:

— Я могу сообщить вам, что для стимуляции, для интенсификации добычи жидкого топлива применялись в свое время, и неоднократно, взрывы в районе нефтяных скважин. Но они проводились обычными порохowymi зарядами. В данном случае в Пермской области прозвучали первые атомные взрывы. И нагрузка у них была сугубо мирная: создать трещины или каналы между отдельными линзами в нефтяном месторождении и таким образом помочь нефтяникам почти вдвое повысить дебит скважин.

Заместителя председателя Госкомгидромета СССР В. Г. Соколовского попросили прокомментировать распространившиеся в западной прессе сведения о якобы повышенных дозах радиации, зарегистрированных в Швеции, Норвегии, ФРГ, Австрии, Швейцарии. Мы уже неоднократно сообщали, сказал он, что в Советском Союзе на всей его территории постоянно функционирует государственная система радиационного контроля. Кроме дозиметрических измерений, на всех станциях — а их только на европейской территории СССР более двухсот — установлены горизонтальные планшеты суточной экспозиции, которые подвергаются анализу на изотопный состав выпадений. Используются также более чувствительные средства — фильтровентиляционные установки, которые позволяют принудительно прокачивать воздух, как бы концентрируя те аэрозоли, которые содержатся в атмосфере. Так вот: ни одного случая отклонения от нормы за весь март и середину апреля не зарегистрировано.

Тем не менее, в связи с появлением на Западе очередной волны слухов, Госкомгидромет поручил главному институту перепроверить все данные, которые поступали за это время. Двойная перепроверка также не выявила никаких «событий» в радиационном фоне. Госкомгидромет обратился также к своим экспертам с предложением прокомментировать заявления западной прессы о том, что якобы йод-131 обнаружен в целом ряде стран. Наши специалисты утверждают, что при ядерных авариях на атомных электростанциях не может быть выброса одного только йода без других сопутствующих радионуклидов. Это и порождает у советских специалистов сомнение в достоверности очередной волны слухов. Поскольку такая информация явно приурочена к годовщине чернобыльской аварии, вряд ли есть необходимость комментировать, чем она продиктована.

Корреспондент японской газеты «Асахи» поинтересовался, существует ли в СССР система проверки пищевых продуктов на радиацию и какие продукты советские специалисты не рекомендуют сейчас употреблять. Вице-президент АМН СССР Л. А. Ильин сообщил, что у специальной службы Минздрава СССР в последние месяцы никаких оснований на ограничения в использовании каких-либо продуктов не было. Только в течение первых трех месяцев после аварии были основания для ограничения потребительского цельного молока. Но медики, тем не менее, не намерены ослаблять тщательность радиационного контроля продуктов и в течение ближайшей весны и лета. Не снижают своих усилий и врачи, продолжающие наблюдение за людьми, оказавшимися в зоне, прилегающей к месту аварии. Системой так называемого

радиационного регистра охвачено около 100 тысяч человек. Все они разделены на группы, и каждый будет проходить повторное обследование примерно раз в год.

(ТАСС).

24 апреля 1987 г.

Борис ОЛЕЙНИК

ИСПЫТАНИЕ ЧЕРНОБЫЛЕМ

Со времени аварии в Чернобыле минуло немало времени; некоторые уроки уже получены. Город, до трагических событий известный разве что в пределах республики да еще специалистам по Древней Руси (впервые упоминается в документах в 1193 году), ныне знает весь мир. И на всех языках слово «Чернобыль» звучит однозначно — как знак тревоги и беды, которая может разразиться по только в каком-то регионе, но и в масштабах всего мира, если человечество наконец не осознает, что станет с самой планетой Земля, когда атом взбунтуется уже не в реакторе, а в ядерных боеголовках.

На своем специальном заседании Политбюро ЦК КПСС прямо указало на причину происшедшего на ЧАЭС: «...авария произошла из-за целого ряда допущенных работниками этой электростанции грубых нарушений правил эксплуатации некоторых установок. На четвертом энергоблоке при выводе его на плановый ремонт в ночное время проводились эксперименты, связанные с исследованием режима работы турбогенераторов. При этом руководители и специалисты АЭС и сами не подготовились к этому эксперименту, и не согласовали его с соответствующими организациями, хотя обязаны были это сделать. Наконец, при самом проведении работ не обеспечивался должный контроль и не были приняты надлежащие меры безопасности».

Убедительно, прямым текстом, без эвфемизмов типа «наложения серии непредвиденных отказов». Открыто, честно. Без обиняков. По-партийному.

Конечно, со временем могут выплыть и дополнительные причины, приведшие к аварии. Но одну из них я уже сегодня берусь назвать. Более чем уверен, что среди движущих сил на пути к взрыву было и пылкое стремление первому перед кем-то отчитаться, если не

к очередной дате, то просто первому. Отчитаться, а там хоть и кукуруза не расти... Потом доделаем, подгоним, подкрасим.

Но с атомной энергией подобная философия не проходит. Она оборачивается апокалипсической реальностью: не только кукуруза или трава, но и все живое — до человека включительно — не растет после радиации.

Вот к чему приводит разрыв между словом и делом, оплата за слова до их воплощения в реальность. Наконец, карьеризм, который за миг удовлетворения амбиций переступит не только отца-матерь, но даже технику безопасности на АЭС, нарушение которой грозит бедами многим людям.

Немало есть причин для раздумий. И прежде у многих возникало сомнение в правильности выбранного для станции места. АЭС запланирована была на берегах Припяти, крупнейшего по площади бассейна и водности притока Днепра. С ее низкими берегами, что немаловажно при четырехмесячном весеннем водополье, когда она затапливает значительные площади. И сейчас, когда предпринято столько усилий, затрачено столько народных средств на защиту водной среды, вопрос этот возникает снова и звучит уже не только уроком, но и предупреждением на будущее.

Конечно, неправомочно списывать вину только на начальство, ведь в ночь с 25-го на 26 апреля, то есть с пятницы на субботу, некоторые рядовые, долженствующие дежурить на станции, ничтоже сумняшеся, видимо, как обычно, отправились кто в лес, кто по дрова...

Бесконтрольность, вальяжная расслабленность, такая купеческая щедрость за счет общества в предыдущие годы стали весьма распространенным явлением не только в некоторых верхних эшелонах, но и среди, так сказать, масс, которым ничего не стоило устроить затяжной перекур среди бела рабочего дня или отправиться в «командировку за горючим», а уж по части прогулов — тут низы, как правило, давали фору верхам.

Курс на перестройку и ускорение развития нашего общества уже самой своей сутью нанес ощутимый удар по этой психологии вседозволенности, всепрощенчества и бесхозяйственности. Случившееся на четвертом реакторе еще показало всем нам: вот к каким серьезным последствиям могут привести наше общество нарушения как законов технологии, так и наших нравственных и социальных принципов.

Попробую уточнить. Как и я, многие читатели помнят то время, когда у нас по любому поводу собирались многочисленные совещания, активы кукурузо-, хлопко- и свекловодов, механизаторов и прочее. Всесоюзные, республиканские, краевые, областные...

Говорили много.

На некоторых совещаниях и активах принимались обязательства на год грядущий — скажем, вырастить столько-то центнеров кукурузы с га. Случалось, что эти обещания издавались увесистыми томами. А поскольку мощности нашей полиграфии оставляли желать лучшего, то эти тома выходили как раз в ту пору, когда новый урожай, мягко говоря, не подтверждал обещанного. Но это как-то забывалось в суете очередных активов, где принимались новые повышенные обязательства, как правило, выше невыполненных предыдущих.

Нет, я не иронизирую. В некоторых совещаниях и активах сам принимал участие и выступал искренне, от сердца. Да и тот несколько патетический стиль выступлений вырос из благородных традиций митингов периода гражданской войны и первых пятилеток. Мы еще помним, как прямо с митингов и парадов шли в бой солдаты Великой Отечественной. Как после летучих собраний участники их дружно брались за возрождение своей страны из послевоенных руин. На таких сходах люди говорили предметно, ощущая ладонями диск автомата или черенок лопаты. Они говорили по существу происходящего. В их словах звучали боль и радость не в пересказе, а лично.

Но на каком-то витке бытия, как мне представляется, наши социологи, философы, да и мы, грешные, упустили из виду приход поколений, рожденных не только после гражданской, но уже и после Великой Отечественной. И то, что для отцов и дедов было прямой, личной реальностью, для них уже звучало как пусть и впечатляющей, но все же пересказ.

Если же учесть, что среди говоривших красиво случались и дремучие обыватели, и авантюристы, подобные одному нашумевшему свиноводу 60-х, а подчас и просто стяжатели, то у части молодых появился определенный скепсис относительно красивых слов. Более того, они видели, как, скажем, орденосный председатель колхоза припрятывал гектары, урожай с которых плюсовался к легальным, и снова получал орден.

Мне могут возразить: мол, в семье не без урода. Какое-то там одно село или колхоз — нетипично. Можно бы и согласиться, но куда нам деваться от «практики» обмана государства в масштабах целой республики, как это произошло, скажем, в Узбекистане? Это уже, знаете ли, не какое-то одно село, район или даже город. Обман совершался на сотнях тысяч гектаров и на глазах у сотен тысяч людей. Так можно ли наивно полагать, что подобные вещи проходят бесследно?

Нет, побратимы, не проходят. Тем более, что подобное совершалось не год и не два, а до того продолжительно, что упомянутый скепсис в молодом человеке мог перерасти в цинизм.

Я не драматизирую ситуацию: большинство наших советских людей трудилось и трудится честно. Но при всем этом не стоит забывать и о психологии восприятия, суть которой (да простится мне парафраз) почти адекватна формуле: плохое видится на расстоянии. Ибо хорошее, честное у нас стало нормой, сиречь будничным.

Не удивительно, что определенная часть людей решила, очевидно, что главное — понять и принять «правила игры», а все остальное приложится. Правила же эти, по их мнению, предполагали: говорить побольше и покрасивше, дабы понравиться начальству. Действовать же можно, как тебе удобнее, пусть даже дела твои полярны словам твоим. Вот из чего родилось своеобразное «соревнование», в котором сражались не за первенство в деле, а за то, кто первым, обогнав ближнего, возьмет высокое обязательство и погромче провозгласит его с трибуны. Причем особо ценными считались обещания, приуроченные к какому-нибудь из торжественных праздников. (В свое время на Украине даже бытовал термин «датские стихи» — то есть куплеты, сработанные на скорую руку к определенной дате).

Чернобыль помог нам предметно ощутить и тот зазор, на который мы раньше лишь стыдливо намекали,— зазор, образовавшийся между некоторыми выдвигенцами и выдвигавшими их. Длительное благодушное потакание «обещальникам» сформировало своеобразных непотопляемых «ценных и нужных» работников, которые очень умело совмещали в себе два популярных лица одновременно. Одно — для подчиненных: пренебрежительно-барское, нетерпимое к малейшей критике, в котором требовательная суровость часто подменялась оскорбительной грубостью. Другое — для начальствующих: корректное, с внешними признаками интеллигентности, мило улыбающееся — до угодливости. О подобных работниках ярко и образно сказал на встрече с партийным активом Краснодарского края М.С. Горбачев: «...прямо исполняют польку-бабочку вокруг руководителей...», «...краковяк с ними вытанцовывают».

Сколько раз мы сталкивались со случаями, когда целые коллективы годами сигнализировали о незавидных и непотребных делах, скажем, директора завода или совхоза, об их неуважительном отношении к работе, о стяжательстве их. А тем временем бурбон и ворюга оставался на занимаемом посту или, хуже того, выдвигался наверх.

Можно ли во всем винить тех, кто брал на эти посты подобных янусов, ведь им рекомендовали не бурбонов, а весьма благопристойных, культурных людей с блестящими характеристиками. Откуда им было знать, что здесь всего лишь маска, если при образовавшемся зазоре информация о настоящем лице выдвиженца к ним просто не доходила? Но, с другой стороны, известно, что «рыбак рыбака...». Чаще всего срабатывало именно это. Со временем укоренившийся бурбон подтягивал себе подобного, тот — третьего и т. д. — до такой степени накопления, когда уже и высокое начальствующее лицо попадало в зависимость от подобных янусов.

Иногда такие образования, вырастая одно из другого по вертикали, создавали своеобразные закрытые корпоративные системы, где уже, в общем-то, и пристойный, честный начальник терял чувство времени и меры, принимая плотное кольцо янусов за народ, за общественность. Со временем подобная «общественность» настолько прибирала его к рукам, что он уже путал свое с государственным, а взятки — с элементарной благодарностью. И защищал «своих» от критики всеми недозволенными методами, вплоть до гонений на журналистов с применением неконституционных слежек.

Радиация от враждебного отношения к критике вселяла уверенность в безнаказанности. Коль скоро на критические выступления, по сути, не было ответов, то надо ли вообще на них реагировать? Может, действительно, эти писаки (сюда прежде всего причислялись писатели) от нечего делать мутят воду? И стоит ли в таком разе читать их писанину?

...Случилось так, что ровно за месяц до аварии в нашей писательской газете «Литературна Україна» за 27 марта был опубликован материал Л. Ковалевской о состоянии дел на строительстве, в частности пятого энергоблока ЧАЭС: технология строительства не соблюдается, срываются поставки почти всех заказов, оборудование прибывает или некомплектное, или — хуже того — с явным браком. Причем, уточняя автор, эти проблемы, усугубляясь, переходили с блока на блок.

Далее Л. Ковалевская пишет: «Приводя эти факты, хочу заострить внимание на недопустимости брака при сооружении атомных электростанций, где несущая возможность каждой конструкции должна отвечать норме».

Не будем переоценивать выступление газеты, уповая на то, что если бы вовремя было обращено внимание на этот и подобные сигналы, то, возможно, и не случилось бы... Я все о том же — о невнимании к выступлениям прессы, о пренебрежительном

отношении, особенно со стороны «технарей» и ученых, к критическим замечаниям и советам гуманитариев, в частности журналистов и писателей. О том, что никто из причастных к сфере атомной энергетики «не заметил» материала в нашей «Литературке», хотя через несколько дней после аварии раздались десятки звонков в редакцию из различных инстанций с просьбой предоставить им мартовский номер.

Ныне, особенно после XXVII съезда КПСС, дела по всей линии улучшаются. Но вот что я заметил. Создалась удивительная ситуация: самые верхние верха призывают говорить откровенно, нелицеприятно о своих недочетах. А низы хоть и говорят, но все же еще с оглядкой. Думается мне, что здесь срабатывает не только инерция безразличия — начальству, мол, виднее. Позволю себе предположить, что на некоторых руководящих и просто рабочих людей подсознательно «давит» практика прошлого, когда сразу за критикой следовали не только оргвыводы, но и меры посуровой.

Нам надо еще раз, и теперь уже навсегда, внедрить в сознание, что критика ошибок того или иного товарища (если, конечно, они не носят криминального характера) — это помощь ему для осознания и искоренения просчетов в дальнейшей работе. Уверен, что эта атмосфера справедливости в значительной мере активизирует жизненную позицию каждого гражданина, укрепив в ней чувство хозяина своей страны.

Твердо стою на том, что при всей внезапности удара последствия его были бы значительно меньше, если бы наша готовность к любым неожиданностям на деле соответствовала той, которая нередко только на словах. В действительности же случилось нечто, тревожно напоминающее ситуацию сороковых, когда за несколько часов до войны мы еще пели: «Если завтра — в поход, мы сегодня к походу готовы».

Нет, к сожалению, далеко не все были готовы и в Чернобыле, и в Припяти, и — выше. В противном случае наши пожарные, беззаветно бросившиеся в огонь, были бы облачены в соответствующие по штату защитные одежды... Да и милиционеры, вплоть до начальствующего состава, получили бы значительно меньше бэров, если бы их экипировка была на уровне уставного требования.

Это прямые, зримые, физически болевые уроки Чернобыля. Они, повторяю, уже известны, о них говорили и писали на разных уровнях и в разных жанрах, а пока готовилась в редакции эта статья, появились и попытки художественных обобщений. Хотя с последними, на мой взгляд, стоило бы повременить из соображений этики: ведь пожар в чернобыльском доме еще не полностью ликвидирован. Нам сейчас надо как следует осмыслить случившееся.

И в этом призвана помочь прежде всего документалистика, глубокая, сурово правдивая, создаваемая писателями, которые владеют не только словом и пером, а и научными знаниями в области ядерной физики и медицины. Причем не холодно фиксировать трагические исходы, а подвижнически искать выходы из создавшегося положения, чтобы всем миром построить саркофаг и навеки похоронить в нем беду, да будет она первой и — последней!

Морально-этические аспекты чернобыльского предостережения, казалось бы, не главное, но тем не менее и они остро ранят и сурово призывают честно взглянуть на некоторые странные явления, просматривающиеся в последнее время в нашем общежитии.

...Поезд «Киев — Москва» прибыл почти без опоздания. Дело было в мае, после известных событий. Настроение, прямо скажем, не весьма... На привокзальной стоянке такси собралась порядочная очередь. Пристроился в хвосте, не реагируя на подмигивания «доброхотов»-частников, как обычно вращающихся возле очереди. Наконец один из них, не выдержав, слегка коснулся моего плеча и, вперив взгляд в беспредельность, бросил: «Куда»? Я невесело ответил: «В гостиницу «Москва». — «Сколько дашь?» — «Сколько просишь?» — «Червонец».

Потянулся было за чемоданом и вдруг вспомнил, что моя мать, отработав в колхозе, получила пенсию в размере что-то рублей двадцати шести. Мне стало до боли стыдно и перед памятью матери, и перед теми, кто имеет зарплату в пределах сотни. «Да ты что? — огрызнулся я. — Ведь туда на счетчике набивает рубль!»

Видимо, что-то в моем выговоре остановило его посреди не весьма благозвучной фразы. Он повнимательнее присмотрелся и вдруг вывел меня по-дружески из очереди: «О, узнаю кепочку... Это не ты из Чернобыля... по телеку?» — «Ну, допустим...» — «Ох, беда какая... Тем более не жалей червонца».

Только в гостинице я доискался, что же меня в нем больше всего поразило? Наглость? Жадность? Алчность? Нет, что-то доселе мне неизвестное... Какая-то аномалия, нарушение чего-то искони святого.

Да, от возникновения рода человеческого неписанным правилом было особое отношение к «погорельцам»: разделить с ними кров, хлеб-соль, помочь материально и главное — морально принять участие. И самым тяжким, непростительным грехом считалось поползновение погреть руки на чужой беде.

А он как раз и пытался это сделать. И причем размахисто, весело, мол, на кой черт тебе эти деньги, когда и жить-то, возможно, не так уж много осталось?

Я вспомнил год 41-й, длинные вереницы изможденных беженцев. Вспомнил, как мои односельчане, прихватив все съедобное, выходили навстречу страдальцам и оделяли их кто чем мог. А совсем ослабших забирали в хаты и вместе с ранеными красноармейцами, рискуя своей жизнью, прятали, выхаживали, хотя оккупанты подобное карали смертью.

Доныне я считал эти изъявления солидарности с потерпевшими естественным движением человеческой души. А тут...

Но, может быть, это единичный случай, да еще усугубленный сумрачным настроением?

Но вот читаю письмо в «ЛГ» от Холоденко Ольги Алексеевны из Киева: «В дом отдыха «Харьков» из Киева были направлены на оздоровление несколько сот детей (в основном дошкольников) с родителями. Стоимость путевки на 24 дня для матери с ребенком — 250 рублей (более 10 рублей в день)... Разместили нас в многочисленных комнатах в деревянных домиках без всяких удобств. Характер и качество питания неприемлемы для маленьких детей. Известно, что стоимость путевки в домах отдыха с таким уровнем комфорта составляет обычно 60—80 рублей. Такой она была еще в прошлом году и здесь. Расчет, видимо, простой. В связи с событиями на Чернобыльской АЭС киевляне стремятся оздоровить детей за пределами Киева. Зная, что в такой ситуации никто торговаться не будет, кто-то из курортных начальников решил (воспользовавшись чужой бедой) улучшить показатели своей работы.

В статье Ю. Щербака, опубликованной в «ЛГ» 21 мая с.г., отмечалось, что в «южных районах отдельные рвачи, воспользовавшись общей тревогой, взвинтили цены на квартиры, сдаваемые киевлянам». Похоже, что в данном случае в роли таких рвачей выступают работники, призванные по своей должности заботиться об отдыхе трудящихся.

Вот таким простым спекулянтским способом «улучшили показатели работы» — повысили цену на путевки. Хотя на 400 отдыхающих с детьми всего четыре (!) душевые кабины, работающие с 10.30 до 14.00, и то не каждый день, да еще при постоянных перебоях с водой; не было воспитателей, не было врачебных осмотров, зато музыка гремела до 22 часов».

Этих и подобных им фактов, к счастью, сравнительно немного. Но даже и один такой факт не может быть терпим, ибо речь идет в данном случае о грубом попрании священного принципа социальной справедливости.

Принцип этот — насколько древний, настолько и универсальный. Но если в эксплуататорских формациях он декларировался как сугубо моральная заповедь — «Да воздастся!»,

нарушаемая, впрочем, самой же системой, то в нашем социалистическом обществе принцип социальной справедливости составляет саму природу, я бы сказал, молекулярную структуру общества. Ведь и революция совершалась во имя торжества справедливости.

В последнее время мы по инерции пытаемся кивать на сухость, жесткость и прагматизм молодежи. Но ведь не кто иной, а именно юноши в пожарных робах бросились сбивать огонь с четвертого реактора. И некоторые из них заплатили всем. Не кто иной, а именно молодые солдаты и офицеры, рискуя жизнью, вели свои вертолеты на адский столб, пытаясь забросать жерло реактора мешками с песком, цементом, свинцом. Да и среди тех, кто ныне сражается со взбунтовавшимся атомом,— преимущественно молодые.

В то время как партия, правительство, миллионы советских людей, принявшие боль пострадавших, как свою собственную, всеми силами стараются облегчить их участь, иные чиновные люди, имеющие гербовые печати и, таким образом, представляющие государство, поднимают цены на путевки и гоняют «по инстанциям» эвакуированных из родных домов людей. Вот что пишет в письме бывший художник-оформитель Чернобыльской АЭС Станислав Васильевич Константинов: «А мы тем временем катимся, как перекасти-поле, по всему Союзу, устраиваясь на свой страх и риск — кто в пионерлагере кочегаром, кто в профилактории садовником, кто на пивзаводе грузчиком...»

Рассказав о своих мытарствах в поисках работы и жилья, о бездушии и безразличии работников «Киевэнерго» и руководства пионерлагеря, где он временно работал истопником, автор письма заключает: «Но бог с ним, авария реактора — дело уже прошлое, остались последствия. А авария в душах людей взрослых и, что самое главное, детей продолжается.

И не думайте, что я сгущаю краски. Не до этого. В один миг мы потеряли свой дом, свою работу, друзей, окружение, привычные заботы — весь свой микромир, все нажитое и выстраданное, ощупанное своими пальцами, согретое своим дыханием, свой, родной уголок, ставшую своей скамью у ворот!

Представить это нельзя. Только пережив, можно понять...

Площадь тридцатикилометровой зоны выключена из жизни не на день и не на год. Вряд ли кто рискнет сегодня назвать конкретные сроки возрождения к жизни этой земли, этих лесов и полей, двух городов и многих десятков сел. Пусть же не будет в душах людей, пострадавших от чернобыльской катастрофы, таких безжизненных па десятки лет пустошей. Пусть души заполняются теплотой истинного участия к конкретным живым людям и настоящего

понимания всей глубины нашей боли и нашей беды. Я продолжаю верить в разум и доброту. Ибо зачем тогда все?»

Подумайте: даже в самую трудную минуту человек не теряет веры в идеалы нашего общества. И, вероятно, это помогло ему выдержать. Сейчас, после пяти месяцев мытарств, С. В. Константинов получил квартиру и работу по специальности в Горловке, где к нему наконец отнеслись с настоящей заботой и вниманием.

Да, уважаемые друзья! Пустоши в душах, особенно в трагическом свете чернобыльского пожара, еще просматриваются. И не стоит к ним «привязывать» только молодых. Ибо, как подчеркивал Шарль Монтескье, «лучшее средство привить детям любовь к отечеству состоит в том, чтобы эта любовь была у отцов». И я добавлю — чтобы привить сострадание, милосердие, участие в чужом горе, надо, чтобы отцы сострадали, милосердствовали, соучаствовали. Надо во все сферы нашей жизни — от искусства до школы — вернуть такие понятия, как стыд, честь, совесть, правдивость, принципиальность, порядочность, милосердие, которые, по свидетельству тестов среди молодежи, занимают ныне в шкале ценностей предпоследнее место.

А мы даже эти высшие духовные и душевные чувства нередко пытаемся перевести в общий, абстрактный словесный ряд, отчитаться в своей добродетели «по валу», отчуждаясь от конкретного, живого человека, от его судьбы, моральных страданий. Л подчас и в карьеристском устремлении спеша «первыми» поведать обществу о том, что все уже в порядке.

Слишком продолжительное время карьеризм, демагогия, двоедушные считались у нас сугубо моральными категориями, развенчивать которые должны в основном литература, театр и кино. Ну какой же тут криминал: да будь он трижды карьеристом и демагогом, а раз дает план, следовательно, делает свое дело.

Вот и вырастили деляг в таком количестве, когда они уже стали критически опасной массой. Не случайно же партия в своем основном, стратегическом документе — новой редакции Программы КПСС к самому большому злу, тормозящему продвижение нашего общества по пути усовершенствования, приравняла и карьеризм, и демагогию, и лесть. Следовательно, и вести борьбу с этим злом надо па уровне государственном, всеми имеющимися средствами — от литературы до прокуратуры.

И самым мощным оружием должны стать демократия и гласность, чтобы, не откладывая на завтра, не прибегая к эвфемизмам, называть зло поименно, персонально, «на миру», какое бы высокое кресло оно ни оккупировало. Сразу же по его выявлению,

а не на третий или, скажем, седьмой день. Дабы общество тоже, не откладывая, самым решительным образом искоренило его, и опять же «на миру»!

К этому зовут нас уроки Чернобыля. К этому зовут нас наивно открытые, чистые глаза наших детей, из которых мы хотим вырастить свою надежную смену в делах праведных, честных и достойных. А посему мы, отцы, должны помнить, что «любовь к отечеству порождает добрые нравы, а добрые нравы порождают любовь к отечеству». Помнить и исповедовать добрые нравы в самом великом и в самом малом.

События на берегах Припяти, испытав нас на взрыв, нас же и убедили еще раз в неисчерпаемой жизнестойкости и жизнедеятельности нашего общества. И все же не хотел бы заканчивать материал на убаюкивающей ноте: уроки мы извлекли, теперь-то не допустим. Нет, успокаиваться нам не позволяют и погибшие пожарные, и тяжело пораженные радиацией, и те, кто остался без родных, обжитых гнезд.

...Вот они сели за парты, наши дети, юные чернобыльцы, припятцы, киевляне. За окном осень 1986 года. Давайте же, отцы, сделаем сегодня все, чтобы в двухтысячном наши дети не краснели за нас.

ПРИГОВОР

Завершился судебный процесс над виновниками аварии на АЭС

Серьезным уроком, строгим предупреждением против расхлябанности, недисциплинированности, безответственного отношения к выполнению служебных обязанностей прозвучал приговор виновникам аварии на Чернобыльской АЭС. 29 июля судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Союза ССР под председательством члена Верховного Суда СССР Р. К. Бризе с участием государственного обвинителя — старшего помощника генерального прокурора СССР Ю. Н. Шадрина завершила в Чернобыле рассмотрение уголовного дела бывших руководителей станции.

Более трех недель проходило судебное разбирательство. Были заслушаны десятки свидетелей и потерпевших, проанализированы следственные материалы, результаты работы правительственной комиссии, заключения экспертов и специалистов. Все это позволило еще раз убедиться в подлинных причинах аварии, воссоздать истинную картину происшедшего, неопровержимо доказать вину подсудимых.

Одним из основных виновников аварии признан бывший директор станции В. Брюханов. Являясь руководителем сложного в технологическом отношении предприятия, он не обеспечил его надежной, безопасной эксплуатации, неукоснительного выполнения персоналом установленных правил. Бесконтрольность, низкая производственная и трудовая дисциплина на станции имели место и ранее. Случаи нарушения технологических инструкций с его ведома нередко скрывались, порождающие их причины не устранялись. Отсутствие взаимной требовательности, беспринципность привели к тому, что среди руководства АЭС и части специалистов сложилась атмосфера вседозволенности, благодушия и беспечности. Все это способствовало возникновению и развитию аварийной ситуации, обусловило неумелые, нерешительные действия персонала в экстремальных условиях.

Проявив растерянность и трусость, Брюханов не принял мер к ограничению масштабов аварии, не ввел в действие план защиты персонала и населения от радиоактивного излучения, в представленной информации умышленно занижил данные об уровнях радиации, что помешало своевременной эвакуации людей из опасной зоны.

На суде были вскрыты факты грубого пренебрежения служебными обязанностями бывшими главным инженером АЭС Н. Фоминым и его заместителем А. Дятловым. Будучи ответственными за подготовку эксплуатационных кадров, они не организовали должным образом эту работу, не обеспечили соблюдения технологической дисциплины персоналом электростанции, более того, сами систематически нарушали должностные инструкции, игнорировали указания органов надзора.

Приняв решение о проведении испытаний на четвертом энергоблоке перед его выводом в плановый ремонт, В. Брюханов, Н. Фомин, А. Дятлов, а также бывший начальник реакторного цеха А. Коваленко не согласовали его в установленном порядке, не проанализировали все особенности предстоящего эксперимента, не приняли необходимых дополнительных мер по обеспечению безопасности.

Неподготовленным к действиям в аварийной ситуации оказался дежурный персонал смены блока. Бывший начальник смены Б. Рогожкин самоустранился от руководства испытаниями и контроля за работой реакторной установки. Получив сообщение об аварии, он не ввел в действие систему оповещения персонала.

Преступно халатно отнесся к исполнению служебного долга бывший государственный инспектор Госатомэнергонадзора СССР Ю. Лаушкин, не проявивший принципиальности и настойчивости в реализации требований правил безопасности АЭС.

Судебная коллегия приговорила В. Брюханова, Н. Фомина, А. Дятлова к максимальной мере наказания, предусмотренной за эти преступления Уголовным кодексом, — десяти годам лишения свободы, Б. Рогожкина — к пяти, А. Коваленко — к трем, Ю. Лаушкина — к двум годам лишения свободы. Из уголовного дела в отдельное производство выделены материалы по факту несвоевременного принятия мер к совершенствованию конструкции реакторных установок данного типа для проведения дополнительного расследования. Вынесены частные определения в адрес Минатомэнерго СССР и Госатомэнергонадзора СССР.

Завершившийся судебный процесс, как и весь ход ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, еще раз показали, что надежная и безопасная эксплуатация сложной современной техники может быть обеспечена лишь при высоком уровне дисциплины, организованности, компетентности и ответственности кадров.

(ТАСС).

1 августа 1987 г.

ЧЕРНОБЫЛЬ ГЛАЗАМИ ЧЕРНОБЫЛЬЦЕВ

Любовь СИРОТА

Припяти

1

Не искупить и не исправить
нам
ошибок и беды того апреля.
Всю жизнь нести согнувшимся
плечам
суровой совести мучительное
бремя!
Ведь пересилить, как
переселить,
по дому боль, поверьте,
невозможно!
Она в сердцах биеньем
будет жить,
прописанная памятью
тревожной...
Там, горечью колючей
окружен,
наш город удивленно
вопрошает:
за что, за что навек
покинут он?
Ведь он нас любит и за все
прощает!

2

Он по ночам, конечно,
оживает,
наш город, опустевший
на века.
Там наши сны бредут,
как облака,
и лунным светом окна
зажигают.
Там неусыпной памятью
живут
деревья, помня рук
прикосновенья.
Как горько знать им, что
своею тенью
от зноя никого не сберегут!
Вот и качают тихо на ветвях
они ночами наши сны
больные...
И звезды рвутся вниз,
на мостовые,
чтоб до утра стоять здесь
на часах...
Но минет час.
Покинутые снами,
замрут осиротевшие дома
и окнами, сошедшими с ума,
в который раз прощаться
будут с нами!..

3

Постояв над нашим
пепелищем,
Что возьмем с собою
в долгий путь?
Тайный страх — остаться
всюду лишним?
Смысл потери, обнаживший
суть
странного внезапного
безродства,

безучастья к нашим бедам
тех,
кому, может, так же вот
придется
стать ничем в один-единственный
день?!

...Мы обречены отстать
от стаи
в самую суровую из зим...
Вы ж летите!
Только, улетаая,
не забудьте невзлетевший
клин!
И в какие б радостные дали
вас — счастливых птиц —
не занесло,
пусть вас от беспечности
спасает
наше опаленное крыло!..

Владимир ШОВКОШИТНЫЙ
РЕКВИЕМ

*Памяти товарищей,
ставших жертвами аварии
на Чернобыльской АЭС*

Как тревожен закат!
Как печальна земля!
На могилах ребят
Не шумят тополя —
На могилах холодный суровый гранит.
Справа лес подмосковный уныло стоит.

Это наша беда,
А не наша вина!
Нашу боль не залечит и время.
А над Митинским полем кричит тишина:
«Здесь зарыто могучее племя!»

Перед памятью павших,
Перед совестью нашей,
Перед этой землей мы честны.
Нам весь век будут сниться
По усталым больницам
В респираторах лица —
Невеселые сны...

На могильной плите
Алой кровью — цветок.
Был в сплошной темноте
Враг незрим и жесток.

Две шеренги застыли —
Не движется строй.
Вы такими и были,
Так и приняли бой.

...Перед памятью павших,
Перед совестью нашей,
Перед этой землей мы честны.

Нам весь век будут сниться
По усталым больницам
В респираторах лица —
Невеселые сны.

Вердикт

Горел не блок,
Горел порок!
Итог премноголетней фальши,
Что возводилась в абсолют.
А наша боль, утраты наши,
Наш полуподвиг-полутруд —
Суровый счет, вердикт, расплата
За эти годы, ложь и фальшь,
За вседержавный камуфляж,
На коем наша жизнь распята.

Горел — не блок.
Пожар — итог
Эпохи лжи.
 Продукт распада
Премноголетнего вранья...
Лежат на Митинском ребята,
Что верили всему, как я,
Как ты, как он, как все мы вместе,—
Нам сладок был елейный дым...
Но был пожар.

 И долгом чести
Вдруг стало —
 сердцем молодым
Закрыть дремавшую державу,
В нас болью совесть пробудив! ...
В который раз посмертно славу
И строй заброшенных могил
Во искупление ошибок
Ты сыновьям дала, страна!..
 ...Над скорбным полем вечер зыбок.
 Карают душу тишина...

Горел — не блок!
Не только блок:
Пожар — урок,
Урок жестокий!
...Не дай нам бог
Таких уроков!
Не дай нам бог
Таких эпох!

Припятчанам

Мы птицы одного гнезда,
Но нас по свету разбросало,
А наша скорбная звезда
Над тихой Припятью сияла.
Нам снег ложится на виски
И душу заметает вьюга.
Нам не изжить своей тоски —
По ней в толпе найдем друг друга.
Мы потеряли свой покой —
Нам город пережить досталось.
А дети просятся домой —
Там кукла на окне осталась...

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

Выступление М. С. Горбачева по советскому телевидению

От Совета Министров СССР

1

Олейник Борис. Дорога на Чернобыль. *Перевод с украинского Ю. Мезенко*

Ковтун Галина. Жили, как лебеди

Задворный Виктор. Тверже смерти

Беловол Николай. Вертолетчики

Губарев Владимир, Одинец Михаил. Райком работает круглые сутки

Бровченко Владимир. Киев. Весна 1986 г. *Перевод с украинского Ю. Мезенко*

Ляшук Григорий. Триптих

Тараканов Михаил. Два снимка с натуры

Лазаренко Константин. Обеспокоен я, как все поэты. *Перевод с украинского Л. Давиденко*

Тертычный Александр Под аварийный реактор...

Евтушенко Евгений. Внутри пожара

Горохов Алексей. Ответственность

Шунта Дмитрий. Дерево огня. *Перевод с украинского О. Даниловой*

Ковалевская Любовь. Преодоление

Жиленко Ирина. Лицо. *Перевод с украинского Ю. Мезенко*

Осадчий Василь. Дымерское шоссе. *Перевод с украинского О. Гергель*

Гергель Ольга. Монолог

Беседа заместителя министра Щенина О. П. Познается в беде

Коломиец Владимир. Боль того лета. *Перевод с украинского Л. Давиденко*

Худан Николай. Всего одна ночь

Стах Виктория. На клубнику упали цены. *Перевод с украинского Л. Ратушного*

Обзор прессы. Кому нужны небылицы

Иллеш Андрей. В трудный час

Фронин Владимир. То взлет, то посадка....

Канापьянов Бахыджан. Братство

Беседа профессора Гуськовой А.К. Они были первыми

Парнов Еремей. Черно-белое и цветное

Вышеславский Леонид. Звезда Полынь

Матуковский Николай. Чужой беды не бывает

Сафонов Юлий. Любовь к электричеству

Положевец Петр. Работа тут найдется

Хорунжий Анатолий. Первые шаги

Мищенко Дмитро. Лекарство от всех недугов

Шевченко Станислав. Противоборство. *Перевод с украинского Ю. Мезенко*

Базив Василий. «Держитесь ближе к жизни, хлопцы!».

Кравченко Наталия. Своими глазами

Беседа академика Легасова В. А. Безопасность ядерной энергетики

Яковлев Егор. Здоровью не угрожает

Голованов Ярослав. Радиация: мифы и реальность
Кичинский Анатолий. Не потому ли? *Перевод с украинского Ю. Мезенко*
В Политбюро ЦК КПСС
Курашкевич Кирилл. Сила земли. *Перевод с украинского Ю. Мезенко*

2

В ЦК КПСС и Совете Министров СССР.
Вознесенский Андрей. Человек.
Самойленко Леонид. Яблоко с верхушки
Майданович Татьяна. На Киев. *Перевод с украинского Ю. Мезенко*
Першин Эдуард. Долгая дорога домой
Иовенко Светлана. Взрыв. *Перевод с украинского Ю. Мезенко*
Гусев Олег. Укрощение
Жуковский Владимир. Комиссары
Ошанин Лев. Баллада
Шкода Вадим. Особая зона
Чумак Иван. Мы ехали с поэтом. *Перевод с украинского Ю. Мезенко*
Лыман Валерии. Ракурс
Горлач Леонид. Гнездо. *Перевод с украинского Б. Палийчука*
Беседа Захарова В. П. Наивысший судья — совесть
Юхимович Василий. Падают каштаны, падают... *Перевод с украинского Ю. Мезенко*
Рыбалко Владимир. По слухам и авторитетно
Терен Николай. Что такое «падло»?
Бакланов Николай, Пральников Андрей. Как лечить землю
Павлычко Дмитро. Листок.
«Не каждая печаль...» *Перевод с украинского Ю. Мезенко*
Щербак Юрий. Последнее предупреждение
Яворивский Владимир. Эта земля — еще жива
Арапов Виталий. Подвиг
Пресс-конференция. Мужество и ответственность
Олейник Борис. Испытание Чернобылем
Приговор
Чернобыль глазами чернобыльцев
Любовь Сирота. Припяти
Шовкошитный Владимир. Реквием. Вердикт.
Припятчанам

Литературно-художественное издание

Чернобыль. Дни испытаний
Книга свидетельств

Стихи, очерки, рассказы, отрывки из романов и повестей, интервью

Составитель Шкода Вадим Григорьевич
Киев, издательство «Радянський письменник»
Художник В. Т. Гончаренко
Художественный редактор А. И. Яцун
Технический редактор В. В. Чалая
Корректоры С. И. Слабошевская, А. А. Холоша

Информ. бланк № 2894
Сдано на производство 10.05.88.
Подписано к печати 02.08.88.
Формат 84x108 1/32. Бумага типографская №2.
Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая.
26,88 усл.-печ. лист., 26,88 усл. кр.-отт., 25,12 уч.-изд. лист.
Тираж 115000 экз. (1-й завод 1—65000 экз.) Заказ 8-721.
Цена 1 руб. 60 к.
Издательство «Радянський письменник»,
252054, Киев-54, ул. Чкалова, 52.
Харьковская книжная фабрика им. М. В. Фрунзе, 310057,
Харьков-57, ул. Донец-Захаржевского, 6/8